

Лариса Шевченко

Т И Н А

12+

Лариса Яковлевна Шевченко

Тина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51762483

SelfPub; 2020

Аннотация

В третьей книге серии «Вкус жизни» под названием «Тина» автор ставит много житейских вопросов, в том числе: что такое семья? какова мера терпения женщины в семье с пьющим мужем? Пишет о том, как важно человеку найти свое место в жизни, встретить настоящую любовь, свою половинку и о том, что не всякая жизнь достойна реквиема. Все книги серии можно читать как отдельные, не связанные друг с другом. Но для лучшего понимания идей автора рекомендуется сначала прочесть книгу «Надежда», рассказывающую историю ее детства.

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.fb2>

В формате epub:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.epub>

В формате txt:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.txt>

В формате doc:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.doc>

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Во избежание возможных недоразумений хочу предупредить читателей: не стремитесь, пожалуйста, к ложным идентификациям, не ищите себя среди героев книги. Это художественное произведение.

Ярослав

В дверях импровизированной спальни появились Аня с Жанной. Аня держала в руках раскрытый фотоальбом.

– Кто это на фото рядом с тобой? – тихо спросила Жанна. – Смешной, на кота похожий.

– Славик симпатичный, просто здесь заснят в неудачный момент. Он собирался чихнуть.

– Фотография – холодное зеркало образа, – незамедлительно отреагировала Инна.

– Зачем ты так? Было бы правильнее выслушать меня. – обиделась Аня. – Славик из СХИ. Здоровенный деревенский увалень, с которым мы познакомились на танцплощадке, будучи еще на первом курсе. Голубоглазый блондин, круглолицый, с ямочками на щеках, пухлогубый. Удивительно лучезарный, искренний как дитя, открытый. Землю любил, умел работать на всех сельскохозяйственных машинах, прекрасно разбирался в севооборотах, удобрениях, много читал. С какой радостью говорил о сельских людях, о перспективах деревни! Из глубинки приехал. У него на родине тогда даже электричества еще не было. Колхоз отправил его в институт. Первое время всем восторгался. Но в городе все для него было другое, чужое. И люди какие-то не такие...

И что же? Встречаю я его через три года и поражаюсь: он или не он? В кого превратился! Злой, грубый, недоверчивый стал. Оказывается, в общежитии, где он проживал, всегда находились люди, стремящиеся обмануть его, использовать, высмеять его наивность. В деревне его любили за трудолюбие, за покладистый характер, восхищались его разносторонними способностями. Он никак не мог понять, поче-

му издеваются над ним, таким хорошим? Сначала обижался как ребенок, потом обозлился, замкнулся, даже затаился. Все не мог дождаться, когда закончит учебу и вернется домой, где будет счастлив. Он не хотел становиться плохим.

Душевный был. Бывало, поможет любому, не считаясь со временем, как говорится, последнюю рубашку с себя снимет. Не сумел Слава найти себе друга в городе. Жалко мне его было. Такой редкостный, реликтовый экземпляр, ну прямо-таки доисторическое ископаемое. Второго такого не сыщешь. В нем так глубоко сидела, крепко вцепившись в душу корнями, вера в честность, справедливость, добро... В нашей комнате он отогревался душой. Дай мне фото, я еще раз хочу освежить в памяти его милый образ.

– А кто этот красавец, рядом со Славиком? – спросила Жанна.

– Не помнишь Ярослава?

– Сейчас, навскидку, не вспомню, но подожди...

– Не дурак, по-своему интересный был человек, и все-таки с каким-то заскоком. Как теперь сказали бы мои подопечные детдомовские мальчишки, с закидоном.

– Неужто тот самый?

– Да, да. Печально известный Ярослав. Помнится, был у него какой-то пунктик. Сверхнаивный человек с планеты добра. Раскованно у нас себя чувствовал, как у себя дома. Вольготно так на чьей-нибудь кровати развалится... Счастливый! Ему в голову не приходило, что являться в гости без

приглашения – моветон, дурной тон, а иногда и недопустимый. Не принимал он в расчет такие мелочи. Это не единственное его «завихрение». Наслушалась я тогда от него разного... Жанна, ты не могла его хорошо знать, потому что не жила с нами в общежитии.

Никто не помнил, откуда появился этот странный парень в моем окружении. Как-то пришел под Новый год в шикарном коричневом пиджаке и светлых фасонных брюках. Ладно на нем вещи сидели. Сам сшил. На все руки мастер был. Каких только «корочек» у него не было! Одних курсов с десятков закончил, два институтских диплома имел. Но нигде не приживался. На заводе, еще до армии, слесарем работал, все нормы перекрывал в два-три раза, а руководство своих на премии и медали выдвигало. Мало того, бит был неоднократно работягами за «золотые» руки.

«Ты, стервец, – говорили ему, – молодой и здоровый как жеребец, из-за тебя нам нормы увеличат, премии срежут. Как мы семьи на гроши кормить станем, если нам уже за пятьдесят?»

«Я у них как кость в горле был, – горько жаловался нам Ярослав, – а я прославиться честным трудом хотел».

Растолковали ему рабочие, что недостаточно хорошо работать, чтобы в герои попасть, надо еще быть родственником какого-либо из крупных начальников. Девушка у него появилась, крановщица. Успокаивала: «Мужчины в нашей бригаде вместо того, чтобы тянуться за женщинами и дока-

зывать на деле, что они лучше, обгаживают, унижают нас, в лучшем случае – стремятся использовать. Им, видите ли, обидно и досадно, что женщины лучше работают. Их самолюбие задето. Ну, так старайтесь стать достойнее! Нет, это трудно. Кончилось тем, что в бригаде одни женщины остались. Не выдержали конкуренции, разбежались по цехам лучшей доли искать, туда, где одни мужчины работают. А нам сказали, что мы дуры, и что они вкалывать и вымахиваться за такие деньги не станут».

В общем, разобиделся Ярослав на всех, ушел непонятым на другой завод и к прежним дружбанам носа больше не казал. Но и там не сладилось у него. И дипломы не помогали жить. Долго терпел издевки, неуважение, наконец, плюнул на город и в деревню подался, предварительно предусмотрительно выучившись на пчеловода. Душу в пасеку вкладывал, по полям, по лесам ее возил. Ел и спал, не уходя с пасеки. Урожай меда получил великолепный. Взял у руководства машинку, которой мед выкачивают из сот, ручная такая есть центрифуга, качает, радуется как ребенок, взвешивает мед, во фляги запечатывает. Откуда ни возьмись, начальство наехало. Ярослав грудью свой труд отстаивает. Говорит: «Пока в ведомостях не зафиксирую и на склад под расписку мед не сдам, никого не подпущу. Хочу, чтобы в районе знали, как я хорошо работал, сколько сумел получить прибыли, хочу, чтобы меня ценили и уважали. Я не какой-нибудь пропойца или дурак набитый, по науке пчелами занимался, для колхо-

за и страны вкалывал». Любил он красивые, высокие фразы, считал себя достойным их.

Врезал Ярославу председатель собственноручно, так что отлетел тот на несколько метров. И другие из прибывшей компании под радостный хохот тоже навешали ему оплеух и тумачков с превеликим удовольствием, жизни, уму-разуму наивного ученого дурака «поучили», и давай мед в свою тару разливать, что в большом количестве с собой привезли. Поковырялся в траве Ярослав, кое-как встал, утер залитую кровью физиономию, и, шатаясь, побрел вон с пасеки и из села насовсем. Снова его щелкнули по носу, фигурально и реально выражаясь. К нам он заехал попрощаться загнанный, издерганный. Говорят, подался куда-то в Сибирь счастья искать.

– Ярослав больше не появлялся в наших краях?

– Нет. Как сгинул. Хоть чудаковатый, с прибабасами в мозгах, а все равно жаль малого. Безвредный, добрый был. Сколько мог полезного сделать, если бы попал в хорошие руки. Лишним, ненужным оказался. Тогда его старание не требовалось. Ему цены не было бы теперь, в перестройку.

– А где гарантия, что какой-нибудь предприниматель и сейчас не использует его грубо и нагло? – спросила Жанна.

– Что гадать? Нам остается надеяться, что удача нашла его. Остался в моей памяти Ярослав с бокалом вина в руке, в такой картинной позе, такой искренне-счастливый! Мы-то его не обижали, прощали ему излишнюю рисовку, болтли-

вость, навязчивость. Понимали, что наша компания – единственное прибежище, где ему, наверное, казалось, что его ценят, уважают и любят. По крайней мере, у нас он мог позволить себе безбоязненно выговориться.

Помню, пока не раскрывал рта, был таким эффективным, симпатичным парнем! А как заговорит, весь шарм пропадал. Как наворочает, наворочает... Он бывал слишком откровенен, не задумывался, как выглядит со стороны, как звучат его слова для окружающих. Не понимал, что иногда кое о чем стоило бы умолчать. Долго не слезал с интересной ему темы. Его обнаженные откровения шокировали нас. Мы часто чувствовали себя неловко. Мы не подтрунивали над ним, боялись, что поймет иронию. Из сочувствия не могли себе позволить развлечься им. Ведь не с равным. Наивность его была за гранью. Все за чистую монету принимал.

И все же, когда мы тактично останавливали бурный поток его излияний, он понимал, что излишне пользовался нашей добротой, смущался, чувствовал себя виноватым, надолго замолкал или выходил покурить. А как-то пробормотал: «Опять меня занесло» и ушел.

– А помнишь, как Лера обиделась, когда мы, слегка подыгрывая Ярославу, восторгались его пиджаком. Она тогда вся раскраснелась от возбуждения, мол, когда я пришла в новом, мною сшитом костюме, никто не посчитал это чем-то особенным. «Я шью, вяжу, вышиваю, и много чего еще делаю, но это воспринимается как должное, – горячилась она. –

А Ярослав так сразу на щит подняли».

«Так он же мужчина, а ты женщина и обязана уметь выполнять женские дела», – попытался защитить нас ее муж Володя, чем навлек на себя гнев раздраженной львицы.

«Я кошу сено, за плугом хожу, дрова колю, пилю – любую мужскую работу выполняю, когда в деревню к родителям приезжаю, и все это ни у кого не вызывает ни удивления, ни восторга. А мужчина, выполнивший женскую работу, сразу героем дня становится!» – возмущалась она.

Тут Володька, прямо при всех, обнял Лерку и «пропел»: «Успокойся, милая. Ценю я тебя, моя пчелка. Или тебе нужно внимание всех мужчин?»

«Да уж хватит и твоего», – кокетливо рассмеялась Лера, пряча счастливые глаза в плечо супруга.

«И почему память удерживает такие пустяки? Зачем случайные детали и легкие бытовые штрихи чужой биографии на всю жизнь застревают в моем мозгу?» – недоумевает Аня.

– И пока наши ребята курили на лестничной площадке, мы еще долго бушевали, спорили о нас, о мужчинах, об уважении и достоинстве, о равенстве и неравенстве. А когда они вернулись, стол был накрыт к чаю, посуда вымыта. И встретили мы их радостными, шутливыми возгласами. И опять звучала музыка, песни, танцы, и опять шумные, беззаботные разговоры хаотично кочевали из одной темы в другую. И все было прекрасно! Молодость, что ни говори, сама по себе – счастье, – вспомнила Жанна.

– Мы тогда все понимающе переглянулись и подняли рюмки за здоровье и благополучие бедняги Ярослава.

– Были такие надежды и ожидания, может, и ложные. – Жанна вздохнула.

– Пусть Ярославу, там, где он сейчас обитает, будет хорошо! Может, нас вспомнит, – сказала Аня, разрежая чуть печальную атмосферу этакого тумана легкой грусти окутавших ее воспоминаний того далекого новогоднего вечера, когда жизнь казалась удивительно прекрасной, не всегда понятной, но от этого не менее интересной и радостной.

Лена погрузилась в размышления. «Чем я отличалась в студенческие годы от Славика и Ярослава в своем наивном желании делать всем приятное и полезное? Да ничем. Помню свой первый день в НИИ на практике. Я очинила всем инженерам карандаши, расставила красиво приборы на столах, потом пыль со всех приборов вытерла – не сидеть же, сложа руки, пока придет мой руководитель? – и вдруг почувствовала на себе удивленные взгляды окружающих... А после все они душевно ко мне относились. Одна из них, Лида Котова, даже добилась для меня у начальства места в общежитии, в котором я очень нуждалась. И денег мне авансом немного выдали, «для поддержания штанов», – так грубовато-весело выразился заведующий лабораторией. Я тогда до слез была всем им благодарна. Повезло мне с людьми. И я старалась всем помочь. У меня было поразительно острое зрение и верная рука. Мои датчики были самыми надежны-

ми, и я паяла их всем, кто ни попросит. А, оказывается, это не стоило делать. Я не догадывалась, что между аспирантами и их руководителями существовала конкуренция.

А потом в лаборатории появился новый инженер Артур Ромулович. И я, перекусывая на ходу, помогала ему целую неделю в свой законный перерыв осваивать вакуумную установку. В последний день обучения, когда я поднялась со стула и начала демонстрировать ему процесс распыления материала, он отставил мой стул и я, закончив цикл, со всего размаха грохнулась на цементный пол и сильно ушибла копчик. Я подумала, что стул он отодвинул случайно, ненамеренно. А он заливисто хохотал, страшно довольный своей шуткой, и даже руки мне не подал, чтобы помочь подняться.

Но этой мелкой пакостью дело не закончилось. Новичок явился к руководителю нашей лаборатории, и в наглой уверенности в своем праве позволять себе делать гадости и без зазрения совести использовать доброту другого, пусть даже не очень умного и неопытного человека, заявил, что я мало загружена своим экспериментом. Он потребовал добавить мне работу над его темой. Не захотел лишаться бесплатной помощницы. Думал, если я помогла ему освоиться, так стану и в дальнейшем за красивые глаза на него пахать. Но я воспротивилась.

Но главная беда была в том, что помогая чужаку, я подвела своего руководителя, будто бы мало занимающегося своими студентами. Ему крепко досталась. Меня все осуждали, а

я плакала, не видя своей вины. Потом меня долго «воспитывали» и просвещали на предмет существования некоторых непорядочных личностей, которые ради своей мелкой выгоды подставляют под удар хороших людей. А еще учили не выкладывать все, что приходит на ум каждому встречному. На мое счастье начальник лаборатории все же разобрался в конфликте, и новый инженер покинул нас.

А сколько наивных глупостей в молодости делал мой друг Вовка Рапопорт, прежде чем защитить диссертацию и стать ведущим специалистом? Сколько насмехались некоторые умники над Вовкой Сизовым, а он всех за пояс заткнул, став помощником мэра.

Кто раньше, кто позже взрослеет. Кому-то судьба преподносит встречи с порядочными людьми, кого-то лишает такой возможности. Ярославу не везло. Не нашлось рядом с ним человека, который мог бы длительное время «вправлять» ему мозги».

Лене почему-то ясно представилось, что Ярослава уже нет, а противное сознание как на мониторе компьютера стало четко высвечивать возможные причины его гибели. Ей хотелось изгнать из себя лишнее, мучающее. Она напряглась, перед глазами поплыл красный туман и унес с яркого экрана памяти черные печальные картины.

Мамочка

Лена приподнялась на локте, увидела в альбоме фото Ми-

лы и сразу представила лицо ее сына Виталика, тогда еще шестнадцатилетнего. Закружились воспоминания.

Виталик, миловидный, русый, голубоглазый, по-детски пухленький, с яркими полными губами и приятными веснушками под глазами. Умный, по-юношески самоуверенный мальчик. Как он был похож на маму!

Для верности Мила попросила меня стать для него репетитором по математике. Мальчик пытался произвести впечатление, цитируя теоремы из вузовской тематики. А я объясняла ему, что если он на экзамене совершит ошибку в элементарном материале, то никого в комиссии не заинтересуют его отрывочные знания из высшей математики, потому что без крепкого фундамента школьной программы результат демонстрации им «высоких материй» превратится в ноль.

Виталий послушно учился, но нет-нет, да и вставлял одну-другую фразу из вузовского учебника, то ли проверяя меня, то ли продолжая самоутверждаться и производить впечатление. Я понимающе улыбалась и продолжала вести свою линию. Мне важно было, чтобы он достойно показал себя на вступительном экзамене, ибо не к месту ввернутая самохвальная фраза могла и повредить абитуриенту с наивным гонором.

«Потерпи, поступишь, тогда можешь изощряться сколько угодно», – рекомендовала я мальчику, который из кожи вон выворачивался, желая показать себя взрослым и умным.

Так случилось, что я долго не заглядывала к Миле, а когда встретились, разговорились. Усталые глаза подруги заставили меня беспокоиться. Конечно, я знала, что Виталик поступил, что хороший студент. Но тут хлынул на меня поток горьких, тихих Милиных слов:

– Ошибся Виталик. Будучи еще первокурсником, он пошел в общежитие к новым друзьям и там впервые выпил вина. Тогда же познакомился с девушкой... А тут еще старшекурсники ободряли, мол, не теряйся, учись... сама в руки плывет. А через три месяца Соня пришла к нам. Мы, конечно, поженили их. Она только что окончила школу, но учиться дальше не стала, не видела смысла.

Ребенком не интересовалась, а Виталик был без ума от сына. В общем, мы с ним вдвоем по очереди с малышом сидели: то я с работы прибегу, то он после практических занятий. На лекции ходить не имел возможности, конспекты у студентов брал. И по дому Соня ничего не хотела делать. Я пыталась приучать ее к кухне, к пеленкам, предлагала ей самой воспитывать ребенка – никакой реакции. Я намекала сыну, что жена его, мягко говоря, странная женщина, но он продолжал играть роль счастливого отца и ничего не замечал. На его усталом, измученном лице всегда сияла гордая, счастливая улыбка. Темные круги под глазами, заострившийся, теперь уже не детский нос, при запавших щеках, выглядел солидным, четко очерченным – все это делало его

старше и строже. Но пухлые губы улыбались еще так же по-детски радостно. И тонкие, еще не знавшие бритвы светлые усики над верхней губой топорщились восторженно.

А тут выяснилось, что Соня опять беременна. Я забеспокоилась: «Сынок, к концу второго года обучения ты будешь отцом двоих детей. Задумайся, любишь ли ты эту женщину, хочешь вместе прожить всю жизнь или останешься с ней только потому, что она каждый год будет рожать, а ты исполнять свой долг? Если любишь, живи, но в таком случае уходи на квартиру. Нам с отцом трудно будет вас содержать, но пока ты учишься, мы потерпим. Если Соня сама возьмется нянчить детей, ты сможешь подрабатывать, чтобы заплатить за квартиру. Я не выгоняю вас, но хочу убедиться – семья вы или просто случайное образование».

Послушал меня Виталий. Ушли они на квартиру. Устроился он на полставки в НИИ. Я не выдерживала, забегала к ним. И что я видела? Ребенок орал голодный, пеленки кучей лежали в ванной, на кухне горы грязной посуды. Пол даже не метен. Я хватала белье и уносила домой стирать. Сын ночью гладил пеленки, кипятил посуду для ребенка. Я обратилась к родителям Сони. Они отмахнулись, мол, мы давно не имеем на нее влияния. Может, вы, интеллигентные люди, сделаете из нее человека.

Через полгода начались ссоры. Виталий поставил условие: или занимайся ребенком, или мы разведемся. Она, очевидно, не верила в его угрозы. Родилась дочь. Я заметила, что к

ней сын уже не питал таких сильных чувств, но по-прежнему тащил воз учебы, работы и домашних забот. Даже с полуторагодовалым ребенком в институт приходил, когда жена отказывалась с ним сидеть. Я поражалась, с каким старанием он исполнял свой отцовский долг, с какой радостью и гордостью являлся в институт с Алешей на руках. Весь светился. С Олечкой он возился меньше, настаивал, чтобы вторая бабушка ее нянчила. «Моя мама работает и помогает нашего сына ставить на ноги. С нее достаточно», – объяснял он Соне.

Вторая бабушка взялась заботиться об Оле. И тут мы поняли, откуда у Сони такое безразличие ко всему. Она – мамина копия. Прожила за мужем, никогда не работала и ребенка ни к чему не приучала, ничем не увлекала. Приду я к ним, а они обе лежат и либо ссорятся, либо телевизор смотрят, а ребенок в мокрых пеленках на полу, на ковре лежит, чтобы не упал.

Когда Олечке было десять месяцев, Виталик, два года упорно молчавший о своих взаимоотношениях с Соней, вдруг резко, одним днем, заявил мне о разводе:

«Понимаешь, мама, Соня просто самка. Ей ничего не интересно, кроме постели. Ей безразлично, какой я, какие у меня проблемы, к чему я стремлюсь. Ей нужно, чтобы я приносил больше денег и устраивал ее ночью. Я перешел на заочное обучение, но больших денег, будучи студентом, я не могу заработать. Она требует, чтобы я бросил институт и по-

шел в сварщики. Но моя душа рвется к знаниям, мне хочется быть на переднем плане компьютерных технологий. Соня грозитя родить третьего, четвертого. Я люблю детей, но не по силам мне заводить детсад. Я стал избегать супружеских обязанностей, панически боюсь очередной беременности. Я же не смогу допустить аборта. Поддержи меня, мама. В суде я буду требовать оставить мне сына».

Я, конечно, сначала спросила: «А как же любовь?»

Он горько ответил: «Так ведь не было любви с самого начала. Была глупость, потом ошибку исправлял. Сына очень полюбил. Ты знаешь, смешно сказать, как-то по-женски полюбил. Больше матерью ему был, чем отцом. Вот такой я у тебя. У меня уже давно появилась мысль, что люблю я только Алешу, а Соня – просто женщина, которая родила его для меня. Я просил ее не заводить больше детей. Старался для этого, но она перехитрила меня. Обманывала, скрывала дни, когда «нельзя» без предохранения. Она сама мне заявила об этом, когда мы поссорились. Любовь к Олечке у меня с горьким осадком, с привкусом обиды. Не виновата она, но смотрю я на нее как на чужую, не мою. Жалко девочку, а скрыть свое раздражение не могу. Подрастая, она ведь будет чувствовать, что я не люблю ее».

Развели их. Мы Алешу растим. Сын обожает его, всю душу вкладывает. Жениться не спешит, боится вновь ошибиться. Я тоже не тороплю его. Виталик перешел на дневное, в аспирантуру по окончанию вуза собирается. Алешенька мне

как младший сыночек. Теперь он подросток, и нам стало намного легче.

Душа болит об Олечке. Я иногда забегаю к ней, а Виталий как отрезал. Обида на Сою в нем застыла. Хотя и винит в основном себя, но никак не отгадет у него тот ледяной кусочек в сердце. Только Алешенька его радует. Он – пока что его счастливая семья, его любовь. Другой не хочет. Ничего. Природа возьмет свое, еще полюбит.

Мила смахнула слезу и на прощание сказала:

– Тороплюсь, сегодня моя очередь Алешу из садика забирать. Он здоровенький, веселенький, ласковый, в нас конопатенький. Меня мамочкой зовет. Издали сквозь ограду увидит и кричит на весь двор: «Мама, мама! Мамочка!»

Я тогда долго смотрела вслед Миле, желая ей здоровья и счастья. И все-таки мне было грустно. Не по справедливости судьба воздает таким прекрасным людям. Вспомнила слова знакомого журналиста: «И где это, интересно, вы справедливость видели? Идеалистка!» Немного, но видела, а хотелось бы больше.

Лена, подсчитывая, сколько лет теперь внуку Милы, вспомнила о своем внучонке, и под сердцем сразу потеплело.

Юг

Аня задумалась, пытаясь сменить тему, найти новую отправную точку в тихой, но затянувшейся беседе о несчастьях их общих знакомых студенческой поры. Но неожиданно для

всех заговорила Жанна.

– Вот мы ругаем детей за отсутствие у них чувства ответственности, а сами ох как не сразу его приобретали! Каждый из нас может «похвалиться» своей глупостью. Отдыхали мы семьей на юге, в городке с названием Лазаревское. Было нашим детям тогда три и пять. Пошли погулять в сосновый лес и заблудились. Когда выбрались на открытую местность, обнаружили, что находимся на плоской вершине скалистой горы. Сверху эта гора нам показалась невысокой, и мы решили спуститься по ней, чтобы сократить дорогу к месту своего временного проживания. Тропинку не нашли и начали движение вниз по промоине, сухому руслу ручья. Я шла первая, а муж опускал за ручки наших деток на заранее проверенную и утопанную мной маленькую площадку. Таким способом мы преодолели метров двести.

Вдруг перед нами открылось глубокое ущелье, по дну которого несся бурный сверкающий брызгами поток. На его берегу стояли малюсенькие люди-муравьи. Они энергично махали нам руками и что-то кричали. Меня озадачила непредвиденная смена декораций, но не испугала. Рассудив, что подниматься в гору намного труднее, мы с мужем решили продолжить спуск. К тому же эмоциональное поведение людей, отдыхающих около горной реки, мы приняли за призывные приветствия.

А тут новый сюрприз: тропинка-промоина неожиданно закончилась на крутом обрыве. Мы, оказывается, теперь на-

ходились на огромном куске скалы, широким тупым выступом нависающем над пропастью. Но и эта ситуация не заставила нас насторожиться. Мы отступили от края бездны, обогнули опасный выступ и ушли немного вправо. Без тропинки идти стало сложнее. «Нам ли бояться трудностей», – думала я, уверенно, по-деловому ощупывая ногами каждый камень, оценивая его надежность и устойчивость, перед тем, как перенести на него малышей.

«Путешествие» оказался долгим и утомительным, но мы были молоды, здоровы, энергичны и, достигнув подножья горы, ничего, кроме удовлетворения от удачно проведенного спуска, не почувствовали. Радости прибавляло и то, что начавший накрапывать дождик уже не пугал. Крыша домика, в котором мы снимали комнатку, виднелась совсем близко, и у нас появилась надежда успеть вернуться домой, не вымокнув.

Одно удивило: люди встретили нас молчанием и испуганными глазами. Одна женщина покрутила пальцем у виска, другая осуждающе покачала головой. Мужчины изучали нас, как марсиан. Я почувствовала себя неловко под обстрелом сочувствующих взглядов, говорящих о неадекватности нашего поведения, поэтому растерянно оглядывалась вокруг, ища тропинку к своему домику, желая поскорее скрыться от людей и попытаться осмыслить причину такого резкого неприятия нашего появления. И тут я совершенно случайно повернулась лицом к горе, по которой мы только что спу-

стились. И обомлела. Сердце мое упало. «Неужели это мы с детьми только что совершили спуск по этой почти отвесной громадине?!» – ужаснулась я.

«Ваше счастье, что успели до дождя. Здесь, в горах, в считанные минуты образуются мощные бурные потоки. Они с дикой скоростью несутся вниз, захватывая обломки скал, сметая все на своем пути. Эти камни в один миг могут перемолоть кого угодно. Человек, наблюдавший такую трагедию со стороны, больше никогда не сможет пойти в горы. Вы страшно рисковали, отправляясь в такое путешествие. Наверное, впервые в горах? Понимаю. Эйфория. На юге и душа, и мозги отдыхают, безрассудство нападает, а в горах надо быть постоянно начеку», – с интересом разглядывая нас, сообщил человек преклонного возраста.

В тот момент ужас в моем сердце преобладал над стыдом. Я живо представила себе, как мы с мужем в поисках детей беспомощно барахтаемся в пенящемся грязном потоке, несущемся с громадной скоростью, цепляемся за выступы, пытаюсь найти точку опоры. Нас бросает на острые камни. Мы видим, как вывернутые потоком булыжники долбят наших малышей, но уже не можем их догнать, не можем помочь, защитить... Потом для всех нас наступает вечная тьма...

Мне стало дурно. Ноги подкосились... Вот что значит отсутствие информации. Не знаешь, чего надо остерегаться и не боишься.

Чтобы сократить путь домой, один из молодых отдыхающих предложил моему мужу интересный вариант. «Тут рядом, в скале есть грот, в нем находится естественный цилиндрический туннель, заполненный спокойной водой. Преодолев его, мы окажемся на другом берегу ручья. Туннель такой, как в знаменитом бассейне, построенном на месте храма Христа Спасителя в Москве, – объяснил он. – Его самостоятельно преодолевают даже дети дошкольного возраста».

«Но в московском бассейне вода теплая, а здесь ледяная. А вдруг судорога ноги сведет»? – испугалась я за жизнь и здоровье малышей.

Молодой человек стал уговаривать моего мужа плыть вдвоем, дразнил, на «слабо брал». Наверное, один не решался спуститься в «трубу». Но я вмешалась, заявив, что нам с детьми приятнее и полезнее вместе вымокнуть под теплым южным дождем, и что мы предпочитаем, чтобы в незнакомых местах наш защитник и помощник всегда был рядом. Муж взял младшенького на руки, и мы заторопились на квартиру. Видно, опыт опасного спуска пошел нам обоим на пользу. Мы больше напрасно не рисковали.

– А Галя, когда в МГУ поступала, совсем не боялась. В школе на выпускных экзаменах она больше волновалась, потому что стыдно было перед учителями и одноклассниками ошибиться. Как же, отличница, и вдруг опозорилась бы, – подала голос Аня.

– Когда человек совсем юный, он сам у себя есть и ничего не боится. И только становясь старше, пытается трезво оценивать свои данные, окружающих его людей и начинает волноваться, бояться, – сказала Инна.

– Она не боялась, потому что экзамены в Москве были на месяц раньше. Если бы провалилась, то в августе могла поступить в любой другой вуз. Страховка успокаивала, – объяснила «мужество» подружки Лена.

– Ой, а что с Лерой в школьные годы было! – Аня душевно вздохнула. – Она со мной этим поделилась, когда я к ней в гости приезжала.

«А я боялась, что Инна и тут руку приложила. Она ко всем пытается пристроиться», – про себя усмехнулась Жанна и засыпала Аню вопросами:

– Твои летние маршруты приобрели определенную географию? На практике науку изучаешь? Всю Россию объехала?

– «Тайна сия велика есть», – отшутилась Аня.

«Наш девятый «А», – рассказывала мне Лера, – включился в городское соревнование по сбору металлолома. Родители одного ученика получили разрешение очистить территорию старого завода. Там оказалось много металла, зарытого в землю. Было нелегко, но мы работали лопатами и ломami с азартом. Нам даже выделили грузовик и подъемник. За проявленное трудолюбие власти города отметили нас премией.

Было решено всем классом отправиться в Крым. На свой

страх и риск поехали «дикарями» в сопровождении двух учителей. До Ялты добрались на поезде. Ночевать попросились в школу. Наш город в те годы в сфере образования был передовым и на слуху у всех педагогов страны. Все хотели видеть, как выглядят «жертвы» новых методов воспитания. Мы произвели хорошее впечатление, и нам запросто выделили спортзал и матрасы.

Когда добрались до моря, нам показалось, что неба стало очень много, потому что оно сливалось с морем, и только ближе к берегу превращалось в воду. Это явление произвело на нас внушительное впечатление. Очень оно нам понравилось. У нас дома река серо-буро-синяя, а здесь вода чистая, зеленовато-голубая и такая светлая, радостная, ласковая, притягательная! Глядишь на нее, и из души уходит все мелкое, суетное, горькое. Нанюхались мы соленого морского воздуха, накупались и отправились в Симферополь, а оттуда, не согласовав ни с кем своего решения, – в Севастополь. Очень уж захотелось увидеть город-герой.

Наш путь пролегал через горы. Мы их тоже видели впервые. «Горы – чарующая, но грозная красота! Узкие горные дороги как откровение! Как слезы на ресницах – серпантин! Вам не понять – вы не любили!» – восторженно шутил Женька – мой сосед по парте. А одноклассник, сидящий в классе обычно позади меня подхватывал: «Какое счастье, что мужчины и женщины никогда до конца не поймут друг друга. Поэтому им всегда будет вместе интересно!» И мы все дружно

хохотали над шутками наших товарищей. Настроение было приподнятое, хотя с непривычки сердца замирали от страха. Автобус двигался в двух метрах от края обрывов и километровых пропастей. Ни справа, ни слева не было бордюров. Многих тошнило, приходилось останавливать автобус и «дышать» на обочине. Но самочувствие не испортило бодрого настроения, и мы с улыбками и песнями прибыли в город.

Севастополь долгое время был закрытым военным городом. В тот год он впервые открылся и не был подготовлен для туристов. Конечно, все достопримечательности были связаны с войной. Мы прошли по местам боев, побывали на Малаховом кургане. Все вокруг было не ухожено, не причесано, натурально. Как в дни сражений, вся земля перемешана с осколками. Трава не росла даже через пятнадцать лет после войны! Помню, тогда это меня сильно потрясло. И я подумала: «А сколько же не заживают раны людские?»

Глубокое впечатление на всех ребят произвело поле битвы. Ад сражений представили, вообразили людей, героически погибавших на этом малом участке нашей Родины. Потом долго не могли уснуть, вспоминали увиденное, переживали.

Обратный путь осуществляли по морю, на корабле вдоль всего побережья Крыма: Алушта, Алупка, Мисхор. Целый месяц путешествовали! Тогда для туристов было мало удобств. К тому же нам приходилось экономить. Готовили в основном сами, иногда в столовую ходили. Все у нас проис-

ходило стихийно, поэтому случалось питаться «подножным кормом». Шелковицу, алычу, абрикосы ели. Они там повсеместно росли вдоль дорог.

За маленькими городками, за цепочками домов по побережью высились горы. Они нависали над дорогой, манили, звали, будили воображение. Единогласно было принято решение залезть на самую высокую гору – Айпетри. Местный житель показал нам дорогу к ее вершине. Пошли, всматриваясь в почти невидимую тропу. А она вилась, иногда даже назад вела. Это не понравилось нам, доморощенным туристам. Мы попытались сократить путь, пошли к вершине, как нам казалось, кратчайшим путем, напрямую, по крутому склону и заблудились».

– Видно, это главная ошибка всех, кто впервые знакомится с горами. Всё всем кажется близким и простым, – со своим выводом из рассказа Ани подросла Инна.

Аня продолжила рассказ о путешествии Леры.

«Идем, ползем из последних сил, цепляясь за деревья и кусты. Вымотались, но достигли скалистой части горы, где уже не рос лес. Сделали привал на маленькой площадке, сняли рюкзаки, кеды. И вот тут нам повезло. Провидение сжалилось над неопытными школьниками и дало подсказку. Один мальчишка случайно задел свой рюкзак и он, переваливаясь с боку на бок, на глазах изумленных ребят покатился с горы, быстро набрал скорость оборотов и исчез из виду! С нескрываемым ужасом мы смотрели на бешено вращающийся рюк-

зак, не пытаясь перехватить его. Каждый в этот момент представлял в этом мчащемся в бездну клубке себя.

Это событие ошарашило и отрезвило нас. Что делать? В рюкзаке провиант, ценные вещи. Подумали, что далеко не укатился, зацепился где-нибудь. Найдем и вернемся к месту привала, а там двинемся дальше к конечной цели вылазки – прекрасной вершине! Стали спускаться. Чувствуем, тяжело. А рюкзака все нет и нет. Только на полпути обнаружили. Подниматься уже не было сил. Нашли более-менее ровную площадку. Расположились лагерем. Разбили палатки. Заночевали в лесу, так и не найдя туристической тропы.

Отсутствие знаний и опыта создавало ложное чувство уверенности, провоцировало на дерзкие, порой отчаянно-авантюрные поступки. Нам не приходило в голову, что подниматься в гору легче, чем спускаться, что без проводника мы рисковали не только здоровьем, но и жизнью. В горах могли быть осыпи, ливни, камнепады, опасные заморозки и много еще чего непредвиденного. Если бы не рюкзак, неизвестно еще чем мог закончиться наш поход. Могли бы насмерть замерзнуть. Случай спас нас от возможной трагедии. Позже узнали, что на эту гору напрямую не ходят. Нам было жаль, что «не зная броду, полезли в воду», что не добрались до смотровой площадки, но никто не скулил, все равно назад шли с азартом. Ведь все было в диковинку!

Потом на море в шторм купались. Море гневалось, волны бесновались, а мы были счастливы! Поражала невероятная

сила морской стихии! Местные жители боялись, что нас может разбить о скалы. Учителя тоже не понимали опасности. Страху ни у кого не было. Повезло, без потерь и ран обошлось. Один старик пошутил: «Кто-то в вашей компании больно счастливый. Его ангел-хранитель всех вас оберегает».

Так вот и отдыхали. Исключительно все были довольны поездкой. Ведь каждый день приносил что-нибудь новое, яркое, интересное. Поход на всю жизнь запомнился. Теперь вот палатки и рюкзаки остались в прошлом. Годы...»

Аня вздохнула. В ее детстве не было походов и приключений. А Инна, глядя на нее, подумала: «Внешне Анька какая-то невыразительная, беспомощная, но какая в ней присутствует сила духа! Намного старше нас, а до сих пор справляется со своими подопечными детдомовцами».

Обо всем понемногу

...«Марго и Кира ценят в себе разные качества, – но обе, безусловно, женщины неординарные», – подумала Лена и тихо спросила у Инны:

– О Веронике слышала что-нибудь? Она завтра приедет на встречу сокурсников?

Та так же тихо рассказала все, что знала о ней:

– Пошла по стопам матери: стала любовницей крупного начальника. Не претендовала на то, чтобы он со старой женой развелся. Ездила с ним в командировки в качестве

секретаря, в основном за границу. Сразу получила двухкомнатную квартиру. Нищету не разводила, копя на кооператив. Вырастила двоих прекрасных детей. Говорила, что была очень счастлива с ним. Ее мужчина был удивительно чутким человеком. Такие редко встречаются, один на миллион. Утверждала, что в качестве любовницы получала больше тепла и внимания, чем любая из нас, замужних. Он всегда был нежен, ласков, заботлив. Рассказывала, что много лет подряд, не считая командировок, у нее два раза в неделю был праздник, а будней не знала. Дети отлично пристроены, их до сих пор «ведут» по жизни.

– А я-то все терялась в догадках: как они сумели так быстро подняться на такую высоту? И перестройка им не помешала, – прошептала Лена.

– Не знаю, почему Вероника вдруг раскрылась передо мной? Наверное, потому что этот мужчина уже умер, – предположила Инна.

Тихий голос Ани донес до Лены:

– Валя Науменко? Она через год после окончания университета вышла замуж. Я сама была свидетелем их романтической истории. Муж у нее легчик. Без неба свою жизнь не представлял. Встречала я подобных деревенских ребят. Такие любят раз и на всю жизнь. Уехала Валя с ним в какой-то маленький городишко на Дальнем Востоке. На прощание я спросила: «Не боишься раскаяться в своем выборе?» И она мне поведала, что много кавалеров крутилось около нее, но

все они были или «материально озабоченные», или богатенькие, ленивые даже в проявлениях внимания – хлысты. Только о себе болели их тощие душонки. «Мой муж любит меня какой-то первозданной еще от Адама и Евы любовью. В нем столько нежности и ласки. Он из какой-то другой жизни. Что я видела и слышала раньше в своей семье? Деньги, борьбу за власть, встречи с нужными людьми, шмотки. Родители погрязли в этой борьбе за достойное с их точки зрения существование. А я мечтала, чтобы меня любили, и я любила. На край света за мужем пойду».

Помню, я очень была удивлена, что девочка, выросшая в условиях достатка и внимания близких, так нуждалась в настоящей любви, и так глубоко понимала ее ценность.

– Вот завтра, на общем сборе однокурсников и выяснится, какое счастье у нее получилось, – неопределенно пожала плечами Инна.

«Подвергает сомнению любое доброе дело, любые самые прекрасные отношения. В ней появилась совсем не свойственная в прежние времена болезненная недоверчивость?» – подумала о подруге Лена.

...«Кира себя хвалить не позволяет, чтобы кого-нибудь не задеть, не ущемить ненароком. Щадит неудачниц. Беспокоится, не будет ли она рядом с нами выглядеть обидно счастливой. Боится, не станут ли наши души корчиться от боли и зависти? Скромна, тактична. Риск сводит к миниму-

му: все больше рассказывает о хорошем в других семьях, о тех, кто далеко и счастье которых не так цепляет. Несчастливому человеку тонко посочувствует, воздаст его горестям должное... Она умеет. Спокойная непринужденность ее речи успокаивает. Конечно, в сострадание удачливых и счастливых не очень-то верится, оно всегда сомнительно. Хотя есть же такие, что сочувствуют и поломанному цветку, как например наша Тина. Но не у каждого сердца жалости бездонная яма. Нет, все-таки Кира хоть и своеобразная, но хорошая, – про себя рассуждает Инна. – А Марго?..»

Аня рассказывает.

– ...Моя подруга под впечатлением от пушкинского письма Татьяны, написала признание молодому человеку, который ей нравился. А он стал хвалиться им перед всеми знакомыми девчатами и ребятами. Носил этот листок с собой до тех пор, пока до дыр не истер. Подруга стала случайным свидетелем демонстрации своих чувств... Возненавидела его. И была права.

И потом, будучи женатым, он предлагал ей: «Измени хоть раз, а то в старости нечего вспомнить будет».

А она ответила:

«Не понимаю я тебя. Разве может принести радость память о падении, о подлости, которую ты совершаешь по отношению к своей жене? Какие вы с женой разные! Я сочувствую ей».

«А я тебе», – нагло заявил он.

«И что я должна была подумать? Он натравливает меня на мужа, ссорит? А я не поведусь», – решила моя подруга.

Пакостливый мужик. Горбатого могила исправит».

«И на самом деле может обогать и рассорить. Не раз встречала подобных гадов. Откажешь такому, а он в отместку... Если бы информация всегда доходила до людей в правдивом, достойном освещении...» – Сказано было Жанной резким раздражительным тоном.

– ...И почему мужчины в женщине только красоту замечают? Коллега рассказывал: «Глаза изумрудные, руки удивительные, с прекрасной формой ногтей, какую я люблю. И ноги соответственно... Этого было достаточно, чтобы я влюбился и женился». Мне бы хотелось, чтобы любимый мужчина ценил во мне ум, характер, домовитость – качества, которые всегда со мной. А если я подурнею, то уже не буду нужна?

– ...В обед сильный дождь прошел. И вот иду я с работы привычным маршрутом в своем любимом белом брючном костюме, лужи старательно обхожу. А у самого перехода, ведущего к остановке моего автобуса, есть неудобный отрезок дороги: низина, газон почти у самой зебры и грязная, скользкая узенькая пешеходная дорожка метра три длиной. Ну думаю, пережду поток машин, и пока светофор не позволит остальному транспорту двигаться, я успею проскочить

неприятное место и спрятаться от брызг, летящих из-под колес, в недостижимой глубине продуваемого всеми ветрами пластикового павильона остановки. Оглянулась, сзади меня только одна машина. Бегу трусцой. Остается два шага. На табло еще пять секунд. Слышу, срывается машина... и понимаю, что сейчас она окатит меня с ног до головы. Водитель мог бы не задеть колесами лужи, – две полосы проезжей части дороги были пусты, – но он, вильнув рулем, проехал у самого бордюра, где лужа наиболее глубокая, «изобразив, в воздухе высокий и широкий веер черной воды, оставив кривой грязный след на асфальте... и меня на остановке в костюме клоуна: наполовину черном, наполовину белом в крапинку. Но этого молодому человеку показалось мало, ему надо было наиболее полно насладиться результатом своей пакости и моей растерянностью. Он притормозил в трех шагах от меня, высунул в окно кабины счастливейшую физиономию, помахал мне рукой и, очень довольный собой, поехал дальше. Мужичонка такой неказистый: маленький, тощий, страшенький... Богом обиженный?

– Вымывай из своей памяти негатив, храни только позитив, – посоветовала Жанна Инне.

– Если бы это можно было делать по заказу, легче решались бы многие проблемы, – вздохнула Инна.

– ...В больнице это было. Лежала я на сохранении. Сельские непривычные нагрузки... Состояние выкидыша... Бы-

ла среди нас в палате странная особа. Чуть что – орать на всю больницу. Появился под окнами ее благоверный. И на него понесла! Хоть уши затыкай. Как только ни обзывала!.. Захлебывалась от удовольствия, что при всех костерит. Когда ее муж ушел, я спросила, сколько лет они женаты. Потом предложила предсказать ей судьбу. Она с интересом согласилась. И я сказала: «Если будешь продолжать неуважительно относиться к мужу, он на самом деле станет импотентом. Калеккой его сделаешь. Возненавидит он тебя. Это называется «ни себе, ни людям». А может, случиться так, что только на тебя он не будет реагировать. Тогда найдется другая, опытная и умная. И поймет он, что есть на свете женщины более добрые и ласковые. Сначала бегать налево начнет, потом совсем тебя оставит. Тебе это надо? Вам только по двадцать. Вся жизнь впереди. И о ребенке подумай». Притихла.

– Надолго ли?

– Думаю, осознала.

– ...Ой, да все мы из одного теста слеплены – и мужчины и женщины – и у каждого из нас в течение жизни бывало несколько периодов влюбленности. У одних они наступали через три года, у других через пять лет, а у некоторых, как у меня, например, этот интервал составлял десять лет. Так видно природой устроено, может даже по необходимости, для поднятия стимула рождаемости. И нечего мужчинам хвалиться своим охотничьим инстинктом и будто бы

только им присущим стремлением к разнообразию.

Но наличие этих периодов совсем не означает, что надо бросать одну семью и бегом заводить другую. Влюбленности проходят, а семья остается. Я, например, всегда умела обращать их на пользу себе и своей семье. У меня, когда я тайно симпатизировала кому-то другому, появлялось желание больше нравиться своему мужу. Я становилась энергичней, привлекательней, веселей. Чувство влюбленности возникало не по моей воле, спонтанно, но я не позволяла ему выходить из берегов, направляла его, корректировала... – Это Жанна тихонько шептала Ане свои секреты «бытия». – А может, биология тут не причем? Все мы не идеальны, вот и ищем в ком-то другом то, чего не хватает в любимом человеке. Естественно, что найдя схожего, симпатизируем ему, может быть, даже немного влюбляемся, но любовь тут не причем. И мчаться сломя голову на диван к этому человеку по первому его зову или разбивать его и свою семью, считаю великой глупостью.

Я, лично, в таких случаях воображаю, что, обожая кого-то, читаю интересный роман, где я главная героиня и не более того. Я страдаю, переживаю, мучаюсь, но никогда не действую. Иногда довольно долго болею этой странной болезнью, но побеждаю ее. Это безобидно и полезно.

– А главное – детей от этого не бывает. – Вездесущая Инна и тут сумела услышать и вставить свое словцо. – После нескольких неудачных браков я презираю мужчин в основ-

ной их массе. Все зло от их похоти, распущенности и лени: проституция, педофилия, наркотики, алкоголь, несчастные судьбы наивных девушек, слезы брошенных детей. Если бы у меня была дочь или внучка, я бы ей сказала: «Не верь мужчинам, завлекай их, издевайся над ними и, не подпуская к себе, бросай», – энергично откликнулась она на «секретные» слова Жанны.

– Вот и я вплотную подошла к разгадке твоего феномена. Теперь я знаю, почему Бог не дал тебе ни дочек, ни внучек, только племянников помогаешь растить, – рассмеялась Жанна и тут же прикусила язык, испугавшись, что обидела Инну.

–...Их брак рухнул после той истории, – услышала Лена. – Это неожиданное известие совершенно опрокинуло мои представления об их семье, казавшейся мне надежной, – говорила о ком-то Аня. – На этот раз после его демонстративного хлопка дверью за ним никто не побежал, и он понял, что это конец. Стыд и злоба душили его: он уходил осмеянный. Ладно бы один на один, а то ведь при свидетелях. «Оскорбила, унизила!» Он думал, что тертый калач, что всегда держит ушки на макушке. Проиграл. А жене уже было безразлично, как он ее понял. С той поры пошли у него дела из рук вон плохо. Потом ничего, пообвык малость. Ко мне «подкатывался», пытался произвести впечатление, даже сестру просил замолвить передо мной словечко. Обижался, что не хочу вникать в его добрые намерения. Но мысль

о нашем с ним браке казалась мне чересчур дикой. Он раны скоропалительной женитьбой хотел зализать, а мне зачем неуправляемый вепрь?

– Что, брака без расчета не бывает? – усмехнулась Инна. – Брак – это договор о закреплении. Хорошо, если о взаимном и любовном.

– Прошло еще немного времени, он успокоился, присмотрелся и обзавелся новой семьей. Сложилось ли у него на этот раз, я постеснялась узнать, только спросила: «Что тебя мобилизовало на новый подвиг?» И он мне в шутку объяснил свою позицию в вопросе брака: «Между женатыми и холостыми мужчинами существует что-то вроде вражды. Женатые завидуют свободным, а те, в свою очередь, не выносят манеры «повязанных» изображать из себя более счастливых. Женатые с недоумением смотрят на мужчину в возрасте, хвастливо заявляющего: «Я холостой». Мол, что тут можно подумать? Раз никакая, даже самая никудышная не подобрала, значит, женилка не работает или руки не оттуда растут...

Инна зевнула в ладошку. Ее равнодушное любопытство было неприятно Ане, и она обиженно замолчала.

*

Лена открыла глаза. Похоже она немного вздремнула. Ей даже что-то снилось. Сознание уже работало, а тело еще не проснулось и было онемевшее.

Подруги, оберегая ее сон, тихонько шушукались и хихи-

кали.

– ...Она, не смущаясь, кликала себя штепселем, – вспомнила Аня.

– В надежде, что кличку подхватят и не придумают что-то более злое? – спросила Инна. – Представляю, при ее росте иметь параметры 88x45x90!

– По нынешним меркам она вовсе невысокая и очень даже стройная. А у тебя какие ассоциации?

– Оглобля, верста коломенская, стропила.

– Приемлемо. Помнишь Ирку, которая в цоколь своей настольной лампы бумажку всовывала, чтобы в ее отсутствие ею никто не пользовался? Так вот она придумала обзывать Олю «глиста в корсете». Вот зараза! Но не привилась ее гадкая кличка.

– Гнида она и есть гнида – передернула плечами Инна. – Черт возьми, это пахивает завистью к Олиной осиной талии. Сочувствую Ирке. У нее, наверное, ее отродясь не было.

– Мы, женщины, бываем слишком на язык остры, – вздохнула Жанна.

Инна рассказывала:

... В НИИ на практике это было. До начала работы оставалось минут десять. Девчонки устроили из лаборатории примерочную: стали выхватывать друг у дружки шляпки и обезьянничать перед зеркалом. Лариса, какую шляпу ни померит – все будто на нее шиты. Тут появилась наша главная

модница в шикарном пальто и в восхитительной шляпке. У Лариски глаза загорелись. Поломавшись, Наталья снизошла и величественным жестом сняла с себя парижскую обнову. Лариса надела ее... и все онемели. Перед ними стояла не «тарзанка», а девушка благородных кровей! Лариска сама обалдела от неожиданности и стала упрашивать продать ей сокровище. «Ты же сама видишь, что мне она больше подходит. Я займу денег, переплачу, я буду на всем экономить», – умоляла она Наталью. «Чтобы кто-то выглядел лучше меня? Я в ней на весь город одна единственная, неповторимая» – заносчиво отрезала хозяйка шикарной шляпы и гордо удалилась в свою лабораторию.

Лариска смущенная категоричным отказом принялась примерять шляпу широколицей и узкоглазой сорокалетней лаборантки, на которой это чудо советской моды – где, в каком хламе она ее отрыла? – сидело как первый блин, который всегда комом. Но даже это уродство украсило круглую Ларискину мордашку. Она удивилась, мол, думала, буду на пугало похожа. И тут же нашла объяснение этому явлению: «Я еще в деревне поняла, что шляпы – это мое, и отказывалась напяливать на голову платок, в котором выглядела чучелом. Зимой я одна на всю деревню в мужской шапке ходила, а летом в пилотке из газеты или плела себе широкополые шляпы. Технологию их изготовления сама придумала. Из любой бумаги плела длинную косу, пропуская внутрь медную проволоку от сгоревшего трансформатора, а потом сшивала из

нее шляпу по спирали, начиная с тульи. В ней нельзя было под дождь попадать, а от жары она хорошо спасала, лучше платка».

– Инна, ты помнишь, как девчонки, отправляясь на свидание, надевали все лучшее, что находили друг у друга? – спросила Аня.

– До сих пор не могу забыть, как испачкала Валин плащ, а очистить пятна не сумела, разводы остались. Кто же знал, что этот сумасбродный Юрка осмелится прижать меня к смоли-стому стволу роскошной сосны? – грустно усмехнулась Инна.

– Получила Валя – та, что с математического – за отличную учебу от мамы подарок – прелестный бархатный костюмчик шоколадного цвета. Ее маме, которая работала на химическом заводе, в качестве премии выдали материал, какого в свободной продаже не купить. Лариса с одного взгляда поняла, что он идеально ей подходит: широкая юбка-парашют, строгий блузон с круглым вырезом «под горлышко» под ее длинную шею. Но претендовать на такую дорогую вещь не посмела даже в мыслях, только попросила разочек примерить.

Она выглядела как картинка из импортного журнала, которые приносила нам Дина. А Кира тогда пошутила: «Не зря модельеры утверждают, что легче всего одежду шить на палку. А Лариса не обиделась, как комплемент восприняла ее слова. Все понимали, что на невысокой полненькой Вале ко-

стюмчик сидел куда как менее выигрышно. Но кто бы мог расстаться с такой прекрасной вещью в наши скудные времена! Так вот, Лариса всю молодость мечтала о таком костюмчике. Но когда появилась возможность, то поняла, что этот цвет ей уже не идет, а более яркий бархат ей достать так и не удалось... – сочувственно сказала Аня.

– Не все мечты сбываются, даже такие скромные, – задумчиво заметила Жанна, что-то припоминая.

А на Инну это разговор навеял совсем другие воспоминания.

– Гадкий преподаватель перед глазами как живой встал. Лицо страшное, бледное в голубых прожилках. Нос огромный, синий, глазки пороссячьи, злые, уши как у осла: огромные волосатые. Посмотрю на него – и вся аудитория плывет и дыбится. В седьмой раз пришла к нему на пересдачу... Получили задачи, билеты, сидим, готовимся. Час проходит, второй, третий... Молчим, боимся слова сказать. Мало ли как отреагирует. Потом он стал нас вслух пересчитывать. Опять мертвая тишина. Наконец он нас снова пересчитал и говорит: «Я пойду «Голубой огонек» смотреть, а вы все отправляйтесь в кино. Каждому пара найдется, я проверил». Нравилось ему издеваться, проверять нервную систему студентов. Каждый год из-за него два-три студента в психушку попадали. И моя соседка по комнате... Отец ее в детстве до крови избивал и она мечтала вырваться из-под власти деспо-

та... А управы на доцента не найти. У него в обкоме «рука» была. И ноги ему студенты перед сессией ломали и гроб на семидесятилетие присылали...

Еще одно воспоминание всплыло в ее памяти.

– Когда отменил Хрущев в студенческих столовых бесплатный хлеб, совсем туго стало студентам. Раньше, бывало, после обеда набьешь карманы хлебом – вот тебе и ужин и завтрак. После столовой уже через час ходишь голодным. Хоть волком вой... А Лиля рассказывала: «Смотрю на горячий белый пирожок, слюнки сглатываю, но пересиливаю себя и покупаю шесть кусочков черного хлеба». Мишка еще больше от голода страдал. Спортсмен, два метра росту. Подрабатывал, конечно, когда время находил. А в столовую часто с пустой коробкой из-под торта ходил. Приметит, где на тарелках еда осталась, присядет к этому столику и тарелку в коробку незаметно положит. Иногда и с нескольких соскребет. Virtuозно это проделывал, продолжая весело балагурить со своим постоянным другом. А я ходила в гастроном нюхать запах дорого копченого осетра. За пять лет учебы так и не попробовала».

А мысли Ани перескочили на настоящее.

«...Зоя все о Мите, да о Мите. Будто ее самой не существует. Будто не принадлежит она себе... А все-таки он любил ее. Обидел как-то, и она осталась в саду с ночевкой. Так он рано утром за ней с первым автобусом приехал. Но потом

опять обижал. Вот и пойми его... Может, приехал потому, что няньки боялся лишиться?

А почему он не хочет в семье быть откровенным? Знать, самому есть что скрывать. А почему не желает вникать в дела семьи? Чтобы не нести за нее ответственность, чтобы жена во всем была виновата, а он чистенький, хороший. А почему груб? Чтобы не приставали, давали вольно жить. А почему, если не ругается, то молчит? Боится высветить отсутствие эрудиции. Его поведение – проявление уязвленного самолюбия? И за что Зоя его любила?..

Почему Дмитрий любые слова жены воспринимает как укор, упрек себе? Может, мать возвращала в нем чувство вины и он постоянно оправдывался перед ней, а потом нашел более легкий способ – врать, перекладывать вину на кого-то и уже самому верить, что ни в чем не виноват. И на Зою переложил, и всю жизнь ее винил... Своей вины никогда не помнит, но чужую, пусть даже самую малую, никогда не забывает. А может он таким уже родился? Вряд ли.

...Недавно услышала от подруги интересное замечание: «Если мужчина к жене ласков и заботлив, то если даже у него на стороне есть «девочка», он не уйдет из семьи, а вот если холоден и зол – жди беды». Об этом надо знать и помнить каждой женщине, чтобы быть настороже или вовремя разойтись, пока «любимый» окончательно не угробил ей здоровье?

...А Инна все больше о себе говорит. Мужья не заслужи-

вали? Так и Митя тоже... Но почему Зоя совершенно автоматически подчинялась мужу? Любила? Я думаю, привычку подчиняться не могла преодолеть. Детдом, иждивенка в семье. А Инна пошутила: «Проблема в том, что она в детстве не испытала сладости непослушания». А ведь и права! Как это мне не пришло в голову?

Хотя, если вникнуть, не подчинялась она мужу, сама, любя его, все делала для него.

...Инна, рассказывая о подругах, не привирает, может, только совсем чуть-чуть разбавляет своё повествование... излишком эмоций. Не любит она примитивных вещей, но если кто-то заходит в тупик, она мгновенно соображает как выйти из положения. И помогает на раз и талантливо, ни у кого не спросив разрешения. И что самое удивительное, нутром чувствует, где важно не перетянуть, что нужно не переждать, чтобы всё утряслось и урегулировалось.

...Лена и печалится, и огорчается, но все равно счастливая, потому что несгибаемая. А я теперь каждый день просыпаюсь с ощущением счастья. Жива! Хочется говорить всем добрые слова, радоваться за всех. И работа мне влась! Ее не навязывают мне, сама бегу. А кому-то она – рутина. Инка смеется: «По дурости согласилась?» Чудачка, чертик с рожками. Если я не буду себя отдавать, я заболею. Организм лучше знает, что мне надо».

Воспоминания утомили Аню и она задремала.

Жанна скользнула глазами по книжной полке, что висела на противоположной стене, и ей пришло в голову, что современные писатели уже не смогут так писать о периоде с тысяча девятьсот семнадцатого по тысяча девятьсот тридцать девятый год, как это делали очевидцы тех трудных смутных лет. В них уже не сидит железная вера в то, что те люди совершали великие военные и трудовые подвиги. А еще она подумала о том, что пока росли ее дети, ей некогда было думать о смысле жизни, не было времени заниматься самоанализом.

– ... Чего только в жизни не встретишь! Еду я как-то в поезде с внуками к моей подруге. Входят в купе двое миленьких старичков. Я еще подумала тогда: «Какими они, наверное, красивыми были в молодости». Худенькие такие, стройные, миниатюрные. Особенно она – совсем как девушка: и талия на месте, и изящные округлости в полном порядке. Только волосы у обоих седые и лица как печеные яблоки.

Разместились. Смотрю, старичок то и дело вроде бы в шутку игриво так к своей старушке пристает: то прижмется к ней плечиком, то в щечку поцелует – и все это с ужимками молодого кавалера, – а потом и за пятую точку трогать стал благоверную. Старушка сначала доброжелательно относилась к притязаниям мужа, даже вроде бы с юмором, но, заметив за моей спиной детей в возрасте десяти и двенадцати лет и мой растерянно-недоуменный взгляд, стала осаживать

его. Но старичок был так активен, так бурно проявлял нетерпение, что ей приходилось буквально отбиваться от посягательств его шаловливых рук. Жена укоризненно указывала глазами старику на детей и уже не деланно-сердито, а раздраженно гнала его на верхнюю полку. С большим трудом она уняла разбушевавшегося героя. А было старичкам лет по восемьдесят, никак не меньше. «Что же они выделявали, когда им было лет по двадцать-сорок? – обалдело думала я, взглядываясь в эту странную пару». Это Жанна рассказывала Ане.

Инна повернулась к Лене и зашептала:

– Ты Лину помнишь, ну ту, с экономического, которую на первом курсе жадная до скандалов вахтерша засекала поздно вечером в комнате с Жоркой. Все общежитие разбудила и на ноги подняла комиссию комсомольского актива эта селедка замороженная и не выпотрошенная. Всем косточки перемывала, жить спокойно не давала и правым, и виноватым. Хвалилась, что выводит девчонок на чистую воду в назидание другим. Всех под одну гребенку чесала, одной метлой поганой мела. В деканатах почему зря выдавала все девичьи тайны, хотя ее туда не слишком настойчиво приглашали. А сама утверждала, что так принято и с этим приходится считаться. Я, мол, аккуратно, исправно работаю, а вы рядом живете и ничего друг про друга не знаете, словно в негласном сговоре находитесь. Гордилась тем, что доносила. Воображала, что

находится у кормила власти. Считала, что на гребне новых традиций участвует в воспитании молодежи, а на самом деле удовлетворяла свои низменные потребности. Может, и с дальним прицелом действовала. Поговаривали, что метила в коменданты общежития, в начальницы рвалась, да бог рогов не дал. Было что-то постыдное в ее поведении. Мы все питали к ней изрядную неприязнь и пылко желали краха ее мечтам. Догадывалась ли она, какое впечатление производила на нас?

Девчонки все знали про Лину, сочувствовали ей, не хотели огласки ее несчастья. Признаюсь, и я, выручая подружек, не раз раздражалась перед этой гнидой невероятно лицемерной речью, когда надо было отвлечь ее внимание. Искусно лебезила перед ней, скромно потупившись, распиналась о ее достоинствах и заслугах. Мне кажется, неплохо играла свою роль – ни разу не рассмеялась. Слишком строгое воспитание и солидный опыт подавления эмоций в моей семье спасали меня от провала. И вдруг, представляешь, вот была она и... сплыла на радость многим.

Лене стало скучно, и она переключила внимание на Аню.
– ...Недавно пришел к нам Левушка, такой веселый, разбитной, коммуникабельный. И внешне как огурчик: молодой, прямой, свежий.

– И зеленый, – со смехом продолжила Жанна.

– Выигрышно смотрелся. А в студенческие годы ни за что не поверила бы, что он может стать одним из основателей

радикально настроенного современного политического направления.

– При его-то нынешних данных он организатор уж не женского ли течения? – опять весело проехала Жанна и добавила насмешливо:

Помнится, долго сохла по нему моя подружка из технологического. Вообразила, что он олицетворяет совесть, благородство. Взметнулась их любовь яркой искрою да быстро погасла. Тусклый оказался парнишка. Без комментариев. А ты говоришь, будто основатель...

Дальше слов было вовсе не разобрать. И Лена опять повернулась к Инне.

– ...Накрыли их, взяли тепленькими. Со стыда Линахватила какой-то кислоты, сожгла себе пищевод. Меня тогда от страха за нее точно кувыркнуло через голову двойным – с подкруткой – сальто. Сама чуть в обморок ни свалилась.

В больнице врачи бедняжку еле отходили. Потом еще долго от нее не отставали... Комсорг смотрел на Лину как поп на беса. А Жорке – ничего. Его гонения не затронули. Он, видите ли, мужчина, ему вроде бы как не возбраняются ночные бдения подобного рода. У нас, за что ни возьмись, всегда во всем женщина виновата. Идиотизм чистой воды. А сам комсорг та еще проститутка. На две семьи жил. И конечно же, Жорка не защитил Лину. Мог же сказать, что женится, что заявление подали. Соврал бы во благо. Так нет же! Подонок, падаль вонючая. Сидел, помалкивал в уголоч-

ке, пока буря не прошла. Это он не закрыл дверь на задвижку. Ты представляешь, сказал мне, что пошутил. Я ему чуть шею не намылила тогда. Ох, как я возненавидела его! Так бы и врезала. Но не знала, как Лина посмотрит на мое самоуправство. Выгнала я его из комнаты с криком: «Иди отсюда и шути с теми, кому твои шуточки нравятся». А Лине не смогла рассказать правду о Жоркином откровении. Меня итак удручали и тяготили их отношения. Я понимала Лину и жалела.

– Понять и принять всерьез такую выходку невозможно. Я бы послала такого хахалю на все буквы алфавита... мысленно конечно, – сердито отреагировала на рассказ Инны Жанна. – А если рассмотреть в этой истории точку зрения вахтерши? Вдруг сгубила бы она глупую девчонку, спалось бы ей спокойно?

– Я была свидетельницей их, так называемого, романа. Три года их «дружбы» были подернуты серым тоскливым, остро-печальным флером безнадежности. Конечно, Жорка был старше Лины, после армии. Прознав ее слабые места, он подавлял ее нотациями и угрозами. Бывало, стоит с Линой: взгляд сатира, усы хищно топорщатся. Тиран, деспот, начальник, мать твою... А в ее сиротском, тусклом – мало жизни. Ей оставалось уповать только на его благодущие. Не дай бог, какой нудный был! И что за прок ему был от собственного нытья? Сам соблазнил и сам же попрекал Лину за то, что не устояла под его напором. Всяк по своему ломал

нас, глупышек, влюбленных по первому разу... Издеваться над беззащитной девочкой способен только человек с недостойной, низкой душой. Насмотрелась я на таких...

Лина чувствовала себя перед ним как подсудимая перед прокурором, внимала каждому его слову. Вот так и никак не меньше! Схожие чувства к нему испытывали и другие студентки из ее группы, а попалась она. Осечка у нее вышла с Жоркой. Пользовался он ею внаглую, зная, что не рискнет она пожаловаться строгой маме. Да и папу она боялась. Он хоть и был большим начальником в ее родном городе, но хватался за ремень при малейшей провинности дочери. Ни в ком она поддержки и защиты не видела. Одна мучилась своей ошибкой, поэтому ни словом, ни жестом не выказывала своего недовольства. Я ее уговаривала: «Турни гада. Сразу опомнится и изменится в лучшую сторону. Это часто срабатывает». Не верила.

«Похоже, это тот редкий случай, когда сплетни феноменально характеризуют человека», – подумала Жанна о Георгии и спросила у Инны:

– И чем дело у них кончилось?

– Не стану тень на ясный день наводить. Куда ей было деваться беременной? Замуж за него пошла. Пришлось согласиться на его условия. Двух девочек родила. Жорка требовал третьего ребенка. Все сына хотел, а сам становился все злее. Сделался совершенно невыносимым в невозмутимой своей занудливости. Ну, просто ел ее поедом. На него порой такое

находило! Непростой был характер. Не пойму, в какие игры он играл, чего добивался? Так вот смотришь иногда на человека и думаешь, зачем он пришел на эту землю? В чем видит счастье?..

А скоро в Жорке совсем не осталось ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало Лине нормального по ее понятиям мужа, который заслуживал бы ее любви и заботы. Доброта – слишком тяжкое бремя для того, кто вынужден проявлять ее не по велению сердца, а по необходимости. К тому же, я догадывалась, что Жорка и физически не устраивал Лину, но это она ему простила бы, просто закрыла бы глаза на этот факт, как делают большинство женщин, если их мужа более менее человечны.

Когда Лина повзрослела, поумнела, то поняла, что в их отношениях никогда не наступит надежного равновесия, что не переломить ей образовавшуюся еще до замужества унижительную ситуацию и не создать новую, совершенно не похожую на прежнюю. И еще поняла, что напрасно она держит бессмысленный караул в своей неудавшейся семейной истории, что все равно не сможет всю жизнь терпеть мужа-зануду. Не улыбалась ей такая перспектива. Да и сил уже не осталось противодействовать унижениям и придиркам человека, для которого нытье – основная форма коммуникации и в семье, и на работе.

– Мы всегда лучше понимаем то, от чего отстранены, то, что уже пережито и многократно осмысленно, – сказала

Жанна.

– Ко всему этому прибавлялись еще подзуживания Жоржиной родни. Они всегда дружно держали оборону, когда он долбил Лину, перенося на нее свое раздражение от собственных многочисленных неудач на работе и в родственных коллизиях. Хитрым псом в монашеском одеянии оказался ее муженек-праведник, да только не умным. Лина сумела выбросить его из своей головы и из судьбы.

– Чем меньше он мог, тем большим занудой становился? – хихикнула Жанна. – Резонно опасаться его ревности. Встречала я подобных мужчин, когда работала в профкоме, нельзя им потакать и спуску давать. И как далеко Лина успели зайти в своих взаимоотношениях с Жоржкой? До мордобоя у них дело дошло или до развода? Надолго ли ее хватило? Есть люди, вызывающие неотступное раздражение. От таких надо спасаться бегством или же быть к ним абсолютно глухими. Какую политику избрала Лина?

– Сначала старалась не обращать внимания на его бесконечные бзики, потом засомневалась в правильности своего поведения в семье. А раздражение все копилось и копилось. В общем, решила она не ждать, пока супруг совсем озверевает. Не пожелала больше осчастливливать его своими слезами, не стала, как некоторые, устраивать бурную демонстрацию своей неприязни, сама подала на развод, когда окончательно поняла, что он гробит не только ее, но и нервную систему дочерей.

По справедливому замечанию его дочек, «к этому папочкой уже давно была подготовлена почва». Лина весьма грубо выразила мне свое мнение по поводу их развода: «Совсем приперло... Всю жизнь ноги ему мыть? Накось-выкуси! Достал! Собрала его манатки – и дала под зад коленом. И, выдав порцию крепких выражений, покатился Жорка вниз, собирая штанами всевозможную грязь. Пусть один живет и радуется, пусть теперь сам себя со света сживает». Видно, крепко он ей насолил, если такая терпеливая женщина решилась спустить его с лестницы. Я считаю, что слишком строгим воспитанием родители растят девочек, привыкающих к подчинению.

– Не самая захватывающая история. Где же был его ум? Неужели, тирания жену, он надеялся на надежную железную власть домострою, привитого ей в детстве отцом? – удивилась Жанна.

– Подобные диалектические скачки из количества в качество теперь не редкость в семейных отношениях. Жизнь, как огромный пазл: складываешь, складываешь терпеливо... А когда понимаешь, что некоторых составляющих нет и никогда не будет и что все равно ситуация тупиковая, то остается один выход, – философски осмыслила Аня ситуацию Лины.

– Толчком к решительным действиям послужило ей неприятное открытие. Раз шла она с работы, как всегда нагруженная сумками (осталось только в зубы взять), а лифт сломался. Чертыхаясь, потопала пешком на девятый этаж и

на лифтовой площадке услышала пошлые откровения своего подвыпившего мужа соседу: «На женщину можно положить-ся, на ней все держится... Так и должно быть, пусть пашет... Но не отдавать же ей еще и главную роль в семье! Она обязана довольствоваться положением служанки...» Ну и все в таком же духе. Лина как фурия взвилась: «Он еще и издевается?! Ну, погоди, гаденьш!!» И в два счета выставила мужа за дверь.

За суетой, за заботами о семье некогда ей было раньше задуматься о необходимости жить с таким мужем, а тут вдруг реально увидела в мрачном свете всю свою судьбу с ним и не захотела своим здоровьем и в дальнейшем оплачивать его занудство и непорядочность. К тому же осознала, что и как муж, и как добытчик он оставляет желать лучшего. И сносным отцом его можно было назвать с большой-большой натяжкой. Дочки боялись его. Ее в НИИ ценили как специалиста и выдвинули на руководящую работу. Не ему, а ей дали квартиру.

– Этот раунд Жорка проиграл. Не запил? Ведь подобные события имеют последствия иногда даже весьма неожиданные, – усмехнулась Жанна.

– Жорка слишком любит себя, чтобы спиваться. Сначала до одури играл в карты, потом пристроился было к какой-то вдовушке, но та достаточно быстро разобралась в не очень радостных перспективах их сожителства и предпочла одиночество немотивированному агрессивному зануд-

ству. И вот, когда ему некого стало доводить до белого каления, разве что самого себя, тут-то, я думаю, он впервые задумался и оценил достоинства своей первой жены... и неожиданно замолк. Я не могла выдавить из него ни единого слова, как ни одной капли из выжатого почти досуха, выкрученного жгутом полотенца. Что его торкнуло в голову? Может, мгновенно всю свою жизнь переосмыслил в сорок лет?

– А попроситься к жене назад мужская гордость не позволила? – ехидно спросила Жанна.

– Понял, что поезд его ушел.

– А Лина больше не вышла замуж? Думаю после такого муженька ей хотелось отдохнуть, но любить и быть любимой вопреки всему своему печальному опыту у нее, наверное, все равно желание было? Продолжала мечтать о счастье?

– Только не с Жоркой.

– А вдруг, если бы они сошлись, им удалось многое забыть из своей прошлой жизни и начать все сначала? Я знаю такие примеры, – оптимистично заявила Жанна.

– Ой, сомневаюсь я в таком счастье. Хочешь-не хочешь, но обиды все равно выплывали бы и мучили. Такая жизнь, прежде всего, потребовала бы от Жорки огромного терпения и такта, а где он их мог взять, если у него и по молодости таковых не наблюдалось? Говорят, примостился и пригрелся Жорка у какой-то женщины лет под шестьдесят. Она его обиходила. А как он теперь живет, я не знаю, – ответила Инна.

«И у Зои муженек не слаще, – подумала Аня. – Когда я летом была у них в гостях, Дмитрий такой сыр-бор из-за ерунды поднял! Зоя при мне дала ему какую-то справку в синем полиэтиленовом пакетике, а когда он вернулся из конторы, то сунул ей в руки голубой бахил, мол, убери документ на место. Зоя держит бахил в руках и не может ничего понять. Затем справку в нем обнаружила. Естественно, спросила у мужа, как она туда попала. Дмитрий разорался, мол, сама засунула, а с меня спрашиваешь. Зоя ответила, что он сам ей только что ее отдал. Дмитрий раскричался, стал обвинять Зою в предвзятости, в недоверии, в плохом характере и еще много в чем, не имеющем никакого отношения к мелкому случаю происшедшему на моих глазах. А Зоя, обращаясь ко мне, спокойно сказала, что она вот уж пятнадцать лет держит эту важную справку в ярко синем пакете, чтобы долго не искать среди массы прочих документов. А еще добавила, что ей в голову не могло прийти положить документ в бахил, который можно случайно выбросить как не имеющий пары, потому что маленькую по размеру справку в нем не разглядеть, и что вообще всё это как-то нелепо... «Может, ты пошутил? – спросила Зоя. – Где ты отыскал этот чертов бахил?»»

Дмитрий не принял смягчающего предложения и, не стесняясь меня, продолжал кричать и обзываться. Зоя долго не обращала внимания на выступления мужа, но ей было нелов-

ко передо мной и она не выдержала: «Тебе не приходит в голову, что ты тоже можешь ошибаться, идеальный ты мой?» Ее заявление было встречено бурей негодования. И тут она вообще разозлилась. «Почему я всегда виновата во всех глупостях, которые ты совершаешь? Уйди, не заводи меня из-за ерунды! Я же больной человек», – в бессильном гневе закричала она. Чем закончилась их разминка? Дмитрий оделся и выскочил на улицу. И слава Богу. Мне от его криков буквально дурно становилось. «Получается, что в состоянии раздражения или малейшего гнева Дмитрий ведет неадекватно, так, словно не контролирует себя? И когда его хвалят, у него перекрывается канал рационального мышления. А вдруг это болезнь? – подумала я тогда. – А может, все-таки дурной характер, распущенность?»

А перед сном у них еще одна вспышка произошла. Зоя к вечеру очень уставала, поэтому в основном лежа смотрела телевизор или читала. Но раз я приехала, она мне уделяла внимание, разговором развлекала. Дмитрий подошел к спальне, где мы «заседали», и что-то спросил. Зоя ответила, что не услышала. Муж опять что-то спросил. Зоя снова ответила, что не поняла его. Но когда муж третий раз что-то сказал из-за полуприкрытой двери, она взорвалась: «Я же только вчера тебя просила, разговаривая, смотреть на собеседника. И ведь не первый раз об этом говорю... Неужели тебе трудно подойти поближе, чтобы быть услышанным? Ждал, чтобы я встала с постели? Но мне вечером, даже лишний раз

повернуться трудно».

Крик, обвинения. Я так и не поняла в чем. Упреки в том, что его ненавидят... Французский пастор когда-то изрек, что взрослых людей не бывает. Дмитрий в душе ребенок? Но какой капризный и жестокий! Таких наказывают. Мне хотелось его ехидно спросить: «А ты не замечаешь просьб жены и хамишь потому что очень ее любишь? Поэтому переиначиваешь ее слова? Ты не понимаешь, что ее нервы и болезни – следствие твоего ужасно эгоистичного поведения?» Но я только попросила его успокоиться. Не прислушался. Насмешливо воскликнул: «Всене непременно!» Ночь прошла бес-толково: лекарства, наши с Зоей попытки заснуть... А Дмитрий спал в своей комнате как младенец.

Утром я сказала Зое: «Взрываться из-за таких мелочей? Словами выразить свои чувства во всей полноте у меня не получится. Впрочем, я знаю очень даже талантливых людей, которых я не уважаю из-за их «нечеловеческих», качеств. Я и рядом с ними бы не села... Ждешь от любимого мужских поступков, а он тебе – беспощадную истерику. Если человек не способен на самоконтроль, толку от него в семье мало. А если он еще и нарочно издевается... Дмитрий хочет выглядеть ничтожным, не соответствующим высокому человеческому? Он не понимает, что такое достоинство?

«Как и его мать», – грустно усмехнулась Зоя.

«Как можно оскорблять, совершенно не думая о последствиях? Он не сомневается в себе? По моим понятиям чело-

век сомневающийся – нормальный, а вот если нет... Не зря Инна говорит о Дмитриии, что у него нейроны в голове сумбурно перемешаны, что они не в ладах...

У всего есть своя цена, только не все ее платят... Бабушка мне в детстве говорила: «Не прячься от врага в яме. Беги. На просторе ты можешь надеяться на силу своих ног, а в яме, в этой ловушке, только на Бога. А он не всегда всюду успевает...»

А что после завтрака произошло? Желая смягчить натянутость, напряжение, возникшее между супругами еще с вечера, я затеяла разговор о предстоящем праздновании Нового года. Я спросила Дмитрия о его планах, а он, совершенно неожиданно для меня, взорвался: «Я не хочу созывать гостей, я вообще не хочу его отмечать. Это не праздник!» «Не хочешь и не надо, – спокойно сказала Зоя. – А день рождения тебе устроим? Юбилей все-таки». «Зачем? Юбилеи – это репетиции поминок», – резко отреагировал Дмитрий. «Ну, а мне на восьмое марта придумаешь что-нибудь особенное, интересное, приятное?» «На работе я устраивал праздники, потому что обязан был», – ответил Зоин муж. «Но ты же организовывал встречи одноклассников, сокурсников, и принимал в них не только деятельное материальное участие. Сокурсницы были от тебя в восторге. Почему же для семьи ты не хочешь сделать что-то приятное? Ты отказываешься идти в театр, в ресторан. На мне сэкономишь? Ты парадоксально непредсказуемый человек. Я считала, что мужу должно

быть приятно, если о нем заботятся и ему самому должно доставлять удовольствие делать что-то хорошее близким. А тебе нравится радовать только чужих людей ради их похвалы? Никак не ожидала что ты так странно воспримешь просьбу встретить праздники не буднично, а как-то по особенному радостно. Я же не требую вложений в праздник, каких-то подарков. Я была бы не против побродить с тобой часок-другой по зимнему лесу или хотя бы по большому парку, как мы с тобой когда-то гуляли на религиозный праздник «Вербное». В юности и в старости радуют даже мелочи. Ты же ездешь на рыбалку, почему бы и жене не устроить поход на природу?

Начались крики, упреки. «Вот тебе и утонченная изысканная деликатность мужчины. У него духовная жестокость? – подумала я тогда о Дмитриии. – Как, живя в такой ядовитой среде, женской душе сохранить в себе акварельные качества души: нежную волнующую трепетность, незабываемую головокружительность, легкое дыхание?.. А когда-то Зоя говорила: «В обертонах Митиного голоса есть что-то мне очень близкое. Не зная его, я бы...» Может, и правда женщины воспринимают любимых через голос, а мужчины глазами? Но надежные ли это средства познания человека?

Истинное мужество жить, зная о своей жизни всю правду, зная, что во многом проигрываешь.

Мне почему-то вспомнились вопросы моей бывшей подопечной, во время просмотра фильма «Любовь под до-

ждем». «С мужем не может быть такого интересного отпуска? Свежесть чувств возникает только с чужим человеком, с любовником?» Мы с выпускницей детдома тогда пили чай и долго беседовали «о жизни». Я ей рассказывала о своих подругах и их мужьях. И про Зою, про то как она говорила мужу: «Назови своих демонов по имени и они исчезнут». Но он не признавал своих ошибок. А потом я размышляла: «Какое отношение имеют вопросы этой детдомовской девочки к Дмитрию? Сокурсницы не любовницы, но почему он к ним относится уважительнее, чем к жене?» Этого я до конца не понимала.

Через два дня, провожая меня, Зоя вздыхала: «Злость, даже минутная, разрушает. Я не хочу конфликтов и пытаюсь от них защититься. Но мне все труднее бороться с мужем. И от себя я устаю. А главное, я чувствую, что дистанция между нами с годами все увеличивается, а те редкие дорогие моменты душевной близости, что возникали когда-то в молодости, будто удаляются, словно кто-то по-прежнему нас разделяет. И на сердце у меня никому неприметные слезы, потому что единство душ и душевная щедрость намного сильнее единства умов и интеллектов... И когда фильмы смотрю, своя история все время всплывает, мучает... А раньше мне казалось, что шестьдесят-семьдесят лет – десерт жизни, когда супругам комфортно вместе, когда они могут жить, понимая и ценя друг друга, как хорошие друзья. Но оказывает-

ся, даже прошлое присутствие посторонней женщины в семье сквозняком не выветрится. И я все чаще проговариваю внутри себя когда-то глубоко меня тронувшие строки: «Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять...»

Чтобы как-то развеять настроение подруги, я пошутила. «Может, мы слишком много требуем от жизни?» Инна как-то рассказывала о своих деревенских соседях: «Он на нее матом. Она в ответ тоже. И продолжают вместе возиться по хозяйству. А вечером сидят на крыльце и дружно орут «Ой цветет калина». И дети рядом веселые, грязные, сопливые. Как кутята. И все счастливы!»

У Зои улыбнуться не получилось.

А в мой первый приезд Дмитрий вообще вел себя несуразно. Скрылся из дома, никому не сказав ни слова, а вернувшись, стал корчить из себя то ли полного дурака, то ли наивного простака. Мол, соседка-врач попросила меня починить кроватку сына ее разведенной сестры. «А почему тайком уехал? Понимал, что ведешь себя предосудительно?» – спросила Зоя. «Какая мелочь! Помог человеку! Соседка меня не раз приглашала к себе давление померять, сердце прослушать», – ответил Дмитрий. «А тебе не приходило в голову, почему из десяти мужчин, проживающих на нашем этаже она заботится только о твоём здоровье? Она уже всех «прошупала» и пришла к выводу, что только тебя сумеет оторвать от семьи и пристроить к своей младшей сестре, потому

что ты легко «покупаешься» и продаешься за комплементы». «Не выдумывай! – возмутился Дмитрий. – Она радостно поблагодарила меня, угостила домашним вином и пригласила в воскресенье покататься на лыжах. У них такие прекрасные горки!» «И ты поедешь?» «А почему бы и нет?» – вполне искренне удивился Дмитрий. Мы переглянулись с Зоей и она спросила: «Одного пригласила? А меня? А наших детей? Я никак не могу уговорить тебя покататься на лыжах с сыном, хотя врач настаивал на их лечебном свойстве, а с чужим ребенком ты почему-то мгновенно согласился провести выходной». И конечно же, Дмитрий стал упрекать Зою в предвзятости к соседке, в жесткости, в нелюбви к людям и еще многое в чем...

Зоя мне писала, что почти год объясняла мужу, «что такое хорошо и что такое плохо», предлагала представить картину, в которой она одна ходит помогать какому-либо разведенному мужчине, развлекается с ним... А я напомнила ей, как ее свекровь отправляла своего сына помогать дочкам своих подруг, в надежде, что какая-нибудь воспользуется ситуацией и разведет вас...

А еще Зоя сообщала, что когда через несколько лет соседка-врач переезжала в другой район города, то при последней встрече около лифта она, опустив глаза к полу, извинилась за попытку переманить ее мужа, для своей любимой сестренки. Надо же, видно мучала ее совесть! Но когда Зоя передала слова соседки Дмитрию, он сделал вид что не поверил, ска-

зал, что она сама их придумала. И как с таким придурком можно жить?

Не потеряла еще Зоя способности шутить. Недавно сказала по телефону: «...Как узнали Митины бывшие, что болею я часто, так сразу в очередь встали. Боюсь, передерутся из-за него. Они не понимают, что хорош он был для них, пока гулял, а женившись, сразу превратится в тирана». «Ты их не боишься?» – спросила я. «Я в конкурсе не участвую. Они меня уже списали», – рассмеялась Зоя. «А как ты узнала про «конкурс старух-невест?» – поинтересовалась я. «Я всегда чувствовала, что Митя поддерживает с ними связь. Как-то решила проверить свою догадку про одну из них, самую хитрую и настырную, старым испытанным веками способом. Запустила через ее знакомую так называемую «утку», заведомую ложь, которая может очень заинтересовать или взволновать «испытуемую» и проследила реакцию мужа на нее. Результат не замедлил сказаться. Для верности я трижды провела эксперимент. Мы же физики – рассмеялась Зоя. – Потом начала отслеживать телефонные звонки. Есть осторожная особа, с которой он разговаривает вне дома или когда меня рядом нет. С другими он начинает громко беседовать будто бы о работе, советы дает деловым тоном, а потом незаметно переходит на шепот и они томными голосами делают друг другу намеки, вспоминают прошлое, расспрашивают о настоящем, что-то предполагают на буду-

щее». «Ты догадываешься о чем они говорят?» – удивилась я. «Зачем мне фантазировать? Я их слушаю», – усмехнулась Зоя. «Но ведь неприлично...» – растерялась я. «Мы с Митей так играем. Он, когда хочет поболтать, прячет переносную трубку в своей комнате, а я прихожу по какому-нибудь делу, допустим цветы полить, и нахожу ее. Иногда муж, почувствовав что его прослушивают, начинает намекать собеседницам, об осторожности. Они не всегда понимают. Спектакль да и только. Сначала я очень переживала, а теперь эти телефонные звонки превратились для меня в развлечение. Мне интересно их изучать, анализировать: где подстава, а где правда. То еще шоу!

Я всегда чувствую, когда муж уходит на кратковременную встречу где-нибудь у магазина, и я оцениваю ее результат по его настроению. Иногда он врет, что был на рыбалке. С нее он всегда возвращается с красным лицом. А если с бледным, значит, что-то чинил в чужой квартире. Может, бачек в туалете. Как-то пошли с Митей на выставку картин его товарища, так одна из них и там устроила свидание. Я это почувствовала по слишком заботливому отношению мужа. Он даже шикарный комплемент мне «отстегнул». Вот я и насторожилась». «И ты так спокойно об этом говоришь?» – воскликнула я. «Хочу еще хоть немного пожить и чем-то помочь внукам, и это для меня сейчас самое главное. А эти шлюшки пусть хоть перебесятся!»

Как я понимаю Зоиного мужа? Любовь – это открытость, это внутренняя незащищенность. Вот откуда Зоина беззащитность перед мужем. На открытость любящие отвечают открытостью. Даже в жертвенности может присутствовать поза, не зависящая от того, что есть в человеке внутри, а в открытости ее нет. А в Дмитриии нет этой открытости. Он не умеет любить, он только влюблялся. Эти влюбленности присутствовали в нем как что-то отдельное, разовое, подобное случаю. То с одной, то с другой, то опять с этой же... Искушение его съедало, а ему нечего было противопоставить из того, что есть в нормальном человеке: ни терпение, ни порядочность, ни чувство долга. Вот и выстраивал он сценарий своей жизни на кратковременных порочных связях.

У Дмитрия внутри себя нет праздника, нет радости. В его душе не происходит морального и духовного накопления, наполнения. Она как голые скользкие холодные стены подвала. Он не может и не хочет развивать в себе способности к заботливости, к раскаянию и прощению, потому что любит только себя. И по этой же причине он не меняется. Любить, значит отдавать, а Дмитрий в семье только потребитель, духовный монстр. Для других он излучает, поглощенную им от близких положительную энергию, чтобы казаться им хорошим и получать для себя удовольствие и радость. Он всюду в плюсах! Его характер и поведение нельзя рассматривать через призму стереотипов. Но в данном случае это далеко ему не комплемент.

Дмитрий замечает только легкое, красивое, радостное, не требующее приложения сил. Бороться с трудностями он предоставляет другим. Он считает, что живет с размахом, полной, насыщенной интересной жизнью! «Он счастлив! У него природный «космический» магнетизм! (Внешняя значительность не обусловленная и не подтвержденная значимостью?) И пусть он с годами не меркнет и не тускнеет! Перестройка слегка поубавила пыл, потрепала имидж, но он возродился. Его история не из числа святочных рассказов, он сам добился! И это правда. А семья? Затертое понятие... У них свои мелкие проблемы, они его не касаются». Это Зоя считала, что семья, дети – главная золотая награда жизни.

Может, я ошибаюсь насчет Дмитрия. Я снова попала в сеть своих сомнений? «Не приговаривай никого и ни к чему?» Но я его так вижу», – усмехнулась Аня.

Услышав слова Жанны, Аня «пришла в чувство».

– ...Железной рукой человека к счастью не приведешь.

– А людей можно, – рассмеялась Инна. – Вспомни послевоенные успехи, космос.

– Без нее мы достигли бы еще большего, – горячо возразила Аня.

– ...Анюта, ты у нас специалист-теоретик по особо важным душевным делам? Каждой женщине хотелось бы рассказывать о своем муже, расцветая, мол... у него подвижный гибкий ум, он благородный, добрый... Откуда у многих муж-

чин неисцелимое желание обладать и жестоко подчинять себе даже в мелочах? – задала Жанна риторический вопрос, вернув подруг к больной теме. – Я понимаю, что справедливость в мире никогда не восторжествует, потому что материальное побеждает все доброе. Я знаю, что справедливость – это не «всем сестрам по серьгам». Но мы же все равно хотим остаться людьми. Мы верим, что люди в целом достаточно порядочные, не склонные к предательству и стоят на страже социальных норм. Мне кажется, человек без понятия справедливости лишается света в душе.

Я уже внуков имею, но меня до сих пор тревожит еще один неразрешимый вопрос, – без плавного перехода затронула Жанна другую животрепещущую тему. – Я не раз задумывалась над тем, как сделать, чтобы отношения между молодыми людьми подольше оставались платоническими, даже при излишней нетерпеливости возлюбленного, когда он не находит в себе силы притвориться равнодушным в ожидании того момента, когда получит все, что хочет. Как заставить молодого человека ослабить постоянные натиски? Мне было проще, мой Коля не был настырным.

Аня откликнулась:

– Я долго думала над этой проблемой, много читала и пришла к вполне разумной теории. Если девушка поняла, что ее любовь и внимание представляют для любимого большую ценность, то она должна хоть на время разлучиться с ним.

А когда разлука для него станет непереносимой и он будет готов пойти на любые уступки, вот тогда она должна выставить свое условие: их отношения до свадьбы должны быть платоническими. Дело в том, что во время разлуки влюбленный забывает думать о физическом обладании. Эти его потребности уступают место более мучительным страстям – душевным. Он мается, страдает, боится потерять любимую. Так он учится получать удовольствие в дружеских словах, в обещании просто побыть рядом. Он пугается ее отчужденного взгляда, боится больше не увидеть ее. Временная разлука – это с ее стороны легкое, но необходимое кокетство. Если одного раза мало, можно повторить «обучение» терпению, только на более короткое время. И девушка при этом четче осознает, что не стоит переходить черту недозволенно-го. Она поймет, что ничего не отдавая, она получит гораздо больше, чем получила бы, не устояв. Вот так молодой человек учится платонической, бестелесной любви высшего порядка и терпению. Он приходит к вере в добродетель своего объекта обожания и ему хватает чувствовать себя любимым и любящим.

Жанна внимательно выслушала Аню и вновь обратилась к прерванному разговору с Инной.

– ...Лину и в перестройку не списали со счетов. Она до сих пор работает экономистом, правда на полставки, потому что устает, болеть часто стала. Так ее по телефону бомбят,

просят помочь, хотя бы консультациями. И все же, несмотря на собственную успешность, ее до сих пор волнует трудная проблема – как научиться уже в юном возрасте бороться с губительной неуверенностью, чтобы оказывать хотя бы минимальное сопротивление сначала давлению родителей, потом любимому мужчине, не утрачивая при этом доброты, любви и обожания. О судьбе внучек беспокоится, – неторопливо рассказывала Инна. – Мама у Лины еще жива. После смерти отца она ее к себе взяла. Думала, будет жить возле нее, отогреваться душой. Говорила нам, что мама хотела ей лучшую, чем сама имела, долю, что грустно-безнадежная жизнь с мужем в качестве бесплатной домработницы изнурила, измучила ее. И от одной только мысли, что она своей любовью поможет маме забыть прошлое, Лина чувствовала радость.

Ее мама очень болеет. Собрала к старости целую коллекцию чудачеств, страстишек и страхов. Первые годы совместной жизни мать как ангел тиха была, но теперь Лине с трудом удастся запускать ее напрочь разлаженный механизм памяти. Такую ахиною несет – и ведь ни слова правды! – хоть из дому беги. То обвиняет, то угрожает, а то убегает неизвестно куда, всех на уши ставит. Такая вот трясина старческого маразма. Достается Лине. Но тут-то старушка хоть не понимает, что творит... Говорят, одиночество много страшнее. Но это кому как. Например, мне оно предпочтительнее. С возрастом я стала удаляться от больших и шумных компаний. Они утомляют меня. Все мы рождаемся и умираем одино-

КИМИ.

...А у современной молодежи дефицит общения. Они с компьютерами больше «беседуют». Это драма. Как-то наблюдала пару на свидании. Сидят на лавочке, букет цветов между ними... и каждый в свой планшет смотрит. Это гуманитарная катастрофа! А когда они думают, рассуждают? – на минуту отвлеклась Инна от линии своего рассказа Инна. – Старость – это когда еще чего-то хочешь, но мало что можешь. Это второе детство, только, по большей части, менее счастливое. Мучается Лина с матерью, но терпит, жалеет – родная ведь. Может, еще и потому, что свою девяностолетнюю бабушку вспоминает. Ездили мы как-то в молодые годы к ней в дальнюю деревеньку. Меня там ошеломило вселенское сосредоточие человеческих горестей. В первый момент все чувства мои превратились в полную растерянность, потом ничего, пришла в себя... И вот будто до сих пор болтаются перед моими глазами многолетние, заскорузлые, пыльные полосы когда-то липкой бумаги, осыпанные засушенными мухами, полгода неметеные полы, пустые полки кухонного шкафа, твердый как камень кусок хлеба на столе и другой, размоченный в кружке с водой...

Помню, старушка кусочек селедки запросила, мол, все картошка да картошка пресная. К колбасе не притронулась. Старшей дочке с зятем попросила завезти. Линочку все нахваливала, что не забывает внушенька, хоть у самой концы

с концами не всегда сходятся да связываются... А той в глаза бабушке стыдно было смотреть. Такая вот жизнь... Трудная-то она трудная, но не в том дело... Видно это горькое воспоминание глубоко запало в ее сердце... С кем-то можно позволять себе такое, а с кем-то и нет, – буркнула Инна и настроила свои ушки-ловушки на прием.

– Кто-то может позволять себе такое, а кто-то нет, – сказала Аня и отвернулась.

Жанна заглянула через плечо той, кому принадлежали эти неожиданно резкие слова, и увидела на ее коленях фото мамы Инны.

А Лена дочь своей подруги вспомнила. Александре за сорок, но ей еще больше требуется любви и внимания близких, потому что нет ни мужа, ни любимого человека. А мать больная, у нее не хватает добрых эмоций даже на себя. Ее бы кто поддержал. Да и не умеет она внешне выражать свои эмоции. Сама любви в семье не знала. И вот живут два одиноких человека порознь, потому что вместе не получается.

Соседи

Грохот над головой испугал женщин.

– Не волнуйтесь, опять соседи резвятся, – сказала Кира, войдя в комнату к подругам. – Сейчас весь дом переполошат. Постоянно причиняют беспокойство. С ними не соскучишься, «веселые» они у нас. То отец семейства пьяный вломится к нам, то его разудалая супруга ор устроит на пустом месте.

Первое время жена мужа сдерживала, теперь вместе пьют, куражатся и хулиганят. Иногда мне кажется, что мы живем в многоквартирных домах для того, чтобы служить развлечением соседям, – спокойно, с долей иронии в голосе объяснила Кира.

Шум повторился. В приотворенную входную дверь просунулась взлохмаченная голова. Лена разглядела невыразительные как бы стертые черты лица пьяной женщины. Слава надел халат и вышел в общий коридор. Там он уверенным тоном человека, обладающего влиянием, произнес:

– Кто сотворил с вами такое?..

Больше Лена ничего не слышала. Дальнейший разговор происходил на чужой территории.

А Кира продолжила:

– Не далее как в среду, иду из магазина, настроение хорошее, потому что погода тихая, морозная. Только на первую ступеньку крыльца поднялась, чуть не сшибла меня с ног соседка, что над нами живет. Не физически, нет, криком своим гортанным. Глаза выпучены, лицо исказилось от безудержной ярости, покраснело, раздулось. Кулаками машет перед моим носом, танком прет, слюной брызжет, захлебывающейся скороговоркой выстреливает ругательства, оглашает дом пронзительными криками, сопровождая их пошлой разнузданной жестикуляцией. Грубость ее была сколь невоздержанная, столь и показная. Мол, знай наших. На испуг брала. Сынок-верзила рядом с мамашей стоял довольный, уха-

мылялся, переминался с ноги на ногу. Опешила я, отступила, не понимая, за что наскакивает и проклятья изрыгает.

«Надоели, – кричит, – замучили, весь дом от вас дрожит, никому покоя нет! Мы доберемся до вас, выслем из квартиры! Шумите тут целыми днями». И через каждое слово «образные выражения» вставляет.

«Телевизор наш вам мешает? Так после одиннадцати часов вечера я всегда звук на шепот перевожу», – растерянно оправдываюсь я.

«Причем здесь телевизор? У вас целыми днями что-то гудит и визжит!»

«Нечему у нас гудеть. Ремонт мы уж двенадцать лет не делали. Вы нас с кем-то путаете. Гул дрели я тоже каждый день слышу. А вчера в какую-то квартиру мешки с цементом носили, вот с них и спрашивайте тишины», – возражаю я сердито.

Проклятья продолжались до тех пор, пока за мной не закрылись двери лифта.

«Институт закончила. Знания, может, и получила, да только воспитанности от этого не прибавилось. Пришла бы ко мне в квартиру, поговорили бы по-хорошему, все выяснили, чаю попили, а то сразу оскорблять, унижать, нервировать. Почему она всегда готова поверить в самое худшее в человеке? Откуда в ней столько подозрительности и изобретательного коварства? – думала я грустно, рассовывая продукты по полкам холодильника. – А я еще ей сочувствовала,

когда перестройка загнала ее торговать на рынок. Да видно место ей там: обвешивать, хитрить, грубить, нагло глядя в глаза».

– Простота и доверчивость – синонимы наивности и глупости. Миром правят лжецы и циники, – пробурчала Инна себе под нос.

– А как-то один из жильцов лак пролил. Я субботу и воскресенье задыхалась от вони – у меня же аллергия, – металась на диване, не зная, чем спастись от назойливого, въедливого запаха, с трудом перемещалась по квартире, мучаясь тошнотой и рвотой. Так посыпались на мою больную голову непрерывные телефонные звонки с угрозами и требованиями прекратить «химичить» и «ставить над людьми опыты». А на дверь нашей квартиры соседи прикрепили плакат с угрозами. Я плакат сняла и на его место повесила записку о том, что очень страдаю даже от запахов на кухне, поэтому не только не провожу опытов, но даже не каждый день готовлю пищу, по причине плохого самочувствия. Оставили меня в покое.

А что творилось, когда в доме телевизоры начинали плохо показывать! И депутату на нас кляузы писали, и в ЖЭК, и в городской Совет звонили. По их мнению, виной всему был наш компьютер. Он, видите ли, портит изображение. Мы «пострадавшим от современной техники» демонстрировали отсутствие влияния работы нашего компьютера на качество телепередач и телеантенну себе отдельно на крыше

поставили, чтобы хоть чем-то успокоить соседей, – не помогло.

Я удивлялась: ведь не только у нас в доме компьютер, почему к нам привязались? «Умные вы больно», – был мне ответ. «Умные не позволят делать глупости и портить отношения с соседями. Ищите того, кто, возможно, по незнанию, совершает противоправные действия», – посоветовала я.

А хорошей соседке шепнула: «Ну, если они в чем-то не разбираются, зашли бы к нам за консультацией. Посоветуй, как нам объяснить им, что дураков следует опасаться, а не умных». С невежественными людьми не получается разговаривать, прибегая к доводам разума, по справедливости; они зачастую восстают не столько против причиняемого им зла, сколько против добра, которое им хотят сделать. А ведь еще философ Кант говорил, что умный человек не совершает плохие поступки потому, что оставаясь наедине с собой, не хочет оказаться рядом с подлецом. Что-то типа того.

Маты и угрозы продолжались полгода. Антенну нашу ломали, телевизионный кабель срезали. Комиссии многократно обследовали дом. Выяснили причину, нашли виновника. Им оказался ребенок наших шумных соседей, который в отсутствие родителей «скачивал» фильмы из телевизора в свой компьютер. Но никто из жильцов и не подумал извиниться перед нами. Что бы в доме ни происходило плохого или непонятного, и по сей день первым делом соседи ополчаются против нас. И откуда такое неприятие к образованным?

Никто не посочувствовал нам, когда и первые, и вторые жильцы, те, что над нами, делая ремонты, постоянно заливали нашу квартиру так, что мы уже перестали замечать желтые полосы на потолке между перекрытиями. Они и до сих пор продолжают «полоскать» нас после очередных бурных возлияний. Что хотят, то и творят, и управы на них нет никакой.

На каждый роток не набросишь платок, особенно, если этот рот принадлежит безбашенной голове. Я больной человек, но не бросаюсь на каждого. Понимаю, что жильцы обязаны содержать квартиры в хорошем состоянии, а для этого желательно раз в пять лет, если средства позволяют, делать косметический ремонт, главное, работу выполнять в установленное законом время. Я стойко и спокойно терплю шум, раз живу в городе, в многоэтажном доме. А как же иначе? «Возлюби ближнего своего как себя самого» касается всех, даже неверующих.

Дырявая память у наших соседей на добрые дела. Муж в молодые годы многим бесплатно чинил телевизоры. Некоторые, правда, водку предлагали. Но он и слышать о ней не хотел. Отшучивался – не пью, не враг себе. Уважаемым был, пока чинил? Нет. Факты ставят в тупик. Теперь вот наш сын им компьютеры настраивает и ремонтирует. Наверное, думаете, критикуя, я становлюсь мелочной?

Тема была подхвачена. У каждой из женщин нашлось, что вспомнить.

– Вот заведется в доме одна пакостная тетка, и всех баламутит, натравливая соседей друг на друга. Житья от нее никому нет. И у нас такая есть. Как увидит, что кто-то с кем-то мило беседует, в тот же день какую-нибудь гадость скажет одному про другого и тот начинает шарахаться от соседа. Хобби у нее такое. И ведь инженером работала до пенсии. Сочувствую ее бывшим коллегам.

И мне не раз от нее доставалось. То с соседями по этажу рассорит, то дворничихе «напоет», что я ей работы прибавляю, хотя все как раз наоборот. То принялась уговаривать мою семью деревья спилить, чтобы они цветочкам на клумбе свет не заслоняли. Думала, что мы глупее ее и не знаем о штрафах за незаконное уничтожение зеленых насаждений. А когда при ремонте теплотрассы рабочие спилили три тополя, она стала утверждать, что это я лишила наш дом красоты.

Тополя я, конечно, не спиливала, а вот по поводу странного способа ремонта прорывов труб с мастером беседовала. За шесть лет существования моего палисадника его трижды «с лица земли» стирали ковши ремонтной бригады. Длина цветника восемь метров. Так вот, когда впервые произошла протечка, я попросила главного специалиста, проложить новые трубы по всей длине цветника, чтобы им больше не пришлось его разрывать, тем более, что эти трубы уже прослужили срок вдвое больше положенного. Только разве он, мужчина, станет слушать женщину с высшим техническим обра-

зованием! Мы, мол, сами с усами...

Ну так вот про соседку. И чего привязалась? Я ее никогда не трогала, даже имени не знала, пока сама случайно рано утром, сидя на балконе, – не спалось мне, – ни услышала, как она порочит меня перед моей знакомой. Такие гадкие слова употребляла, что у меня мороз по коже пробирал. Думала, без свидетелей обгаживает, один на один. А когда на лавочке ведет беседы в компании пенсионерок, всегда такая умная, воспитанная, культурная. Плохого о ней не подумаешь. А на самом деле стерва, змея подколотная, – пожаловалась Жанна.

– Я тоже иногда встречаюсь с непониманием и даже противостоянием в отношениях с некоторыми соседями, – вздохнула Аня. – Например, надоел мне пыльный бурьян, растущий перед нашим домом, так я взялась за обустройство участка.

Четвертый год занимаюсь палисадником, но пока плохо получается. Участок не огорожен и люди не считают нужным обходить клумбу, идут напрямик, ломая и затаптывая не только цветы, но и молодые кусты. Машины ставят, не замечая зеленых насаждений. Иногда утром гляну – опять на свежевскопанной земле четкий след автомобильного колеса. Видно, разворачиваясь, не вписался шофер в предназначенное для машин пространство.

Но больше всего меня расстраивают кучи окурков, которые я нахожу по утрам в цветочных лунках. Сначала пред-

положила, что это ночные проделки молодежи, которая, развлекаясь возле нашего дома, оставляет горы пустых бутылок и разного мусора. Но как-то рыхлю я землю после дождя, как всегда выбираю окурки и вдруг вижу свежий, еще дымящийся. Поднимаю глаза и еле уворачиваюсь от следующего, тлеющего, летящего с балкона прямо мне на голову. Успела заметить мужчину со злорадным взглядом, быстрой тенью скрывшегося за шторой. И сынок его по-лакейски засеменял за ним.

Напакостил папочка тетке? Зато какое удовольствие получил бывший простой советский человек! Теперь долго будет с удовольствием смаковать. И ведь не вздрючишь... Скажет: «Ну и чапай на хрен отсель, куда хошь, коли не нравимся. Не держим в нашем доме». Пробовала бороться. Только доказала свою нежизнеспособность, когда слушала вот такого же... в некой стыдливой растерянности... А потом, глядишь, годок-другой – и «достойная смена» подрастет. Не даст и этот обалдуй тетке, то бишь мне, скучать... В каждом из нас много чего и хорошего, и плохого. Но ведь всем надо понемногу, по каплям избавляться от гадкого в себе, правда же?

А один жилец нашего дома посочувствовал мне: «И зачем тебе это надо? Больная, инвалид, лежала бы себе на диванчике, книжки почитывала, а ты из последних сил стараешься. Не оценят, не похвалят». Обидно, и он меня не одобрил, хотя хороший человек, ямки мне помогал копать. Выходит, что и в его глазах я выгляжу женщиной со странностями. Разве

ему не хочется красоты? Только на своем огороде? Для себя?

Пожаловалась подруге-психологу на свои трудности в общении с некоторыми соседями, а она грустно усмехнулась: «Есть такая категория людей, которым доставляет радость издеваться над человеком, особенно, если он до пенсии был уважаемым. Они, таким образом, возвышаются в своих глазах. Вот, мол, мы какие умные да хитрые, заставляем бывшую начальницу выгребать за собой окурки. И это мнимое чувство гордости, превосходства и восхищения собой перекрывают все другие чувства, какие могли бы возникнуть у культурного человека, но никогда не появятся у невоспитанного».

Еще одна соседка с наслаждением сообщает дурные новости. Конечно, потом выясняется, что они были ошибочны, но дело-то уже сделано, человек разволновался. А сколько неприятностей мне доставляет неуклонно растущее кошачье семейство, происшедшее от одной прародительницы. У соседей теперь спонтанно образовалось что-то вроде клуба по интересам. Собирают кошек со всей округи и кормят. Я понимаю, при отсутствии внуков им, одиноким, необходимо на кого-то растрачивать неизрасходованную материнскую любовь. Но грязь, вонючие кучи повсюду, болячки ничейных животных... Я один раз предложила им одомашнить своих подопечных, так сразу превратилась для них во врага номер один. Разворошила я порядок, в котором они привыкли жить. Вернее, беспорядок, – продолжила жаловаться Аня.

– А на новом месте, когда мы разменялись с сыном, у меня сложились ровные, приветливые отношения с соседями. Люди простые, но такие наполненные. Я быстро нашла в них поддержку своим начинаниям. Многие пожилые женщины взялись за озеленение и украшение нашего двора. И копаем, и поливаем, и радуемся вместе. Я внучку, когда она приходит ко мне в гости, тоже привлекаю помогать мне. Пусть привыкает, – сообщила Жанна. – Раньше я с предубеждением относилась к сидящим на лавочках женщинам. А теперь поняла: сил у них нет, подчас, даже мусор с крыльца смести. Я обнаружила в соседках столько интересного! Одна, оказывается, прекрасно читает стихи и знает их великое множество. Другая была известной спортсменкой. Честь страны в молодости отстаивала. Многие из них были уважаемы, ценимы на производстве, а теперь они вроде бы никто... просто пенсионерки. И от этого им грустно и одиноко. Вот они и делятся друг с другом воспоминаниями о былых заслугах, о которых уже кроме них никто не помнит. Детям некогда их выслушивать. Оно и понятно, у них забот полон рот, деньги надо зарабатывать.

Рассказы подруг навяли Лене одно неприятное воспоминание. Знакомый посоветовал ей обратиться к депутатам за помощью в издании очередной книги, и дал телефон своего друга, мол, хороший мужик. Запишись к нему на прием, подействует, а он...

Слава вернулся от соседей, и Кира пожелала подругам

спокойной ночи.

Бомбоубежище

Скрипнула дверь. Аня и Жанна пробрались на свои спальные места и тихо продолжили разговор, начатый на кухне.

«Бомбоубежище», – донеслось до Лены. И она вслушалась в рассказ Жанны.

...Судя по красному кожзаменителю, которым были обиты стены одной из комнат, это было лучшее бомбоубежище в городе, бункер, где в случае необходимости должно укрываться руководство. И меня поразило, что входная, мощная стальная дверь с огромным колесом для герметического задраивания вообще не закрывалась, а должна автоматически или механически блокировать помещение. Представляешь, она у пола заросла какой-то закристаллизовавшейся никому неведомой жидкостью гнойно-желтого цвета, образовавшейся из натеков с потолка – над убежищем располагался продуктовый магазин – и будто намертво вмерзшей в пол. Эти безобразные грязно-желтые неровные наросты сталактитов и сталагмитов отбойным молотком и дрелью с победитовым сверлом невозможно было раздолбить. Какой смысл говорить о других бесчисленных недочетах и огрехах внутри пустых помещений! Ни стеллажей с продуктами, ни резервуаров для воды, ни склада защитной одежды, которые я видела по телевизору, когда демонстрировалась готовность какого-то американского бомбоубежища принять в свое ло-

но простых граждан на случай атомной бомбардировки. (И там показуха?)

У ответственных организаторов эвакуации населения не было подробных карт дорог города и области. Участники схода задумчиво чесали затылки, вспоминали свои рыбалки, уточняя, есть ли в данном месте реки мостик или людям придется перебираться вплавь. Атмосфера что надо! Дружеская... И я уже предвидела не только курьезы, но и крупные неприятности в случае... не дай Бог... На единственной, давно устаревшей карте не проложены маршруты следования организаций в бомбоубежища или другие пункты сбора трудящихся. «Разберемся, невелика премудрость, – успокоил всех самый старенький и, наверное, самый опытный из присутствующих. – Не журитесь. Сомкнем ряды, прорвемся. Не такие крепости брали».

Интересный факт: магазины, в которых работают от пяти до тридцати человек, были взяты на учет, а четыре высших учебных заведения, в которых до десяти тысяч студентов в каждом, в списках спасаемых организаций не значились. И причину этой странной «забывчивости» объяснить мне никто не смог. Отшутились, мол, пусть надевают белые простыни и сразу ползут на кладбище. «Ваших детей и внуков среди них не будет»? – сердито спросила я. «Смотрите на вещи проще», – насмешливо посоветовал мне какой-то офицер. Но я вдруг вспомнила строчку стихов артиста Валентина Гафта о войне: «Когда земля от горя выла...» и грустно

пошутила: «Поздно, они уже все погибли».

А как началось наше учебно-тренировочное спасательное мероприятие? Целый час человек в погонах искал путевку для шофера, который должен был отвезти нас на «секретный объект». Потом мы два часа ожидали автобус. И в результате вместо девяти часов на место мы прибыли в двенадцать. «Если военные так пренебрегают дисциплиной, какого порядка можно требовать и ожидать от гражданских? – недоумевала я. – Вот из-за таких, наверное... Россия в первую мировую телами против стали воевала, да и во второй нашим солдатам поначалу крепко доставалось».

Мне выдали учебник, по которому я должна была быстро рассчитать диаграмму направленности предполагаемого атомного взрыва и уже по ней определять пути следования потоков граждан. Но он оказался сорок девятого года! Я принципиально отказалась им воспользоваться.

Вдруг все ответственные – а это были в основном мужчины пенсионного возраста, отставники – заволновались. В дверях появилась красивая, надменная, решительная женщина-начальница. Присутствующие, вобрав головы в плечи и несколько ссутулившись, двинулись вслед за нею в самую большую комнату убежища, наполовину заполненную красными стульями. Женщина что-то говорила хорошо поставленным, полным чувства собственного достоинства требовательным голосом. Я не слушала, поглощенная трагичностью и комичностью происходящего. Меня трясло от этого года-

ми хорошо отрепетированного «спектакля». Желание всех разогнать к чертовой матери зашкаливало. Мужчины с «мужественным» страхом отсиживали им положенное. Они всё понимали, но преступным молчанием крепко держались за свою непыльную работенку.

Ко мне наклонился мужчина в форме морского офицера и шепотом предложил выступить с результатами расчетов, которые сам же за меня и выполнил. Я также шепотом ответила, мол, заверяю вас с полной ответственностью, что если и выступлю, то только с разгромной критикой работы всей вашей шарашкиной конторы. По моему тону офицер понял, что я не шучу и испуганно ответил, что справится с этой задачей сам. Я встала и демонстративно вышла из зала заседаний, прекрасно понимая, что сюда меня больше не пригласят. Да я и не стремилась. А что я еще могла предпринять, кроме непричастности к этому балагану и афиширования своего презрения? Говорить подлецу, что он подлец глупо. Нахрапом эту контору мне не разбомбить, а тихой сапой я не умею. Да и полномочия мои не те, чтобы воевать. Своему начальству о «выполнении» задания рассказала. Знала, что все равно доложат, да еще неизвестно с какими картинками.

В тот день я такую боль за страну испытала! И бессилие. Получила еще один удар в сердце, залечить который могла лишь надежда. Только она удерживала меня от провала в бездну бессмысленности и людского безразличия.

Фильм про солдата Чёнкина вспомнила, как до слёз хохотала на просмотре, а потом грустила. Осадочек-то остался горький... Я не боец, а все равно гадко и обидно было. И за себя тоже... Такой вот излом души. Не довелось мне узнать, в каком состоянии теперь находится то «хозяйство». Может, перестройка все исправила? А может, наоборот...

– А оно тебе надо? Тебе до всего дело есть? – спросила Инна насмешливо.

– Уклонюсь от ответа. А вдруг...

– Вдруг и котята не рождаются. Кто про что, а ты опять про недостатки. Как думаешь, чем дело закончилось бы, если бы ты «высунулась» с критикой?

– Не знаю.

– Я знаю. Подставила бы голову под топор один раз, а другой раз уже нечего было бы подставлять, – зло усмехнулась Инна. – Или тебе просто дали бы понять...

– Так были уже брежневские... Не рисуй себе ужасов.

– Чиновничью секиру никто не отменял. Еще Гоголь говорил, что Россию губят изнутри. Что, вспомнила Александра Филиппенко из КВНа шестьдесят второго года? «Слово – не воробей. Поймают... и вылетишь». А если окажешься «на высоте» положения. «Посадют». «Потому что прошло время свободы... Плевать на неволю?»

– Так хотелось крикнуть им в лицо, особенно начальнице: «Ваше заседание – комедия, фарс? Вы не видите очевидно-го? Это же идиотизм!» – вздохнула Жанна. – Пороху не хва-

тило. Не смогла себе позволить... Поняла, что с моей стороны это будет большой глупостью. У меня, наверное, был бы вид человека достигшего конца своего пути... Инна, ты задаешь вопросы, заранее зная, что они поставят меня в затруднительное положение?

– Понимаю, в душе слепая тоска внезапного инфаркта. «Каждая система – особенно если она держится на честном слове, – чтобы существовать должна допускать определенную степень жестокости по отношению к тем, кто видит ее другими глазами». И выступать против нее опасно, и противостоять почти не возможно. Это закон развития любой государственности, – насмешливо сказала Инна.

– Куда тебя занесло! Чистой воды бредятина, – возмутилась Аня.

– Это ты мне говоришь? Память отрубилло? – удивилась Инна. – Я могу одной-двумя фразами все расставить по местам. Жанна, есть люди одухотворенные, прозревшие через страдания, для них счастье возможно лишь в забвении самих себя, но ты человек не пафосный и свободна от мрачного фанатизма, поэтому сразу поняла, что и пробовать возникать не стоит, что дело пахнет керосином. И пошла напятную – свалила. Ты же умная. Иначе бы тебе не усидеть на своем тепленьком местечке и, как от потопа, не сбежать, не укрыться от дальнейших гонений. Пришлось бы навсегда распроститься со всем, что дорого. И проваландалась бы оставшаяся жизнь в мучительно бесконечной длительности

неизвестно чего... А там... дальше которого, в общем-то, ничего больше нет...

Инна, не договорив, сделала задумчивую паузу.

– Что? Забирал страх? Замирала от силы неясных предчувствий, пробиравших до костей? И хоть была ты наспигована высокими материями, и душа авантюрно требовала расквитаться с дерьмом, спасло тебя реальное чувство самосохранения и похвальное понимание ситуации. Оно прокрадось и протиснулось в узкую щелочку твоего сомнения, ползком обошло опасность – мол, ни к чему нам китчевая слава – и, подгадав удачный момент, рвануло... нафиг подальше от опасного места. Симпатии, антипатии, мнения – они у нас часто на уровне символов, на уровне лозунгов...

Пошабаршила и будет! На поверку твои амбиции оказались... пустой звук, пшик, непозволительные фантазии. Вот она – сермяжная житейская правда. Нам неведома роскошь собственных предпочтений, когда мы лишаемся близких, хлеба насущного. Мы не можем без скепсиса. Но мы не способны отказаться от предубеждений, расстаться с любимой семьей, работой... ради невыигрышной, неопределенной ситуации. Я, вероятно, сама далека от того, чтобы лезть на баррикады за чужие грехи и недоработки. Я не хочу, чтобы кто-то нажился за счет моей жизни, но, признаюсь, получить удовольствие на пределе возможного, выступив на заседании, не преминула бы. Не обошлась бы без фейерверка. Мне терять нечего, у меня нет детей... А землю греет преисподняя.

«Инка, будь она неладна. С ее-то наполеоновскими замашками... Чтоб ей пусто было. Так и не обзавелась ни умом, ни тактом. Смелая на словах, До сих пор экзальтированная, взбалмошная... с комсомольским или даже пионерским задором», – молча раздражается Жанна, вспоминая свои огромные проблемы с райкомовским начальством из-за совсем небольшого инцидента в ее школе.

– Что, Жанночка, не избежала неприятных признаний самой себе? – спросила Инна.

– Все это мало представимо, пока на собственной шкуре не прочувствуешь, – огрызнулась Аня, защищая подругу.

– А прочувствовать – то еще удовольствие, скажу я тебе, Аннушка. Неподатливость твоего воображения не пугает тебя?

– Напротив, я подавлена недоумением, вызванным рассказом Жанны. Со мной подобного не случилось.

– Жанна, остерегаешься вновь притронуться к этой теме? Не хочешь ее сканировать? Боишься пересмотра прошлого восприятия? А ты не трусь, проложи современный идеологический коридор. Изменяя название, мы меняем акценты. И оборотную сторону тоже. Что, промелькнула лента-видение? Четко понимаешь и принимаешь свое место в современной жизни? Представила вычурную, пугающую историю?

– Да уж, не научно-фантастическую. Не досаждай. Ничего она не дает ни уму, ни сердцу.

– Как сказать. Адама вспомнила?

– И его Еву тоже, – с грустной безнадежностью ответила Аня.

– С закидоном была. Пыталась права качать, а муж пострадал. Кончилось его выдворением в глухомань. Сломала ему карьеру, жизнь. Проклял ее, наверное, – сказала Жанна.

«Непредсказуемая Инесса! Куда повернула, – вздохнула Лена, вспомнив судьбу тех, кого они в молодости в шутку называли Адамом и Евой. – Надо же, обернулось всерьез... как по Библии. Изгнали. А я не знала».

Беда обошла стороной

Инна тихо вспоминает.

...Сдали вступительный экзамен по математике, а вечером пошли всей компанией в парк. По одиночке в городе еще боялись гулять. Ходим-бродим, за каждым деревом влюбленные парочки наблюдаем. Вот вам и «Детский парк»! Стемнело, вечерняя прохлада окутала нас. Нашли качалку, спрятанную в густом ивняке. Сели, прижались друг к дружке. Взгрустнулось что-то. Вдруг захрустели кусты и в шаге от нас мы увидели корчащегося на земле человека в черном. Блеснул нож... От страха я задержала дыхание и закрыла глаза. Пара жутких долгих минут скрипа, стонов, шуршания... Когда я открыла глаза и расслабила оцепеневшее тело, черного человека уже не было. Выждав какое-то время, мы тихо покинули свое укрытие, вышли на освещенную дорогу и, не спеша, – боясь привлечь к себе внимание – напра-

вились в общежитие. Заговорили только в комнате. Громко, бестолково, испуганно. Ребята тоже героев из себя не строили. Драться им приходилось, но чтобы с ножом, да еще с таким огромным... Потом тихо делились ощущениями. Когда выговорились, успокоились, но все равно решили до конца вступительных экзаменов этот страшный парк не посещать.

Но рассказываю я тебе, Жанна, эту историю по другой причине. У нее было продолжение. Друзья ушли, подруги затихли, а мне не спалось. На меня вдруг нашла странная благодать. Я каждой клеточкой тела ощущала счастье, физическое блаженство. Мне хотелось его длить и длить, чтобы оно никогда не кончалось. Не помню, сколько времени я наслаждалась. Чувство постепенно ослабевало и вскоре совсем исчезло. А мне хотелось испытывать это чувство снова и снова. Меня спасло то, что я не догадывалась о причине со мной происходящего, не знала его источника.

Я попыталась объяснить эти ощущения внутренней свободой, которая появилась у меня, в связи с тем, что уехала из семьи. Это что-то вроде положительного расслабления организма после нескольких лет морального напряжения. Но я сама понимала слабые стороны своей теории. Первое время я часто мыслями возвращалась к этому странному проявлению моего организма, даже считала, что природа подсказывала мне, что и как я могу ощущать, что есть счастье. Но студенческая жизнь закрутила-завертела: зачеты-экзамены, любовь... и я забыла этот незначительный эпизод.

Прошло лет десять. Я многое в своей жизни узнала, многое прочувствовала. В больнице во время операции чуть не умерла. И, уходя... чувствовала то же самое. Но мне не хотелось идти за этим чувством, потому что я уже поняла, что в жизни есть много более важных вещей, чем получение физических удовольствий, и много прекрасных высоких чувств, вызывающих не только физическое, но и духовное счастье. И лишать себя всего этого мне не имело смысла. Я очень сильно захотела снова радоваться солнцу, утру, музыке! Вот тогда Господь и врачи и вернули меня оттуда. Выйдя из больницы, я вспомнила тот случай в парке, сравнила со вторым и, наконец, обо всем догадалась. Черный человек, темное пятно на песке, белый порошок на траве, как следы ранней изморози...

Самое интересное, что память того первого ощущения не пропала, она была яркой и сильной. Не исчезло и желание повторить эти ощущения. Впечатления юности, они так свежи! Но я не позволяла себе такой слабости. Я тогда уже понимала губительную силу человеческой слабости. Я хотела жить полноценно, богато, а не заикливаться на одном типе чувств, как правило, приводящих к деградации и даже к смерти. Я понимала что это странное удовольствие не связано с жизнью, а как бы... с неотвратимой смертью, и в первую очередь с отвлечением, с изоляцией от внешней жизни. В моем мозгу оно невольно связывалось со страхом потерять жизнь, и он отказывал мне в коварном желании или ослаб-

лял его.

А если бы страха не было? Что-то, что есть внутри меня, мое собственное «я», уберегло бы меня? Что победило бы: разум или любопытство? Когда человек четко понимает смысл своей жизни, его ничто не свернет на кривую дорогу зла. «Мне дорога моя жизнь. Я не хочу ее терять. Свернуть легко, вернуться трудно. Глупо осложнять себе жизнь», – трезво рассуждала я во времена неблагоприятных периодов своей жизни, когда тянуло к сигарете, к рюмке... И теперь, иногда вспоминая случай в парке, я вздрагиваю от страшной мысли, что тогда, семнадцатилетней, глупой и слабой я могла бы выбрать другой путь. Мое незнание спасло меня от верной гибели.

– А те, что «лезут в дурь», почему не боятся лишиться себя жизни? Я заставила себя бросить курить, потому что не хотела себе вредить. А те, которые ходят без шапок зимой, не чувствуют опасности своему здоровью? Считают это мелочью? А с них-то и начинаются большие беды. Как ты считаешь: есть генетическая тяга к определенному виду труднопреодолимых «отклонений»? – спросила Жанна.

– Может, и есть. Только ведь и голова на что-то дается человеку. Надо учить детей вовремя ее включать, – ответила Инна.

– Некоторые есть не могут прекратить. Силы воли не хватает, потому что это уже болезнь. Для них еда – наркотик. А кто-то за женщинами бегает... – усмехнулась Аня.

– Много причин у этих бед. Одна из них – уровень культуры, – сказала Жанна.

Дальнейшие рассуждения подруг Лена не слышала. О чем-то своем задумалась.

Хочется гордиться

– ...Ты не была на встрече у Нины и ничего не слышала. Переключила я телевизионный канал. Показывали сериал о нашей доблестной милиции. Затеялся долгий разговор. Лиза жаловалась. Помню, Нина раздраженно воскликнула:

– И ни одного положительного случая не было за шестьдесят лет?

– Внучку в городе милиционер чуть не изнасиловал. Удалось ей убежать. Дочку с двумя малышами милицейская машина чуть не сбила на переходе при зеленом свете светофора. Пьяный шофер сидел за рулем, развернувшись на сто двадцать градусов, разговаривал с офицерами, которые сидели на заднем сидении автомобиля, и за дорогой не следил. Лица у всех были красные, веселые. Дочка вовремя оглянулась, детей в охапку и бегом назад с проезжей части. Успела. Сбили они только бабушку, легко, чуть только бампером задели. Скорость машины по счастью на повороте была небольшая. Прокатилась старушка по льду метров пятьдесят, кое-как встала, и захромала потихоньку дальше, не оглядываясь. Повезло ей.

...И в деревне не лучше. Одна видимость исполнения за-

конов. Все ее действия – «часть одного и того же ландшафта». Первый раз я увидела Васю, когда ему было четыре года. Я шла с мамой на станцию к рабочему поезду. Навстречу нам мчался малыш и на бегу «косил» палкой все, что попало ему на пути: бурьян, цветы, мирно лежащих в пыли курей, цыплят, гусят. Красивая, качественная одежда на нем была грязная, светлые вихры на голове нестриженные, лицо в серых подтеках. Когда мы поравнялись с колонкой, он прыгнул в лужу, которая постоянно образовывалась рядом от течи, и с большим удовольствием окатил нас мутной жижей, а потом продолжил деловито и сильно хлопать палкой по грязи, внимательно наблюдая, куда и как летят ее ошмётки.

Моя мама была поражена поведением ребенка, и естественно, попыталась объяснить малышу, как надо вести себя, тем более со старшими. Малыш нагло, точнее сказать, победно взглянул на нас, скривил презрительную рожицу, показал нам язык и обозвал мою маму дурой. Она буквально ошалела от подобного отношения к ней, учительнице, даже покраснела от стыда. Я, поняв ее состояние, буркнула: «Глупый, потому что еще не школьник». Мама усмирила свои чувства и повернулась к малышу, чтобы еще раз попытаться поговорить с ним мягко, даже ласково. Я по ее лицу это поняла. А малыш спокойно развернулся и, не торопясь, пошел в другую сторону. Он не боялся нас и не желал слушать лекций. Но стоило нам отвернуться и пойти своей дорогой, он швырнул нам в спину грязную палку. Мать остолбенела. Я

чувствовала, что она растерялась, не зная, что предпринять в столь непредвиденной ситуации. За тридцать лет педагогической работы она впервые столкнулась с подобным неуважением. Правда, дошколят она не воспитывала.

«Что делать? Бегать за мальчишкой, ловить, смешно выглядеть перед жителями улицы – свой авторитет понижать. А, поймав, тащить паршивца к родителям? Он же такой ор устроит, что все село сбежится. Поди докажи потом, что права. Да еще начнет утверждать, что его обижали. Случилось такое со мной в городе, на вокзале, с хулиганом, попытавшимся вырвать сумочку», – рассуждала мама молча. Она с тяжелым сердцем шла по улице, размышляя о судьбе малыша, анализировала его и свое поведение. Я разгадала ее мысли и сообщила:

– Васька – сын начальника милиции. Отец – деспот. Жену не слушает, детей балует, а напившись, на всю улицу кричит: «Всех пересажаю, все вы у меня под каблуком». Васька считает, что ему все позволено, потому что его батя – Бог и царь. Не ходите к нему домой, матом обложит и выгонит. Учителя его старшего сына уже за голову хватаются, не знают, как справиться с Ванькой.

– Все равно надо сходить, поговорить, может, этого не упустят. Жалко ребятишек, сгубит их отец.

Но со мной мама не решилась пойти к милиционеру. Наверное, постеснялась. А вдруг и правда, начнет слать ей магии? На следующий день вернулась она со станции расстро-

енная, убитая. Все вздыхала и возмущалась: «Ум и хитрость разные вещи! Наглости в нем – хоть воз грузи, а соображения нет. Как можно не понимать, что калечит сыновей! Грозился привлечь меня, если буду лезть в его личную жизнь».

А в первом классе Васька уже открыто, даже демонстративно, курил в школе. В пятом классе украл у родителей крупную сумму денег. Отец подумал на родственников жены, а когда разобрался, то замял дело. Никто не хотел дружить с Васькой. Так он хитростью заманивал мальчишек, а когда они попадали ему в зависимость, начинал ими командовать. Мальчики не рассказывали об этом своим родителям, потому что боялись, что Васькин отец и до них доберется.

И вдруг люди в лесу нашли изуродованное тело Васькиного одноклассника. Гордый мальчик ни в чем не уступал хулигану, не реагировал на угрозы, учился отлично, был серьезным, самостоятельным, уверенным, чем портил общую картину страха, подчинения и унижения, творившуюся в классе. По селу ползли жуткие слухи об отрезанных ушах, о тушении папирос о тело еще живого школьника. Но все молчали. А через два года в селе появилась шайка пацанов, которые по утрам подскакивали к сонным колхозникам, приезжавшим из различных сел района и мирно дремавшим на лавочках в ожидании поезда, били их по головам и забирали сумки с деньгами, вещами и продуктами. И опять никому до этого не было дела.

В это же время серия пожаров пугала и удивляла селян: то магазин, то промкомбинат, то лесопилка сгорали, то швейная мастерская. И всегда виноват был стрелочник: то пьяный старикан-сторож, то несовершеннолетняя ученица утюг выключить забыла. Убытки списывали и закрывали дело. Но по селу пошли неподтвержденные слухи о том, что перед тем, как объекту сгореть, около него всю ночь грузовики бесшумно отъезжали. Судачили о сговоре милиции и прокурора.

Учителя не знали, как избавиться от трудного, неуправляемого ученика. И вот, наконец, выпускной вечер. Чудная ночь, шелковый рассвет, катанье на лодках по реке. А на утро поплыли зловещие слухи: «Васька приставал к однокласснице. Она отказала. Он сбросил девочку с лодки в воду и бил веслом, пока она не утонула на глазах у всего класса. Ребята сначала кинулись спасать девушку, но бандит пригрозил, что если кто вмешается, того он на месте убьет. А всякому, кто родителям «вякнет» про эту историю, его отец «пришьет» любое самое гадкое обвинение и больше того человека никто не увидит, потому что у бати все «схвачено», все начальство у него «на крючке и в кулаке».

– Надо было девочку спасти, а этого гада утопить. Проще и полезнее убить одну сволочь, – жестко сказала Инна.

– Ты бы смогла?

Инна заерзала на месте.

– И где же теперь это бандит? – удрученно спросила она вместо ответа.

– Говорят, пристроил отец его в институт, да руки короткие оказались на всю область. Это в деревне он царек. Слышала, что сгинул. Может, с такими же, как он бандитами не поладил или нашелся кто-то посильнее властью, только больше не появлялся Васька в родном селе. Может, в тюрьме сидит. Помалкивают все о нем. Молчание – золото. Вдруг всплывет ненароком? Я один раз разговорилась на вокзале со старушкой, а она вдруг в обморок свалилась. Еле отходили. А рассказала я ей про то, что в нашем селе банда шарит в посадках, которые ведут к заводу. Рабочие идут со смены и там их встречают. Мужчин грабят, женщин насилуют. Одна возьми да узнай одного парня по голосу. Сдуру брякнула: «Витек, что же ты делаешь!» А он ее ножичком, чтобы не выдала, да не до смерти. Рабочие нашли в кустах, домой отнесли, там она мужу все рассказала и скончалась. Деток двое осталось. Хоронить завтра будут... Оказалось, что та старушка из нашего района, а ее дочь тоже через посадки на работу ходит. Так-то вот трепать языком... – вздохнула Лиза.

– Но это совсем другое. Болтать лишнего не надо, а вот всем селом встать на защиту своих детей стоило. Сход собрали бы! – возмутилась Инна.

– Это возможно организовать только в маленькой деревне, а в большой кто в лес, кто по дрова.

– У кого же им заступничества искать с такой милицией? В городе, наверное, лучше в этом плане? – спросила Аня.

– Не знаю, – вступила в разговор Зина – Лучше бы вооб-

ще по жизни с милицией не встречаться. Я один раз с ней столкнулась, да и то неудачно. Столько перетерпела. Сын мой проводил девушку и возвращался домой. На остановке его огромный детина в лицо ударил. Сын так и свалился без сознания. Никто ему не помог. Сам кое-как очухался, домой добрался. Отец открыл ему дверь и ахнул. Лицо вспухшее, рот перекосило, глаз не видно. Меня будить не стал, промыл рану, передел сына и спать уложил. А на утро я зашла в комнату и мне чуть дурно не сделалось. Выяснили мы, кто бил и в милицию пошли. Там с нами так разговаривали, будто мы виноваты в происшедшем. Допрашивали грубо, издевались, мол, ребята девку не поделили, а вы возникаете. Я им сказала, что они обязаны различать два понятия: «подрались» и «избил». Несколько раз в милиции «теряли» наше заявление, несколько раз закрывали дело, но мы настаивали на том, что безнаказанность ведет к следующим преступлениям, и требовали осуждения хулигана хотя бы условно, с оплатой больничного и операции, которую сделали нашему сыну в Москве. Слава Богу и врачам, что лечение закончилось благополучно. Только благодаря тому, что мы хорошо знакомы с прокурором, удалось осудить хулигана. Но денег он нам так и не выплатил, хотя было постановление суда. Да разве в них дело!

В этом старом районе города все друг другу кум, брат и сват, вот и покрывали «своих». А мы им чужаки. Меня до сих пор коробит, как вспомню беседу, нет, допрос в мили-

ции. Женщина-милиционер нагло унижала и оскорбляла меня. Она – маленький человечек без каких-то особых полномочий, но на своем месте – начальница! Я долго терпела, а потом возмутилась и стала объяснять ей, что она пособница преступления, что ее поведение способствует растлению молодежи. Я встретила такую ненависть всех присутствующих в этой комнате сотрудников, что подумала: «Куда мы катимся?! Когда же у нас будет правовое общество, способное защитить доброго, честного, умного, от хама, хулигана и бандита?» Что было бы с нами без поддержки, если бы мы ее не дождались со стороны их высокого руководства? Они бы нас там, в милиции, с грязью смешали – это в лучшем случае, а то еще и «навесили» бы сыну или нам какое-нибудь преступление. С них станется.

А у моей родни грустно-комичная история вышла. Банда цыган прилипла к их сыну. Грозить ему по телефону стали, в болоте утопить обещали. Сын ничего маме не говорил, а с отцом поделился. Тот, конечно, в милицию пошел. Там хорошо встретили, диктофон дали, чтобы угрозы записали. И вдруг трое бандитов на самом деле в квартиру к ним ворвались. Сын добрый, доверчивый, сам дверь открыл. Глазка у них тогда еще не было. А бандиты в лицо парню из баллончика брызнули, оседлали и потребовали денег. Сын кричал: «Нет у нас денег. Гляньте на квартиру, мы бедные. Вас обманули». Его отец с другом в это время на кухне обедал, а так как телевизор был включен, они ничего не слышали. На

счастье друг вышел покурить. Бандиты не ожидали увидеть взрослых мужчин и выскочили на улицу. Догнать их не удалось. И все-таки милиционеры разработали хитрую подставу и схватили шантажистов при передаче денег. Мы были счастливы: «Вот это работа! Какие молодцы!»

А позже узнали, что всю эту операцию они провернули, чтобы взять виновных и за большие деньги отпустить. Говорят, крепко они родителей этих юнцов «выпотрошили». Но мы все равно были рады. Нас бандиты больше не трогали.

– С моим знакомым еще почище случай произошел, – продолжила рассказ Лиза. – Перестройка только началась. Надо было как-то выживать. Организация, где мой знакомый работал, разорилась. Его жена гроши получала, а дети – студенты. Как жить? Занялся Гоша с сыном, чинить оргтехнику и телефоны. А где детали брать? Вот они то в магазине что-то купят, то на рынке вещевом. Кое-как перебивались, постепенно обрастая запчастями.

Кто-то раз им в дверь постучали. Сын открыл. На пороге стояли два мальчика и предлагали детали к множительному аппарату. Не понравились матери мальчишки. Один сразу по квартире шарить стал, а второй глаза в сторону отводил при разговоре. Не посоветовала она сыну покупать эти детали. «Вдруг они ворованные», – сказала. Но когда ребята сообщили, что нашли их квартиру через общего знакомого, отец пошел за деньгами. А у матери вдруг слезы хлынули, истерика началась. Пожаловалась она, что сердце беду ей подсказы-

вает. Утверждала, что один их мальчишек стопроцентно наемный милицейский подставной, мол, по поведению за версту видно. Отец и сын только отмахнулись от нее: «Надоели твои причуды. Сейчас на рынке любую деталь можно купить. Нет здесь криминала». Да еще снисходительно насмехались над ее интуицией.

А через два дня в их квартиру нагрянула милиция. И те самые мальчишки при них. Оказывается, ограбили какие-то юнцы судебных приставов, разобрав заднюю стену здания, и вынесли всю аппаратуру. Сын отпираться не стал. Сразу выложил на стол десять маленьких деталей. Они все на ладони укладывались. Тем не менее, следователь стал грозить тюрьмой. Сын пытался объяснить, что на рынке тоже ни у кого нет документов на товар. Следователь усмехнулся: «В деканат телегу накатаю – вмиг из института вылетишь. Нельзя доказать, что детали краденые, но и нельзя доказать обратное. Значит, краденые». Потом он позвонил руководству и спросил, как быть техникой, имеющейся, в квартире, и получил разрешение все забрать. Георгий возмутился: «Воровство произошло три дня назад, а на нашем телевизоре и видеомagneтoфoнe слой нетронутой годовалой пыли». Милиционеры молча погрузили в фургон все копировальные аппараты, находившиеся в ремонте, всю личную бытовую технику, сложили в ящики и унесли детали, накопленные за три года работы.

«Осталось забрать обтрепанный диван и потрескавшийся

от старости рабочий стол», – горько пошутил сын хозяина.

«Как же мы теперь считаемся с организациями, которые отдали нам в ремонт свою технику? Мы ведь с ними официально работаем. У нас все по-честному. Вот документы», – пытался защититься Георгий.

«Разберемся. Если техника не краденая – вернем», – ответил следователь и сел в машину.

– Отдали? Или как всегда «накось выкуси»? – спросила Инна Лизу.

– Когда их знакомый из администрации города вмешался, то вернули технику, вытащив из нее все важные детали, по сути дела пустые корпуса отдали. А телевизор еще полгода у себя держали. Когда Гоша пришел его забирать, милиционеры шутили: «Жаль отдавать. Хорошо показывает».

– А ящики с деталями, которые они выгребли из шкафов? – поинтересовалась Аня.

– Господи, о чем ты говоришь? Обокрали вчистую. Два года семья, затянув пояса, рассчитывалась с организациями, для которых чинила аппаратуру. Ничего, с божьей помощью выкарабкались. Позже, через знакомых они выяснили, что мальчишки на самом деле состояли на службе в милиции, устраивали подставы и грабили интеллигентные семьи, пытающиеся организовать легальный бизнес. Сколько подобных историй может рассказать каждая из нас! Хорошо, что они без смертоубийства.

– Самое обидное, когда человек не может защитить свое

человеческое и гражданское достоинство, – грустно заметила Жанна. – Дядя моего мужа занимал достаточно высокий пост в администрации области, потом вышел на пенсию. Пока работал, его все знали и помнили, а на пенсии он уже никому не нужен был. Как-то возвращался он с дня рождения друга совсем чуть-чуть выпивши. Нельзя ему употреблять алкоголь, давление подскакивает. Не понравился милиционерам цвет его лица. Остановили, в машину предложили сесть. Дядя объяснил, что лицо красное у него из-за давления, а что немного пошатывает, так возраст, семьдесят два года – не шутка. Но в машину сел безропотно, воспитанный был человек.

Привезли его в милицию, но домой не разрешили позвонить. Он им стал объяснять, что по такому-то и такому пункту КЗоТа они обязаны предоставить ему право на один звонок. Что тут началось! Он еще и умный! Раздели, били, ногами пинали, издевались. Сначала предупредили, что на пятнадцать суток посадят, потом пригрозили убить и концов никто не найдет. Руки все порезали в кровь какими-то жесткими ремнями. Сын разыскал и вызволил отца, – хотя ему говорили, что нет его в отделении, – жизнь ему спас. Милиционеры все медицинские и гражданские нормы нарушили. Самое интересное, что был суд. Так судья сказала: «Раз сто граммов выпил – виноват». «У нас сухой закон?» – уточнил мой дядя. Только благодаря своим связям ему удалось завести уголовные дела на двух офицеров и методично записать

все их нарушения. Но судья встала на защиту «чести мундира», а не пострадавшего. В сумме по всем пунктам обвинения милиционерам дали по два года условно и они продолжали работать на прежних местах. Это все, что дядя смог сделать. А что уж говорить о простых смертных.

У соседки дети колядовали под рождество, так всю их компанию забрали в милицию и двенадцать часов там продержали. Сотрудники милиции не только не позвонили родителям, что обязаны были сделать, но и обложили матом матерей, которые пришли спасать своих несовершеннолетних дочек. Протокол задержания не предъявляли, били детей. Боже мой, сколько было слез, страхов, истерик, больничных! Я до сих пор с дрожью вспоминаю эту душераздирающую историю, – сказала Жанна.

И Лена вспомнила:

– А я только раз за всю свою жизнь с милиционером столкнулась. Подвозил меня знакомый на своей машине. Останавливает нас гаишник, красивенький, молоденький такой, усики еще не пробились, совсем молочный. Знакомый мой долго выслушивал юнца с серьезным видом, а потом вытащил документ полковника запаса. Мальчишка, нимало не смутившись, заявил: «Ну, так сразу и сказали бы». Спросила я потом знакомого: «Мы что-то нарушили?». Тот ответил: «Я никогда не нарушаю. Гаишник взятку пытался требовать».

– Послушайте, точно такую же фразу мне сказала продавщица, когда пыталась «наказать меня» на 300 грамм с каж-

дого килограмма сыра и масла. Это сейчас наиболее дорогие продукты. Чтобы меня не обвешивали, я со своими никелированными гирьками теперь хожу, будто член какой-то инспекции, – рассмеялась Аня.

– Мне близки и понятны эти проблемы. И все же неудачную тему мы выбрали для ночного разговора. Хватит вспоминать плохое. Зачем сейчас нервы дергать? Были девяностые, был беспредел. Но все это безобразие уже закончилось, – сказала Лена, закрывая глаза.

*

Лена слышит голос Ани:

– ...Моя подруга-психолог собирала реальный материал на эту тему. Книгу хотела написать о влиянии службы в армии на физическое и психическое здоровье мужчин. И меня просила помочь ей. Предлагала опрашивать служивших в армии бывших выпускников нашей школы, когда они приезжают на вечера встреч одноклассников, с обещанием не упоминать имен и не выдавать свои источники.

– И что выявил опрос? – встрепелась Инна.

– У меня не получалось в праздничной обстановке говорить с ребятами о серьезных вещах. И только один парень-весельчак, выйдя со мной в пустой класс, закатал штанины своих брюк и показал ноги в страшных черных пятнах – результат беспрерывного трехдневного отмокания в болоте под лозунгом серьезной практической подготовки к защите родины. Мол, вы всё должны испытать.

«И многим эта «наука» даром не прошла? А на дыбу вас не вздергивали, не тренировали на случай, если попадете в плен? А если вдруг война, какие же из вас, покалеченных, солдаты получатся? У кого ноги, у кого почки застужены. Вы же ни на что теперь не годны. Не роптали?» – спросила я, не на шутку разволновавшись.

«Помалкивали. Кто бы позволил. Нам внушали, что мы обязаны, что мы герои. Со школы привыкли слушаться и подчиняться», – ответил мой бывший ученик.

«Исполнять чью-то злую волю я учила? Только добрую, и то в разумных пределах».

«В армии приказания начальника не подлежат обсуждению. Это теперь, на гражданке все обдумываешь, оцениваешь, а тогда, в восемнадцать лет мы все сопляки, салажата...»

«Что еще поучительного преподнесешь своей старой учительнице?» – спросила я.

«Много чего было... Не стоит рассказывать. И хорошее было».

«Например».

«Сразу так и не вспомнить... Думали, что мужаем, что во имя...»

– Издала твоя знакомая книгу? – шепотом спросила Аню Жанна.

– Болеет. Инсульт у нее был. Уже не надеется, что сможет окончательно выздороветь и осилить задуманное. Ино-

гда она мне кое-что рассказывает о судьбах опрашиваемых ею солдат, но все такое страшное, что я отмахиваюсь от нее, не желая травмировать себе психику.

– Вспомни хоть один случай.

– Я тебе о своем знакомом поведаю. Давясь слезами, он рассказывал мне о товарище, которого сильно били.

– За что? – уточнила Инна.

– Ни за что. От скуки, от желания поиздеваться над более слабым. Им видно, не хватало острых ощущений. А пьяными его еще до потери пульса насильовали под злые яростные насмешки... Не сбежишь. Кругом море. Товарищ жаловался: «Кто бы знал, как мне плохо! Жизнь и так трудная, зачем ее усложнять и похабить?.. Как человек жесток и не разумен... Хуже животного».

– С тех пор как в армии стали служат зеки, все в ней повернулось в худшую сторону, – вздохнула Инна. – И никто не защитил того парня?

– Знакомый сказал, что не с руки было, мол, что я мог сделать, живя в этой дикой своре?.. Они же гуртом. Самому занять его место?.. Я вынужден был принимать условия их «игры». Такие вот «показательные выступления» и «вольная программа»...

– Какая дикость нравов! Я всех этих гадов порезала бы поодиночке и сама за борт... – в сердцах воскликнула Жанна. – Что с ними миндальничать? Отомстила бы за всех униженных и погубленных. Сколько матерей мне поклонилось

бы в ноги!

– Одна деревенская мать мне сказала: «Сына мезтью не вернешь», – заметила Аня.

– Вот они и продолжают...

– Какая польза от твоей резни? Начальники наверх доложили бы, что псих завелся на корабле, а этих гадов в герои возвели бы. И все, – сказала Инна.

– А Божье возмездие?

– Спит твой Бог. Видно самоустранился, – криво усмехнулась Аня. – Не слышит. Уши ему заложило. Когда-то у Него из головы вылетела мысль о помощи сирым и несчастным, да назад больше не воротилась.

– Кто-нибудь из руководства мог защитить. Не все же они там... – затеребила Жанна Аню.

– Знакомый рассказывал, что их капитан тоже выбирал себе жертву и каждую ночь являлся. Скольких мальчишек изгадил... А когда вышел на гражданку, диссертацию на тему морального облика молодежи накропал. Чужие, высокие и умные слова в свою научную работу переписывал. Потом о нем местный краевед в своей книге хвалу до небес вознес, награды его перечислял. Мой знакомый читал и плевался. Говорил, что хотелось взять финку и в темном переулке... Но подумал: «Что уж теперь, задним числом...» Потом узнал, что зря не угробил. Тот гад, оказывается, еще девушками и девочками занялся... да еще со смертельным исходом. Корил себя мой знакомый, что не взял на себя грех эту

сволочь уничтожить... Духу не хватило. Теперь уж поздно, старый, безвредный он.

– А как же органы? – спросила Жанна.

– Нашелся смелый человек. Но гад выкрутился. Доказательств не хватило. И как в нем уживалась жестокость к чужим ребятам и любовь к своим детям? Это я к вопросу о воспитании.

– А как у гитлеровцев? Видно считал, что имеет право издеваться, – зло заметила Инна. – Как сложилась судьба того... которого по кругу?..

– Повесился. Мужчины тоже не все духом Гераклы. Далеко не все железные. Люди ведь... Животные и те по характеру разные, если их ломать... Матери доложили, что за борт смыло, что сам виноват: не выполнял Т.Б.

– Никто не спорит: закрытые сообщества имеют свои негативные... особенности. Сам-то твой знакомый как уберегся?

– Говорил, что «представлял себя в немецком концлагере, считал, что обязан выжить, вернуться домой и возродиться. Отцу хотел рассказать, чтобы знал, куда он послал своего единственного сына для возмужания и выполнения гражданского долга. Он в молодости служил на корабле матросом... Но видно времена настали другие или мне не повезло. Письма любимой девушки поддерживали. Маму жалел. Она гордилась мной. Отличником был в институте по всем предметам, талантов куча. Меня же с четвертого курса забрали. Да только армия в талантах не нуждалась. Те, кто поумнее, по

совету опытных товарищей шлангом прикидывались или валенком деревенским, мол, «моя твоя не понимай». А я идейным, дураком был». Самое страшное – погибать в мирное время... да еще и от рук своих соотечественников.

– И куда же смотрел наш всесильный идеолог партии? – возмутилась Жанна.

– До высокого начальства система не позволяла жалобам доходить. С обиженным человеком на местах «разбирались».

– Что мы все о негативе?.. – затрясла головой Жанна, словно пытаясь избавиться от наваждения.

– Подруга для книги собирала только плохие случаи, чтобы бороться с их проявлениями, – объяснила Аня.

– А что выгадывали те ребята, которые прикидывались? – спросила Инна.

– Дураков офицеры не эксплуатировали. Один мой коллега весь срок в армии обучал математике недорослей командира и решал контрольные офицеров-заочников. Делал он это в свое личное время, когда другие солдаты отдыхали. И это ярмо не спасало его от подспудных издевательств старшины и недоверия коллектива. Он был в полной изоляции. Сослуживцы предполагали, что он получает какие-то тайные льготы или подарки. Его постоянно терроризировали, требуя делиться. Другой – у него были золотые руки – занимался ремонтом квартир офицеров. Был на положении раба.

– Насколько я знаю, это было в порядке вещей, когда сол-

даты вместо службы работали на дачах комсостава. Я помню, одна моя знакомая – ее муж даже не офицер, прапорщик – говорила с надменным вызовом: «Я на огороде, с тяпкой? Да мне только слово стоит мужу сказать и всё будет вскопано и посажено. Я отдыхать в сад езжу, а не работать».

А я ей ответила: «У тебя дочь, а был бы сын, его тоже какая-нибудь сволочь припахивала». Поссорились. До сих пор не общаемся. Теперь запретили использовать солдат не по назначению, но русский человек всегда найдет лазейку, – рассказала Инна.

– Так это еще до перестройки было? А свежее нет материала? – спросила Жанна.

– Есть, только я не хочу больше на эту тему... Я рассказала тебе про моряка, потому что лично знала этого мальчика и сейчас отслеживаю его судьбу. До сих пор муку в его глазах вижу. Может, он за всю оставшуюся жизнь ни разу не столкнется с жестокостью, но тот армейский «урок» всю жизнь будет жечь ему сердце.

– И ты думаешь, он отпустит своего сына служить?

– Костями ляжет, но не допустит, – ответила Аня.

– А говорят, матери нежат.

– Он сына качаться заставил, но не для армии. Там, если захотят, и боксера уроют. Сынок одной нашей сотрудницы уж какой был качок, так недавно с разбитой головой его отец домой привез. Мальчишку с перепугу сразу комиссовали. Поняли, что с его отцом – бывшим крупным чиновником

– лучше не связываться. Отец в больнице говорил сыну: «В армию пойдешь, когда, не дай Бог, придется родину защищать от внешнего врага. Тогда мы все пойдем».

– Как же он в армию попал, почему призвали? – удивилась Инна.

– Это сын его второй жены. Не послушался упрямец отца, хотя тот его с трех лет растил. Утверждал, что готов к армии и морально и физически, что поедет в любую горячую точку. Хотел сделать блестящую военную карьеру. А тут свои подонки, предательски... Обрубили ему концы, не стал он офицером. А ты думала, у него было предубеждение против армии? – спросила Аня.

– Одних с психическими и физическими отклонениями в армию забирают, других, бывших здоровых, после службы с дефектами возвращают домой, – вздохнула Жанна. – Моя знакомая еле отбила своего хромого от рождения сына. Буквально из вагона, следующего к месту назначения, вытащила. Не подвело ее материнское чутье, когда сына обманом отправили служить. Военком сказал ей, что работать на кухне и калека сможет. Но она пригрозила со всем присущим ей пылом написать министру обороны о том, как позорят великую армию, и тот отступился от мальчишки. Я думаю, лет так через двадцать, когда армия будет полностью профессиональная...

– Случится невероятное: справедливость восторжествует? – усмехнулась Инна. – В мужских общужитиях такие же

безобразия творятся. Уже не в первый раз убеждаюсь, что в полностью мужском коллективе некоторые особи проявляют свою звериную сущность. Взять хотя бы мальчишники и другие, чисто мужские праздники.

– Мой знакомый не ходит на подобные тусовки. Говорит, нет времяпровождения омерзительней и паскудней. Пьют, дерутся, мирятся... и оправдывают себя тем, что, мол, вы не знаете, как нам т а м было... – сказала Аня.

– Сами же эти безобразия и устраивают, – заметила Инна.

– С подачи и потворства нижних офицерских чинов много чего в армии происходит, – заметила Аня.

– То, что парню голову пробили, вина не офицеров, а солдат, призванных после тюрем. Похоже, сын твоего сослуживца не захотел подчиниться их бандитскому «уставу». Вот они и устроили ему «темную», – сказала Инна.

– Бандиты служат в стройбатах. Вот где полное бесправие, – вздохнула Жанна.

– Там же нет строевой муштры.

– И что? Один парнишка мне рассказывал: «Выживу ли вообще... доживу ли до завтра... Шестерил, унижался... Какие там на гражданке обиды! Я в армии всех простил, кто меня раньше обижал. То все было так мелко... Допустим, не понимал я, как дети могут бить детей, издеваться... Дурак был, гонор свой показал, вот комиссар и загнал меня туда, где Макар телят не пас... в самое горнило ада человеческой подлости и звериной ненависти. Знал куда... А мама вери-

ла, что я в стройбате по специальности работал». – Жанна опять вздохнула. – А мой зять – здоровенный мужик, спортсмен – об армии подробно не распространялся, только сказал: «Нигде больше не видел такой степени пренебрежения к личности человека, как в армии. Там для них человек – ничто. В учебке определенный процент смертности считалось нормой. После нее Афганистан раем показался. Я думал, что высечен из скалы. Но камень тоже разрушается в адовом огне. Вернулся домой другим человеком. Но теперь «иду по своей лыжне». Великое счастье, что у меня дочери».

– Те, кто сломался в армии, геройствуют на гражданке в своих семьях. Матерей бьют, когда те денег не дают на водку, жен по пьяни насилуют при детях... как их когда-то. Командира не надерешь, а жену... И с праздников их еле живых чужие дружки приволакивают домой. Они-то не знают, какими те были героями... – зло сказала Инна.

– А я думала на эти тусовка ходят только те, кто сами... других... а не те ...кого, – не поверила Жанна.

– Достойные ребята культурно празднуют, с размахом, но без пьяного куража и купаний в фонтанах.

Как-то видела встречу двух бывших сослуживцев. Один издевался в армии над другим, моим знакомым. Смотрю, обнялись. Простил? Я бы руки не подала. Я бы не спустила, – Инна брезгливо передернула плечами.

– На гражданке ему тоже могут отомстить, – осторожно предположила Аня. – Хотя... не целесообразно.

– Пошеруди в своей памяти как в предпраздничном холодильнике. Многим бы досталось?

– Ну... не думаю. Мой ученик говорил: «Я уважать себя и своих ребят хотел, за то, что наша служба идет на пользу моей стране. Я защитник! А чему меня научила армия? Хамству, жестокости. Еще подличать, быть двуличным, прогибаться под каждого. А главное ненависти к людям и к самой жизни. В этом проявляется мужское мужество и достоинство?» – глаза Ани опять увлажнились, а уголки губ задрожали. – Сколько я души в него вкладывала, пока он рос! Он был моим тайным любимчиком, сынком.

– В армии есть много чего недоступного моему пониманию. Есть ручные картофелечистки, даже электрические. Почему солдат заставляют работать обычными ножами? Повара не хотят лишиться себя развлечения: возможности поиздеваться над подчиненными? А портянки? Это же архаизм, анахронизм, средневековье! Не пора ли их в музей сдать? – коснулась другой сферы деятельность Жанна.

– Они от нашей бедности. Финансы в нашей казне поют романсы, – уверенно сказала Аня. – Или воруют.

Не могла Жанна «прикрыть» большую кровоточащую тему. Старшему внуку подходил срок выполнять свой гражданский и мужской долг перед родиной.

– Не благо жить под постоянной памятью об унижениях. Она с неумолимой настойчивостью долбит, сверлит мозг. Каленым железом не выжжешь. Вот и пьет, заливает, зату-

манивает... Мать тревожится, жена плачет, ведь все вроде в семье нормально, так отчего же эти срывы, запои, отчего непредсказуемая жестокость? – Жанна задумалась. – ... Мне много лет, но до сих пор меня дергает за сердце одно подростковое, непреднамеренное, неосмысленное предательство, ложь и оговор. Я в таких случаях ощущаю нехватку сил понять... и совсем не от недостатка знаний, а от чего-то еще другого... непостижимого... Трудно бывает, когда тебе казалось, что ты знаешь, как устроен мир, а потом оказывалось, что все твои знания – наивность, глупость, что всё куда сложнее. Нет, не сложнее... гаже, обидней. Когда никаких канонов... когда ты униженный, затравленный. Несправедливость лежит в основе мироздания? Иногда мы об этом забываем, а когда обстановка накаляется до взрывоопасной... Любовь, равенство, братство... Они на небе...

Много гадкого я узнала, что по детдомовским понятиям быть не должно, но было. Ну, понятное дело, если бы фрицы...

– Это после хорошего детдома, – заметила Аня.

– Наш был хороший, пока блатного директора не поставили. Он только показухой занимался, а с детьми при нем черте что творили. Благо я на выпуске была. Меня сильно не затронуло.

– Я бы не стала совсем уж однозначно... об армии. Наверное, не так много мест, где подобным образом «воспитывают героев», и не так уж много этих сволочей-старшин. Или

как их там... – попыталась закрыть болезную тему Инна. Ее поташнивало от стремительно нарастающего давления.

– Но для каждой матери ее ребенок – вся планета. Хотелось бы, чтобы на жизненном пути наших мальчишек было меньше бессмысленно-жестоких потерь. Отличник в учебе – это еще не гарантия дальнейшей счастливой жизни, – вздохнула Жанна, – Но...

– Подводишь к самой главной мысли? – усмехнулась Инна.

– Да. Мои ученики, в основном, возвращались из армии окрепшие, возмужавшие. Помню, приходили веселые, довольные собой, хвалились, что служили на границе. Дружно жили, интересно, многому научились. Начальник был как отец родной.

– Я горда учениками, которые переросли меня, но особенно, сумевшими преодолеть в себе страшные наследственные или приобретенные пороки, – сказала Аня, уводя подруг от тяжелой темы.

– Я к сверхсрочникам отношусь с подозрением. Мне кажется, там остаются те, которые не могут состояться на гражданке. А в армии они находят работу «по душе» и могут «проявить» себя в полную силу, в полный накал. Нет, чтобы порядок навести, а они наоборот приличных ребят ломают, – снова повело Жанну на тропу тоскливых мыслей. – Ну, допустим те от бескультурья, от злой неизрасходованной силы, от собственной обиды на кого-то другого, а тот образован-

ный офицер, отчего?

– От того что начальник, от того что все дозволено и все шито-крыто, – покривила рот Инна.

– Ведь никакая мать не хочет иметь жестоких сыновей. Кто и что их такими делает? Гены, отцы, улица, армия, общество... Я читала, что на Севере женщины вкалывают наравне с мужчинами. Там иначе нельзя. Но это не делает их жестокими.

– О, ты не знаешь, какими жестокими бывают женщины, доведенные до ручки! В тюрьмах, например. Вот и делай вывод, – сказала Инна и накрылась простыней. Жанна последовала ее примеру, чтобы скрыть набежавшие слезы.

– В автомобильных авариях больше людей погибает.

– Аня, ты это в оправдание жестокости сказала? – насто-рожилась Инна.

– Остановитесь, – жестко потребовала Лена. – Недавно я шла мимо рынка, а там в это время на площади самодеятельный ансамбль бывших афганцев выступал. Прекрасные голоса, прекрасные тексты о гражданском мужестве, о «деревянных костюмах». Я и пяти минут не выдержала. Горло перехватила чужая боль, чужая беда. Опустив деньги в ящик, я с трудом оторвала ноги от асфальта. И стоя за киоском, долго еще не могла успокоиться, унять слезы. Рвали мне сердце слова: «Положит руку на плечо и скажет мне: «держись». И выше, и надежнее этой поддержки для них во время службы, наверное, ничего не было...

– Легко ввязаться в войну, да трудно из нее выйти. Я против того, чтобы помогать разрешать междоусобные конфликты в других странах. Правительства меняются и мы в их глазах уже не спасители, а агрессоры, захватчики. Зачем людей лбами сталкивать? Их ссоры имеют шанс прекратиться, они могут помириться, а мы на всю жизнь останемся их врагами, – сказала Аня.

– Но ведь приходится... Эти вопросы решать политикам, – заметила Инна.

Воспитание

– ...У меня на стене висит фотография и две картины одного участка берега реки, но разных авторов. Я часто на них смотрю, сравниваю, пытаюсь понять, чем отличаются. Фото красивое, но какое-то неживое, чего-то в нем не хватает. Но чего? Вторая написана маслом. Прекрасная, очень тонкая, подробная работа. Классическая. Я очень ее люблю рассматривать. Но опять же мне в ней чего-то не достает. А третья – акварель. В этой картине душа то ли самой природы, то ли художника. Она с моей душой перекликается, в ней что-то мне близкое, глубоко личное, камерное. Она затягивает меня внутрь. Я там, на том берегу, среди кустов, в легком тумане... По мне так в ней есть чудо чувств и ощущений. Интересно, художник это сам понимает, чувствует хотя бы интуитивно?

– Думаю, да, – ответила Аня Инне.

– А в коридоре – печальный пейзаж. Одинокое дерево. Одинокая птица в серо-голубом предутреннем небе. Спокойная серая гладь воды...

– Хватит, надоело! – неожиданно взбрыкнула Жанна. (Что ее задело?)

– Что тебя раздражает? – удивилась Аня.

– Все! Я устала.

– ...Мы жили жизнью страны, ее радостями и победами в предчувствии чего-то значительного, великого. Не за деньги работали, ради осуществления мечты. Стремились быть полезными, государственные приоритеты ставили выше личных. Мы не очень страдали от того, что чего-то не было в магазинах. Сейчас нет? Со временем будет! Москва не сразу строилась.

– Многого достигали за счет иллюзий и надуманного идеалистического энтузиазма.

– ...Бесславный конец эксперимента, длившегося семьдесят лет. Развал страны, ор идет... Жаль. Мы куда-то проваливаемся, сломав что-то нужное.

– ...Раньше на века строили, а теперь на десятилетия. В Италии сохранились здания времен Древнего Рима, периода правления императора Нерона. А Великая китайская стена? А наши храмы и дворцы? Забыли технологии, воруют?

– ...Мы ждем от Думы постановки перед правительством серьезных, глобальных вопросов, допустим, о сохранении

лесов на всей территории страны... Два года депутаты не могут принять закон о курительных смесях. Страна теряет молодое поколение, его выкашивают яды, а они принимают законы о снятии кондиционеров с объектов культурного назначения или обсуждают еще что-то более мелкое. Текущие вопросы можно решать на уровне министерств. Иначе зачем нам эти структуры, эти нахлебники? Будь моя воля, давно бы разогнала все лишние «шарашки» или создала более дееспособные.

«Уже касались перестройки и проблем развития страны. Не дают они им покоя ни днем, ни ночью», – вздохнула Лена.

Аня, почувствовав паузу, тут же не преминула ухватиться за интересующую ее тему. Ей захотелось подискутировать или себя представить в новой «световой и цветовой гамме»?

– Заплатила я как-то за квартиру, а мне долг выставили в следующем месяце. Пришла на почту разбираться. Оказывается молоденькая оператор по недосмотру целый день «фуговала» деньги клиентов не на тот адрес. Я попросила девушку разобраться и вернуть мои кровные. Но тут вышла ее начальница и сказала, что свои проблемы я должна решать сама. Я возмутилась: «Получается, ошибку вашего сотрудника обязаны исправлять десятки пострадавших? Каждый должен разыскивать организацию, объяснять ситуацию, добиваться возврата? Так вы учите молодое поколение ответственности?» И вы думаете, я чего-то добились?

А как-то шла я этим летом в новый магазин и что же увидела? На пешеходной части тротуара уличное кафе строится.

– Совсем как в Париже! – восхитилась Жанна.

– Совсем да не совсем. Хозяин размахнулся так широко, что людям только узкий проход оставил. Вдвоем не разойтись. Для кого старался? Дальше пошла. Рядом со входом в магазин на плиточном тротуаре расположилась огромная импортная машина. Люди обходят ее или справа по мокрому после дождя газону или слева, буквально протискиваясь между витриной магазина и грязной угрожающе черной машиной, и тихонько поругивают нахала. Я подошла к шоферу и стала выговаривать ему, мол, не только о себе надо думать. Так он мне пригрозил: «Иди отсюда, бабка, пока бока тебе не намяли и ноги не переломали». Когда я через час возвращалась домой, машина с включенным мотором стояла на том же месте, терпеливо ожидая своего невоспитанного хозяина.

А вечером ко мне заскочила расстроенная подруга из соседнего дома и со слезами на глазах пожаловалась: «Вынесла я на крыльцо пять пятилитровых бутылей воды, чтобы полить цветы, которые для общей радости выращиваю перед своей многоэтажкой. Но тут меня знакомая женщина позвала. Она мне рассаду экзотических растений из своего сада принесла. А я еще подумала: «Ох, как бы эта развеселая компания, что устроилась на нашей лавочке, не набезобразничала, не разлила мою воду. Потому такая мысль мелькнула, что последнее время вокруг много плохого вижу. Но потом

укорила себя, мол, разве можно без причины о людях плохо думать?»

– И что же? – насторожилась Инна.

– На асфальт всю воду вылили, а пластиковую тару ногами смяли и растоптали. И ведь видели, что старая, прихрамывающая женщина, кряхтя и спотыкаясь, по одной бутылки выносила и челноком переставляла на крыльце. Еще цветы поломали, некоторые с корнем выдернули. И все это за каких-то десять минут! И девочки в их компании были. Могли бы родных бабушек вспомнить и осадить своих ретивых кавалеров. И так соседке обидно было! А потом страшно стало. Без причины сделали пакость и сбежали. Что же от них дальше ждать? Кто их воспитал такими бессердечными?

– Прозаическая реальность, – констатировала Инна.

– Я вдруг подумала, что у Достоевского один герой чудовищнее другого, а общее впечатление: как велик человек! А тут какая-то мелкая злокозненность, гадкая примитивность ума...

– И в вере, и в деяниях своих... – поддержала Аню Жанна.

– О чем только они думают?

– Внутри нас был нравственный закон, наш стержень. Воспитывали нас правильно. А теперь столько всего... Кому-то удастся приспособиться, кто-то воюет, кто-то тонет... Когда трезво оцениваем свои недостатки, мы не любим себя, понимаем, как далеки от совершенства, к которому нас призывали. А тут такое...

Лена уткнулась лицом в подушку. Зевота буквально раздирала ей рот. Ей было интересно, но она смертельно устала и была уже не в состоянии подробно воспринимать услышанное.

Аня рассказывает:

– ...На днях выхожу я из автобуса. Передо мной красивая юная пара спускается. Молодой человек, естественно, помог своей спутнице. И вдруг мне протягивает руку. Я поразилась, но подчинилась. Лет десять не знала подобного внимания от постороннего человека. Долго вслед парочке смотрела. Они медленно шли, взявшись за руки. Он высокий, крепкого сложения, она маленькая, худенькая. А я стояла и думала: «Дети, будьте счастливы!»

– Увидеть бы их лет через десять, – в сомнении скривилась Инна.

– ...Как-то забирала внука-первоклассника из школы. На улице дождь. Родители сбились в кучку в тесном «предбаннике». Некоторые тут же пристроились на низенькой скамейке типа спортивной. Старичок-ветеран устал стоять и решил присесть в холле рядом с охранником. Тот стал выталкивать старика, мотивируя свои действия приказом директора не пускать посторонних, чтобы грязь не разносили.

– Он тупо и бездумно взял под козырек, потому что боялся потерять свое место. Не улыбалась ему такая перспектива. Безработица кругом, – прокомментировала ситуацию Инна.

– Женщины встали на защиту ветерана. А одна возмутилась: «В маленькой сельской школе нас учили уважать не только ветеранов войны, любого человека. Какой вы пример подаете ученикам? Вон мама пришла за первоклассником с грудным ребенком на руках. Почему она должна стоять с малышом на ветру под дождем, если есть огромный холл? Почему все терпят неуважение к себе? Чистые полы важнее человека? Их теперь выставляют напоказ. Придется вмешаться, поднять вопрос и, как говорится, ребром его поставить». Разрешила этот вопрос директор школы буквально в два дня. Проблемы как таковой не было, достаточно было подсказать. А перед другими школами я и по сей день вижу стоящих в любую погоду родителей, – сказала Жанна.

*

В компании двух педагогов – Ани и Жанны – разговор сам собой неизбежно свернул на проблемы семьи. Инна пробурчала: «Девочки, давайте эту тему пробросим пунктирно?» Она закрыла глаза и больше «не проявляла признаков жизни».

А Лена с улыбкой подумала: «Одноклассники и сокурсники на всю жизнь остаются друг для друга девочками и мальчиками».

– ...Отсутствие достойных отцов в семьях становится огромной проблемой нашего общества и не в последнюю очередь является причиной инфантильности некоторой ча-

сти молодежи. А от инфантильности путь к дебильности... В данном случае она может возникать от постоянного контроля и ограждения детей от трудностей матерями, от урезонивания за самостоятельные дерзкие поступки. Лозунг «берегите мужчин» только ускорил процесс деградации сильной половины человечества и усилил их депрессивные состояния.

– Заботы о детях на матерях, а у отцов депрессия от легкой жизни? Это что-то новенькое! – прервала Аню Инна. – Твои представления ложны. Мужчины сами рады увильнуть от трудностей семейной жизни, а ты им психотерапевта в помощь призываешь.

– Но ведь не секрет, что лучшим антидепрессантом для людей являются улыбки самых близких и любимых, и в первую очередь детей, – не реагируя на ухмылку Инны, закончила Жанна Анин монолог.

– Ты не на трибуне. Но ты права. Лозунг «берегите мужчин», вброшенный с чьей-то легкой руки в жерло нашего общества, обернулся трагедией, – сказала Инна.

– Эта проблема семей во всем мире, – заметила Аня. – Только причины ее у нас другие.

Лена попыталась забыться сном. И, похоже, ей удалось немного подремать, потому что когда она очнулась, разговор уже перекинулся на другую тему.

– ...Кто знает, какими подobaет им быть, и на что они за-

программированы? – спросила Жанна.

– На их родителей оборотись и, не раздумывая, согласишься со мной, – ответила ей Аня. – С детьми из нормальных семей проблем в воспитании хватает по причине влияния внешней среды и слабостей характеров, а если родители имели вредные привычки, скажем, пили, воровали, то трудности общения с ними возрастают на порядок, а то и в десятки раз. И результат не гарантирован. Что перетянет: неусыпный контроль, постоянные внушения или родословная и гены? В каждом из них столько всякого намешано! И не факт, что положительного окажется больше. А если они уже впитали в себя всю мерзость жизни своих подлых семей, как в них разбудить разумное, доброе, вечное? Чем увлечь? Как воодушевить? За ошибки взрослых они не только сердцем, всей своей судьбой платят. Я достаточно насмотрелась на такие семьи и на их детей в детдомах! – с неожиданным раздражением сказала Аня. – Требуется ежедневная, кропотливая работа. Таких детей приходится долго возвращать, чтобы они поверили, что твои слова не пустая говорильня, и тогда у них возникают минуты прозрения, внутри зарождаются позитивные росточки, которые когда-то расцветут. Эти дети должны осознать себя полноценными людьми. Вот тут и нужна им поддержка общества. Особенно после выхода их из детдома.

– Я бы теперь полностью не полагалась на государственную поддержку, – заметила Жанна.

– Даже в войну детдомам выделяли больше, чем кому-ли-

бо, – сказала Инна.

– Я не о деньгах, об отношении... Маленький ребенок слов может не осознать, а добрые руки почувствует и поймет, – пробурчала Аня, раздраженная непониманием подруг, и замолчала, нервно теребя торчащий на макушке непослушный хохолок.

– Нашего детдомовского человека просто так не убьешь, – пошутила Жанна. Она устала от негатива.

– Но и толку от него без серьезного воспитания мало. Только не заслонишь собой всех детей от жизненных невзгод, – возразила ей Инна.

– Не скажи, – не согласилась Аня.

– Нельзя дарить детдомовцам яркие надежды. Это слишком жестоко, – опять заметила Инна.

– Социальная интеграция в общество современных детдомовских детей очень сложная. Надо ежечасно подталкивать их к развитию, приучать к терпению, заставлять брать жизнь в свои руки, не падать духом. В мое время у детей не было ни капризов, ни запросов, но были мечты. А сейчас у них все наоборот.

Успех в жизни во многом зависит от того, кем детдомовцы чувствуют себя среди обычных людей. А они ощущают себя изгоями, потому что непорядочные пользуются их неопытностью и беспомощностью. Непригодными выпускники детдомов оказываются для реальной жизни. Какой с них спрос?.. А у некоторых глупышей по наивности грудь

колесом, глаза бесстыжие, а за душой ничего – пустырь, поросший бурьяном. Эти заранее пропащие, сразу вляпываются в говно, а потом по тюрьмам потчуют друг друга обидами да угрозами, мол, зашибу мать вашу ... налево. Да кому они нужны, сопливые. После детдомов их надо «вести» не один год. Учить общению, ответственному отношению к работе, защищать. Иначе будем иметь то, что имеем. Важно, кто явится для них знаковой фигурой. Я доходчиво говорю? – Это Аня выплеснула на подруг свою боль.

– Говорят, человек притягивает к себе таких, которые могут развить то, что в нем уже заложено. Если слабохарактерному ребенку и не встретится на жизненном пути плохой человек, все равно в нем, пусть хоть и медленно, но будет развиваться плохое, – заявила Инна.

– Хорошее надо вбивать, втолковывать, а гадкое само прилипает, только успевай отбиваться и отмываться. Быстро захватываются дети гадких уличных понятий.

«Мила рассказывала, что одно Анино присутствие действует на детей умиротворяюще, заставляет быть лучше. Хулиганов она не ругает, а просто говорит: «Полегче на поворотах». Как ей удастся их умирять? Она же такой... воробышек. Любовь ее к себе чувствуют?» – предположила Лена.

– Когда же, наконец, наши «самые свободные и самые регулируемые СМИ» повернутся лицом к проблемам семьи и детей? Я у стольких чиновников перебивала...

– Похвально! Замечаешь какие-то подвижки в этом во-

просе? – спросила Инна.

Аня вяло повела плечами.

– В первую очередь сегодняшних домашних детей не надо упускать, чтобы завтра не пришлось маяться с так называемыми отбросами общества. С пеленок воспитывать, постоянно наставляя незрелые души на путь истинный, чтобы некого было судить, сажать в тюрьмы и отправлять в детдома, – сказала Жанна.

– Жизнь дает только шансы, но не рецепты верного выбора, – заметила Инна.

– Дети такие, какими мы позволяем им быть. Почему дети шумят, вредничают? Внимания хотят. А почему они бывают хулиганистыми? Потому что их энергию вовремя не направили на полезные дела. Меня беспокоит вопрос: «Готовы ли будут наши внуки служить родине, защищать ее границы, как это делали их отцы и деды? Правильно ли они понимают слова Евтушенко: «Если будет Россия, значит, буду и я». Меня пугает, что американская молодежь рыщет по России, – сказала Аня.

– Вроде бы с благими намерениями, о религии говорят, – подсказала Жанна.

– А на что нам их религия, призывающая не сопротивляться? Мне как-то не очень верится их искренне-наивным лицам, этим маскам. У Америки аппетиты – вся планета, – ошетибилась Аня. – Диккенс еще в девятнадцатом веке пи-

сал, что «миссия Америки – опошлить всю Вселенную». Я панически боюсь...

– Маниакальная трусость? Чудо в перьях! – рассмеялась Инна.

– Сейчас люди по-другому стали мыслить. Даже маленький ребенок смотрит, допустим, в окно и видит иное, чем мы в его возрасте.

Инна взглянула на Аню без эмоций, явно не вникая и не понимая всей важности ее тезиса.

– Еду я вчера в автобусе. Около меня стоит полный мальчик лет десяти и тихонько ноет, что нет свободных мест, и к худенькой матери жметя, буквально наваливается на нее. Она его успокаивает, по головке гладит. Я встаю и тихо говорю парнишке: «Расти мужчиной, маме место уступи». Он смутился, маму стал подталкивать к креслу. Она искренне и растроганно обрадовалась этому и села. Мальчик улыбнулся. Что-то в нем проснулось... Заласканный, изнеженный он, может быть, впервые ощутил себя чуточку взрослым и это, похоже, ему понравилось.

– Может, улыбку мальчишки ты поняла как-то на свой лад и зря твою грудь распирает прекрасная вера? Ну что, съела! – Инна усомнилась в выводе Ани.

– Фома неверующий. Аня на детской психологии собаку съела. Она мимику лица соотносит с душой лучше всякого физиономиста или глухонемого, – уважительно сказала

Жанна. И добавила для убедительности: «Валя мне писала».

– Вообразила себя Песталоцци или даже Фрейдом? Высоко вознеслась! Нарушаешь их правила игры или свои внедряешь? Ты же у нас особенная. Бог тебя сотворил, а форму выбросил, чтобы тебе подобных больше не было. Какая ты у нас умная! Мыслям тесно? Мозги на черепушку не давят, не распирают ее? Обнаруживаю удивительное несовпадение усилий и результата, – продолжила ехидничать Инна.

– Иногда достаточно человека натолкнуть на доброе, а дальше он уже сам сообразит, что к чему. Знала я одну нервную особу. Очень она уставала, потому что одна воспитывала сына. Орала на него, когда он уроки делал, книги швыряла. Ни сил, ни терпения у нее не хватало. До бессознательной ярости доходила, бедняжка. Как-то я не выдержала и сказала ей: «Ты же из ребенка неврастеника вырастишь». И она будто очнулась, взглянула на себя со стороны и преобразилась. Потом мне рассказывала, что как только ее псих начал разбирать, она мои слова вспоминала и ей до слез стыдно становилось. И я радовалась, что не пренебрегла мамаша моим советом, – привела конкретный воспитательный пример Аня.

– Укротила! Ангел во плоти. Иконы с тебя еще не пишут? Не сходишь с ума от собственной правильности? Никогда не испытываешь недовольства собой, не чувствуешь уязвления профессиональной гордости? А как насчет поэзии жизни, полета фантазии? Сколько разных интонаций, сколько

смыслов!.. Ха! В данном случае я наблюдаю полное соответствие желаний и возможностей? Ты говорила о силе воли или о силе любви той женщины?

– Сама выбирай, – ответила Аня, не удивившись вопросу. И подумала: «Только исключительное чувство такта подруги может оставить Инну в счастливом заблуждении на свой счет».

– Пользуясь случаем, поведаю вам просто сказочную историю! – сказала Жанна. – Я наблюдала за одним детдомовским мальчиком. Гением хирурга он остался жив. Потом мучительно долго выздоравливал. Трехлетний ребенок покорно нес свой крест. Он уже многое понимал и часто уходил в боль и в осознание своего несчастья. Что ожидало его в дальнейшем? И вдруг на него обратила внимание одна прекрасная уже немолодая пара, вырастившая своих детей. «С этим нельзя жить», – сказали они и взяли этого мальчика к себе. Теперь он их бесконечно любящий сын. Он такой бесшабашный и обаятельный. Ведь его жизнь – сплошной фейерверк положительных эмоций! Болезнь еще от него полностью не отступила, но улучшение явное. Может, в глубине души мальчик до сих пор не верит в свое счастье и боится его потерять... Счастье – это не материальное благополучие. Семья эта живет на пенсию, но в ней есть гармоничное слияние душ, любовь, умение жить с радостью. Они – люди солнца. Они всегда радуются, будто у них совсем нет проблем. Это надо же так уметь жить!

«Сколько бессонных ночей посвятили мои подруги мечтам о счастье?» – подумалось вдруг Жанне. И при мысли о муже, у нее под сердцем вмиг потеплело.

– Отцы должны больше времени проводить с детьми, ведь общение с ними – чудо! Конечно, маленьких детей растить трудно, но зато как интересно! Одно время считалось: внушай ребенку и из него вырастет хороший человек. Этого мало. Ребенок должен видеть поступки отца, между ними должна образовываться духовная и эмоциональная связь. Отец не должен все запрещать и обязан говорить детям: «Сами ищите свой путь. Раскрытость судьбе предоставит вам огромные возможности, но не распляйтесь, не разбрасывайтесь», – с серьезным видом продекларировала Аня. (Опять прописные истины преподносит.) – В моем раннем детстве, до детдома, дедушка и бабушка показывали мне мир гармонии, скрывали трудности, свое недовольство чем-то, потому что уныние считали грехом, не областью правды Господней. И для меня важен был их общий стол, их забота и любовь.

– Им приходилось отвечать за каждое произнесенное слово... К тому же представления детей сиюминутны, – заметила Инна.

– Мои врезались на всю жизнь.

– Раньше рано взрослели – в четырнадцать-пятнадцать лет, а теперь после двадцати, – подправила свое мнение Ин-

на.

Банки

– ...Нам все время внушают, что мы хотели этот капитализм. Разве нас спрашивали?

– ...Насилие нельзя оправдать, под каким бы флагом оно не совершалось... Хочется прозрачного понимания сути происходящих событий.

– ...Сегодня, как и прежде, но в большей степени, власти на местах норовят обмануть. У нас в порядке вещей, когда кругом притворство, коварство. И все это будто бы в угоду текущему политическому моменту. Недавно в нашем городе, самый надежный, как утверждали чиновники, банк «опустил» всех участвующих в нем предпринимателей, на бабки развел. Как бы «возложил» на них ответственность за свои неудачи и промахи, и сам приказал долго жить. А ведь был на особом счету руководства. По иронии судьбы мои друзья в него вложились, а главное, свои предпринимательские счета там держали, – сообщила Жанна.

– Они по неопытности не почувствовали приближения краха и не успели вовремя «соскочить» или тоже верили в его незыблемость? Ой, плакали их денежки! Факт, – безжалостно заявила Инна.

– Как это лопнул? Банки, я слышала, приносят высокие дивиденды, говорят, они отмывают деньги и на золоте сидят. А их кредиты – это удавки для простого народа. – Распира-

емая любопытством, Аня даже приподнялась на локте.

– Руководитель банк обанкротил доверчивых предпринимателей, по миру их пустил. О чем и уведомил. Чтоб он подавился этими деньгами! Ловко молчком обстряпал свои делишки. Честных тружеников обошел, в дураках оставил и сидит себе в обе дырки посапывает. А у простых людей руки опустились, чувство безнадежности и жизненной непригодности возникло. Вот ведь напасть! Недаром, видно, банк и банкрот однокоренные слова, – эмоционально высказалась Жанна.

– В старину говорили, что деньги идут к деньгам, вот банкир их и добавил к своим, уже имеющимся, – необоснованно предположила Аня.

– Такие вот типчики и страну обваливают в кризисы, – выступила на ее стороне Инна.

– Обжулил людей с разным жизненным багажом. На корню загубил их надежды. В таких играх крайними всегда бывают небогатые люди. Обидно за просто так отдавать свои кровные деньги. Насмарку годы трудов, нервов, – сочувственно отозвалась Аня. – Банкир, наверное, тоже рисковал? По старым меркам риск должен быть благородным и бескорыстным, тогда он заслуживает восхищения. А тут прямой грабеж.

– Нашла о чем вспоминать в наше злое и бесстыдное время! Кругом сокрушительные размеры воровства, банкротство предприятий теперь рядовое событие, а тут еще и бан-

кам доверять нельзя. Хозяин банка, небось, намылился драпануть за границу швыряться чужими деньгами. Выдворять бы их таких за пределы страны нагишом. Самые главные враги перестройки те, которые используют ее в своих личных целях, – возмущенно заявила Жанна.

– Знать и этот банк под кем-то... – тихо пробурчала Инна.

– Слышала, будто сам убыл, прихватив всю наличку. Так сказать, денежки были ваши, стали наши. О нем теперь ни слуху, ни духу. Следы успел замести.

– Наверное, в США получил приют. Туда берут только тех, кто с большими деньгами или с умной головой. Нищих и дураков не принимают, – прокомментировала слова Жанны Аня.

– И ему рукоплещет Америка за то, что он все силы отдал делу разграбления России. «В отставку, в глушь... в Нью-Йорк!» – рассмеялась Инна.

– Хотя бы часть на благотворительность оставил.

– Чтобы ты понимала! Благотворительность – один из самых коротких путей к благосостоянию. Еще один штрих к портрету современной России, – недовольно хмыкнула Инна. – Через эти фонды прокачиваются огромные деньги. Я этот вопрос досконально изучила. Тебе растолковать с примерами?

– В следующий раз – с вызовом ответила Аня, но добавила с грустью:

– И в банках жулик на жулике. Захлестнула страну лавина

ворья и воронья.

– Так ведь капитализм. Другие боги, новая система регламентаций и политкорректности, в которой много лжи... Она теперь – доминанта нашей жизни... – пробормотала Жанна.

– Мы тоже в какой-то мере сформированы насилием, памятью о Сталине, – нервно заметила Аня.

– Чудовищная преемственность? Наслышана. «Чтобы увидеть будущее, надо пройти унижительное прошлое, осмыслить его и прийти к необходимости его уничтожения». Надо понимать и помнить прошлое во имя настоящего и будущего, потому что в конце одной эпохи всегда пребывает начало другой...» Будущее не всегда выигрывает перед прошлым? – спросила Жанна.

– Какая тебе разница государством или бандитами совершается отъем денег? Всё одно. Нищие теперь твои знакомые? Поторопились выиграть жизнь, разбогатеть и пожить с купеческим шиком? Обозначили себя и вот... – насмешливо щипнула Инна Жанну.

– Так ведь честным трудом, а не воровством или перепродажей, – зло огрызнулась та.

– Положение дел в стране не утешает. Но какой-то чернушно-пессимистичный привкус у этой истории. Зачем все вокруг себя мазать грязью? – осторожно спросила Аня.

– Чтобы бороться со всякой мразью, мешающей отстраивать страну, разрушенную слишком ретивыми и подлыми чиновниками и дельцами, распродающими за гроши на-

ши заводы иностранцам. Торговать своей Родиной! Россией! Обирать свой народ! Я бы таких гадов расстреливала, – грозно отреагировала Инна.

– Может, всё сплетни про то, что банкир свалил на Запад? Наверняка, кто-то плетет против него ловкие интриги. Нам ли, непосвященным, вторгаться в эту чрезвычайно опасную сферу человеческой деятельности? Инна, ты и в лучшие времена не упускала случая указать на безобразные стороны жизни, у тебя определенно к этому талант. Нет, чтобы хорошее замечать, – опять подключилась к разговору Аня.

Инна с Леной переглянулись. Видно, обе подумали об одном и том же: «Неисправимо наивная».

– Погодите, может, его самого взащей вытолкали? Я бы поостереглась повторять сплетни. Людская молва, что морская волна, любой мусор разносит. А вдруг есть надежда, что выплатит? – неуверенно предположила Аня.

– Ха! Держи карман шире. Как масть пойдет, как карта ляжет? Такие «предвидения» прорицателям не прощают. Окстись, подруга! Это называется завышенными социальными ожиданиями. Не для того рушил, чтобы долги простым людям выплачивать. Дырку от бублика они получают. Не станет он считаться с нуждами мелких предпринимателей. Они для него букашки: раздавит и дальше пойдет. Говорил, мол, «сами подставились, выбрав этот банк. Никто их за уши в него не тасил. Банкротство – обычная практика ведения таких дел: «Некоторые обстоятельства вынуждают прибегать к

действиям для нас совершенно нехарактерным».

Какое уж там наведение мостов, если он паразит. Как говорится: судьба то дарит кому-то шанс, то забирает... то обнадеживающе улыбается, то издевательски хохочет тебе в след, – сумрачно объяснила свою точку зрения Жанна.

– В голове не укладывается. Вздуть бы его, да руки не дотянутся.

– Ты права, Аня, сто раз права, – вздохнула Жанна.

– Недоценили твои друзья «способностей» своего банкира. Ха! «Сильная, гибкая личность». Гибкость – это мудрость и хитрость, если она служит благим делам. Был оглушительный скандал в прессе? – спросила Инна.

– Если бы-то. В том-то и беда, что все тишком обтяпал. Перевел честных активных тружеников на новый, более низкий уровень жизни и в ус не дует. Отдыхает себе где-нибудь у теплого моря, с жиру бесится в дорогих ресторанах, где экзотические блюда «приправлены» многочисленными культурно-развлекающими знаменитостями... Сколько народных денег на ветер бросают такие вот, с позволения сказать, «благодетели»! Потратят деньги не по назначению и спишут в убыток. А потом снова набежит капиталец... и «все опять повторится сначала».

– А нам не доводилось там бывать. Завидки берут. Живут же люди! – привычно мимоходом пошутила Инна, вызвав у Жанны минутную неприязнь.

– Эффектная пауза! – не преминула удивиться Инна.

Жанна с лету постаралась исправить ситуацию, вернув разговор к проблемам своих друзей:

– Вот и ломают теперь голову обворованные предприниматели, пытаясь воедино собрать разрозненную мозаику информации последних лет, чтобы понять, что там такое непонятное в банках химичат, какую игру ведут, что у них на уме? И кто бы им подсказал, кому верить, а кому нет?

– Не говори! Живем как на пороховой бочке. Не знаем, какой сюрприз нас ждет завтра. Я не пугаю, не предрекаю, а констатирую, – усмехнулась Инна.

– Ой, что будет! – охнула Аня.

– Будет ли что? – сказала Жанна и удивилась неожиданно получившейся игре слов.

– А я чую аферистов за версту, узнаю с полувзгляда. Ни разу в их сети не попала, даже в дефолт, который всех нас и без того нищих, обнулил и уравнил, – похвалила себя Инна. – Хрен им с маслом, а не мои деньги. Не накину на «бедность». Поделиться соображениями? Провести разъяснительную беседу? Я их трачу.

– Возгордилась? Как приятно сознавать, что ты хитрее, – подколола ее Жанна. – Молодежь исключительно податлива на рекламу, вот и ловятся на ее «липучки», как мухи. Мне Коля всегда напоминает: «Всех внимательно выслушивай, а делай, как сердце велит. Оно тебя никогда не подводит».

– И ты скорее легкой рысью припустила... подальше от банков. И, верю, что не прогадала. Да еще и с помпой обста-

вила свой уход. Не посрамила семьи.

– Да. Я никогда ни у кого не занимала денег и сама в долг много не давала, чтобы не попадать в зависимость, – ответила Жанна Инне.

– Чужого не брала, своего не отдавала. Раньше была против всех, а теперь еще против всего? – снова попыталась пошутить Инна. Но подруги не повелись. Настрой был слишком серьезный.

– Посмотри фактам в лицо: банки деньги лопатой гребут, но не брезгают отнять у бедного человека последнее. Беснаживы их съедает. Никогда не заполнить их необъятную прорву. Легковерных стариков особенно жалко.

– Не считай деньги в чужих карманах, свои надо иметь. Люди сами виноваты. Кредиты не надо брать. Жить не по средствам, в долг – самое последнее дело, – жестко осадила Аню Инна.

– Директор банка – до неприличия богат, миллионер, в недавнем прошлом партийная шишка. Небось, на махинациях наварил свой капитал и «выбился в люди», – обиженно забухтела Аня.

– А ты хотела, чтобы банкир ходил в рубище и «отдыхал» на шести сотках пятой точкой кверху?

– Может, он и до перестройки жил как подпольный миллионер Корейка, – подпела Инне Жанна. – Ну как же! Голубая кровь. Прохиндей чертов. Какого рожна ему еще надо? Говорят, его специально к нам пригласили работать, после

того как он устроил крах нескольких банков у себя на родине. Наверняка все ходы-выходы знает, всеми жульническими юридическими приемами владеет. Вот так и рождаются сильные мира сего.

– И кому это понадобилось? – спросила Аня у Инны.

– Не знаю, врать не стану.

– Прозрачно намекаешь на то, что «успех» директора банка приписываешь властям?

– Некоторые острые вопросы предпочитаю обходить, – рассмеялась Инна.

– А я допускаю. Отчасти. Позвали, чтобы привнес новое... – предположила Жанна.

– Опыт у шулера решили перенять? – скептически хмыкнула Инна.

– Не исключаю. «Нет ничего нового под солнцем», – сказано в Святом Писании. Удавку намеренно вместе готовили. Все заранее рассчитали, – обижено сказала Жанна. – Все их обещания – фуфло. Извините за выражение.

Деньги банкир не выдавал предпринимателям, копил, говорил, что банк переживает некоторые затруднения. Мол, счета «заморожены», но мера эта временная. Простите, подождите, пожалуйста. Как только, так сразу... Чертовски был мил и обходителен. Сама добропорядочность. А сам копил народные деньги. Теперь ничего не докажешь. Уплыли мани в неизвестном направлении. Все клиенты в разной степени, но погорели.

– Все ли? В какой сумме это выразилось для твоих друзей? – поинтересовалась Инна.

– В триста тысяч.

– Какие деньжищи! Не хило для начинающих провинциальных предпринимателей.

– Вот то-то и оно. Хотя по столичным меркам это мелочь.

– И во что это вылилось? – спросила Аня, нервно трясая ногой, переброшенной через другую, согнутую в колене.

«Смотри, как ее задело, – отметила про себя Лена. – Свои в чем-то промахи и потери были?»

– В полный крах фирмы и надежд на скромное, но безбедное существование. Вляпались в дерьмо обеими ногами. А тут еще откаты чиновникам задавили... Без денег все у них как-то быстро посыпалось, стало разваливаться.

– Быстро ни в творчестве, ни в любви хорошо не бывает. А в разрушении – всегда пожалуйста. – Инна шуткой попыталась сбить серьезный настрой Жанны.

– Руководитель фирмы «сошел с дистанции», – не среагировала та, продолжив жаловаться.

– Ушел на пенсию или вообще?.. – напряглась Аня.

– Продал «тачку», то бишь машину, а долги не перекрыл. Они только множатся. Конец пришел его «великим» замыслам на расширение и модернизацию. Не дано им осуществиться. Не благодетельствовал он родной народ своей дешевой продукцией. Теперь сам перебивается случайными заработками. Вот так мы растим и поддерживаем плеяду

честных и активных...

– Кажется, Марии Антуанетте принадлежат слова: «Нет хлеба? Пусть едят пирожные», – усмехнулась Инна. – И познакомились они с миром городского дна, и превратились в «нищобродов».

– Будет тебе ехидничать. Не опустились, не спились. Только дело своей жизни свернули. Жалко хороших людей, тружеников. С нуля начинали, не раз пояса потуже затягивали во имя мечты. И на тебе...

– Нравится или нет, но придется им привыкать думать головой по-новому. Эмоции часто не сходятся с разумом. Душа яркая, а дел мало. Меня не оставляет изумление перед неправдоподобной наивностью нашего народа и его искренней верой в «верхи», погружающих всех нас в атмосферу «благоденствия». Эти советские качества не поддаются моему пониманию. А может, за этим стоит беспомощность, беззаботность, бесхарактерность и так далее?... И главное – беззубость и юридическая безграмотность. Работать умеем, а защищать нас Пушкин будет? На суды надеемся? Так они сами...

– Опять ты за свое. Хватит трюндеть. Устала от негатива, – вздернулась Аня.

– Блатные, наверное, успели свои деньги вынуть? – с мстительной ненавистью спросила Инна.

– Как водится. Они-то всегда уцелеют. Не хочется углубляться в эту проблему... хотя отголоски этой истории еще

долго будут звучать в головах обманутых, – ответила Жанна.

– Челюсти судорогой им сводит от злости? Так и хочется познакомить виновника бед с красотами клокочущей преисподней? Пусть соберутся с духом и быстро без проволочек... поквитаются, – с ласково-ехидным сочувствием подсказала Инна.

– Тебя бы так по кумполу. Да пошла ты...

– Ты мыслишь как обыватель.

– А ты, если быть откровенной, как... как фантазерка.

– Твои знакомые лопухи и раззявы, лажанулись как совки, пустили дело на самотек и «крыша» им не помогла? А честная милиция? Она-то, небось, тут как тут?

– Не кривляйся. А она здесь каким боком? Ей всё до фени. Она от таких случаев оградить не может, – вздохнула Жанна, красноречиво демонстрируя свое отношение к блюстителям порядка. Однако больше высказываться не стала, не готова была к обнародованию своего мнения.

– Что она вообще может? – спросила Аня несколько более резким тоном, чем намеревалась.

– Как же, сейчас все под бандитами или ментами ходят. И те и другие – маргинальные структуры, отличающиеся явной продуманностью и подготовленностью своих действий. Наверное, это о чем-то да говорит. Так к кому, Жанна, твои друзья склонились?

– Ни к кому. Наверное, не сочли нужным, чтобы не стать вровень с подлецами, – слишком поспешно ответила Жан-

на, вспомнив свои какие-то еще доперестроечные, печальные моменты общения с правоохранительными органами.

Но Инна быстро вернула ее из прошлого в настоящее:

– А может, поняли, что те в одной связке, что всё бесполезно? В этом что-то есть. Только откуда у тебя такие подробности о подобных делах? Я о крыше.

– Еще одних моих знакомых тоже на крупную сумму нагрели.

– А с виду, небось, умные?

Жанна попыталась остаться невозмутимой и продолжила с грустью:

– Они лишились бизнеса, который много лет с таким трудом налаживали. Только-только вроде бы крепко на ноги встали, понадеялись что затраты с лихвой окупятся... и тоже оказались беззащитными перед свершившимся фактом. Сдуру обратились... теперь успели сто раз пожалеть о содеянном. На крючке оказались. Как обухом по голове... ошарашивающий эффект... Вот вам и поддержка... И чего теперь искать-рыскать? А еще сравнительно недавно верили. Даже при самых благоприятных стечениях обстоятельств не выбраться им из долговой ямы.

– Малый бизнес, если он честный, дело хлопотное и мало денежное, – заметила Инна.

– И еще одни наши друзья попытались, но дела не пошли. Разорились. Внезапно их жизнь непоправимо покати-лась под откос. Душа у меня за них не на месте. Хотелось

бы поспособствовать, но не знаю, как за это дело взяться, как подступиться? Да и что я могу, кроме как помочь их детям с уроками, пока они бегают по судам. Испрашивать милости у Бога? А потом еще их квартиру воры обнесли. Кошмар! Слава Богу, обошлось без смертей и увечий. Бандиты – пособники олигархов.

Никто из присутствующих не смог подобрать сколько-нибудь веского возражения. Только Инна, не моргнув глазом, быстро нашла в литературе причину происходящего в нашей экономике кошмара:

– А все почему: «Шагнула дерзко за предел нас отравившая свобода». Есенин, между прочим. Вот так-то. Забыли, что свобода – это длина цепи, которую мы можем себе позволить. Степень своей свободы мы сами себе выбираем.

– И все сразу разъяснилось, – горько-иронично заметила Жанна. – Не получится у моих знакомых подняться, тут нечего и думать. Отделаются от них, не откладывая в долгий ящик, это как пить дать.

«Хотя нет, – мысленно поправила она себя. – Скорее всего, обещать будут, тянуть резину, пока люди совсем не разуберяются и сами не махнут на все рукой. И вопросы сами собой отпадут. Так сказать, по привычке дело на тормозах спустят. В любом случае некому будет банкира поставить на место, некому с ним поквитаться. Тем более, что у него все схвачено, а законы не работают. Ах, наше светлое прошлое!.. Мы-то уже отработанный материал. Я, если бы разжилась

деньжат, не рискнула вкладываться».

– А еще эта смычка спецслужб с преступниками... – слегка зардевшись, поддакнула Аня. – Иначе откуда бы брались у банкиров капиталы, превосходящие все мыслимые и немыслимые цифры? Наверное, кое-что и их «коллегам» перепадает. Воровские законы «традиционно» требуют делиться. Я фильмов про мафию насмотрелась. Можно подумать – согласно их зарплате, – что все они работают по двести сорок часов в сутки.

– Каков расклад, таков и оклад, – хмыкнула Инна.

– Они кровь сосут из нас и из экономики страны, и будут продолжать ее выкачивать. Все им мало, – со злостью обиженного вкладчика продолжала Жанна.

– О, это уже диагноз, – саркастически рассмеялась Инна.

– «Им ли выедать свои сердца стыдом?» Они не чувствуют душевного и духовного голода. Они сыты деньгами. Это их ты считаешь продвинутым поколением? – насмешливо заметила Аня. – Раньше мы таких дельцов считали омерзительной массой хитрых приспособленцев, несовместимых с социалистической моралью. А теперь мы восторгаемся, когда милосердие вдруг постучится в сердце кого-то из них и он «отвалит» на благотворительность... крохи из того, что у нас же своровал. Понимаю, олигарх отнимает у тех, кто у него работает, и отдает другим, более несчастным, например, безработным. Но я признаю благотворительность артистов, дающих бесплатные концерты, писателей, которые раз-

дают свои книги. Там всё по-честному.

– Ворованными деньгами тоже надо уметь распорядиться. Знала я тут одного. Пять лет по шею в золоте купался, валюту чемоданами носил – я сама видела, – да разорился. А все потому, что возгордился, расплевался со своими прежними друзьями, – сказала Жанна.

– Надо было отстегивать каждому, – не то в шутку, не то всерьез сказала Инна. – Мы презирали частную собственность потому, что не имели ее. Помнишь шутку Евгения: «Мишка среди нас самый добрый, потому что ему нечего отдавать, нечем делиться».

Но Жанну уже волновали другие масштабные процессы:

– До перестройки рядом с моим домом был прекрасный приборостроительный завод – между прочим, таких по Союзу было по пальцам пересчитать, – а теперь на его месте банк развлекательный центр построил. Пляши – не хочу. Сотни рабочих высокой квалификации остались за забором, а им хоть бы хны.

– Я обнаружила другую интересную тенденцию: сначала «развлекаловка», игровые автоматы, может даже наркотики, а уж потом на этом месте банки вырастают. Сечешь? Анюта, что ты обалдело тарачишь глаза? Прошляпила, пропустила решающий момент, а то бы прикупила себе пару островов... или хотя бы евроремонт сделала в своей «резиденции», в хрущевке-«однушке». Не сумела, испугалась, не совладала с собой, а теперь совсем затосковала? Этого не было с нами в

другой жизни? Ну и что? Не мутить воду? Ныть – это так по-русски, – с презрительно-уничтожающей интонацией заметила Инна. – Кровь в основном льется в переходный, переломный период. Это естественный процесс становления капиталистических отношений. Точка бифуркации очень чувствительна к внешним воздействиям: можно вправо или влево уйти. Тут главное не зевать.

– Что ты несешь! Желтой прессы начиталась? Коррупцировано грабить, воровать, пробрасываться миллионами – это нормально?.. Но не в таких же масштабах... И все потому, что лишены веры в Бога, – с кокой-то болезненно-обидчивой интонацией в голосе заявила Жанна.

– Не прерывай меня. В этом ли наше несчастье? Я думаю, в глупости. Америка – религиозная страна, но это не мешает ее миллионерам затевать войны и становиться миллиардерами. Сейчас наш народ лишен веры в порядочного человека. Мы из той эпохи, в которой ценилась честность и милосердие. Но мы не варвары и должны все свое и чужое лучшее перенести в свое новое время. Надо, чтобы наше великое прошлое служило настоящему и будущему. Когда мы вспоминаем древний и средневековый Рим, то понимаем, что главное в нем – не гладиаторы, а великие художники эпохи Возрождения.

Мы пока находимся в непредсказуемой ситуации. Нам американцы доказывают, что судьбы складываются из микрослучайностей и из везения.

– И что весть мир тоже, – поддакнула Инне Аня.

– И что в том хорошего? Куда он катится? – спросила Жанна.

– Вопрос в другом: нам нужно что-то, что определило бы главное... – неуверенно пискнула Аня.

– Опять философствуешь, рисуешься?

Аня не решилась продолжать.

– Я ненавижу насилие, но не вижу способа мирного сосуществования с подлецами. Иной раз кажется, что так бы и разрядила револьвер в того гада! Кинул, надул, довел до краха. Что обманутым осталось, если не преуспели: расстраиваться до предела, предаваться отчаянию, задаваться вопросом «почему»? – вышла из себя Аня.

– Ты опять о банкире? Проникнись смирением, – усмехнулась Инна. – Теперь каждый сам за себя. Надо учиться сходиться с нужными людьми, договариваться.

– Больно ты нужна кому-то нищая.

– Если есть голова, то нужна.

– Один мой знакомый получил патент на прибор, которым пользовались студенты нескольких поколений. Говорил, что раз никто до меня этого не сделал, значит, я имею право. Хитер, братец Лис. Весь «обклеился» патентами и изобретениями!

– Чего-чего, а это мы умеем! – фыркнула Инна. Но голос ее заметно дрогнул. – А ты знаешь, как у нас разные конкур-

сы на определенные виды работ выигрываются? Очень просто. Организует кто-то очень хитрый две фирмы. Одна мало денег за работу просит, а другая еще меньше. Затем она отменяет всех претендентов и конкурирует только с самой собой. Беспроигрышная отработанная схема. А потом выживает из договора максимум, делая для заказчика минимум. Тратится в основном на взятки чиновникам. Я по радио слышала.

На лице Ани отразился сложный мыслительный процесс переваривания информации.

– Созидательности в нашем народе мало. Отнять, присвоить, потратить... У моей знакомой подруга из-под носа увела заказчиков. Пошла на откровенный обман. Любым способом спешила урвать... А та почитала ее чуть ли не за сестру. И теперь между ними дистанция огромного размера, – с огорчением припомнила Жанна.

«Может мне подсказать и обозначить другую тему? А то они с этой не скоро соскочат», – задумалась Лена.

– И кто ей виноват? Есть негласное правило: предприятие должно оставаться в руках одного человека. Если соучредитель дурак, так от него пользы мало, одни расходы, а если умный, то ворует и ждет момента, чтобы захватить власть. Простая арифметика. Так уж заведено в мире: дружба дружбой, а денежки врозь. А твоя знакомая фея с лазурных небес на грешную землю спустилась? Основополагающей причиной этих явлений я считаю...

Аня перебила Инну:

– Говорят, у нас одного такого больно умного соучредителя недавно закатали в асфальт. Не хотел делиться. Кто заказал – поди их теперь разбери. Одни ищут в этом деле след Москвы, другие утверждает, что он из Закавказья тянется.

– Не надо об этом. Переспорить одни других могут, а вот переубедить не всегда получается, – чему-то только ей понятному усмехнулась Инна. И ловко сменила тему.

– Друзья те, кто в несчастье рядом с тобой. Не все заточены на уничтожение всего советского. Мы в чистом виде люди оттепели. Многие из нас по-прежнему живут в старом мире, в новом им не находится места.

– И память прошлых лет скромного существования – когда бедность не считалась грехом, когда все мы шли ноздря в ноздю – кому-то отравляет жизнь, кого-то поддерживает. Нас не мучила перспектива потерять богатство, которого не имели. Многие во взаимоотношениях обеспечивались чувством товарищества. Разве это обстоятельство не говорит в пользу социализма? – поставила риторический вопрос Аня. – Вектор жизни изменился, а новую идеологию еще не придумали, вот и копаемся в прошлом. Там много было интересных экспериментов. Что-либо сгодится и на сегодня, на первое время, пока отладят новую государственную машину... подавления. А мы тут со своими аллюзиями и набором претензий...

– Хочешь вытащить из нафталинового забвения милую

сердцу идеологию? Не знаешь, по каким законам жить, ради чего жить? Оглядываясь назад, не превратиться бы в соляной столб. Нервы в этом плане не пошаливают? – спросила Инна скучным голосом.

– Только не у меня. Я как-то еще до перестройки спросила одного моего близкого друга, почему он не рвется в начальники, а он мне ответил, что знает свой потолок, выше которого его не пустят.

– А теперь пустят? Ну, если только успел наворовать, – усмехнулась Инна.

– Богатство – не грех. Грешным бывает отношение к богатству, – неожиданно четко сформулировала свою позицию по этому больному вопросу Жанна.

– И не важно, как оно было приобретено?

– Аня, ты у нас всегда за торжество справедливости. Честность не очень популярна в современном обществе. И в семьях, и в масштабах всей страны. О, этот сумасшедший издерганный мир! Один священник мне сказал: «Мир справедливости – ад, мир любви – рай».

У меня создалось стойкое впечатление, что ты собираешься повторить «подвиги» террористов-народников, единственный в мире памятник которым я в юности имела честь лицезреть, будучи в гостях в славном граде Липецке. (Достопримечательность!) Сколько ни стреляй этих банкиров и олигархов – их на всех нас хватит, да еще и останутся. Бесперспективное это дело. Хотя, конечно, в любом государстве

вопрос борьбы никогда не будет снят с повестки дня. История всегда развивалась скачками, революциями, – сказала Жанна.

И прибавила сурово, с совершенно не характерной для нее жесткостью:

– По неподтвержденным пока слухам процесс намеренного банкротства банков и рейдерские захваты предприятий будет продолжаться. Мои друзья «первые жертвы», первые солдаты финансовой перестройки, точнее перераспределения. Вот как все обстоит на самом деле. Мы не готовы к такому развитию событий. Я слышу голос разграбленной истерзанной страны... Такой вот ренессанс.

Инна с подозрением, но с мимолетным интересом посмотрела на Жанну. Потом обвела всех взглядом победителя:

– Я это уже предсказывала. Капиталистический мир в принципе не может быть справедливым и стабильным. Помните мои слова... Забыли, как я предрекала скорый конец власти стариков-маразматиков?

– Не заносись. Ты вообще сомневаешься в безоблачном будущем человечества? – Удивилась Жанна.

– Учитывая уроки истории, – да. Я исхожу из того, что цивилизации развиваются, достигают своего апогея, гибнут и опять возрождаются. Так весь мир устроен. Ничто не вечно под луной.

– И это будет что-то с чем-то... – фыркнула Жанна.

– Идея созвучная наступившей эпохе. Но не сгущай крас-

ки. Как правило, этот процесс сильно растянут во времени и, рассредоточиваясь, он ложится на плечи многих поколений, – деликатно вступила в разговор Лена, пытаясь восстановить хрупкий неустойчивый мир в их маленьком нестабильном коллективе. Но она только раззадорила Инну.

И Аня не удивилась: «Если Инна что-то задумает, она ни перед чем не остановится».

А та и правда вновь пошла в наступление, направленное на всю систему взаимоотношений в мире капитала.

– Банк лопнул! Классику надо читать. Там все эти фокусы еще век назад описывались. Они применялись для обогащения отдельных личностей. Награбил человек, положил в карман чистоганом несколько миллиардов, обанкротил свое предприятие и свалил за кордон, то бишь в другую страну. Всех с носом оставил. И за себя отдуваться заставил. Обычные «вариации на тему» мошенничества в особо крупных размерах. Всё как «в лучших домах Парижа и Лондона». Выигрывают те, кто играет краплеными картами, кто умеет подтасовывать. В общем, шулера и отъявленные мошенники мирового уровня. Вы все жаловались, что судьба мало сводила вас с интересными людьми. Вот и дождались, – рассмеялась Инна. – Мы всё воображали, что у нас иной, особенный путь. Законы развития общества одни на всех. Неистребимая доверчивость, заносчивость и бестолковость у нас особенные. Все надеемся, что разум и порядочность в мире возобладает. Власть и деньги перекрывают мозги политикам. Ха! Конеч-

но, все это как бы во благо своего народа. Например, американцы ссорят государства, устраивают войны и революции под тем соусом, что эти страны – зоны их непосредственных интересов, и на том наживаются. Они закоперщики всех заварушек, возникающих на планете.

– Два-три государства командуют всем миром и «реализацией» всех наших надежд. Международная финансовая элита устраивает войны и цветные революции. Щупальца свои по всему миру распустила. Любит поиграть мускулами. Сложно представить ее борющейся за мир, – добавила Жанна.

– Нет, американцы, конечно, за мир, но только на своих условиях. А скандально-известный во всем мире Хрущев – вспомните его знаменитый ботинок! – «...мечтал, закусив удила, свести Америку и Россию». Чудак! Ухо остро с ними надо держать, чтобы не распоясались.

– Никита молодец был: в страхе всех держал, – сказала Жанна.

– Всех да не всех, – усомнилась Аня.

– Выслушала я твой яркий монолог, который сводится к тому, что... Ну, Америка, держись! За тебя взялась сама Инна, – рассмеялась Жанна.

– Все-то тебе шуточки-прибауточки. Только не забывай, что Америка – хитрый последовательный коварный враг. Раньше они с нами боролись, будто бы боясь красной «заразы» – коммунизма. А на самом деле противостояние было

из страха усиления СССР. И теперь уже в этом никто не сомневается. Нам нельзя их недооценивать. Мы всем в друзья навязываемся, всем помогаем, а они только на свою мельницу воду льют. Да еще дергают за ниточки своих кукол-манекенов, марионеток, получая от них дополнительный кислород. Для понимания такого поведения почитай их гимн, там сплошняком идут грубые агрессивные угрозы всему миру. А в нашем – любовь, восхищение и благожелательность. Вот и решай, кто есть «империя зла». Радикальный пример? Шикарный! – похвалила себя Инна. – Пусть беснуются. Мы настороже.

– Я не «въехала», ты это к чему? Наша страна – не площадка для их опытов, – сердито взвизгнула Аня.

– Жанна, объясни ей на пальцах: «Пока мы сильны».

– У тебя одной безупречное чувство правды! – обиделась Аня. – А мы шаг за шагом повторяем ошибки тех же американцев. Возьми образование. Зачем нам их ЕГЭ? Как быстро изменились люди в худшую сторону! Выпустили из себя всё плохое, что в них глубоко гнездилось...

– Далеко не всё и не все, – фыркнула Инна.

– Ящик Пандоры мы уже вспоминали, – недовольно заметила Лена. – Пора бы перестать лить словесные помои на своих соотечественников.

Но Инна наперекор подруге из вредности поддержала Аню:

– Нашим новоявленным олигархам при советах, как во-

дится, подвизавшимся на партийно-командном поприще, уже имея «скромный» опыт комсомольско-партийных тусовок ничего не стоит, с щенячьим восторгом кляня опостылевшую советскую действительность, надираться на Западе до поросячьего визга, проматывая то, что с великим трудом зарабатывалось нашими тружениками, не заботясь о перспективах развития ограбленных ими предприятий. В поисках острых ощущений они не находят ничего лучшего, как просаживать миллионы в рулетку. Как же, они самые значительные фигуры нового времени! Им не приходит в голову вложить деньги в развитие производства или хотя бы помочь детдому, инвалидам или на крайний случай церкви, чтобы отмолить свои грехи... А простым людям потерпевшим полный жизненный крах хоть на паперть выходи.

– Ну, если на панель уже поздно... – рассмеялась Жанна. Она устала и ей уже хотелось прекратить самой же затеянный разговор.

– Воображаешь, что тонко поддела? Давай, приложи усилия, отмети мои тревожно-мнительные подозрения? Объясни нам, кто банкротит наши предприятия, а деньги в офшоры отправляет? Простые рабочие? – возмутилась Аня.

– Хватит вам цапаться. А то... – встряла Жанна.

– Напугала. Обмираю от страха, – моментально отреагировала Инна.

– Надоело. Заладили одно и то же. Можно подумать, только вы в университете изучали азы экономики капитализма.

Ликбез нам устроили. Чем козыряете? – хмуро прервала пу-
стопорожный диалог Жанна.

– Знанием того, что «история учит тому, что она ничему
не учит», – усмехнулась Инна.

– Далеко не всех и не всегда.

– Мы до сих пор живем по обезьяньим, биологическим
законам, – рассмеялась Инна.

– Но люди создали эволюцию, не связанную со своей био-
логией – культуру, – возмутилась Аня.

– Только она не создает рая на земле.

– Но и не допускает ада.

– Фашисты под музыку Баха сжигали в концлагерях лю-
дей.

– И чем это для них закончилось? – напомнила Аня.

*

– ...Должна существовать базовая культура всего обще-
ства. А сейчас у нас с разным понятием этики живут одно-
временно четыре поколения: наши старики, мы, наши дети и
внуки. Фундаментом культуры должна быть нравственность.
Ее уровень надо подтягивать. А дальше всё штатно пойдет.

«Речиста. Выступает как оратор перед выборами. Какая
самодовольная уверенность, – сердито качает головой Аня,
прекрасно понимая, что Жанна права. – Но ведь поплакаться
не дала».

– Инна, твои заверения не обнадеживают. В свете собы-
тий последних лет на самом деле получается, что капита-

лизм, как ты соизволила выразиться, был предрешен? Тогда и внезапное вторжение Гитлера тоже? – безжизненным тоном спросила Аня, и вяло вздохнула пятерней свой седой ежик. – Мне такое заявление не пришлось бы по вкусу. Мир не управляем? А как же добрая воля? Я старею и плохо соображаю.

– Вторжение было не предрешено, а исторически обосновано, – поправила Аню Жанна. Законы не предсказывают конкретные события, а указывают на тенденцию их развития. Истмат забыла?

«Опять Аньку уносит в прошлое. Устала. О сегодняшнем дне боится думать», – решила Инна и прекратила «прения».

Разное

1

– ...А теперь, когда мы развалили страну, Запад пытается диктовать нам свою волю. Спасибо за это Горбачеву и Ельцину. Не забуду их восшествия на трон, – снова канючит Аня. – Мы теперь должны встраиваться в общеполитическую мировую систему?

– Откуда в тебе гордыня и свирепость? – нахмурилась Жанна. Ее обидела резкая позиция подруги по поводу бывшего руководства страны.

– Замкнутый круг прорвал Цой еще в Брежневские времена: «Мы ждем перемен», – уточнила Инна. – Это же болезни роста. Через них все государства проходят. То объединя-

ются, то размежевываются. И далеко не мирным путем. Эти вечные междоусобицы...

– У каждого времени свои задачи, – заметила Аня.

– Во все времена клеймили позором... – начала было рассуждать Жанна, но замолчала под пристальным взглядом Инны.

– Эх, сократить бы зарплаты чиновникам! Совсем от жадности одурели! В Финляндии депутаты получают только в два раза больше средней зарплаты по стране, а у нас...

– Нашим всякие сокращения как слону дробинки. Своруют и скомпенсируют.

– От них все беды в России.

«Не хотят всерьез говорить ни о политике, ни об экономике. Барахтаются на поверхности, в пене. Деградировали? Не хотят расстраиваться? Всё у них на уровне «обс» – одна баба сказала?» – спросила себя Лена.

– Живем среди разгильдяйства. До сих пор там, где может справиться один человек, у нас работают пять, как при социализме. А ведь по теории экономика, построенная на частной собственности должна быть эффективнее социалистической, – устало и угрюмо сказала Аня.

– Ее еще создать надо. Не сразу Москва строилась.

– Экономика – производная от культуры. Рабы не создают. А у нас, мне кажется, интеллигенция, та, у которой нет

злости и презрения к людям, – явление уходящее, исчезающее, – не удовлетворилась замечанием Жанны Аня.

– Ахинею несешь. Форма существования общества изменилась, а суть, начинка, осталась прежней. Не ищем мы драйверы роста, чтобы эффективнее развивать производство. Идти надо в ногу со временем, а еще лучше бы забегать вперед лет так этак на двадцать, – вклинилась Инна.

– В мечтах? – усмехнулась Аня. Ее тянуло противоречить.

– За время жизни нашего поколения развитие науки и технологий шло такими темпами, что никаким мечтам не угнаться, – заявила Жанна, не понимая скептицизма Ани.

– Эйнштейну приписывают слова: «Если технологии будут развиваться такими темпами, мы в скором времени получим поколение идиотов». Тебя не пугает, что у нас вырастает странная «играющая», мало чем интересующаяся молодежь?

– Меня больше беспокоят те, которые с портретами Ленина или Сталина выходят на улицы городов. Они серьезно относятся к себе и своим действиям? Китайская мудрость еще двадцать пять веков назад утверждала, что «... пусть глупые начнут проклинать свою родину, тогда мы войдем в открытые ворота».

– ...Надо признать: работаем мы хуже, чем на Западе. И только жалуемся: обманули, недодали, обсчитали. Разгильдяйство у нас от того, что люди занимаются нелюбимым де-

лом, не нашли себя в жизни. Надо четко понимать, что человек может к чему-то быть неспособен. Я знала одну женщину, которая безумно любила петь, но голос у нее был препротивный. Все над нею смеялись, а она все равно выходила на сцену. А иногда, где-то глубоко в подкорке человек чувствует, что это не его, что он не получает удовольствие от работы, но не хочет себе в этом признаться. И в том, что глубоко несчастен, винит кого угодно, только не себя. Я приветствую только работу, сделанную с удовольствием и вдохновением, – провозгласила Инна.

– Воспитывать надо правильно, тогда к любому делу люди будут относиться ответственно. Нужно помогать человеку найти себя, – сказала Аня свое веское слово педагога.

– Плохо работаем? Я категорично заявляю: у нас такой психотип. наших людей испортило оглушительное многовековое бесправие и власть оголтелых начальников, в чьем ведении была наша страна, – сказала Инна. (Заводит подруг?)

– Любое заявление поверхностно. Так уж и многовековое. Удручающее невежество. Начала за здоровье, кончила за упокой. У нас не было рабства, – напомнила Жанна.

– А крепостное право? Что, в десятку?

– Ищем себе оправдание? Пришло осознание? Отличный ход. С большой долей вероятности могу утверждать: главная причина – платят мало. Разумней одному хорошему работнику платить хотя бы вдвое больше, – высказала свое мнение Жанна.

– Чего захотела! Вдвое! Найди таких дураков. Почту за честь преклонить пред ними свою седую голову, – рассмеялась Инна.

– Они скорее у нас оттяпают, – согласно кивнула Аня. – Как и прежде у нас на ремонтах дорог один-два работают, остальные курят или видимость деятельности создают. Им бы как старикам в деревне на завалинке сидеть, да чтобы денежки сами в карман капали. Откровенно плохо работают. Шустры и пронырливы только если дело касается выпивки. Таким где бы ни работать, лишь бы не работать. Проходит год-другой и снова беремся за ремонт тех же дорог. Плиткой выложили тротуары, а через пару лет она раскрошилась.

– Так это по причине воровства материалов, – сказала Инна.

– А в озвученном мной сюжете – воровство начальниками еще и денег, выделенных бюджетом на зарплату рабочим. Какой стимул, такое и качество производимых работ, – дополнила Аня свою мысль.

– Поправь нервишки. Ты осмелилась... из подворотни критиковать новый только зарождающийся строй! Ишь ты-глядишь ты, губу она раскатала! – рассмеялась Инна.

– Капитализм нас исправит, – предположила Жанна.

– «Все будет хорошо. Все кончится печально». Размечталась. В магазинах если за прилавком не сама хозяйка, как и раньше продавцы невнимательны. На государство работали из-под палки и теперь филонят. Без надсмотрщика не осо-

бо разгоняются, все больше шаляй-валяй, – не согласилась Инна.

– Наш дом в центре города, так его фасад раньше каждый год ко дню Победы «подмалевывали», потому что штукатурка осыпалась. И теперь продолжают. А я девчонкой пятьдесят лет назад оштукатурила омшаник, так он до сих пор стоит как пасхальное яичко – ни одной трещины! Потому что технологию соблюдала. Деревенская закалка и привычка работать на совесть сослужили мне хорошую службу и в моей дальнейшей жизни, – сказала Лена. – Я в этом году сказала рабочим, что нельзя на сухую поверхность раствор класть, так они меня грубо «наладили». Получается им выгодно плохо работать?

– Я уже не реагирую на привычные нелепости нашей жизни. Инна, что смотришь на меня как кошка на мышь? Я не права? Один с сошкой – семеро с ложкой. Та же поговорка только смысл немного иной. Как и раньше честные труженики своих лодырей-собратьев кормят. И степень коллективной безответственности за работу по-прежнему велика. Сходи на стройку. Только что построенные дома дают трещины. Но я вижу основную причину не в нерадивости народа, а в бесталанности руководителей и в том, что воровать стали пуще прежнего. Был у меня знакомый. Помню, обвел веселым взглядом лабораторию и сказал: «Пора менять место работы. Здесь больше нечего украсть». И ушел на мясокомбинат. И такого ты надеешься исправить? – спросила Жанну Аня.

– А я слышала, что на нашем мясокомбинате теперь драконовские порядки. Не украсть, – сказала Инна.

– Так это простому рабочему люду. А начальникам кто запретит? – сердито, как обиженный ребенок спросила Аня.

– Опять ты увязаешь в частностях. Ругая капитализм, ты совершаешь преступление перед будущим, – рассмеялась Инна.

– Смотря каков масштаб этих частностей. А если он все-российский?

– Представь доказательства. Такое случается только в бюджетной сфере, где люди не на сдельщине, а на окладе. Там и теперь царит безделье и прочая дрянь.

– И что же могут украсть учителя и врачи? Авторучку? – возмутилась Аня.

– Хозяин не позволит лодырю на себя работать, выгонит.

– А вору позволит. И блатному тоже. Кумовство и протекционизм у нас неискоренимы, – заявила Аня. – Дочь моих знакомых окончила институт и прекрасно работала. Народ ее уважал. А тут сынок одной начальницы поступил в тот же вуз. И я сказала Верочке: «Заранее подыскивай себе новое место работы». А она мне ответила: «Мы еще поборемся. Какой из него юрист? Он тупой и лодырь к тому же». А я ей: «С кем хочешь бороться, с администрацией города? Чем эта история закончится, я тебе уже сейчас могу предсказать. Они, конечно, обязаны будут предоставить тебе взамен более или менее подходящее место и тут ты можешь позво-

лить себе побороться, но очень осторожно, а то не простят и вообще с носом оставят. Будет лучше, если ты сама все-рьез озаботишься этой проблемой и заранее подберешь себе что-либо приличное и без ссор, и скандалов подготовишь почву для перехода в другую организацию». Вера девчонка хоть и молодая, но, как говорится, ранняя, послушала меня, с родителями посоветовалась, и как только подошел критический момент, отступила на заранее подготовленные позиции – ушла в иностранную фирму, где хорошо платят. Там пашут на ней, все соки выжимают, но она здоровая и пока справляется.

– Надо же, послушалась. Значит не для всех мы «обломки прошлой жизни», – удивилась Жанна. – Вовремя хватилась, молодец, – заочно поддержала она незнакомую ей девушку.

– Сын моего знакомого еще студент, а ему место работы уже давно определено. Пять лет его будут ждать. Вот так-то. А кто-то из кожи вон лезет, надеясь выслужиться и получить заветную должность, – перебила ее Инна.

– И все же блатных теперь меньше.

– По-моему так даже больше. Таков наш менталитет, – возразила Инна Жанне. – Я постоянно убеждаюсь, как велика роль личности не только в истории страны, но и для каждого человека. Попадется сволочной начальник, и никакой профсоюз не защитит.

– Можно подумать, раньше эффективно защищал, – фыркнула Жанна. – Тоже начальникам поддакивал.

– Теперь более жесткая модель взаимоотношений на работе: начальник для подчиненного – господин. Но причина, в основном, не в строе, а в характерах руководителей, – упрямо заявила Аня. – Но они намного злее стали из-за капитализма. Ведут себя как непотопляемые броненосцы. Протягивают свои заgreбущие руки и требуют: «Выворачивайте свои карманы, господа-товарищи, платите мзду».

– Объединяться надо, а не стоять в стороне, – подсказала Инна.

– Легко советовать... Не люблю слово «господин», оно предполагает рядом другое, унижительное – «слуга», которое для меня как ожег кнутом, – пожаловалась подругам Аня.

«Затеяли нескончаемую тему. Сейчас для подтверждения своих «тезисов» примеры из жизни начнут приводить». – Лена с удовольствием зевнула. Ее явная демонстрация усталости не остановила женщин, но говорить они стали тише.

2

– ...Я не припомню, чтобы ты интересовалась проблемами в строительстве.

– Ремонт квартиры хотела заняться, да куда там...

– ...При социализме исследования велись. Так вот оказалось, что двадцать процентов людей хорошо работают, если даже им мало платят, – сказала Инна.

– Это о нас, – вклинила свой комментарий Аня.

– Тридцать процентов людей плохо работают, даже когда им много платят. Они любят работать гуртом, бригадой, где

нет плана на каждого отдельного человека. Чтобы легче прятаться да спины других, – продолжила теоретизировать Инна.

– В то время насчитывалось порядка тридцати процентов разводов. А теперь, когда почти семьдесят процентов женщин без мужей воспитывают детей, эта картина в какую сторону изменилась? (Разве не пятьдесят?) Лучше стали работать? – спросила Жанна.

– Свежих статистических данных мне на стол еще не положили, – отшутилась Инна. – Аня, а ты и теперь совершаешь подвиги трудового героизма? Представляю себе: ты – герой капиталистического труда! Еще Амонсон говорил, что героини появляются там, где плохо организована работа. Я, конечно, войну исключаю. Работаешь, как и прежде, «за себя и того парня», за лодыря?

Аня промолчала.

– ...А как выполняются законы? – Аня нетерпеливо перебила Инну. – Украл десять тысяч – в тюрьму, а десять миллиардов – пожалуйста за границу. Все, как и раньше только масштабы покруче. Внешние законы не работают, если внутренних в сердце нет. «Не укради, не убий...» Сложность состоит еще и в том, что...

– И в СССР были «священные коровы», – напомнила Инна. – С каким восторгом Мишка Солодилов, работая в народном контроле, рассказывал, как борется с взяточничеством!

Но стоило ему нацелиться на неприкасаемых, копнуть глубже – вмиг слетел со всех постов. Был потрясен несправедливостью. И случилось кровоизлияние в мозг. Вот чем закончилось его противостояние системе.

Прозевал Мишка момент, когда надо было остановиться. Андропов боролся, а Щелоков «крышевал». Так или иначе, в большей или меньшей степени, но во всем мире творится это безобразие – коррупция, сращивание власти, правоохранительных структур и бандитизма. С помощью этого сплава-«агломерата», труд народа ставится на рельсы личного обогащения верхов. А кто рангом пониже, у тех и доходы поуже. – Инна вмиг состряпала на своем хитреньком личике невинное смирение. – А теперь и у нас, когда сброшены кандалы советской морали, на всех уровнях черте что творится.

– А я вот что насчет денег хотела сказать. Мне кажется, давно пора нам пару нулей отсечь. Я по-прежнему, по привычке, все цены на старые деньги перевожу. Хлеб десять копеек стоил, а теперь двадцать рублей, приличное осеннее пальто сто пятьдесят рублей, а сейчас пятнадцать тысяч, – возникла Аня со своим «грандиозным» предложением.

– Нельзя. Тогда будет заметно, как мало мы получаем. А тут держишь в руках тыщи и радуешься, – усмехнулась Жанна.

– А что на них можно купить, заплатив за квартиру – это уже другой вопрос и его лучше не задавать, – вздохнула Аня.

– Это даже меньше, чем ничего, – хмыкнула Инна. – И я постоянно соотношу старые и новые цены. И события...

– Но я подрабатываю, потому что помогаю некоторым своим подшефным, – добавила Аня. – «Как хорошо мы плохо жили!» Поэт Борис Рыжий, между прочим. Он совмещал несовместимое. Своей непохожестью привлекал и покорял. «Любовь и счастье – мимо, мимо...» Это про меня.

– Аня, политинформации по понедельникам, а сегодня суббота, – вдруг сердито дернулась Жанна. – Не люблю, когда унижающе и унижительно отзываются о своей стране и о своем народе. Все нейметя тебе в старье покопаться. Ты воспринимаешь мир сквозь призму своего идеалистического мировоззрения, все видишь как в кривом зеркале. И еще берешь на себя смелость рассуждать о том, в чем ни не смыслишь. Совсем утратила способность понимать. Так и не удосужилась перестроиться. Говоришь, походя, о самом сокровенном: о Боге, о Родине и судьбе. Религию критикуешь, хотя ее теперь признают даже верхи. (Какая муха ее укусила?)

– Вот ты как «запела!» Чудовищное обвинение. Вопиющая наглость! – обижено прервала ее Аня.

– Взбеленилась! Взорвалась! – со зловредной улыбкой сказала Жанна. – Да ради бога скули, если тебе от этого становится легче. Только нечего реальность подменять мечтами и фантазиями. (Нервы разгулялись?)

– А сама-то... – Аня не смогла или, может быть, просто не захотела продолжать разговор в таком духе.

– Старые смыслы забыты, а новые четко не сформулированы – защитила Аню Инна. – Богу богово, кесарю кесарево. У каждого своя планида, своя правда. Главное, чтобы она была не чужая и не чуждая.

Аня в запале не поняла, что хотела выразить этими словами Инна, поэтому промолчала.

– Опять Бога все поминаете, – раздраженно заметила Жанна. – Ну да, вы же агностики.

Последнее слово в ее устах прозвучало как ругательное. За ним последовала недоуменная пауза.

3

– ...Надоело недельный борщ хлебать, свежачка подавай, – угрожающе возроптала Инна.

– Накатила перестройка, закрутила всех водоворотом непонимания и неурядиц, растоптала, размолола жизнь. Пресвятая дева... Тысячи людей обмануты, выброшены на свалку собственной страной. Сигнали их с исконных мест проживания. Сто тысяч человек ежегодно пропадают без вести. Каждые пятнадцать минут регистрируется новый случай ВИЧ-инфекции. Кишат вокзалы нищими, брошенными бездомными детьми. Покусились на самое святое. В шаговой доступности от нас такое твориться... А там, за горизонтом... грустная пустота брошенных земель, выстуженные ветром разрушающиеся хозяйственные постройки. Тоска высасывает душу. К ценам не подступиться. Элементарное соблюдение невозможно. Кругом бандиты окопались. Мно-

гие крупные города отданы им на откуп. И никто им не указ. Себе апартаменты отстраивают за высокими заборами. Рынок проседает из-за их махинаций. А экономика как баржа на приколе туда-сюда... Не движется вперед, а люфтит. (Люфт?) Сволочное время. До чего дожили! Страна, как заговоренная... Ложь всех оплела. И это настораживает.

– Ну и разошлась! – перебила Жанну Инна. – Как сказал юморист Жванецкий: «Что слышишь – дели, что видишь – умножай».

– Раньше мы заранее знали свою линию жизни, а теперь молодежь мечется... И мы выдохлись. По теперешней жизни далеких планов лучше не строить. Все говорят, говорят, а до истины в тех речах не докопаешься. Уверяю вас, я чувствую себя выброшенной на неизвестно кем населенный остров. И вообще, все стало так сложно и противоречиво. Поменялось решительно все. Временами меня охватывает страшное отвращение... возникает чувство конца, неотвратимо близкой развязки. И не существенно, в каком порядке расположатся катаклизмы, ведущие в пропасть. Такие вот приметы... улики времени. (Вот это флуктуации!)

– Жанна, это уже ушло в прошлое, а ты все еще чувствуешь ту боль?.. Оглянись. Проехали, – остановила ее Инна. – Или у вас, вдали от Москвы, процессы протекают с запаздыванием на годы?

– ...Раньше Америку изобличали, а теперь сами реагиру-

ем на каждый ее чих, – пробурчала Жанна.

– Неправда! – полыхнула Аня. – Мы не Западная Европа. Мы Россия! Конечно, наши проблемы восторга не вызывают, но они в основном – пена. А у нее свойство такое – она быстро сходит. Ее можно сбросить, сдуть. Она же на поверхности.

– ...На рынке сплошь горластые оторвы так и пытаются всучить тебе всякую дрянь. Они ходовой товар скупают в деревнях по бросовой цене, а нам сбывают задорого. Семь шкур дерут. И друг друга разорвать в клочья готовы. Напрямую массовому потребителю пробиться к производителю не представляется возможным. Оттого и цены кусаются. Торгаши узурпировали права селян. Опостытели. Спровадить бы всех этих торгашей куда подальше, – не успокоилась Жанна.

– И куда их пристроишь? А сама примешься за частный извоз или займешь освободившееся место на рынке? Извини мое... вполне простительное женское любопытство, – подколола ее Инна. – Посмотрим, в какое дерьмо ты вляпаешься. Весь товар изведешь, а прибыли не получишь.

– С какой это радости меня на рынок? Ох эта жажда хапнуть чужое! И не наудачу. Каждая торговка целенаправленно ищет себе жертву, чтобы обвесить, обсчитать, да еще и накричать. Опытным взглядом выхватывают из толпы доверчивых покупателей. Им же надо на нас заработать сверх того, что платит хозяин... Натерпелись от них. А мы с вами – так сказала одна бабуся в автобусе – живем в три «Д»: доеда-

ем, допиваем, донашиваем, перебиваемся с хлеба на квас. Не знаю, осознавала ли та старушка современное понимание трех «Д», но прозвучала эта шутка, несмотря на грустную суть, великолепно. Все в автобусе заулыбались. Пришлась по душе и старым, и молодым.

– А тут еще глазом не успеешь моргнуть, как умыкнут кошелек, – безучастно, остановившимися глазами глядя в потолок, пробормотала Аня. – Приходится мириться с несовершенством капиталистического мира.

– Анька! С меня хватит. У тебя всегда такой вид, будто тебе на роду написано быть несчастной. Опять лицом поскучилась? Кончай ерунду говорить. Не ротозейничай, не искушай людей без нужды и не украдут. Схлопотала за все по совокупности и сразу?

– Я не принадлежу к числу ротозеев, – обиделась на Инну Аня. – Ладно, не буду поносить интересное время. Во всем можно найти что-то хорошее. И самим надо обрастать новыми мыслями и идеями. Что бунтовать? Я и раньше кроме очередей ничего замечать не хотела, – самокритично заявила Аня.

– Блестящая мысль, серьезная мотивация! – фыркнула Инна.

– ...И все потому, что продают не производители продукта – их не подпускают к прилавку, – а наемные торгаши. Им бы себе побольше урвать от цены перекупщика. Надо

сказать, невероятно своеобразное сочетание предприимчивости и наглости. Земля и небо – то, что происходит теперь по сравнению с тем, что было.

– Мать честная! Ты что, магнитофон на повтор поставила? – грубо одернула Аню Инна.

– Прости, кратковременный склероз... совсем выпало из памяти, – с застенчивым раскаянием в голосе ответила Аня, – Почему только в деревне проблемы? И в городе тоже. Я свой лапсердак уже десятый год ношу, а раньше давно бы сменила.

– Я в автобусах и в золоте, и в натуральных шубах женщин вижу, – сказала Жанна.

– Они у них с советских времен, – предположила Инна.

– Среди моих коллег раньше богатых не водилось.

Да и теперь тоже, – неуверенно возразила Жанна.

– ...А лица все больше грустно-безразличные, скучные.

Что людей гнетет? Отсутствие работы? – спросила Аня.

– Они в автобусах едут, а рядом мчатся потоки личных автомобилей, которые создают пробки, – усмехнулась Инна.

Жанна грустно поделилась:

– У нас китайцы организовали подпольную фабрику и заставили на ней работать русских. Представляете, нас, русских, в нашем же государстве! Ужас, позор!

– Незавидная участь, – с затравленным видом пробормотала Аня. – При попустительстве властей не такое еще будет. Их разогнали? ...Я мусульман больше китайцев боюсь, –

смущенно созналась Аня. – У меня есть знакомая семья, но я никогда не приглашаю их в гости. Потому что закон гостеприимства не позволит мне делать им замечания.

– Ты представляешь, как в дом к тебе приходят мусульмане, стелют на пол свои коврики и целый час возносят хвалу аллаху? Да еще приказывает тебе и твоим гостям закрыть лица чадрой? Ха! А ты не позволяй им вести себя в твоём доме как в своём собственном. Один на один поговори с матерью семейства. Скажи, что в нашей культуре принято уважать чужую религию, так и вы уважайте нашу. Исполняйте свои обряды у себя дома. Гости обязаны подчиняться правилам хозяйки дома, – посоветовала Инна.

– Я пыталась объяснить, не вышло, – ответила Аня. – Собственно я не всех мусульман боюсь, только экстремистов. Мне кажется, они сначала ласково, любовью завлекают молоденьких девушек в свои сети, потому как они романтичные и доверчивые, затем насаждают свою религию, а уж потом запугивают – цыганская тактика – и те, бедняжки, заблудившись в каменоломнях чужой веры, соглашаются на что угодно. Помните тех террористок? Сомневаетесь?

– Ну что до их мощного обаяния... Куда забрела! – Инна неопределенно пожала плечами. – Трусиха. Совсем зарапоровалась, забавные тараканы у тебя в голове. И тем ты интересна.

– Что за шум, а драки нет, из-за чего свалка? – шутливо спросила Жанна, очнувшись от своих мыслей.

– Если ты помнишь, обедню дважды не служат, – резко отказала ей в повторе Инна, не желая выслушивать ее религиозные бредни.

4

– ...Слыханное ли дело! Выпало «счастье» пожить, когда вокруг произрастает грязь и порок. То еще зрелище.

– Размываются многие понятия, которые были нам важны и дороги, – поддержала Аня Жанну.

– Чем двадцать первый век хуже пятнадцатого? – съязвила Инна. – Чем он провинился перед нами? Может, это мы ему не соответствуем?

– Порочность витает в воздухе. Происходит сознательная маргинализация телевидения. Во всем какая-то незавершенность, недодуманность, недосказанность...

– Во всем мире телевидение существует для «промывания» мозгов народонаселения. Не отпирайся, ты хотела, чтобы всегда было «тебе любо и мне мило» и чтобы сидеть втихомолку в укромном местечке и носа наружу не высовывать? – отреагировала Инна на нытье Жанны.

– Скоря ты на расправу. Не желаю дальше пускаться в рассуждения. Я без всякой задней мысли... а ты... исчадие ада.

– А ты, стало быть ... к великому стыду своему...

– Задираешься?

– Инна, не увлекайся, – мягко одернула подругу Лена.

– Жанна, ты видишь только перемены к худшему, а говорят, что женщины мужественнее справляются с разнообраз-

ными испытаниями, которые подкидывает им жизнь, что у них запас прочности больше.

– Видно не у всех.

– Правильно сказал наш знаменитый физик Жорес Алферов: «Бизнес в России в основе своей нечестный», – снова забухтела Аня.

– А мне Алферов в другой связи вспомнился. «Все материалы сделаны Богом, а гетероструктуры – мы создали». Заслуженно гордился, – сказала Инна.

– И все же Европа мобильнее в смысле желания познать и продвинуть новое.

– Не можешь без ложки дегтя.

– Я из сочувствия.

– Раньше чиновники, эти талантливые имитаторы деятельности, затягивали внедрение изобретений. И органы гробили талантливых ученых. Иногда хороших людей и от государственной машины надо защищать, – заметила Жанна.

– Бюрократы – цепные псы общества, – поддакнула Инна. – Они у нас слишком сильны, потому-то и мешают. Нам катастрофически не хватает лоббистов, которые продвигали бы научные идеи в производство. И деньги на внедрение новых технологий и расширение производства предприниматели не торопятся давать, им выгоднее на максимум использовать устаревшие материалы и оборудование. Рынок требу-

ет больше и быстрее.

– Срубили бабки – и ходу за границу, – повторилась Аня.

– Только прибыль, господа хорошие, образуется не только за счет эксплуатации и обмана трудящихся, но и путем развития новых технологий, использования самого современного оборудования.

– Нам нужна культура мышления. Но достойных учителей мало. Да и тех притесняет руководство, – напомнила Аня. – Если мы не будем развивать фундаментальную науку, у нас не будет людей, способных разобраться даже в том, что откроют ученые в других странах. И мы опустимся до уровня стран Африки.

– Какая «заманчивая» перспектива! Развитие технологий и робототехники приведет к безработице. В семьях будет работать один человек. И женщины естественным образом полностью вернуться к своей святой обязанности – воспитанию детей. Организуем их триумфальное возвращение? Может, и правда, благополучие семей держится на неработающих женщинах? – рассмеялась Инна и добавила серьезно:

– Аня, отрекись от устаревших понятий о «черном» континенте. Африка уже не та, какой была пятьдесят лет назад. Там много крупных современных городов. Быстрыми темпами развивается промышленность. Не забывай, она – кладезь полезных ископаемых, добываемых с поверхности. Нельзя нам там сдавать свои позиции, заработанные при Союзе. Китайцы и американцы уже теснят нас.

*

– ...Кстати, вернемся к вопросу о честности. Мне вспомнился нашумевший в свое время случай. В Эрмитаже до революции пожар случился. Загорелась брильянтовая комната, где хранились все драгоценности царицы. Целые сутки богатство внасыпь лежало у подножья Александрийского столпа. Солдаты тушили огонь, посторонние люди рядом ходили. Но инвентаризация показала, что ни одна вещица из коллекции не пропала, – доложила подругам Инна.

– Теперь под пулеметным обстрелом всё размели бы и растащили по темным углам. Помню, до перестройки дело было. Забыл мой муж лыжи около дома, так ему чужие люди их принесли. А недавно он удочки на минуту оставил около квартиры. И... их «Минькой звали». И что самое обидное, старушки на рынке стали обманывать. Не ожидала я такого от людей нашего поколения.

– Общество потребления навязывает свою идеологию, а ты призываешь любить, понимать людей, сопереживать им... Теперь идет гонка наживы. Любой бизнес – обман и эксплуатация людей. Это закон, – безжалостно обосновала Жаннину жалобу Инна.

– Только уровень эксплуатации бывает разный, – заметила Аня. – Некоторые такие дела проворачивают!

– Везет же некоторым. Не прозябают в неизвестности, – со смехом вклинилась Инна.

– У нас на заводе зарплаты рабочих возросли только

за счет выведения за стены предприятия второстепенных служб, которые теперь с носом остались, в тревожном недоумении, – сообщила Аня.

– Уборщица на заводе получала в десять раз больше, чем в институте. Разве это справедливо? А если секретарша в горсовете получает зарплату на уровне кандидата наук, как ты на это смотришь? – Жанна замерла в ожидании ответа. Но его не последовало.

Бывает ли пресыщение богатством или влечение к нему не знает пределов? – спросила подруг Аня.

– Я видела по телеку список миллиардеров и цифры их накоплений. Скольких же простых людей надо было «надрать», чтобы получить такие деньги! У них, наверное, только черта лысого нет. Зажрались... Бедная наша страна! Беспредел во всем, – вяло пробормотала Жанна.

– Это не чистые деньги, в основном стоимость материальной базы заводов и предприятий, – осторожно проникла в разговор Лена. Но не была услышана подругами.

– По свидетельству журналистов, прессы...

Жанна перебила Инну, бросив ей в лицо:

– О народе не думают. А при социализме для людей старались. Конечно, не все получалось. Но мы искренне верили...

– У времени были в плену. И по-прежнему мы не свободны от самих себя, от своей какой-то внутренней разобщенности, раздвоенности.

– Прошлая жизнь, как старые ботинки. Они уже не годят-

ся для носки, тесны, их надо менять, к ним больше не стоит возвращаться, а мы всё втискиваем в них себя, втискиваем... – тихо заметила Лена в поддержку Инне.

– Нас к прежней жизни тянет, потому что мы не чувствовали давления власти. Мы от нее были слишком далеко. Трудности воспринимали как временные, преодолимые и не роптали! – вспыхнула Жанна.

– Схватилась за голову! Забыла, как приступом брала прилавки магазинов?

– А теперь дуреем от обилия импортных товаров, а денег нет. Это хуже. В школе на уроках истории нам рассказывали, что на Западе стоят пустые шикарные дома, но люди их не заселяют по причине бедности. А теперь и у нас такое же творится.

– И ты «у бездны на краю». «О, черного горя поэт!»

Стонешь, воображаешь, что твои мысли перешагивают время?.. Не понимаешь, что сама отбиваешься от всех, отстаешь? Не соображаешь, хоть кол на твоей голове теши. Сами виноваты. Покупая импортные товары, мы поддерживаем чужие экономики, а потом удивляемся, что рубль просел и искренне надеемся, что он скоро отыграет назад. А с чего ему дорожать?

– А вот ты скажи, почему наши пластиковые фляжки постоянно текли, а импортные нет?

– Тщательнее надо работать. Жванецкий дело советовал. Обожаю этого юмориста и всегда держу под рукой его творе-

ния. К его шуткам народ часто подмешивает что-то свое. И это прекрасно. А ты, как я посмотрю, всерьез из-за мелочей встревожилась. Не терзайся, успокойся. «Сотри случайные черты, и ты увидишь – мир прекрасен», – рассмеялась Инна.

– Сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет, – отрезала Жанна.

А Лена сидела, привалившись к стене, обхватив колени руками, и с застывшей полуулыбкой на лице ритмично качала головой. Ее мысли были далеко-далеко.

5

– ...Науку всё реорганизуют да реструктурируют, мол, надо ее на новые рельсы ставить. А толку? Высшее образование сгубили платными вузами. И в школе уровень обучения упал донельзя. Мой Коля как-то занялся ремонтом лоджии. К нему нанялся в помощники молодой человек, окончивший политехнический. Муж был не рад, что с ним связался. Ему приходилось по три раза объяснять парню, как отпилить доску, как приладить уголок. Я внимательно пригляделась к лицу «инженера-строителя» и поняла, что он с некоторыми... умственными отклонениями. Вечером на кухне стала возмущаться, мол, за деньги уже дебилов стали в вузы принимать. Коля меня грустно поправил: «Он дневное, бюджетное отделение закончил». Я в ступор: и там деньги впереди совести? У нас слишком много вузов и их нечем заполнять?

Мне тут один писатель пытался втолковать, что если человек платит за образование, то он не валяет дурака, а серьезно

овладевает знаниями. Какая некомпетентность и наивность! Может, на Западе и так, только у нас на платное отделение идут лодыри и тупицы. Такие с позволения сказать, студенты считают, что раз они заплатили, то педагоги обязаны ставить им положительные оценки. По сути дела они покупают диплом. «Платники» разлагают студентов-бюджетников, понижая планку их знаний. Испоганили высшее образование. А оно – социальный лифт для карьеры. Хотя... и тут блатные впереди.

А ЕГЭ? Превратили детей в пенсионеров. В их годы надо думать, размышлять, чувствовать. Мы должны побуждать детей к большему, выявлять способных проявлять волю, чтобы посвятили себя служению обществу, а они у нас... зубрят!

– Да только работать они будут там, где им укажет рынок труда, а не где мечталось. И за свою жизнь нашим внукам из-за безработицы не одну специальность придется сменить. А физик Капица говорил, что образование имеет целью сделать людей счастливыми, – вклинила Инна свое пессимистическое замечание.

– Смотрю, как молодые люди бесцельно проводят свои самые важные годы и переживаю. Они всё ждут, что настоящая жизнь впереди, а она здесь и сейчас, ее строить надо. Мы умели, даже бесплатно вкалывая в поле под палящим солнцем, находить для себя какое-то «упоение в бою». Хотя бы в общении с одноклассниками, а теперь у них гаджеты...

– Сейчас, когда авторитет родителей и учителей очень упал, единственное, что подталкивает детей к учебе – страх не сдать ЕГЭ, – согласилась Аня. – Позитивным стимулом это не назовешь. Монополию на власть в школах директорам отдали. Узурпируют, прессуют и учителей, и детей. К лучшему ли мы идем?

– У моей приятельницы внучок в лицее учился. У него была прекрасная учительница, которая понимала, что главное для педагога любить детей, знать предмет и уметь влюбить в него детей. А еще у нее был редкий талант развивать у детей мыслительную способность. Мальчик решал задачи такого высокого уровня, что его мама-инженер только диву давалась. Она еще сообразить не успевала, а сынок ей уже ответы выдавал. Весь их класс был заражен математикой. Дети соревнования устраивали, кто быстрее решит самую трудную задачу. Но не подладила в чем-то учительница администрации школы, и пришлось ей перейти в другую школу. – Жанна безнадежно махнула рукой. – Пришла другая. А она «потому что» слитно писала. Какая уж там математика! Я в ужасе, подруга в слезах. Она об университете для сына мечтала. Ей теперь репетиторов искать? Может, у нас так, потому что мы далеко от Москвы?

– Есть же обладатели именных грантов, – напомнила Инна.

– Их единицы. Ой, не надо об этом, – вяло откликнулась Жанна.

– Схлопнулась наша страна. Все-таки распад СССР – мощное политическое землетрясение. Его намеренно подготовили внешние противоборствующие силы, – начала было Инна. Но поменять тему ей не удалось.

– Технические вузы стали журналистов, юристов и психологов выпускать! – возмутилась Аня.

– А хирургов еще не пробовали? – насмешливо спросила Лена.

– Экономистов развелось, как бродячих собак на улицах городов, а работа достается только одному из десяти и то блатному.

– Может вернуть распределение? – спросила Жанна.

– Тоже не выход. Блатные и лодыри учатся платно. Их не станут распределять. Толковых бюджетников ушлиют в Сибирь, а эти в центре пристроятся под крылышки папочек и мамочек и станут командовать парадом.

– Сибирь и Дальний Восток тоже кому-то надо осваивать.

– Разве я против. Пойдет ли на это правительство? – усомнилась Аня.

– ...Хорошего инженера можно научить чему угодно. У него есть опыт изучения и понимания самых трудных дисциплин.

– Руководителями предприятий и отраслей должны быть инженеры, а не экономисты или юристы. Но у нас же, как

всегда... Помнишь, раньше историков и политработников у руля ставили.

– ...Еще Арцимович предупреждал, что «церковь и Академию наук нельзя реорганизовывать». Но у меня есть вопросы к церкви. И главный из них – отсутствие сомнений. Сейчас век науки. Научный потенциал – база будущего. Наука – мощный компонент развития любой страны. Она не имеет ни классового, ни политического подтекста. Но... современная человеческая цивилизация все дальше уходит от своих гуманистических позиций. Души людей маются непониманием, неведением, скукой.

...А что у нас твориться?.. Танцуя под дудку Запада, Ельцин развалил СССР, Горбачев разрушил всю нашу ядерную систему вооружений и разгромил военную промышленность, проведя по указке США конверсию, а теперь за науку беремся не с того боку. И всё это от некомпетентности? В образовании очередная Одиссея. Черт знает что в нем творится. И к чему оно сводится?.. Забыли, что классическое образование – это основа, база, оно не устаревает. Забыли, что учителя воспитывают весь народ! Все козыри у них в руках. А это такая ответственность перед обществом, перед историей!

– Да ты махровый закостенелый консерватор, – пошутила Инна.

– Вербуют нас в дураки, а мы и рады рты разинув чужую прокисшую похлебку глотать, будто своя не по желудку. Го-

ворят, мол, принудительная сила реальности. Но в чем подвох? Больше надо думать, чтобы не биться головой в потолок, учиться правильно реагировать на происходящее, видеть, слышать, а не существовать в потоке. До какой же степени мы способны унижать свое чувство собственного достоинства! Покарать или хотя бы проучить всех этих наших «умников», но поздно. «Ноги чужих танцовщиков играют партию ударных» в головах нас ведущих... Да и кто осмелится против коррупции выступить? Воланд, что ли всем чиновникам мозги затуманил, образ мыслей изменил? И беды не замедлили явиться. Кого теперь «косой неправда косит»? – в который раз возмущается Жанна. (Потребность выговориться?)

– Займемся охотой на ведьм? Потом шпиономания нас накроет. Было уже, по горло сыты, – вздохнула Аня.

– Не одни мы, многие страны через это прошли.

– Но не в таких же масштабах.

– Пропорционально размерам стран.

– У немцев вон каждый второй докладывал, а у нас в деревнях редко кто доносы за благо почитал.

– Да будет тебе...

– ...Сшибаются с нами лбами народы, которых мы считали братьями, – усмехнулась Инна.

– В девяностые годы мы уже никого не прикармливали. И как они себя чувствуют в новой ипостаси? – спросила Аня.

– Время покажет.

– Съедят их.

– Теперь это их проблемы. Дружба с братьями влетала нам в копейчку. Не умеем мы практически дружить. Общеизвестен русский всемирно отзывчивый характер, но и о себе надо думать. Всех не облагодетельствуешь. От друзей и братьев мы все больше в минусах были. Стремление республик отделиться всегда наблюдалось. Особенно в Прибалтике.

– Но с ними мы были сильнее. Из истории ты же помнишь, чем заканчивалась раздробленность?

– Мы были «корруппированы» дружбой народов.

– Мы с «братьями меньшими» как кур в ошип попали. Все хорошее, что для них делалось, будто в преисподнюю рухнуло, забыли. И канай всё в ад... Теперь выкарабкиваться из дерьма надо. Горло сжимает обида за страну.

– Кто-то из американцев разумно сказал, что у государств нет друзей, есть интересы, – заметила Инна.

6

– ...Малевич тоже античные статуи молотком разбивал. Мол, мусору в искусстве много. Бунтовал против всех. А ведь талантливым был, – сказала Жанна.

– Ну, это на чей взгляд. Может, и был, но слишком узконаправленным. С чего ты его сюда приплела? Мы о масштабных политических личностях сейчас ведем речь, о тех, которые судьбы целых поколений решали, – удивилась Аня.

– А не о тех, кто пытается узаконить лесбиянство и гомосексуализм, – проехала в адрес западных депутатов Инна.

– У нас в стране грандиозные проблемы, а по телеку нам мозги забивают борьбой против перхоти. Идиотизм! – не осталась в стороне от критики Аня.

– Будь чуть моложе, мы бы задали им трепку, мало бы не показалось, – сказала Инна.

– Мы бы, мы бы... – пробурчала Аня. – Сей факт я ставлю под сомнение. Но у меня тоже сложилось впечатление, что зря мы помогали многим странам, надеясь на их дружбу. В любой стране всегда найдутся противоборствующие силы, которые, взяв власть в свои руки станут, воспринимать нашу помощь как притеснение, стремление им помешать. Сегодня они патриоты за тебя, а завтра – против тебя. Это как соседям влезть в ссору чужой семьи. Поможешь одним, а другие, помирившись, будут видеть в тебе врага, – сказала Жанна.

– Политики этих стран нас не любят, а народы хорошо относятся, – заметила Аня.

– Народ как настроишь, так он и поет.

– Циник ты неисправимый.

– Это качество куда полезней, чем слюни до полу от необоснованных восторгов распускать. Случай мне припомнился из семидесятых. Гуляю я в парке с детьми и вдруг слышу речь, немного похожую на немецкую. Оглянулась. Идет молодая красивая пара: стройные, высокие, блондинистые. Я спрашиваю у них доброжелательно: «Вы из Прибалтики?» А они вдруг как рванут от меня с испуганными лицами! И по-русски сразу заговорили. Я к ним с душой, а они от меня

как от прокаженной. Можно подумать, что русские не позволяли им на родном языке изъясняться, – сердито поделилась Жанна.

– Им их националисты внушали то, чего на самом деле с нашей стороны не было. Рознь разжигали. Мне дед говорил: «Мы боимся голода и холода, а надо бояться возрождения нацизма и национализма». Я не против добрососедских отношений, только строить их надо на других принципах, – сказала Инна.

– Советуешь учиться у американцев? – зло вспыхнула Аня. – У нас своих умных голов хватает.

– Какой гонор! Иногда и чужой опыт стоит примерить на себя. Только с умом, а не обезьянничать.

– Жаль, кэгэбэшник Андропов быстро умер. Навел бы порядок, – вздохнула Аня

– А Сталина не хочешь? Исчезла генетическая память страха? Ничего себе мочёночки! (Наша студенческая приписка.) Хорошенькое дело – злодеев воскрешать!

– Андропов был положительным.

– ...Не руководили все эти старички страной. Только за руль подержались и ушли с миром.

– Бог с ними. «Гонка лафетов» и выскочек давно закончилась. Теперь всё по-новому будет.

– Одна надежда...

– А помните, «Я еще вернусь», – сказал Солженицын. Никто не верил, что соцсистема так быстро развалится. Крыша

ехала, мозги плавилась...

– Раньше хоть по мелочи воровали, а теперь... – Инна вдруг заливисто засмеялась. – Представляете, иду я как-то с работы – дело еще до перестройки было, – смотрю, котлован под строительство забором из половой доски огораживают. Не утерпела, встряла, мол, ваш прораб с небес свалился или уже с утра пьян? Людишки из частного сектора этой же ночью растащат ваш забор и щепочки не оставят. Так и вышло. На следующий день гляжу, а забора, как и не было. И начальник у ямы стоит, репу чешет. Вы же тоже в своей жизни нечто подобное можете вспомнить.

– Раньше в основном государство надирали. А теперь и у частников всё метут. Приболела я. Месяц в сад не появлялась. Ну, думаю, ни перца, ни экологически чистых помидоров в этом году не поем вдоволь. Приезжаю, а там не только перец, все сортовые деревья и кусты выкопаны. И домик-сарайчик по кирпичику разнесли, и бак пятикубовый уволокли. Подсчитала потери. Набежала приличная сумма. Расстроилась, опять заболела. Плюнула, забросила всё к этой самой... прабабушке.

– Как разнесли? – не поняла Аня Жанну.

– А вот так! Разобрали на кирпичи и увезли. Еще и бак для воды на один куб прихватили. Видно волоком тащили. След на земле дожди не успели смыть. И посеючас, как вспомню об этом, слезы наворачиваются. Я два года сад обу-

страивала из последних сил. Вот так вот, господа-товарищи!

«Воспоминаний у каждой из нас много больше, чем может вместить одна жизнь», – насмешливо подумала Лена.

Податливая тишина была недолгой. Аня сказала:

– Время нашей юности и молодости располагало к добру и порядочности, а теперь...

– А теперь говорят, что строительство социализма было дефектом, ненужным отростком на идеальной спирали исторического развития нашей страны, – усмехнулась Инна.

– Благородство, честность, сострадание были сутью нашего поколения, а характер современной молодежи формируют подозрительность, страх, продажность.

– Скажи еще: три кита, три столпа, – передразнила Инна Аню. – Намудрила ты чего-то. Сразу не разобрать. Займемся анализом?

– Ой, не возникай, пожалуйста, – взмолилась Аня.

– ...У меня перед глазами почему-то встало прекрасное, грандиозное зрелище выступления гимнастов на брежневской Олимпиаде. Какая мощь, какая красота! – сказала вдруг Жанна.

– Для меня оно ассоциируются с картинами соревнований в Древней Греции периода преддверья ее распада и падения, – отреагировала Инна.

– Злюка, всё мое радостное впечатление испоганила!

– Не радостное, а радужное, – отрезала Инна.

– Это для тебя было кошмарное прошлое, а для меня есть еще и отталкивающее настоящее. Нас ждет трагическое будущее.

– Ах-ах! Прекрасные шестидесятые! Беседовали мы только о высоком. Признавали только умный тонкий юмор или тот, который с подтекстом, чтобы в нем была умело спрятанная философия. А не этот, что ниже пояса. Любили смех, а не смехачество. А правда... она своим путем шла.

– Да, то было время, когда появилась целая плеяда талантливых людей в различных областях нашей жизни. Культура достигла невероятных высот. Это был подъем, взлет! Нам казалось, что так будет всегда. А потом пришли семидесятые – время великих разочарований, запретов и гонений. И ты, Инна, нашла себя в критике. А теперь опять ищешь новые предпочтения и новые объекты?

– Зато, какой диапазон негатива! – рассмеялась Инна.

– Жанна, не бери в голову, – успокоила подругу Аня.

– А мне НИИ вспомнился, тот, в котором я студенткой в шестидесятые подрабатывала. Там никакой техники безопасности не было. Образцы травили в царской водке без вытяжки, по локти в дихлорэтане купались, когда мыли детали вакуумных установок. А потом узнали, что это яд. СВЧ-излучение свободно «гуляло» по лаборатории, где мы исследовали датчики. Мою руководительницу выживали за то, что она добилась шестичасового рабочего дня и молока для сотрудников. И чего руководство бесилось? Ведь не из своего

кармана.

– Но ведь хоздоговора... – напомнила Жанне Аня.

– Работая, я понятия не имела о вредности. Вокруг тишь и гладь – божья благодать. А когда уезжала, женщины-инженеры предупредили, чтобы я хотя бы год не беременела, пока кровь в организме не сменится. Говорили, что я вовремя «соскочила» и мои зубы не успели рассыпаться. И я с трудом удержалась от того, чтобы напоследок не устроить погром. Женщины запретили. Мол, отступись, ты уйдешь, а нам здесь еще работать, диссертации делать.

– На хоздоговорной работе бесправие было такое же, как теперь, при капитализме, – подтвердила Аня. – Но люди все равно были дружнее и добрее.

– Это трудности роста любой страны. Недостатков, недочетов и обидных случаев при желании везде и во всем можно накопать. Я тридцать лет на своем факультете в комиссии по охране труда и ТБ состояла, к каждой мелочи придиралась. У нас до перестройки идеальный порядок в лабораториях был. Любо-дорого посмотреть. И за вредность прилично приплачивали, – строго сказала Лена.

– А я, читая классику, пришла к выводу, что в Америке, Германии и других вроде бы благополучных странах, перечисленные Инной «мелочи» принимали и принимают более дикие формы. И они считают это нормой. Только в кинофильмах у них все благополучно и пристойно. И то нет-нет, да и промелькнет для внимательного зрителя то фраза, то

сюжетик, раскрывающий их грязные реалии. Правда и ложь у них часто переплетается с такой поразительно виртуозной достоверностью! А на самом деле многое до ужаса перевернуто и сильно приукрашено. И полицейские у них обирают простых граждан... – сказала Инна.

– За этим и у нас дело не станет, – усмехнулась Жанна.

– Да уж точно, – поддакнула ей Аня.

– Там наказывают за то, что не шпионишь и не докладываешь на соседа! – ужаснулась Жанна.

– Менталитет у нас разный.

– То приступ гордости за свою страну нас одолевает, то в дерьмо ее окунаем, – заметила Аня.

– Твой грозный ум «изрек жестокой правды стих», – насмешливо отреагировала Инна.

– Я живу с ощущением, что все у нас постепенно наладится. Доживем до светлой полосы. Вон уже автомобильные заводы выпускают новую современную продукцию.

– Лукавством было бы утверждать, что это российские автомобили. Они собираются из деталей, купленных за границей. За доллары, между прочим, – возразила Ане Инна.

– Но это только первые шаги привлечения чужих инвестиций. Китай на них поднялся.

– ...Стабильности уже не будет никогда. При капитализме это в принципе невозможно. Диалектика – закон развития любого общества.

– Вот ты Инна все СССР ругаешь, а он ведь в разные периоды был разный. Мы жили в прекрасное высоко гуманистическое время и чувствовали себя наследниками ренессанса. Когда полетел в космос Гагарин, американский президент сказал, что русские нас победили не в лабораториях, а за школьными партами. Мы гордились страной!

– Это немцы в сорок пятом сказали, – заметила Жанна. – А мы теперь закрываем глаза на все положительное, что было у нас, и видим только недостатки. Особенно ты, Инна, склонна к драматизму. Только болевые точки в жизни нашего поколения помнишь.

– Так уж устроены у меня ум и глаза, что в первую очередь я вижу плохое.

– А у меня потеря родителей в страшные сталинские годы, детдомовские детство, юность и тревожный отсвет войны определили всю мою дальнейшую жизнь. Они до сих пор меня беспокоят, не позволяют замечать и сохранять в памяти более отрадные моменты, властно напоминают о себе и держат в постоянном, глубокомысленном унынии. Эти болезненные люминесцентные вспышки-воспоминания... Иной раз беру в руки свежий белый хлеб, а перед глазами тот, черный черствый... и свора собак... Мелькает мысль: «Вот и конец... разорвут...» И так реально вижу, что вздрагиваю, все внутри сжимается в холодный комок... Детские травмы догоняют, накрывают и я понимаю, что те раны до сих пор не зажили... Говорят, если понимаешь и принимаешь мир

вокруг себя, значит, стал взрослым. Но я в душе все та же испуганная девочка. А кто-то рано повзрослел.

Знаешь, Инна, многие Ленинградцы, пережившие блокаду, так за всю жизнь и не смогли поправить свою худобу. А у меня душа не расправилась. Ощущение великого народного горя осталось в ней навсегда. Я никогда не качала права, но пыталась сохранить свою индивидуальность и достойно держать удар. Не всегда получалось... А может, виной тому еще и моя нескладная неустроенная личная жизнь.

Аня смущенно улыбнулась.

А Кира, слыша через дверь отрывки из разговоров подруг, подумала: «Что-то в нашей жизни предопределено судьбой, что-то зависит от собственных желаний, а есть то, что происходит по воле случая. К какой категории отнести явление Сталина в судьбе моих и Аниных родителей? Неразрешимая проблема».

– Березовский хвалился тем, что мы в девяностые создали законы, по которым можно безнаказанно грабить свою страну, – донесся до Киры высокий голос Ани.

– Свалить бы ему, чтобы и духу его у нас не было.

– Один свалит, другие как грибы из-под земли явятся.

«Аня с Жанной заспорили? Тогда это надолго», – подумала Кира.

– Все наши проблемы от того, что мы не признаем наши собственные недоработки, замалчиваем ошибки. Проще все беды свалить на предшественников и забыть о них. Еще в

пятидесятых нам надо было покаяться в чудовищных жертвах сталинского режима, в разного рода перегибах, а мы все крайних ищем. Вот потому-то социализм у некоторых ассоциируется с Гулагом, а демократия с развалом СССР, – вздохнула Аня.

– А Хрущев?

– На счет Сталина он прав. Но у нас обычное дело, когда новый руководитель не только полностью отрицает заслуги предыдущего начальника, но еще и охаивает его, чтобы свои деяния возвысить, чтобы его было за что хвалить, – Ответила Аня Жанне.

– Хрущев много хорошего сделал для страны и для народа. Но и дури в нем хватало... Ты предлагаешь коммунистам покаяться? Ха!

– Верхи виноваты – им и каяться.

– А ведь по сути дела социализм был гениальным проектом. Мы ощущали себя великой семьей!

– А путь к нему?

– Путь никогда не бывает гладким.

– Жили не задумываясь. Нас приучали верить партии, а не себе. Как в Бога. Сердцем жили, а не рассудком.

– Веру в Бога заменили на веру в партию, – хмыкнула Инна. Но умные не верили. Не любила я партию с детства. Она – зло. Она – орден меченосцев. Вокруг враждебная среда, а они за стенами. Я не о рядовых членах, о верхушке.

– Ты не права. Сильная власть в государстве необходима

для обеспечения достойной жизни своих граждан, – заявила Аня.

– ???

– Любая власть хорошо начинает, но со временем портится, – усмехнулась Инна.

– Не любая, – заупрямилась Аня.

– А закон развития... Я была за Советы без коммунистов. Я сознаю и признаю, что советская сталинская власть нанесла страшный урон генофонду нации. Надо было обеспечивать равенство возможностей, а не равенство между отдельными людьми.

– С нашими коррупцией и блатом ни то, ни другое невозможно. Лучше стало при капитализме? Наелись колбасы, напробовались? Побаловали себя? В промтоварных магазинах покупателей по пальцам можно пересчитать. Цены предельные, – возразила Инне Аня.

– Дело даже не в колбасе, которую не каждый может купить, а в унижении, в зависимости от работодателя. Свободно можем выезжать за границу? Без денег? Да ни в коем разе! Это свобода для богатых. У них не проскочишь. Нам недоступна подобная роскошь. А при Брежневе даже моя деревенская родня по путевкам в Болгарию ездила. Теперь мечты наших внуков разбиваются о скепсис их родителей, – вздохнула Жанна.

– Дочь моих знакомых недавно побывала в Испании по дешевой туристической путевке. Всю страну пешком прошла с

людьми всех возрастов и профессий и из разных стран мира. Получила массу впечатлений. А мы с вами и по своей стране ездили только в командировки, – в пику ей заявила Инна.

– Вот ты ругала СССР: «Тюрьма не готовит людей для свободы. Колхозы – невероятное закрепощение крестьян. Рабы не могут двигать экономику. Не было стимула совершенствовать производство. Был искусственный энтузиазм и хорошая мина при плохой игре». И прочее, и прочее. Про колхозы ты была права. А сейчас лучше? Теперь мы много больше рабы, чем раньше. И свобода слова – не свобода лжи. Это тоже понимать надо.

– Миф о потерянном рае вызывает у тебя депрессию или выливается в агрессию? Мечтаешь о волшебной палочке. А теперь нужны не нытики, а активная молодежь. – Это Инна «отбрила» Аню.

– Активные личности всегда и всюду нужны. Люди работают, а все равно мало получают. Вот откуда разрыв между бедными и богатыми в семнадцать раз? И где ты видишь материальную заинтересованность? Вкалывать на дядю Ваню? И чиновники в который раз повышают себе зарплаты. И раньше от них толку было мало, а теперь еще меньше. Даже в мелочах свою тупость, неосведомленность и жестокость проявляют. Ну не соображаете, так хоть помалкивайте. У нас одна дама, стараясь угодить градоначальнику, издала указ, чтобы на клумбах и газонах к третьему апреля порядок навели. Пасха, видите ли, на носу. Смотрю, а в моем стихийном

палисаднике орудует целый отряд в оранжевых накидках. Я умоляю их: «Подождите я сама граблями с длинной ручкой выгребу листву, раз вам так припекло. Вы же поломаете росточки, которые еще не вылезли из земли. Я из своей пенсии две тысячи потратила осенью на многолетнюю рассаду и луковицы!». Куда там! Поступил приказ – надо выполнять. Вытоптали работницы мой садик. К девятому мая ни одного растения не зазеленело перед нашим домом. Думаю и во многих других «самоделных» палисадниках по городу то же самое случилось, – обижено поделилась Жанна. – А на следующий год эта дама еще дальше пошла в «благоустройстве» города. Под девятое мая заставила перекопать все клумбы, мол, так они выглядят ухоженнее. И опять уничтожила труд и деньги многих пенсионеров, желающих украсить площадки перед своими домами цветущими растениями. Нет, чтобы бесплатно раздать рассаду старикам для тех же цветников...

– Видно, она никогда цветы не сажала и огорода не имела, – заметила Аня.

– Так хотя бы проконсультировалась у своих замов.

– Такие особи считают себя всезнайками.

– Не терпится покритиковать? Боже мой, какие мелочи тебя волнуют. Тут вся страна в ж... – возмутилась Инна. – Ты, Жанна, отлично училась. И что? Все равно лучшие места получали блатные, а тебя и тебе подобных пинали. Разве не оскорбляли этим?

– Раньше причиной такого унижения был только челове-

ческий фактор, а теперь еще и деньги, и законы развития капитализма. Ты утверждаешь, что при СССР была неэффективная экономическая система, а вписываемся ли мы в капиталистическую? Недавно зашла в обувной магазинчик, так девчонки минут десять болтали, не обращая на меня внимание. Я разозлилась и ушла. А как-то решила заказать себе вязаную безрукавку в доме быта, так девчонка нагло меня надула в цене и еще в глаза рассмеялась, мол, это вам не социализм, теперь выгода всем правит. Мне иногда кажется, что СССР ругают те, кто хочет оправдать свою неудачливость в те годы некомфортными условиями. Я не о тебе, Инна, – поспешила добавить Жанна.

– А идеология? – напомнила Инна.

– Прошу прощения, чем тебе идеология не угодила? Она часть сложной мировоззренческой системы. Куда же без нее? Не надо ее бояться. Одной этики и эстетики для воспитания молодежи недостаточно, – заявила Аня.

– Смотря какая идеология. Человек человеку враг – это хорошо? У американцев как: главное Америка, а на остальных им наплевать. Это мы такие интернационалисты. Они – нация, выросшая из преступников. Когда мы укрепляемся, они нас ненавидят и боятся. Мы слабеем, они нас презирают, плевывают и стараются отовсюду погнать. Чем нам хуже, тем им лучше, – высказала свое мнение Жанна.

– И мы теперь должны быть со всеми и ни с кем?

– Не мой вопрос. Внешне у них все благополучно и, тем

не менее, законы у них жестче наших, – неопределенно пожимая плечами, ответила Жанна Ане.

– Вот тебе кажется, что западная Европа богатая. А ты знаешь, как они экономно живут? Каждую копейку берегут. У них мужчины стремятся в доме все делать своими руками, потому что бытовые услуги стоят очень дорого. А за их толерантностью часто скрывается беспомощность. Ты не в курсе? Туго соображаешь? Не удастся вырваться за пределы своего примитивного совкового сознания?

Аня заметила, как Лена нервно сжала плечо подруге и тихо сказала:

– Наша цель – развитие. Мы должны, не оглядываясь, идти вперед. И поверь мне на слово: пройдет время и мы «восстанем из пепла». Наши успехи уже сейчас заметны.

– «Вынесем все и широкую ясную...», – усмехнулась Жанна. – Что оставим детям? Пшик? А ведь была же оттепель, которую «надышали» наши родители и мы вдохнув, глотнув ее, «забалдели» от восторга и начали поднимать Родину на невероятную высоту... Свои жизни делали собственными руками и мозгами, потому что векторы духовного развития страны и наши – совпадали. Наша внутренняя значительность требовала высоких задач. Уважали друг друга за профессионализм, радовались успехам друзей, они вдохновляли нас на свершения... Во имя науки поднимались выше обид и зависти. Хотели, по возможности, построить наилучший, после идеального, мир – настоящий соци-

ализм. И это было прекрасной предпосылкой для особого мышления. Радость жизни была во всем! Мир казался оптимистической реальностью. Потом волна оттепели стала затухать. Нам еще хотелось чего-то более глубокого, яркого, умного, но кругом уже стелилась серость, и в высокие идеалы советского человека уже не особенно верилось. А недавно я из уст ветерана услышала жуткую фразу: «О, какие были бы мы счастливые, если бы нас убили на войне». Кажется это из поэзии Межирова. Он оказался прозорливее многих.

– Опять заныла, – возмутилась Инна.

– А в присутственных местах сейчас что творят? Смотрю я как-то на одну такую стерву и думаю: «Откуда у этой молодой женщины столько хитрости и желания хоть на короткий миг насладиться властью, возможностью тиранить, унижать человека? И как ее родимец не хватит от злости? Вероломная, лживая. Быстро освоилась». Тирания и в человеке, и в обществе бессмертна? Механизм власти и насилия неистребим?

Корчуют их, корчуют из века в век, а они все растут и множатся.

«Они нас морить, а мы их кормить». Так в старину говорили? А хотелось бы видеть Родину без коррупции и продажных чиновников. Насколько была бы богаче наша страна, если бы эти живоглоты не гнали деньги за границу, не тормозили развитие... Ведь наше бескультурье еще и от нищеты. Насилие надо применять к коррупционерам и взяточни-

кам. Есть такое понятие как «необходимость».

– Перестройка только вздыбила проблемы страны и ускорила ее распад. И кому неожиданно пришло озарение? Снизошло прозрение? Перестройка – это отказ от движения общим строем. Мы встретили ее невооруженными. Отсюда шальные девяностые. Подминали, подгрестили под себя бандиты... Теперь надо формировать и формулировать новую основу государства, – сказала Инна.

– Понятно, почему никто из нас не стал ни чиновником, ни партийным руководителем. Не дано нам качеств, которые им требуются. Не пристало нам... – усмехнулась Жанна.

«О боже, доживу ли я до утра», – насмешливо произнесла над собой Лена.

– Взглянула в глаза действительности? Какие раскрепощенные мысли! Ура! Вот и интегрируй их в сегодняшнюю жизнь. Моя идея стоит глубокого осмысления? – рассмеялась Инна.

– Недавно слышала по радио отчет какого-то сельского чиновника. «Чтобы удержать учителей и врачей в деревне, мы им выделяем земельные участки. А многодетным семьям по льготной цене». Сердце больно сжалось. Мы раньше землю бесплатно получали. Это право наши деды завоевали. «Выделяют» за деньги! Сказал бы честно: «Продаем». А он словами играет, а по сути дела лжет, – возмутилась Жанна.

– Всё обещают, обещают. А кто будет подкреплять реальными делами? – задала риторический вопрос Аня.

– На выборах выигрывает тот, кто много обещает. Так устроена жизнь, таков человек. Почему белые в гражданскую войну проиграли? Казалось бы, где тот же Буденный, а где Колчак? Белые не обещали то, что не могли дать, а красные обещали землю и рай земной.

– Интересная интерпретация давно известных фактов, – удивилась Аня Иннинуму заявлению. – Нынешнее время пока до конца неопознанное, невыраженное. И если его правильно охарактеризовать, оно надолго останется людям... – задумчиво протянула она, но мысль свою не досказала, отвлеклась.

– В жизни любой страны важнее всего идея, – провоцирует Инна продолжение разговора. – Но какая? Идея обогащения нам не подходит. Она не духовная.

– Еще Сергей Радонежский провозглашал: «Благие намерения без решительности – ничто». – Жанна не преминула возможностью сослаться на обожаемого святого.

– Чего-чего, а решительности нам не занимать. В семнадцатом сдали Государя императора на раз, в девяноста третьем... разлетелась страна на куски, будто планета под влиянием расширения Мироздания. Надо помнить уроки истории, а мы быстро хмелеем от восторга. А «история жестоко карает за невыученные и забытые уроки», – жестко заметила Инна.

– Надо помнить, что история России началась не в девяносто первом. Она насчитывает тысячелетие, а может, и боль-

ше. И семь десятков лет советского периода не стоит сбрасывать со счетов. Там было много хорошего, – тоном строго учителя сказала Аня.

– Хочешь вернуть нас в совсем недалекое прошлое? Изводишь себя тоскливым томлением и сетованием на непреодолимые препятствия, которым никогда не положить конец? А пройдет пара десятков лет, и ты будешь спрашивать наших детей и внуков: «Почему вы стали такими, на нас не похожими?»

– Всенепременно спрошу, коль доживу – сердито ответила Аня Инне.

– По-твоему все ради чего мы теперь живем находится за пределами социального пространства? Мне этого не понять, – неожиданно зло обернулась к ней Инна.

«Будто и взаправду схлестнулись не на жизнь, а на смерть, – подумала Жанна. – Я устаю и от наивной искренности Ани, и от напора Инниной иронии».

7

– ...А я еще более смешную фразу недавно по радио услышала: «Женщинам тоже разрешается участвовать в соревновании наравне с мужчинами». Нет, вы представляете: «Нам разрешается!» Ха! Да пусть они катятся ко всем чертям со своим разрешением. Рискуют мужики. Хотела бы я, чтобы женщины уделали их на финише!

– Высказалась, отлегло от сердца? – улыбнулась Лена подруге.

– А я не люблю, когда по телевизору американские ученые с умным видом втолковывают нам прописные истины. По их выходит, что им принадлежат чуть ли не все главные открытия современности.

– Так они же не знают, что у экранов сидят такие умные и эрудированные женщины, а то бы устыдились, – посмеялась Жанна над Аниной обидчивостью.

– Устыдишь их, – сердито отозвалась Аня. Но шутка ей понравилась.

– Воображают, что вторую мировую выиграли. И сохранения мира на планете себе приписывают, – добавила Жанна.

Разговор длится вяло, но, тем не менее, не прекращается.

Аня задумчиво пробормотала:

– И откуда в нас эта незащитность, даже перед самым маленьким злым начальничком? Какой там начальник, так мелочь пузатая! По наследству досталась от тех поколений, которых гробили, гнули, ломали, «учили покорности паче мудрости»? «Начальник всегда прав». Взять ту же нашу Нинку. С виду занозистая, а всмотришься внимательнее – наша копия, ну может быть, чуть ершистее. Коробит, режет меня по сердцу чужая боль, а еще хуже – своя обида. А что делать: бунтовать, доказывать? Помалкиваем. Так проще. А на душе осадочек горький, гадкий остается: опять оскорбили, опять унизили...

– Нынешние не идут ни в какое сравнение с бывшими ра-

нее, – согласилась Жанна. – Куда уж нам с нашими остывающими сердцами бороться? И чем заканчиваются такие подвиги мы знаем...

– Если бы каждый на своем месте сам не гнобил... – не сдавалась Аня.

– За весь мир не заступишься, всех не пожалеешь. Пробовали, – заметила Жанна.

– Ты о мировой революции? Может, не привелась...

– Кому-то не досталось портфелей?

– Да ну тебя! – со свойственной ей простотой и непосредственностью фыркнула Аня.

– Ответ напрашивается сам собой: «У вас «сердце со временем бьется не в рифму», – спокойно процитировала Инна поэта Богданова.

– Сколько хороших мужчин, не выдержавших груза ответственности за семью, оставшись без работы, погибло в жерле перестройки! – снова заохала Аня.

– Теперь это называется быть в свободном полете, – усмехнулась Инна.

– В нашем классе было восемнадцать мальчиков. Осталось четверо. Лихие девяностые переломали судьбы многих людей.

– Пить надо меньше.

– Да, прошло время, когда всему было простое объясне-

ние... Хаотичный, раздерганный мир стал. И все же каждый, по мере своих сил и возможностей, должен сопротивляться этому хаосу, гармонию, ясность вносить в жизнь. Не говорить, мол, хочу просто пожить, – сказала Аня.

– Жанна, а ты веришь в принцип случайного наполнения жизни, что судьбе не противостоять? Не поэтому ли Россия не учится на своих ошибках?

– Зато на наших ошибках учится весь мир, – рассмеялась Инна.

– Клару Новикову все равно не перешутишь. А не дай бог чего... пойдут ли современные мальчишки защищать такую родину? – спросила Аня.

– Когда на кон ставится существование родины, отпадают всякие ложные мелочи и на первый план выходит патриотизм.

– Всегда ли? Не есть ли это самонадеянность? – с сомнением восприняла Инна слова Жанны.

– Я тоже голосую за целенаправленное воспитание. Патриотизм не должен уходить из жизни любого поколения! Это правило должно соблюдаться неукоснительно, если мы хотим сохранить Родину и нацию. Только теперь вместо трудовых подвигов на благо отчизны высшей степенью патриотизма почему-то считается открытая наглая критика своей страны. Я с этим категорически не согласна! – эмоционально заявила Аня.

– ...И все-таки Чехов был беспощадно прав.

– Ты это о чем?

– ...Забыли, как всей семьей часами простаивали за голубыми цыплятами и наши дети на морозе синели от холода? Как талоны на водку отоваривали, как приступом брали прилавки магазинов с промышленными товарами? Сознаться, что я права, и покайся. Не помнишь? Ты на государственном обеспечении была? Тогда какой с тебя спрос.

– Шутишь? Не всю же жизнь. Норовишь ужалить исподтишка. Не женщина, а черте что и с боку бантик. У тебя завихрения в голове, – обижено огрызнулась на Иннин беспардонный подкол Аня.

– Я молодым объясняю, что это теперь «Что, где, когда?» А раньше было «Что, где и почему?» Приходилось ужиматься, экономно жить, – сказала Инна.

– Ну и что из того?

– «Не с ненавистью судите, а с любовью», – говорил до-революционный адвокат Плевако. – Покаяние и прощение – основа христианства, – назидательно заметила Жанна.

– А это ты к чему приплела? – недовольно буркнула Аня.

– А к тому, что по дороге к коммунизму кормить не обещали, – фразой из анекдота ответила Инна.

– Ты еще вспомни военное время, – в пику ей возразила Жанна.

– Ого! – удивленно приподняла бровь Инна.

Жанна разволновалась от смущения и все же добавила:

– Вот тебе и ого. Мы вдохновлялись на великие свершения с безграничным советским оптимизмом.

– Опасно любое преувеличение идей и их абсолютизирование. Социализм был хорош, только он не учитывал подлую натуру некоторой части человечества, которая обгаживала само понятие справедливости.

«И какой смысл спорить, если одна сторона заведомо никогда не переубедит другую. Говорят об одном, а подходы и выводы разные», – удивилась Лена.

– «Мы живем, под собою не чуя страны». Это о нас Манделштам писал.

– А я счастлива, что жила в интересное и по-своему спокойное время. Даже мой дед верил в коммунизм, – сообщила Жанна. – Только через Евангелие. Христос и его ученики были на равных. Дед говорил, что возвращаются благословенные божественные времена.

– Оно конечно: «...официоз и производство. Жизнь, серые лица стертые», – съязвила Инна.

– Зато теперешняя жизнь в новинку. И на лицах отражение новой объективной реальности. Как же, время действительно требует корректив в душах людей, – фыркнула Аня. – Надеюсь, ты меня не заподозришь в предвзятости... ко всему человечеству?

– Только эти коррективы не всегда положительны. Представьте себе. Прихожу я на...

– Помните, в шестидесятых годах два плаката справа и слева от дома офицеров? «Американский капитализм загнивает и катится вниз по наклонной плоскости». А второй «Догоним и перегоним Америку». Ох и потешались мы над чьим-то недосмотром! – Аня ностальгически улыбнулась.

– Ты это к чему, – не поняла Жанна.

– А к тому, что и тогда, и сейчас, в перестройку, тоже... всякого хватает, потому что люди те же. Помнишь, Лара на практике в НИИ что-то там изобрела, а всем было до лампочки. Она рассказала об этом Вовке, а тот, оказывается, тоже над этой проблемой работал в своей лаборатории, только Лара ее уже разрешила. То изобретение всколыхнуло весь завод. Ну и что? Директор завода медаль и огромную премию получил, начальник цеха приличную премию и грамоту, Вовка грамоту и ничтожно малую премию, а Ларке – спасибо. Она была счастлива тем, что пользу принесла. И Вовка прекословить начальству не стал, нехотя, но уступил. Не впал в бешенство, не свирепел. Он собирался по окончании университета на этот завод распределяться, – объяснила Инна Анино настроение.

– Надо было потом бороться, – сказала Жанна.

– Закон обратной силы не имеет. Да и зачем? Чтобы Вовку выжили? Ведь главное, что на пользу пошло. Мелочь, а приятно. А Васю с его экономическими идеями помнишь? Не понимали его, считали бессистемным эрудитом. Турнули с завода. Рано родился. Теперь бы мог стать одним из луч-

ших финансистов страны.

– Неисправимо-наивная ты, Анька. Он же не блатной. Кто ему даст высунуться?

«Похоже, Инна в силу своей чрезмерной эпатажности часто позволяет себе то, от чего воздерживаются другие», – решила Жанна.

Но пробиваться сквозь словесный заслон подруг у нее не было ни сил, ни желания.

8

– ...Я как-то долго болела, а когда чуть отлегло, решила выбраться в парикмахерскую постричься. Она рядом через три дома. Но со своей больной ногой я доползла минут за пятнадцать. С трудом взобралась по крутой лестнице, отдышалась. Тяну на себя фигурную ручку красиво оформленной двери, стучу на всякий случай. Выходит уборщица и грубо кричит, мол, чего ломишься, закрыты мы. Людская невоспитанность меня всегда обезоруживала. Молча ушла. Прошла неделя, и я опять отправилась в «поход». Дверь на этот раз была распахнута и я порадовалась удаче. Но как оказалось преждевременно. «Мастер по стрижке сегодня не работает», – безразличным тоном заявила мне девушка, занимающаяся маникюром. «Ей, наверное, надоело объясняться с клиентами по поводу отсутствия сотрудницы», – почувствовала я ей. И все же выразила свое недовольство: «В прошлую субботу было закрыто и сейчас мастера нет. А мне трудно ходить». «Так она в субботу работает до пяти. Но

в расписании это не отражено», – объяснила маникюрша. «Откуда такая безответственность и неуважение к согражданам? И вот этим мы тоже отличаемся от цивилизованного мира», – сказала я в сердцах и отправилась в обратный путь. Иду и думаю: «Казалось бы, частная собственность, владельцы должны быть заинтересованы в прибыли. Так отчего же эта безалаберность? А цены повышать не забывают».

– Видно не участвуют они в получении прибыли, – объяснила Жанна. – Я еще чуднее случай вспомнила. Вот ты говоришь, что люди должны меняться в связи со сменой экономической формации. Но всегда ли в лучшую сторону? Приехала я как-то на завод по своим личным делам. Иду по коридору. На одной двери читаю: инженер такой-то. Академик такой-то академии наук. Я спрашиваю у одной знакомой: «Когда это он успел докторскую защитить?» А та отвечает: «Какая там докторская, он даже не кандидат. Сейчас за десять тысяч можно стать академиком некоторых не очень ценящих свой престиж академий. Я тоже получала письма с подобными предложениями. Некоторые вузы таким образом пытаются выжить. Только насколько надо быть безграмотным, чтобы вывешивать подобную халтуру на всеобщее обозрение! Хотя бы добавил «почетный член» или «член общественной АН», тогда не так за него было бы стыдно. У моего знакомого профессора защитилось порядка сотни кандидатов и полсотни докторов наук, а он даже Членкора не получил. До чего же люди бывают тщеславны!»

«Я знаю, что существуют действительные члены АН и почетные. Получить ни к чему не обязывающую корочку какой-то престижной академии я была бы не против. Ничего в том зазорного не вижу», – нарочно сказала я.

«Эти платные академики принижают, девальвируют достойные звания. Я знаю ректора одного престижного вуза. Он за заслуги перед страной получил эту награду. А теперь он как бы в одном ряду стоит, с заплатившими за титул. Наверное, ему обидно», – заметила моя знакомая.

«Я слыхала, что преподаватели кинематографических вузов получают звания профессоров и академиков не за защиты диссертаций, а за опыт работы».

«Так у них, наверное, создание фильмов идет как научная работа. И академии у них называются иначе: академия Искусств, академия Поэзии. И статус у них, наверное, другой, не поддерживаемый материально, такой, допустим, как у старинной Петровской академии наук и искусств. Там академикам не платят. Что толку гадать без достоверной информации? Ничто не оправдывает получения званий академиков за деньги».

– Не утрируй, не обобщай, не застревай на мелочах. Навела шороху. Любое развитие заставляет людей заходить в зону дискомфорта, тем более, что современная «свобода равно благосклонна и к ужасному и к замечательному». Вот и возникают досадные неожиданности и недоразумения, – сказала Инна. – Анекдот хочешь? «Поймали наши моряки

японских браконьеров. Подсчитывают ящички с украденными кальмарами и омарами, цифры в столбик складывают на бумаге. У японцев глаза на лоб: «Какие вы умные! Без компьютера умеют считать».

– Может и умные мы да толку от этого мало. Чего-то в нас не хватает. Деловой жилки что ли? – спросила Жанна.

– А все потому, что у нас, как только вылезает человечешко, пусть даже в самые малые начальнички, так сразу начинает служебным положением пользоваться: эксплуатировать, вымогать, душить, приставать, не пускать. – Аня раздраженно затрясла головой. – Выучила моя подруга своего мужа в институте, так он сразу нос задрал. Правда, там женщины сами к нему приставали. Неудачный пример... Но ведь мог и не пользоваться. Вот поэтому и топчемся мы на месте как в спортзале на беговой дорожке.

– Знаешь, сколько среди моих знакомых женщин, которые выучили своих мужей, а они их потом бросили? Вот и говорю я своим племянницам, чтобы о себе прежде всего думали и о будущих своих детях, а не об этих, долбаных... – сказала Инна.

«Сколько у нас в головах хранится ненужной информации! – усмехнулась Лена в ответ на очередной случай из жизни подруг. – А если вдруг ее количество перейдет в смертельное качество? Произойдет подавление человеческой личности? Нет, думаю, человеческий мозг сам найдет способ ограничить себя от переполнения».

– ...Перебиваешь, слова сказать не даешь, отводишь мне роль бессловесной домохозяйки, а я, между прочим, еще работаю. Я не достаиваюсь чести получить из твоих рук что-то большее? Не перестаю удивляться тебе и твоему подходу к людям.

– Это-то и хорошо, – засмеялась Инна. – Благодаря мне ты, Анята, всегда в тонусе.

Аня насупилась, уловив колкость в ее реплике.

«Ну зачем ты так?» – шепнула Лена на ухо подруге.

Кира слышит, как Инна рассказывает:

– ...У нас ему плохо! Возьмем Англию. Поехала моя племянница туда совершенствовать знание языка. Пожила в нескольких обычных английских семьях, и пропало у нее желание рваться за границу. Многое переосмыслила. Больше не укоряет мать за то, что та не отпустила ее туда искать особенное счастье. Многие там бедно, скучно живут, каждую копейку считают, концы с концами еле сводят.

– И о машине не помышляют? – удивилась Жанна.

– Какой там! Никаких шансов. Зависть, страх, озлобленность у них во взаимоотношениях друг с другом. Противно. А ее подруга из Америки сбежала. Она там была по обмену студентами. Они думали, что вернувшись на родину, она будет строить Россию по образу и подобию Америки. Но она поняла, что их полицейская зарегулированная свобода – ни-

что по сравнению с нашей российской свободой, и написала в отчете, что в Америке по-настоящему поняла, как любит родину. Она даже о своем босоногом детстве теперь вспоминаю совсем в других красках. Туристы видят только парадную сторону заграничной жизни. И из прессы мы узнаем только хвалу Западу, вот и попадаемся на крючок.

– Там нас никто не ждет. Я вообще считаю, что если за тобой стоит семья и родина, мотай из чужой страны к себе домой, да поскорей, – сказала Жанна.

9

– У нас женщины все больше становятся капитанами жизни и тому, наверное, есть глубинные причины, – задумчиво произнесла Аня.

– Капитанами? Это хорошо! Что тут удивительного? У кельтов женщины обучали молодежь владеть оружием, – подхватила интересную тему Инна.

– Только семьям и детям это иногда боком выходит. Знакомая есть у меня, энергичная, деловая. Когда ее сыну исполнился год, муж сам взял на себя заботу о нем. Жена согласилась, потому что считала его добрым заботливым и ласковым. Думала, он душу ребенку будет отдавать. Таким он притворялся, когда она была дома. На самом же деле он стал водить домой женщин, а сыну давать снотворное. Это длилось два года, до тех пор, пока жена не обеспокоилась слабым развитием ребенка и как-то из командировки вернулась слишком рано. Развелась, конечно, няню наняла, камеры секрет-

ные поставила во всех комнатах.

– Всем хочется, чтобы во всём ключики к замочкам подходили без всяких погрешностей. Не выходит, – грустно отреагировала Аня на рассказ Жанны. – Если бы хорошие дела совершать было выгодно, их делали бы даже преступники.

– А хороших примеров ты не припасла? Мне поделиться с тобой? – спросила Инна.

– Дожить бы до лучших времен, – дала разговору другое направление Жанна.

– Ой ли. Паровоз только набирает скорость. То ли еще будет. Мир не может долго жить в покое и в благоденствии. В девятнадцатом веке люди не могли себе представить Освенцима или атомной бомбы... – усмехнулась Инна.

– Мы только-только начали на ноги становиться и что? Опять нас ждут какие-то препятствия? Не пугай ради бога, – попросила Аня.

– Кругом нас враги: Америка, исламисты, Западная Европа. Осилит ли? – дразнит ее Инна.

– Враги позволяют нам лучше узнать себя, а друзья непреднамеренно могут ввести в заблуждение, – заметила Жанна.

– Существует устойчивое мнение, что Западная Европа завязана на Россию. Она не самый страшный враг, – возразила Аня.

– Глаза мне открыла? А я так глупая. Ах, какая незадача! –

засмеялась Инна. – Собственно, и да, и нет.

– Не выношу разговоров о политике, – надулась Аня.

– Что есть современная политика? Одни делают вид, что пугают, другие – что боятся. Главное самим не нарывать-ся. Обычное бряцание оружием. Это раньше она была игрой джентльменов.

– Да что ты говоришь! – поджала губы Жанна.

– При отсутствии драйва у генералов теряется вкус к жизни, тухнет взгляд. И при малом финансировании тоже. И, тем не менее, мир пока что остерегается применять атомное оружие. Разум побеждает, – заметила Инна.

– Говоришь, не пойми что, – рассердилась Аня. Она не любила шутки о «шишках».

– Не стоит страшиться того, чем пугали нас в детстве, – строго осадил Жанна Аню.

– ...Дай себе труд выслушать меня, – попросила Аня. – Я о серьезном хочу спросить. Я понимаю, теоретически конкуренция вещь полезная, но будет ли она у нас работать? Отдельные семейные кланы уже сейчас концентрируют в своих руках торговлю и отдельные виды производства. Подмяли под себя мелких предпринимателей и стали монополистами. О какой конкуренции можно вести речь?

– А в Америке разве все иначе? – вопросом на вопрос ответила Инна.

– Решил мой знакомый дело завести. Деньги под него за-

нял. И помогай Бог! Только просвистела удача мимо уха его горячей головы. Наехали и съели его с потрохами. Говорил, будто спонсор его подвел, разрази его черная немочь. Вляпался он в историю. А там кто знает, может, с обиды молол.

– То ли у него шубу украли, то ли он кошелек свистнул, – хихикнула Инна. – Спонсоры тоже не прочь поживиться чужим добром.

– Мой знакомый шевбутной, упираться стал, обещал из обидчика вытрясти душу... Всех разнести, растребушить. Отчаяние ослепляет. И что? Машина, дом и вся худоба (нажитое) в зачет пошли. Сам еле жив остался.

– Видать, не на Рублевке жил, – опять встряла Инна.

– А он прочухался и снова за свое. Не хотелось верить и соглашаться с тем, что надежда рухнула окончательно. Не сразу понял всю безнадежность своего положения, что все у него выходит с точностью наоборот. Наконец сообразил, что бизнес дело безнадежное, пока у нас кто во что горазд. А до перестройки золотым человеком высокой пробы числился, знатным хозяином. Сколько в нем было лихой удали, душевной красоты, любви к людям! Случилось с ним что-то неподдающееся разуму... Не блатной был. На социалистических принципах бизнес строил, вот и погорел.

– Не перегнешь, не сломаешь. Сама посуди... – непонятно к чему сказала Жанна и сокрушенно покачала головой. – Не всем дано уметь приподняться над ситуацией.

– Надо было... умасливать, задабривать. Но видно и прав-

да честный был, – сочувственно произнесла Инна.

– Покрестился бы сначала, заручился поддержкой Все-
вышнего – и вперед, – невинным голосом подсказала Жанна.

– Ты еще камаринского посоветуй ему сплясать перед
спонсорами. Куражишься? – запальчиво вскрикнула Аня.

– Не о нас сейчас речь. Кто не хитрит и не отгавкивается,
на того все беды валятся, – уверенно заявила Инна.

– Вот поэтому мой зять считает, что не стоит торопить со-
бытия, надо повременить с предпринимательством, пока об-
становка в стране не стабилизируется, – отозвалась Жанна.

– Как же она будет стабилизироваться, если все вместо
того, чтобы помогать развивать производство, выжидать бу-
дут? К тому же потом поздно будет. Все сферы влияния по-
делят. Кто смел, тот и съел. А что твой зять сможет сделать
без начального капитала? Самое распоследнее дело одалжи-
вать хоть у частного лица, хоть у государства. Заем – это все-
гда удавка, – сказала Инна.

– И с чего это дальше будет лучше?.. Эх, открыть бы аст-
ральный канал и попасть в иную цивилизацию!

– О машине времени мечтаешь. Впала в детство? – уни-
чтожающим взглядом отреагировала Инна на восклицание
Жанны.

– ...Нет, вы представляете, за то чтобы поставить под-
пись и печать на какой-нибудь справке чиновники требуют
огромные деньги. А все потому, что нет конкуренции – они
же единственное учреждение на весь город, – и нет законов,

способных прищемить им хвост. Пытался мой знакомый бороться, да вся его энергия в порошок вышла. А в милиции никому ничего не докажешь.

Не от большого ума туда идут, – обижено заявила Жанна.

– Зато от большой хитрости и наглости, – буркнула Аня. –

Закрой эту тему, не расстраивай на сон грядущий.

«В молодости после подобной встречи все через пять минут спали бы сном праведников, а теперь их не угомонишь до рассвета. Мелют, перемальвают...» – вяло подумала Лена.

10

– Шестидесятые – были временем великих иллюзий и огромных надежд. Перефразирую Марину Цветаеву: «Мы были дети и герои. Мы все могли». Правда, и тогда самым важным для меня было испытывать удовольствие от работы, а сверхзадача, главная цель должна как бы... только угадываться. А Брежневские времена поражали бесплодием и скукой. Все упиралось в сомнительную дееспособность элиты с их консервативным лозунгом «держат и не пущать». А в результате – расплата власти за нежелание проводить реформы. Я права?

– Допустим это близко к истине, – ушла от прямого ответа Жанне Аня. – Иногда я склонна соглашаться с непопулярным теперь Лениным.

– Может, ты и Сталина аттестуешь как великого политического деятеля, создателя великой державы? Отожествляешь его с Победой и с успехами в СССР? А этот злой демон,

которого, как и Ивана Грозного, на старости лет одолевал шизофренический страх возмездия, погубил больше народу, чем Гитлер. Может, ты выскажешь другую точку зрения, поставишь иной диагноз? Все вылетело из головы? – настырно спросила Инна.

– Чтобы мне пришили политическую близорукость? – отреклаась от своего мнения Аня.

– Боишься общественной порки?

– Теперь нет. Хотя... как сказать. Явление Сталина – не изжито. Долго еще о нем будут спорить, сочинять мифы, переворачивать все с ног на голову. И неизвестно, что через тридцать лет будут о нем говорить. Вот и соображай, если голова на плечах не только для шляпы.

– Хватит тебе, а то со страху... своей слюной поперхнешься, – сказала Жанна.

– Вьетнамцы в Лаосе вели себя как сталинисты. А «банда четырех» в Китае? А в Германии что творилось? А в Америке... Эта коричневая гидра периодически поднимает голову. Везде люди одинаковые, – забухтела Аня и подумала обижено:

«Опять у нас коса на камень напоролась. Сюда бы Валю с Кирой. Не зря о них говорят, что и с куском железа подружиться могут».

– Социальные иллюзии гуманизма – розовые мечты. Вот вы тут развал СССР приписали настоянию Горбачева. Мол, разыграл, как по нотам. И сейчас «куда идем – большой сек-

рет»... – засопела в своем углу Жанна.

– Горбачев хотел образ светлого будущего примирить с действительностью, – рассмеялась Инна. –

А еще Козьма Прутков призывал: «Зри в корень».

– Горбачев пытался сохранить целостность страны. Основы развала заложил Сталин, присоединив Прибалтику и западные области Украины. Убила бы гада.

– Ой, не спится сегодня Михаилу Андреевичу! Не обеляй его. Ты мне советуешь в развале страны винить законы исторического развития или недальновидное руководство? Вали на серого, так надежнее и зримее, – рассмеялась Инна.

– Может, очереди с порядковыми номерами на тыльных сторонах ладоней граждан, чтобы не стерлись, вспомнишь? Третью свободного от работы времени в них проводили, пытаясь «достать» пропитание. Не всем хватало. А сколько его теряли, гоня по городу в поисках места, где «выбрасывали» предметы первой необходимости, допустим ботинки для детей. Тогда всем заправляли чиновники Госплана, способные разрушить любую экономику. Не счесть...

Инна остановила Жанну предупредительным жестом и раздраженно заметила:

– Ты еще революцию семнадцатого года сюда же добавь. Время, когда в стране вообще ничего не уважалось и не имелось.

– Много чего Сталин навалял. Не было бы финской войны, не воевали бы финны за Гитлера. И Ленинградской бло-

кады не допустили бы. Ведь мы с ними в друзьях ходили.

– Давай, переписывай всю историю. Если бы да кабы... В истории любых войн было масса ошибок и предательств. Я недолюбливаю американцев, но своих президентов и военачальников они не хаут, молчком их ошибки исправляют. А нам только бы языками потрепать, – возмущенно отреагировала Аня на слова Жанны.

– А второй причиной развала нашей страны являлась тотальная сталинская ложь, – не унялась Жанна.

– Сейчас тоже жутко врут, – заметила Аня.

– История если и повторяется, то уже в форме фарса. Может, еще поговорим об агрессивной геополитике? Заклеймим ее, как когда-то клеймили капиталистов.

– Тогда шла война идеологий, – заметила Инна.

– А теперь – религий? – насмешливо спросила Аня.

– Оставь Бога в покое. Противостояние всегда найдет причину, открывающую новые перспективы преодоления... – возмутилась Жанна.

– Ой, девчонки, что-то я про депутата Иванова давно ничего не слышала, – словно только проснувшись, вдруг воскликнула Аня.

– Не убили и уже хорошо, – пошутила Инна.

– Увольте меня от подобного рода дискуссий. У меня на них аллергия, – взмолилась Жанна, ежась от неприятных ощущений.

– Не только о развале страны мы горюем. В СССР была

социальная справедливость: бесплатное образование, детсады, квартиры, пенсии. А теперь все это у людей украли. Разве можно такое простить? Долго мы еще будем вспоминать наш социалистический рай, – серьезно подытожила Аня.

– Мы разбалованы социализмом, оттого не жизнестойки и не можем вписаться в новую жизнь. Ничего общего с ней не хотим иметь, – добавила Жанна. – А вот наши дети на самом деле «надорванное» поколение. В нынешней эпохе бесспорное историческое величие и несомненное убожество. Не последует ли закручивание гаек?

– Ты что? Демократия же, – удивилась Инна.

– Причем здесь лозунги, если прижмет...

– Не пугай теньями прошлого.

– Чем еще мы войдем в историю? Тем, что из плоскости действительности перейдем в пространство спекуляции историческими фактами?

– Так не впервой. Веселенькое времечко дает прикурить?

– Иное время, иное бремя.

– Бремя все то же. Ярмо на народных плечах.

– Всем нам память прошлых лет не дает покоя. Уверенность в правоте помогала нам совершать подвиги. Мы все застряли в прекрасных шестидесятых. Всё указывает на то, что трудно ушибленным социалистической идеей старикам идти в ногу с веком, особенно, если сопоставление пока что не в пользу нового, – усмехнулась Аня.

– Поживет еще старая гвардия, поучит. И мы еще кое на

что сгодимся.

– Устами Инны говорит здравомыслие, – одобрительно заметила Жанна.

– Может, нам партию совести создать? – засмеялась Инна. Женщины посмотрели на нее заинтригованно.

– Совесть, порядочность... Зачем политикам чистота нравов? У них честолюбие выше долга чести и добропорядочности. Эти качества нужны только простому люду. Может, ты веришь, что религия и мораль рука об руку идут? Даже высокопоставленным священникам не удается сохранить лицо. Не зря же их расстреливали еще во времена французской революции. И их новые игры не менее противны, чем старые, – тихо, словно только для себя, забормотала Аня.

– Опять ты всё в кучу... – поморщилась Инна.

– Увольте, не хочу я никаких партий. Все они, скрываясь за высокими или заскоруждыми советскими формулировками, скатываются к одному: к требованию подчинения, соблюдения субординации, к невозможности высказывания и отстаивания своего мнения и несогласия. Застоя в любой структуре не должно быть. А развитие всегда вызывает разногласия и разночтения, – мрачно высказалась Жанна.

– А может, ты дуешься на весь мир, потому что не сумела разбогатеть, – «наехала» на нее Инна.

Жанна только отмахнулась.

– Ради кого все это делалось? А на словах ставку дела-

ли на народ. Шоковая терапия экономики ценой миллионов людских трагедий? Павловская реформа, безработица, обнищание... Доведены до ручки. Так электорат захотел? А сами его ногами вперед... Не мешало бы им свериться с точкой зрения народа. Все недосуг? До наведения порядка надо успеть побольше наворовать? Москва и Питер жируют. Восемьдесят процентов всех денег страны там крутятся, а окраины... В селах брошенные девственно-пустынные земли, порушенные строения. От неверия и безысходности угар невежественности охватил большую часть молодежи. А равнодушные – бич... Позорище! И все это игрища политиков. С коммунизмом не получилось и с капитализмом пока не больно ладится. Вот и вызревает внутри обида. А как она подрезает крылья! – обреченно закончила Аня свой привычный нудно-обличительный монолог.

«Опять?!» – внутренне взвилась Лена.

– Или вызывает бешенство, готовое выплеснуться на первого, кто привлечет внимание, – насмешливо добавила Инна.

– Твоя правда – поддакнула Жанна. – История не знает прививок от повторения ошибок.

– Ты погрязла в мечтах. Капиталистическое общество за десять лет захотела выстроить?

– Освежи в памяти события прошлых лет. Вникни внимательней. Ведь как тяжело было после войны, но ведь отстроились, промышленность наладили, в космос полетели. Как

ты находишь мою мысль? – жестко спросила Инна.

– Тогда мы были опьянены одной только возможностью быть свидетелями триумфа! – торжественно произнесла Жанна. – А теперб?..

– Наконец-то о триумфе вспомнила. Не прошло и полгода. «Инна считает свои шутки изысканной гимнастикой ума», – устало подумала Аня.

– И что плохого ты видишь в моем восторге? – пробурчала Жанна и уткнулась в подушку.

– ...В семидесятые было дикое перепроизводство политической агитации, а теперь от рекламы прокладок глохнем. Идиотизм. Только сядешь обедать, а тебе из телевизора реклама лекарства от поноса вместо соуса, жутких монстров в желудке. В лучшем случае про испорченные продукты в уши напоят. Ни с чем не считаются, лишь бы заманить, навязать, да еще так громогласно. Я звук устала убавлять, – пожаловалась Аня.

– Рекламируют материал для строительства садовых домиков. Но что это за кирпич, если его можно лбом или ребром ладони расколоть? Мой дед такие кирпичи изготовлял, молотком трудно было разбить, – похвалилась своим предком Инна.

И Жанна пожаловалась:

– Меня рекламы по телефону замучили. Только прилягу днем вздремнуть – я теперь быстро устаю и плохо сплю но-

чью, – а они тут как тут, трезвонят! Я резко отвечаю «Спасибо, прощайте» и бросаю трубку. А сынок шутит: «Мама, больше тепла в голосе. Они ни в чем не виноваты. Это их работа».

– В магазинах проводят рекламные акции, розыгрыши призов, а на самом деле дураков из нас лепят. Считают, что мы больше ценим обертки, чем то, что внутри? – возмутилась Аня.

– ...Нам бы на наших просторах сельское хозяйство развивать, – сказала Аня.

– В вечной мерзлоте? – удивилась Жанна.

– В сельское хозяйство надо много вкладывать. А после горбачевской конверсии военной промышленности прорывов во всех отраслях народного хозяйства ждать не приходится. Пробуксовывает наша промышленность. А у олигархов пальцы веером, – высказала свое категоричное мнение Инна.

– Нам бы второго Королева или Петра Первого, – пожелала Аня.

– Боишься не обойтись без сильной руки?

– Гложут сомнения.

– Поверим новому президенту, – сказала Лена.

– Дай Бог ему сил и здоровья. Страна досталась ему в расхристанном состоянии, – вздохнула Жанна.

– ...Многострадальная Россия! У Смоктуновского спросили: «Без чего не может прожить человек»? А он ответил, что без родины. Не понимаю его. Родины нельзя лишиться. Она в душе. Я это так понимаю. Любовь к родине умирает вместе с человеком. А пока живешь: думаешь, страдаешь... Подруга до перестройки ездила с мужем в Венецию. Рассказывала: «...И вдруг под мостом проплывает корабль с нашим флагом! Что со мной было! Это такое сильное чувство!.. А теперь СССР нет, и это так тяжело. Это занимает все мои мысли».

Разговор то затухал, то снова возобновлялся. Лена то внимала подругам, то дремала.

– «И не солгало предчувствие мне», – пропела Инна.

– Что ты нам своими мнимыми предчувствиями глаза колешь, в нос тычешь. Не вводи меня в заблуждение своим глубокомыслием, – вспыхнула Жанна – Может, ты не чужда изотерики? Ты в той же мере физик, в какой и мистик? И скрывала. Зачем? Связь науки, искусства и изотерики обусловлена их общей принадлежностью к духовной сфере. Многие ученые были теологами и астрологами. И это может служить тебе некоторым оправданием.

Инна в ответ сказала с безнадежно-огорченным выражением лица:

– Вся страна сейчас верит во что угодно, только не в себя.

– ...Быстро канула в вечность советская страна с ее международной солидарностью, где русские чувствовали себя братьями всему человечеству. Как старый сапог за ненадобностью выкинули ее на помойку. А мы без рассуждений жертвовали собой, считали, что на будущее работаем, стараемся. Так нас воспитывали. Получается, надо было просто жить?.. А теперь все кому не лень воруют, под шумок стремятся хоть что-то стибрить, себе оторвать... Немудрено, что порядочные нынче без штанов, – вздохнула Жанна.

– Терли бом-бом, терли бом-бом... А тебе получается лень, – насмешливо кольнула оратора Инна. – Клеймить куда как просто. Что, найденные несоответствия раздражают? А ты с учетом изменившихся обстоятельств смейся. Внеси коррективы в свои взгляды и мироощущение. «Смех – по мысли Достоевского – лучшая проба души». Не можешь? Помочь? Нет? Тогда плохи твои дела. Какой флаг висит над страной твоей души? Белый? Остается надеяться, что действительность в скором времени возобладает над грезами, и в конечном итоге все у нас утрясется.

– ...Я придерживаюсь старой истины, что деньги губят хуже нищеты, – сказала Аня.

– И куда же мы придем с твоим тезисом? – удивилась Инна. – В моей квартире как-то свет отключили. Я зажгла свечку и вдруг ужаснулась: «Как же мы учились при керосиновой лампе? И ведь истово учились, И счастливы были!»

– ...Кругом повальный грабеж. Растащили родину на

шматки, в дерьме вываляли. Даже памятники старины рушат. Время их пощадило, а люди – не хотят беречь. Какое варварство! Блеск золота некоторым глаза застит. Как же, народная память в центрах городов находится, а там земля самая дорогая. И некому дать по шеям за содеянное. Не вернуть нам былого. Завлекли в революцию горстку, а расхлебывают миллионы. И не так уж много воды с тех пор утекло. А что дальше будет? И вообще стоило ли огород городить? И сколько еще ждать-надеяться, когда добро в олигархах прорастет?

– Что ты к ним прицепилась? Думаешь, они погоду делают? Или тоже фешенебельную дачу захотела? Возмечтала возвращаться в высшем обществе? Западных романов начиталась. Да не тут-то было, мошна дырявая. Гоняешься за счастьем, а оно все время оказывается позади тебя, – от скуки принялась дразнить Инна Аню.

Лена с непроницаемым выражением лица остановила подругу.

Но Аня опять за свое:

– Взнуздали нас, вот мы и тужимся, тужимся... Раньше находились под воздействием социалистической пропаганды, теперь США сует нос в наши дела, пытаются оглуплять. Даже крошечные государства на нас как моськи твякают. Тоже имеют виды на наш Север. Петр Первый когда-то провозгласил, что Россия будет прирастать Сибирью. А мы ее не благоустраиваем, не развиваем. Разворовываются ее богат-

ства. Вековой лес идет в Китай за копейки. С самолета смотришь – кругом сплошь проплешины. Кто за это ответит?!

– Были сильными – боялись к нам соваться, а теперь наша держава держится на нефти, газе, оружии и женщинах. Лена, подтверди. Что ты молчишь? – обратилась к подруге Инна.

– Я свое честно исполняю, а этот кафтан не по мне. Я умираю... спать хочу, а вы меня на дыбу.

– Прости. Спи спокойно, я от тебя дежурство приняла, – пошутила Инна, чтобы смягчить подругу.

– ...Раньше была вера в торжество человеческого разума. Наука была мощным фундаментом этой веры. Мы считали, что научно-техническая революция изменит породу человека в лучшую сторону, верили, что человеческая природа в принципе положительная, и, что, скрепленные между собой братской дружбой, мы продвинемся к вершинам добра и справедливости... А кому-то нашего добра не надо было. Им свое, пусть даже худосочное, подавай.

12

– ...Красота нашей природы – как произнесенное доброе слово, как одобрительный любящий материнский взгляд. Нам тесно в странах Западной Европы и хорошо на своем огромном пространстве, где душа распрямляется и расширяется. Американцу, может, участка земли около дома хватает, а нам мало, еще чего-то хочется... Нам надо, чтобы всему миру было хорошо! По-нашему хорошо. У нас... вот даже пьющий, а все равно пытается себя понять: кто он, почему не

держит себя... А как на этот счет американцы или немцы?

...Капитализм вернул жестокость, звериную ненависть. Конкуренция, борьба за существование – нормальное состояние мира животных. Мы к этому возвратились? А ведь человек присвоил себе право быть царем природы как более умное существо, а не более сильное. У нас была иллюзия, что своим творческим трудом мы сможем научить человека понимать что-то большее. В нас была жажда чистых помыслов и поступков. Мы верили, что плохое уйдет из человека и останется только хорошее. Нас остерегали от пустой радости, препятствовали распространению глупости. Нам казалось, что легкое отношение к богатству, дано русскому человеку изначально. И все для нас в стране были родными. Считали, что душевную красоту ничем не затмить, – тихо, будто для себя бухтит Аня. – Эту планету уже не переделать. Надо лететь на другую, заселять ее, и там строить новые взаимоотношения.

– Мы до сих пор ждем чуда, – усмехнулась Инна.

– Раньше мы в определенном смысле были в тисках идеологии, а теперь все можно. А толку нет. Всё чего-то там мутим, путаем... Чем мы закольцуем свою жизнь? Беспомощностью? Тем с чего начали? – рассыпала большие вопросы Аня.

– Не ной. Историю пишут победители, – сказала Жанна.

– А побежденные пишут грустные романы, – рассмеялась Инна – Ой, Лена, это не о тебе. Ты у нас оптимист.

Аня продолжила:

– Недавно пришлось мне поздно вечером возвращаться домой. Смотрю, девочка лет двенадцати нищенского вида за углом дома от ветра прячется. Хотела подойти к ней и спросить, чем помочь. Вижу, ее грязное голодное измученное личико чуть оживилось. Глазки засветились устало и призывно. Оглянулась. Скабрёзно улыбаясь, к девочке приближался огромный толстый, чисто, но неряшливо одетый мужчина. Он сделал непристойный жест и что-то шепнул девчужке. Она согласно кивнула. Мужчина противно ухмыльнулся. Он был страшно доволен, что задешево снял проститутку. Я была в шоке. Некоторое время столбом стояла, растеряно глядя вслед странной паре. И только когда темнота окончательно их поглотила, пришла в себя. Мне хотелось кричать: «Безжалостная скотина! Избить бы тебя до крови...» Мне казалось, что не будь я в оцепенении и, имея оружие, я могла бы убить.

«Что случилось в семье этой девочки, почему ее постигла горькая участь? Кто ее сюда отравил. Никто не прольет свет на эту темную историю и не даст мне в руки ключ к разгадке этой трагической тайны», – обессиленная стрессовой ситуацией, в тоскливом безмолвии я всё прокручивала и прокручивала в голове увиденное, стыдливо признавая всю нелепость своих грозных вспышек возмездия. До сих пор чувство ненависти и брезгливости к этому гаду не остыло. Его жирная морда стоит перед моим взором, и его глаза, говорящие,

что нет горла, которого он не перекусит. Мне кажется, и в час своей смерти я буду помнить это жалкое испуганно-смелое личико с выражением... еще на пороге мысли.

Женщины потрясенно молчали. Потом Жанна сказала:

– Пока не видишь и не слышишь, так вроде бы всё у нас не так уж и плохо. А вот как узнаешь, что согласно данным мониторинга...

– Вот и нечего всю грязь собирать. Люди строят новую жизнь, а мы... – Инна не продолжила.

– Для кого строят? Чьими душами... – Аня замолчала.

Подруги вновь заговорили о ЖКХ.

Лена обрадовалась, что они прекратили этот, как ей казалось, бессмысленный и неуклюжий разговор. Она расслабилась и задремала в какой-то, если смотреть со стороны, неловкой неестественной позе, очевидно позволяющей ей компенсировать боль в позвоночнике.

– ...А со мной случай был на третьем курсе, – услышала Лена сквозь тяжелую дрему. – Позвала меня подруга в незнакомую компанию. Выпили, потанцевали. Потом разбежались по парочкам. Я с каким-то парнем наедине оказалась. Он не был ни развязными, ни вульгарным. И вдруг без всяких предисловий попытался меня обнять. Я испуганно отшатнулась, а в мыслях мелькнуло: «Мать божия, заступница... Я же с ним не справлюсь!» Он удивился: «Ты девоч-

ка?» Я утвердительно кивнула. «А тогда зачем ты здесь?» – еще больше удивился молодой человек. Пожалел он меня, не тронул. Этот случай потряс меня и многое поставил на место в моей голове.

Глупая была. Что я знала о жизни? Я с детства не хотела меняться местами со своими обидчиками и заполняла пространство вокруг себя вымышленными друзьями. Я не могла оскорбить, унижить, мне было жалко людей. Я не спешила искать ответы на многие беспокоившие меня вопросы. Мне казалось, что если я не буду о них думать, то взрослая жизнь долго будет находиться от меня на недосягаемом расстоянии. Все вокруг будет происходить как бы понарошку. Вот такая странность при моей жизнерадостности и кипучей энергии, направленной на учебу и общественную работу, – неожиданно открылась Жанна.

Перехватив в глазах Инны невысказанный вопрос, она продолжила:

– А с моей подружкой нечто подобное случилось в трудовом лагере после девятого класса. Она об этом уже после института созналась.

– А мой отец ремнем отходил девицу, которая слишком рвалась к взрослой жизни: пыталась к нему приставать, делала сальные намеки, – сказала Инна. – Порядочные были мужчины.

В комнате наступила гулкая тишина. Женщины вспоминали свою юность и мужчин, встретившихся на их жизнен-

НОМ пути.

13

– Вся штука в том, что наш обыватель слишком доверчив. У него не сформировано критическое отношение к жизни. Правда, после ваучеров часть населения перестала верить в правительственные игры. И современные технологии не приблизили нас к правде жизни. Может, и интернет исключает интеллектуальное развитие? Все-то у нас наперекосяк да враскорячку... Но и это было бы ничего... Однако, что станет с нами еще через двадцать лет. Вот что первое приходит на ум в этой связи... Сколько всего с нами произошло за шестьдесят-семьдесят лет! Еще одного потрясения как в девяностые мы не выдержим, – забубнила Аня. – Думаете, мои страхи несостоятельны?

– ...Подустали произносить речи и истерики восторгов поутихли... Хватит «мутить народ альтернативными идеями с глубоким подтекстом» и прочей дребеденью. Надоело! – процедила Жанна.

– А ты их вполуха слушай. У меня в одно влетает, в другое вылетает. Как раньше на открытых партсобраниях, когда разум напрочь отвергал ахинею. Тебя раздражают любые признаки неблагополучия? Тебя бы в тридцать седьмой или в сорок первый, тогда узнала бы, что почём, что такое страх и с чем его едят.

– Пустомеля. Язык длинный как деревенский шляхт или сибирский тракт, – рассердилась Жанна.

– ...Я о своем знакомом вкратце расскажу. Когда в конце восьмидесятых их организация развалилась, он организовал фирму. Несколько лет они выживали. И все же своим добросовестным упорным трудом, знаниями и вниманием к клиентам сумели завоевать рынок труда. Пошла у них прибыль. Коллектив доволен. А тут ввели контрактную систему. Выигрывали те, кто брался выполнить работу за меньшие деньги. О качестве работы речи не могло быть. На местах люди недовольны, а куда денешься? Обязаны выполнять законы. Разбежалась у него половина сотрудников заработка искать. Потом клиенты перестали платить, только обещали. Накопили их фирму на крупную сумму без надежды на возврат. Кое-как рассчитался мой знакомый с долгами и окончательно фирму прикрыл.

– И что нового сообщила? Кажется, Вольтер сказал, что вершина разума состоит в том, чтобы уметь выстраивать отношения с теми, у кого нет разума, – сказала Инна.

– Жестоко, – охнула Аня.

– Мой знакомый не глупый, – обиделась Жанна.

– Ищи дурака в зеркале! – отреагировала Инна.

– ...Только почему это при нашей бедности машин на улицах все больше и больше, – усмехнулась Инна, – И все импортные. Они – свидетельства неудачного развития нашей страны?

– Не берусь судить, – не сразу ответила Аня, видно что-то анализируя в уме.

– А как-то по телевизору сказали, что у нас был коммунизм, только мы его не заметили, – сказала Жанна.

– Не при Брежнев ли? Видно он распространялся и распределялся неравномерно, не повсеместно, – рассмеялась Инна.

– ...А ты после «хундая» прокатись на «жигуленке», на этой консервной банке, так сразу отпадет необходимость отвечать на вопрос: почему покупаем хоть и «ношенные», но импортные. Весь цивилизованный мир живет на пятой скорости и нам надо успевать, – сказала Инна.

– Миф это. Какая там пятая, – забухтела Жанна. – Когда вокруг все жили небогато, некому было завидовать. Не знали лучшего и жили себе спокойно.

– Не осознавали, что были ущербные и ущемленные, но все равно пришли к застою.

– Тогда гласности не было, – напомнила Жанна.

– Есть еще одно соображение по этому поводу: когда все будут жить хорошо, то никто не будет завидовать даже миллиардерам.

– Ты уверена? Разве сдвинешь с места такую махину как наша страна?

– Можно. Не сразу, и если как следует, с умом взяться... Китайцы пытаются и, похоже, у них неплохо получается.

– У них дешевая рабочая сила, а у нас нечем Сибирь заселять. Если только китайцами.

– Ой, не надо! И к чему мы придем?

– Думаешь, подтвердятся худшие из догадок? – осторожно спросила Аня Жанну.

– А ты думай как Пушкин: «Вперед гляжу я без боязни», – посоветовала Инна подругам.

– И сразу сделается как в присказке: «тепло светло и мухи не кусают»?

– «Что станет с нами, стариками – не вопрос, передохнем», – хмыкнула про себя Инна. А вслух сказала грубо:

– Хана России будет, если за ум не возьмемся!

– Заклинаю тебя: заткнись.

«Основательность содержания не уступает утонченности формы их разговора», – усмехнулась Лена.

– Да будет тебе преувеличивать. Не теряй головы, не устраивай сама себе Голгофу. Шагнем вперед, еще как далеко шагнем!

– В пропасть? Я не принадлежу к числу поклонников оптимизма.

– Одну и ту же информацию можно подать по-разному. И кто только тебя наставляет на открытое противостояние, кто пытается заполучить твою мятущуюся душу, кто сеет смуту в наших рядах? – «благодушно», отозвалась Инна, расплывшись в довольной ироничной улыбке. – Пора менять масштаб восприятия себя в мире. Ты еще стародавние времена вспомни, может легче станет. Ленина, его борьбу за равенство нищих. Семьсот концлагерей, которые он создал в восемнадцатом году во исполнение своей гениальной идеи...

Это же жуть!

И в гражданской войне не было ни правых, ни виноватых. Обе стороны пострадавшие, обе одинаково несчастливые. Некого там выгораживать. Нечего на это возразить? Скажешь, притянутое за уши безосновательное сравнение совершенно несопоставимых ситуаций? Выдумка на ровном месте? Не всякое лыко в строку.

– Оплевывать и поливать грязью прошлое – не велика заслуга, – возмутилась Аня.

– А за что хвалить? За то, что воевали за народную власть со своим же народом?

– Это удел всех гражданских войн. Иначе не бывает.

Плохие мысли иссушают мозг, – пошутила Инна, чтобы прекратить еще не начавшиеся излияния дотошной подружки. – Вспоминая, не наделаешь в штаны?

«Некоторые вещи я не люблю вышучивать», – не в связи с разговором подруг сквозь дрему подумалось Лене.

– ...Все мы время от времени позволяем себе прибегать к этой зыбкой теме – Жанна опять попыталась смягчить грубый выпад Инны.

– Боже мой, как поменялось отношение к частной собственности! Раньше «цеховиков» – подпольных частников, на чистую воду выводили, а им и черт был не брат. Вкалывали, засучив рукава, добросовестно и качественно. Зарабатывали очень даже прилично. Поступали сообразно своим понятиям чести и достоинства. А мы, дураки, их презирали,

но где-то глубоко внутри себя понимали, – сказала Аня.

– Мне вспомнился наш мастер. Бывало, кричит: «Шайбы на станках они из репы, что ли делают, не напасешься, мать их так! Самому до ума каждую деталь доводить приходится. Руки уже отваливаются. Все-то у нас через задницу...»

«Инна пытается склонить меня на свою сторону притворным расположением? Ну так получи!» – подумала Жанна.

– НИИ самое подходящее для этого место.

– Как ты смеешь пусть даже в шутку порочить наши НИИ! Они-то здесь причем? Я о мастере в нашей школьной мастерской рассказывала, он крыл заводской брак.

– Не стану дальше развивать эту тему, – насмешливо успокоила ее Жанна. – Просто юмор спасает от обид на несправедливость жизни и от жалости к себе.

– И это ты называешь юмором! Юмор должен быть пристойным и не обидным.

– Обиды от ощущения несправедливости или от несоответствия ожиданий и реалий? – ехидно уточнила Жанна.

– Обидчивость – это тонкость души? – спросила Аня. Она уводила подруг от ссоры.

«Опять этот иронично-покровительственный тон. Никогда не отказывает себе в удовольствии поиздеваться надо мной», – в свою очередь обиделась Жанна, хотя понимала справедливость Инниных слов.

– Я так не считаю. Мелкие обиды я быстро забываю хотя и помню, потому что память дает осторожность. Ожоги и пре-

дательства не прощаю. Не иду на перемирие, но и в месть не ухожу. Друг не должен обижать, а чужой может.

«Постарели, но друг к другу во время споров лучше относиться не стали», – вздохнула Лена.

Аня сказала напевно:

– А меня моя мечтательность всегда выручала. Погрузишься в фантазии и...

– Посмотришь по телеку «В мире животных» и будто сама побывала в экзотической стране. Счастья, счастья-то сколько!

Инна брезгливо поморщилась, и ее лицо показалось Ане каким-то усохшим, съезжившимся, сморщенным. И она, чтобы отвести от себя Иннино внимание, вернулась к «цеховикам»:

– Потом точно хляби небесные над частниками разверлись: сажать их стали за подпольную производственную деятельность и тем застолбили им горькое место в истории советской страны.

– От Ивана Грозного до наших дней те, что над нами, предпочитали террор любым другим методам управления народом, – заметила Инна.

– Наше партийное руководство считало: умели воровать, умеете и ответ держать. Тогда это соответствовало идеологии, – проворчала Аня.

– А теперь за то же самое на щит поднимают и усердно

нахваливают. В селах так даже пытаются понемногу принуждать хозяйствовать, приучать к земле. Только это не тот путь, по которому стоит идти. От насилия теперь любой сбежит. От любви и желания надо плясать. Иначе венец будет не по челу. Здесь как раз тот самый случай, когда инициативу стоит самим проявлять... а не загонять. В нас раньше противоестественное отношение к частной собственности воспитывали? С позиции сегодняшнего дня они были не правы? Опровергни меня. Тебя ничего не смутило в моих рассуждениях?

– Некоторые – не будем указывать на них пальцем – вносят путаницу в умы сограждан своими инфантильными рассуждениями. – Это Инна уколола Жанну.

– А как же работа над ошибками для будущих поколений?

– К чему нам пустое разбирательство? Я отклоняю твое предложение. Надоело трепать языком.

– Это нечто! Благодать на тебя снизошла или помрачение? Не знаю чему и приписать... Это потрясает воображение. У меня гора с плеч свалилась. Ты уже не позиционируешь себя как оракула? Разрешишь мне самой развить свою мысль?

Взгляды Жанны и Ани обратились к Инне, но она намеренно пропустила иронию Жанны мимо ушей.

«И что за птица эта Инка? Абсолютно непредсказуемая», – разочарованно подумала Жанна.

– Мы проснулись после дефолта, когда «заплакали» наши денежки. Тогда-то в противовес мгновенной потере и возник

идеал мгновенной наживы. Один в один американцев повторяем, – сказа Аня. – Но мало кому блеснула удача. Слишком разнежили мы себя при социализме, отвыкли бороться. Старые застарелые привычки трудно поддаются ломке. Как тут отречешься от беспроблемной жизни? Отсюда очередной виток ностальгии.

– Ерунда все это, пустое. На смену старому все равно придет новое. Это закон развития цивилизации. Только какое оно... это новое? – вздохнула Жанна.

– Не вешайте носа. Не все еще потеряно. Наверстаем. Сполна свое получим, – рассмеялась Инна.

«Что получим?» – не поняла Аня ее иронии.

«Когда же выдохнутся мои «старушки на лавочке»? – сердито вздохнула Лена.

А Инна, глядя на усталое лицо подруги подумала: «Сегодня мы Лене «капитально» подпортили настроение. Надеюсь, завтра, после встречи со всем курсом в стенах университета и на базе отдыха, она забудет наше сегодняшнее нытье, получит массу положительной информации, а потом напишет о своих друзьях добрую, оптимистическую книгу, в которой мне будет отведено особое место. Или она пригласит нас как бы изнутри изучить свой мир? А может, попытается передать дух нынешнего времени?»

Люблю Ленину способность изучать людей «на молекулярном уровне». В жизни человек не совсем сам «пишет» свой роман. Его подталкивает судьба. А в создании произ-

ведения автор главный. В жизни нам не хватает обожания, «карменовских» буйств. Вот мы и ищем их, особенно если свое сердце не на месте... Но эмоции не сочинишь, их надо прочувствовать, прежде чем перенести на бумагу. А для этого талант нужен. Писатели – люди из космоса? Я опять фантазирую?..»

14

– ...Россия меняется стремительно, но противоречиво.

– Что-то я не чувствую этой скорости.

– ...Смею сказать, и к революции семнадцатого года отношение тоже поменялось. Оказывается, это всего-навсего был переворот. Хотя... бывает бунт маленький, а события разворачиваются мощные, непредсказуемые.

– Не выношу, когда так говорят. Принижают значимость.

– А что еще через сто лет скажут! О, Россия, моя заповедная, зачарованная моя Русь! Сколько веков тебе еще стоять, мир на планете охранять?

– ...По телевизору нас пугают, что белого населения на земном шаре все меньше. Если даже мы начнем «выправлять» нашу демографию, все равно через пятьдесят лет некому будет оберегать наши границы, а через сто лет наше государство вообще может исчезнуть с лица земли, – осторожно сказала Жанна.

– А сколько раз тебе за последние пятнадцать лет конец света обещали? – отреагировала Инна.

– И все равно надо детей рожать и хорошо воспитывать,

чтобы старики сиротами не оставались.

– Режим сменился, хотя ничто не предвещало.

Не было звонков судьбы.

– Были, но те, кто должны были услышать – прохлопали, проспали.

– Как всегда думали, что пронесет.

– Может, и к лучшему?

– Нас бы в хорошие руки.

– Так ведь уже.

– ...А не упоминание о февральской революции?

– ...А говорят, что народ – носитель памяти истории.

– По моему внутреннему убеждения народу преподносят информацию «соответственно оформленную и упакованную», – заметила Инна. – А вот глотать ее или нет – он сам должен решать.

– Много ли ты сама решала, хотя ты у нас с претензией на оригинальность?

– ...На одно и то же художественное произведение в разные времена читатели реагируют неодинаково. Что было нормой жизни сто лет назад теперь отрицается.

– Если учесть, что даже зрители в первом ряду и на галерке по-разному реагируют на спектакль... что уж там говорить...

– ... Конечно, сомнительное удовольствие спорить о грустном, – заметила Жанна. – Не все поддается рациональному объяснению.

– Некоторые вещи нельзя не учитывать. Твои разговоры носят явно очернительный характер. Решила нас пострадать? Можно сколько угодно спекулировать ошибками прошлого. У Петра Первого, может, тоже закрадывались сомнения, но он шел вперед. А в Америке, в гражданскую войну, основным аргументом являлся кольт, а главной денежной единицей были патроны. Индейцев всех извели-изничтожили. Но они об этом помалкивают, а мы на каждом углу языками молотим, что было и чего не было, – возобновила тему Инна.

– Эта информация должна прибавить мне задора или внести смятение? – непонятно к чему спросила Жанна.

– Нелишне упомянуть, что у нас постепенность осознания себя растянулась на годы: длительная пытка собственного дознания – путаный бред, не поддающийся интерпретации. Безднадега. А единицы, принадлежащие к элитной касте, употребив все свое влияние, умыкнув государственную собственность, дорвались до власти с отъявленной зримостью просаживают миллиарды, устраивают пир во время чумы. Не прогадали. Неладное твориться в стране, петрушка какая-то.

– Где ты слышала о чуме? – испуганно, будто спросонья пролепетала Аня.

– Я в сугубо метафорическом смысле, – раздраженная

Аниным непониманием бросила Инна.

«И этим все сказано, – подумала она брезгливо скривившись – Глупость не истребима. Кажется, немецкий канцлер Аденауэр сказал, что Господь дал предел человеческому уму, но не ограничил его в глупости».

– ...И с ваучерами был заведомый обман. Такое начало кого хочешь отпугнет. Бывшие комсомольские и партийные функционеры не растерялись, нахапали. И это звучит унижительно, – сказала Аня.

– Для кого? А кто тебе не давал? Непозволительно долго размышляла?

Лена сжала подруге плечо, но та не смогла согнать с лица усмешку. Она словно приклеилась к ней.

– Нет во мне торгашеской хитрости. Что проку пытаться? Не привыкнуть, не втянуться хватать чужое. Своего бы не проворонить.

– Так ведь и проворонили, – превозмогая в себе боль, похожую на зубную, – сказала Жанна. – То не про нас говорить: «Если не помогает волчья шкура, надень лисью». Без денег и связей? Мой сосед пытался скупать ваучеры, так его чуть не убили те, кому он дорогу переходил. Не все так просто было с этими бумажками.

– Интересы выскочек и остального народа не совпадали. А на словах верхи преподносили свои деяния как волеизъявление народа.

– Ты надеялась, что о тебе вспомнят коммунисты, сжа-

лятся и помогут? Привыкла к государственным вливаниям, и тут возлагала надежды на новых русских, рассчитывала на их содействие? А горькая правда открылась во всей своей ужасающей неприглядности. И осталась ты не у дел. И я объявляю об этом во всеуслышание, потому что все мы из этого числа. Нашей ахиллесовой пятой всегда была наивность. Ты считала, что если ты всю себя отдаешь людям, то и они должны к тебе относиться соответственно. Но о тебе забывали. Разве ты с этим не сталкиваешься каждый день? Разве не обижаешься? Еще наша беда в том, что мы слишком доверчивы и открыты. Тебя это не настораживает? Умереть и не встать! Не ухмыляйся. Учись у американцев. Они тебе улыбаются, располагают к себе, а сами думают, как бы тебя наколоть. Расчухала?

«И за что Лена любит Инну? Обычно, хорошее к хорошему льнет. Отчего про меж них такая искренняя дружба? Как-то видела их на вокзале. Лена уезжала. Они стояли с таким видом, словно только что разомкнули руки... Это уж слишком. Я, конечно, завидовала, – вспомнилось Ане. – Трудно найти родную душу. Инке повезло. Ни одной ссоры между ними, ни одной утечки информации».

– Улыбками люди и целые страны создают о себе положительный образ. Вспомни олимпиады, – сказала Жанна. – Зря ты ополчилась на Аню.

А та отозвалась на защиту Жанны хмурой тирадой:

– Надобность в честности, порядочности и доброте теперь

отпала. Это повлечет за собой великие беды. Конечно, крайне опрометчиво давать прогноз. Чем мы возместим урон от их отсутствия? Мы сбились на опасную окольную дорогу. И прежняя жизнь расплзлась по швам.

– Потому что нитки были гнилыми, – заметила Инна. – А теперь требуется быть дальновидными, не бояться рисковать добиваться резонансного совпадения со временем. Надо достойно встречать любые трудности; учиться не только крепко стоять на ногах, но и голову иметь холодную. Иначе, когда придет время платить по счетам, все наши недочеты скажутся. Кто не умеет жить здесь и сейчас, не может быть счастливым.

«Демагог», – подумала о ней Жанна.

– Рисковать? А не боишься угодить на дно, как многие наши знакомые? В законах полным-полно лазеек. О них могут знать только юристы. Вот они и манипулируют нами безграмотными. Возьми хотя бы ЖКХ.

– При СССР я не имела и сотой доли тех проблем, что навалились на меня теперь. Я не вижу серьезных изменений к лучшему.

– Для молодежи, выросшей при новом строе, СССР – уже история, прошлое. Их не загнать в привычное для нас стойло несвободы.

– Раньше наши проблемы были от недостатка информации, а теперь они от переизбытка. По большому счету я давно задумываюсь об этом. Смотри, ведь даже Горбачев не по-

нимал, что невозможно сменить экономическую систему государства не сменив политической. И наоборот.

– Современная молодежь много знает и понимает из того, что твориться вокруг, она, не в пример нам, готова к встрече со злом, но и от нее, наверное, что-то скрывают.

– Хватит, растуды-туды тебя в качели, – взвилась Инна. – Генетически честных людей не бывает.

Но Аня не отступила:

– Но социализм поддерживал в людях лучшие качества. А теперь кто лицо нашего времени? Эти... Летом меня шокировал один случай. Отдыхала я на даче у своих знакомых. Рыбалка, грибы. Прелесть! Там же жила пожилая пара. Мужчина наловил рыбы, положил ее в общий холодильник туда, где было свободное место, и укатил по делам в город на неделю. Он был инвалидом по зрению и не разглядел, что с его улова капает в хозяйскую кастрюлю с остатками борща. Молодежь, пообедав, забыла прикрыть крышкой свою снедь. Так возмущению их не было границ. А на утро пожилая дама обнаружила все свои снасти изрезанными на мелкие кусочки. Я за стеной слышала плач больной женщины и пошла объясняться к студентам. Я сказала им: «Старик инвалид, а бабуся врачи после онкологической операции посоветовали пожить в лесу и заняться рыбной ловлей. Надо иметь к больным снисхождение. Обратились бы ко мне, я бы вас накормила свежим грибным супчиком.

– Больные! Это их проблемы. Мы должны были их нака-

зять, чтобы думали, когда что-то делают.

– Но крышкой-то вы забыли накрыть свой борщ, – встала я на защиту инвалидов.

– Холодильник наш. Как хотим, так в него и ставим! Его теперь мыть придется, он весь рыбой пропах.

– Не вам же. Я вымою. Не велик труд. Ваш дядя, между прочим, тоже хранит рыбу в холодильнике.

– В морозилке.

– Так она же полностью забита его рыбой.

– Это не наши проблемы.

– Но старики, как и я, платят за комфортное проживание, поэтому холодильник общий.

– Не нравится, пусть валят отсюда. Никто их здесь не удерживает. Других найдем, – заявили молодые люди.

Разбираться, искать какие-то примирительные варианты не для них. Мелочные, за тарелку борща больного человека чуть до инфаркта не довели. Какой уж там извиниться... И дядюшка стал на их сторону. На следующий день я привезла из дома свой маленький холодильник. Нам со стариками его вполне хватило. А еще через день я увлекла свою пожилую соседку сбором грибов и она легче «пережила» потерю всех своих снастей. Рыбалкой она больше не хотела заниматься, хотя я предлагала ей свои удочки. При одном упоминании о ней, старушка слез не могла сдержать, и ей становилось плохо с сердцем.

Аня с Инной заводят друг друга.

– ...Нам сейчас нелегко. Родились в одной стране, оказались в другой.

– Ха, мы теперь в цивилизованном мире живем! Мать его так-перетак. Теперь кто чего стоит сразу видно. Поединок с системой выигрывают более деловые и предприимчивые.

– А не деловым людям так хоть околейвай? Слишком разительный контраст между честными и «деловыми».

– Ну если венцом твоих желаний была однокомнатная квартира, то о чем тут можно еще говорить! Ты способна лишь рьяно искоренять чуждые Советам влияния.

Аня взвилась:

– Я?! Клевета! Теперь выигрывают более наглые и лживые. А у меня – с тех пор как я себя помню – никогда не возникало потребности присвоить чужие идеи, заслуги или деньги. У меня в голове одно: как человеку остаться человеком. Меня всегда волновало, на что он готов, чтобы добиться намеченных высот. И сейчас во мне идет постоянное осознание и переосмысление. Мозги то закипают, то леденеют.

– О чем разговор? По Марксу при капитализме, ты же знаешь, речь идет о стремлении к максимальной прибыли любыми средствами. Марксизм – простуда, которой сначала заболела интеллигенция России, а потом она завладела массами.

– Всяким отребьем . Остальных из-под палки «приучали». А лекарства от этой болезни еще не было. И святой наивный

доверчивый русский народ позволил поставить на себе эксперимент. Заманчивая идея гордиться равенством умных с дураками!

– А теперь должны гордиться равенством подлых с порядочными?

– «Перед лицом своих товарищей» (Из торжественного обещания юного ленинца при вступлении в пионеры.) я не совру, если скажу, что вот именно отсюда гадкие продукты, масштабные махинации с лекарствами и т.д. и т. п. И светит нам в человеческом плане далеко не радужное будущее.

– Зато будет наблюдаться подъем в производстве.

– Я не в оправдание или в укор говорю. Просто факты излагаю, – заявила Аня.

– Не напрашивайся на спор. И я промолчу.

– Богатство быстро засасывает.

– Внаглую, из воздуха делают бешенные бабки. Их лозунг: не обманешь, не разбогатеешь. С души воротит. Гоголь в гробу перевернулся бы и голову потерял, узнав, что творится теперь на Руси. Куда там его Чичикову до современных «новых» русских.

– Руки зачесались?

– Нет, язык.

– Оставь Аню в покое, – попросила Жанна.

– И тебя тоже? «Ах какая драма – пиковая дама!» – пропела Инна. – Считаешь, что пора играть отбой?

– Возьмем, скажем, Березовского и иже с ним. Обворова-

ли Россию на десятки, сотни миллиардов, устроили обрушение рубля, и наши накопления волшебным образом обнулились. Только не на кого досе в комитет народного контроля отсылать, чтобы прописку им в Оймякон оформили. Там им надлежит быть. Но нет у нас виноватых! Кругом шантаж, угрозы, оговоры. На работу берут только тех, кто будет петь под их дудку. Суды затягивают вынесение решений на годы. Думаешь, наше импотентное правосудие виновато?.. Вот и благоденствуют воры, жируют, объедаются лобстерами, украшают свои замки, фешенебельные виллы и дачи мешанскими вензелечками и современными архитектурными излишествами. А нам разгребай... Все они там: и крупные предприниматели, и солидарные с ними власти, и бандиты. В наше время взаимоотношения строились на другой основе.

– Мораль: еще не оторвалась от сочиненных при социализме басен, – сделала вывод Инна из вдохновенной речи Жанны. – Что нового углядела? Чего сердце рвешь? Для больших чиновников законов и раньше не существовало. Просто «хитрее стала ложь».

– При Сталине вмиг вышку схлопотали бы. Всех быстро поставил бы по стойке «смирно», – сказала Жанна.

– Не то слово, – робко, без энтузиазма согласилась Аня.

– Сильный ход, – с иезуитской ухмылкой сдержанно отозвалась Инна. – Не самый приятный сюрприз, а главное «непонятный». Чудит Природа иногда... Мы тут с тобой не совпадаем, мыслим разными категориями. Горячку порешь.

У меня возникло ощущение произвола. Я чувствую за спиной лязг затворов... Может, ты зря делаешь акцент на насилие или у тебя на то есть свои причины? Что гложет твою нежную мирную душу? Не могла я предположить такое развитие сценария. Позволь спросить: «А как же твоё детство? Разве его вычленишь из жизни? Мое и по сейчас давит обидой. Неспроста упомянула вождя народов? Не обкурилась?

Не сумела стереть из памяти, вбитые системой хрестоматийные представления? Ты так решительно настроена, что готова всех того... как говорится: все на фронт, на борьбу... Лишим всех привилегий, прикончим, а на их место на дармовщинку много охотников найдется из тех, кто рвется... опять же почувствовать вкус власти, да так, что время за нами не будет поспевать. А смерть уравнивает и правых, и виноватых. И мы снова начнем провозглашать старые лозунги и спрашивать: кто мы? кто виноват? что делать? ты меня уважаешь?.. Мы же выросли на лозунгах и ничего, живы пока. Так?

– Что ты несешь? Твоя душа уже сейчас принадлежит аду, – вспыхнула Жанна.

– Я просто так все это сказала. К слову пришлось. Я признательна тебе за комплимент. Поживешь с мое – не то еще запоешь, – шуткой отделалась Инна.

– Ну тут ты у нас вне конкуренции.

– А ты хотела бы сладкой лапши на уши, небожитель хренов.

– ...И что только ни бродит в твоей голове!

– Меня вот какой момент смущает: в людях есть генетическое злобствование? То они – во всем мире – сначала вполне искренне приветствуют своих вождей, потом также не менее искренне их морально и физически топчут, обвиняя во всех смертных грехах. Героев втоптывают в грязь. Я про другие страны. Я по телевизору недавно смотрела и переживала, – сказала Аня.

– И не только героев войны. В этой связи мне наша Лариса Попугаева вспомнилась. Она была гением в искусстве поиска алмазов и работала как проклятая, но сопротивляться социалистическому молоху у нее не хватило сил, – добавила негативной информации Инна.

– В прошлое потянуло? Возврат назад – это абсолютная рутина. Но при чем здесь социализм? Мужчины, начальники присвоили ее открытие и не дали защитить диссертацию. Неуживчивой злокозненной склочницей назвали за то, что она воевала за создание специального института и требовала не сбрасывать в отвалы драгоценные камни. Как же! Сотни мужчин из экспедиции вернулись ни с чем, а эта молодая красивая женщина за две поездки сделала эпохальное открытие. Не могли они допустить высветить такое. Притесняли, угрожали, – высказала свою точку зрения Жанна.

– Работу Попугаевой закончили те, кто шел следом. Им и почет, – зло усмехнулась Инна.

– Алмазы сломали ей жизнь, но помогли поднять нашу науку на уровень выше Западной. И это главное. Вспомни космос. Это была ее жертва стране, – заметила Аня.

– Не стране, а тем, кто присвоил. Правда когда-нибудь восторжествует, и ее имя останется в истории страны, – заявила Инна.

– Дай-то Бог. Христа тоже люди радостно с цветами встречали, а через семь дней требовали: распни! – вздохнула Аня.

– Тут, конечно, не поспоришь... Злость и недовольство собой люди направляют на кумира, в котором, как им кажется, они ошиблись. Или он им мешал... Не себя же им клясть, – усмехнулась Инна.

– За один год Попугаева выплакала все свои слезы, рассчитанные на целую жизнь. Я насчет гения... Может, ей повезло? – усомнилась Аня.

– Она целенаправленно искала, научно обоснованно. Если бы мужчине так повезло, разве он отказался бы от почестей? – спросила Жанна.

– А сейчас такое повсюду, – вклинила раздражающее замечание Инна.

– Нет, все-таки у тебя гипертрофированное чувство реальности. Трудно с тобой, – простонала Жанна.

«И долго еще они собираются размазывать манную кашу по тарелке? Чего я терзаю себя? Закрою глаза и отделю себя от них», – попыталась успокоиться Лена.

– ...Верните награбленное у народа и катитесь за границу нагишом. Видите ли, нет механизма, позволяющего отнять и вернуть. Так издайте закон! Но кое-кому это не выгодно. – Аня снова загрустила.

– Бодался теленок с дубом, – рассмеялась Инна.

– Я по своей юридической безграмотности раньше верила в справедливость, – вздохнула Жанна. – А с верой трудно, болезненно расставаться.

– Ну что за настроение!

– Вернут награбленное?! Беги, а то к шапочному разбору не поспеешь... Это непостижимо. Давай, чеши дальше, не стесняйся ни в выражениях, ни в интонации. Скажи, что сиюминутные задачи решаем, а до глобальных дел руки не доходят, что у нас остались вымороченные мысли, изъязвленные чувства, изношенные, затертые ощущения. Самое время задуматься о том, что Горбачевско-Ельцинская игра не стоила свеч.

– Вот тебе бабушка и Тихий Дон!

– В несколько дней полностью изменили ход истории нашей страны. Невероятно!

– Это предупреждение, напоминание о подобной возможности и в других странах.

– Во всем мире такое творится с подачи мирового агрессора.

– Мы до сих пор не осмыслили происшедшее. Может, опять на грабли наступили?

– Были и ошибки, и блестящие победы. Как у всех.

– Общие фразы.

– Все бы ничего, если бы законы исполнялись...

– А я не могу простить развала Родины. В единстве была наша сила. А теперь нежелание понять друг друга, отсутствие диалога между бывшими дружественными республиками...

– Американцы восхваляют своих президентов, а за ними, небось, не меньше грешков водилось. – Их Джордж Вашингтон был рабовладельцем.

– Нашла кого нам в пример поставить! – возмутилась Жанна.

Лена приподнялась на локте и заморено покачала головой.

– Запричитала. В тебе погиб великий трагик? Набило оскомину твое нытье. Все пучком. Ты с другой стороны посмотри на наши проблемы. В какое интересное время нам выпало жить! На наших глазах происходят мощные исторические события! Представь себя в двенадцатом веке: время тянется бесконечно медленно, ты умираешь от скуки, – пресекла Инна Анино нытье.

– Ну да, живем как у Христа за пазухой.

– Посчитай, сколько машин стоит у твоего стоквартирного дома. Две-три? А остальные у кого? И это при том, что самые богатые, прихватив капиталец, как крысы с тонущего корабля убежали на Запад. У меня возникает зловещее

предчувствие, что и остальные, наворовав, со временем туда же уберутся...

– Детей в Америке пристраивают, а сами умирать в Россию возвращаются.

Инна впиалась в Аню настырным взглядом:

– И опять наступит серое равенство. Ни нытья и злобы, ни зависти и обид. Новый советский коммунизм!

– Тужилась, тужилась и родила. Галлюциногенная идея, – выдавила из себя Жанна и сконфуженно опустила голову.

– Вспомни брежневские времена: в магазинах пусто, а холодильники у всех забиты. Раньше на трассе в потоке жигулей иногда мелькали серебристые иномарки, а теперь среди иноземного разнообразия машин изредка и скромненько ныряют родненькие «ребята-жигулята», – сказала Аня.

– Дались тебе эти машины. Третий раз о них заговариваешь. Они мера благополучия? Мера – это тоже ограничение, – усмехнулась Жанна.

– Соприкоснулась с миром фактов, с идеологией, построенной на бесконечном потреблении, и подкосило надежду, которая в последний момент оказалась для тебя нереальной, вот и ругаешься до посинения. Кстати, если уж об этом зашел разговор, ты пытаешься объяснить очевидное, но при этом пользуешься агентурными сведениями подъездных бабушек, и, получая подтверждение своим мыслям и прогнозам, подлаживаешься под их умонастроения. Ну, а как они врут... Что они могут нарыть? Если только слухи сильно пре-

увеличить. Прямой лжи они все же в основном стараются избегать... Что, еще не досыта наелась горьких истин? Не уходи от ответа. Сомнительное удовольствие слушать бездарное.

Понимаю, ты хотела бы единства мыслей и переживаний у мало, чем похожих друг на друга людей. Ты же знаешь, что в любом обществе существует определенный процент убийц, воров, пьяниц... Не суйся в область тебе не подвластную. И вообще, живи в режиме реального времени.

Инна сказала это только затем, чтобы подразнить Аню. А та подумала: «Наглая, напористая. И что Лена в ней нашла? Сходятся противоположности? Думает, что загнанная в угол превосходящей резкостью и дерзостью я отступлю? Я с таким же успехом и с той же непреложной категоричностью могу тебя обляять. Но не хочу. Живи!» Ане понравилась ее собственная смелость, и она незаметно для других улыбнулась.

– Аня не кори себя за терзающее душу уныние, а чтобы пополнить свою жизнь оптимизмом почитай Рабле. И все станет на свои места, – полушутя вставила Жанна, одновременно пытаясь осмыслить услышанное. – Бунтует душа? Расслабь напряжение нервов. Не бывает так, чтобы все без сучка и задоринки. Пытайся избегать неприятных встреч. Уклоняйся от стрессов. Старайся сохранять душу светлой и незлобивой. Ищи, в казалось бы, плохих людях крупинцы хорошего. Тогда и им, и тебе будет лучше. Честное слово.

Вглядись: мир добрый и прекрасный.

– И тогда она сумеет покорить реальность силой своих желаний, – «изнемогая» от приступа деликатности рассмеялась Инна. – Не проще ли, Аня, имплантировать тебе чип положительных эмоций? Дай знать, когда согласишься... – тут же наигранно скромно предложила она.

– Мы с тобой сильно расходимся в оценках и прошедших и текущих событий. В семьдесят первом у моей подруги родилась девочка с двумя пороками сердца. Ее поставили на очередь в Москве и через некоторое время прислали вызов на операцию. Учти, на бесплатную. А теперь у бедных родителей дети с такими дефектами годами ждут неизвестно чего. Доброты ли, чуда... Почему раньше наши врачи делали такие операции на сердце, а теперь они больных в Германию отправляют?

– Велика в тебе сила заблуждения и неверия. Опять хочешь перейти к делам нашим временно скорбным? Я склонна думать, что задыхаешься ты от злобы. Хочешь, чтобы жизнь была совсем без трудностей? Такого не бывает. Наша была вполне предсказуема и неинтересна. И все это семечки по сравнению с тем, что...

Аня занервничала:

– Я злая? Выгораживаешь олигархов и нуворишей?

– Случается, небрежно брошенное слово оборачивается вполне серьезной ссорой. И быть по сему?

«Все-то у нее на подтекстах и со стервозностью. Не усми-

ришь, все равно выскажет, что хочет. Ей бы на собственной шкуре прочувствовать мое...» – недовольно поморщилась Аня.

«Анька напрочь лишена положительной эмоциональности. У нее странная неспособность улыбаться. Царевна-несмеяна. Тут песенкой «Поделись улыбкою своей» не поможешь. И нет нужды пытаться. Жизнь не благосклонна к ней. Этакий задиристый петушок!.. Оно, конечно, сегодня навалилось все сразу... А прелесть всех этих наших историй в том, что все они давно позади...». Инне почему-то вспомнились слова нянечки из детского сада: «Кто в куклы не играет, тот счастья не знает. Дурачьтесь, веселитесь, радуйтесь». «Хорошая была женщина», – с теплотой и грустью подумалось ей.

– Не наезжай. Еще не натешилась? Опять задалась целью меня унизить, – подтверждая наблюдения Инны с жалкой и какой-то вымученной улыбкой промямлила неудачливая спорщица. – С тобой говорить, что с ножа есть.

– Уж коль ты ко мне так мило обратилась...

«Аня с Инной не лучшая компания в предпраздничный вечер. Не сложившийся тандем... И я им не миротворец, – вздохнула Лена. Ей хотелось тишины. Она осторожно дотронулась рукой до запястья подруги.

16

– И все же ты не от мира сего. Чего вытаращилась? Глаза на пол лица сделались.

– А ты у нас «исторически недооцененная» фигура – неожиданно парировала Аня.

Высокие брови Инны удивленно вскинулись, лицо вытянулось. Но она не осталась в долгу и шутливо удивилась:

– Не дурно, не претенциозно. Откуда что взялось? Мо-гёшь, если захочешь. Премного благодарна. Да... совсем из головы вылетело: ты же редко обременяешь нас своей великостью и гениальностью. Не хочешь обозначать эту сторону своей личности?

– Слава богу, что личности, – не заставила себя долго ждать Аня. – Разве только ирония делает человека человеком?

Инна неожиданно для самой себя не нашла чем подрезать на удивление активную спорщицу. Не ожидала она от Ани такой прыти. Даже насупилась: «Глядишь, еще и не такое выкинет, если ее довести до белого каления. Она, оказывается, умеет дать достойный отпор, особенно если мало тому свидетелей, которые могут стеснить ее».

«Не могу не отметить, что Инка к Ане заведомо относится, как к некоему несмышленьшу, а то и вовсе не церемонясь. А она вон ее как... – Жанна с любопытствующим удивлением всмотрелась в Аню-тихоню. – Короткая стрижка. Высокий широкий лоб закрывает длинная челка, делаая его малозаметным. Будто стесняется. Считает, что он ей не соответствует? Зря. Убери она волосы со лба, лицо ее выглядело бы намного значительнее».

Тихий тревожный разговор продолжился, но Инна в нем уже не участвовала. Голова ее поникла, руки бессильно лежали поверх одеяла.

Из полудремы ее вывел настойчивый шепот.

Аня и Жанна перебрасывались тихими фразами.

– Революции! Как ни крути, все они подчиняются одним и тем же законам. И как говорил гениальный физик Нильс Бор: «Перед нами очередная безумная теория. Вопрос в том, достаточна ли она безумная, чтобы быть правильной?»»

– Ты говоришь о предопределенности и запрограммированности исторических событий?

– Лишь о закономерностях.

– О каких? О тех, что революции придумывают идеалисты, делают романтики, а используют подлецы? Так они уже устарели. Революции и перевороты подготавливают американцы по ими же разработанной тривиальной схеме, основным звеном которой являются деньги. Жажда наживы, тупость, неосведомленность, вечное недовольство некоторой части народных масс хотя бы чем-то, и отзывающиеся о своей стране, как правило, только в критическом контексте, ее скоропалительные заключения. А теперь еще и бесшабашная и безбашенная проповедь насилия, неистовость и разнузданность.

– Зато не устаревает извечное: думаем одно, говорим другое, делаем третье.

– Не вижу связи.

– Вот и плохо...

«Мыслями то растекаются по теме, то уплывают невесть куда, то перескакивают с вопроса на вопрос. Все пытаются из себя что-то выжать», – вяло подумала Инна.

– Мозги не работают. Устала. Это не ночь, а Содом и Гоморра! Я на отдыхе. Хочу, чтобы в голове было блаженно пусто, а на сердце спокойно. Давай на боковую?

– А я думала, у вас единомышленники и одногосолье, что вы спелись, – сонно вторглась Инна в разговор подруг.

Ответом ей было намеренно равномерное дыхание.

– Я сознаю всю абсурдность, глупость и бессмысленность ненависти, которую раньше осуждала в других. Я ищу способы ее притупить, но обижает, оскорбляет и пугает масса несостоявшихся возможностей. Я понимаю свое бессилие, но не могу смириться. Приходится поступаться своим «я». Отсюда разлад между внешним и внутренним. При Советах такого со мной не было.

– Забыла. Было, да быльем поросло.

– Едва ли. Такого беспардонного, рассчитанного вранья не наблюдалось.

– Конечно, мы умели жить в небольшом промежутке дозволенного. Успокаивали себя словами Аркадия Хайта, мол, живем плохо, но интересно. И сейчас ими прикрываемся. Не следует тебе упускать из вида и то, что старики плохо воспринимают перестройку потому, что в большей степени при-

надлежат прошлому, чем настоящему. Вот и не приемлют ее, сварливо отталкивают. Она мешает помнить счастливый мир юности, молодости, иллюзий и надежд. Чувствуешь, как легко я соскользнула на преимущества юного возраста? Стареем, впадаем в детство, не так уж часто нам теперь удается испытать совершенно новые положительные ощущения. И удивляемся мы очень редко.

«В лице милая, добродушная беспомощность». Но поразило Инну то, что она каким-то непонятным образом не сливалась с обликом некогда умной, энергичной Жанны. «Она будто совсем другая... Это ничего не доказывает, – упрямо сопротивлялась Инна увиденному. – Где она настоящая? Может, студенческая активность – не ее характер, а временная дань моде? Я в школе средненько училась, а потом смогла многого добиться, потому что напористость была моей сутью, моим двигателем внутреннего сгорания. И амбициозность не в последнюю очередь направляла мои действия. Религия Жанну изменила?»

– И если такое случается, мы бываем невероятно счастливы.

– Твоя правда, разлюбезная ты моя, мы у прошлого в плену. Для нас теперь жизнь – бег на месте, – поддакнула Жанне Аня.

– Прошлое на кладбище, – возразила Инна. – Как ты собираешься воспитывать в молодых бесстрашную готовность встречать любые трудности, стремление придавать смысл

своей жизни, желание оказываться в эпицентре событий, а не на выселках, чтобы они составляли славу родины и утверждали ее достоинство, если у тебя самой нет предошущения прекрасного будущего? А оно есть, только ты его еще не видишь. Самым настоятельным образом советую задуматься над этим.

– Так ведь обидно. С детства нам твердили, что работаем на будущее и опять, когда все перевернулось, по телеку внушают, что потерпеть, подождать надо.

«И по кругу, и по кругу», – нервно передернула плечами Лена. (Разговоры мешали заснуть или ей хотелось посеCRETничать с Инной, а сокурсницы не угомонялись?)

– Я читала, что мудрый человек не тот, который стремится переломить ход истории, а тот, кто совпадает с ее течением.

– И при Гитлере? Опять чужие фразы? Они имеют ограниченную сферу применения. Или ты о конформистах? А к какой категории ты себя относишь? – властно обратилась Инна к Ане, тем самым еще больше упрочив собственное реноме. – Каков будет «наш ответ Чемберлену?» Как всегда в противовес?..

– Я запуталась, хотя мне открылось уже многое. Отсюда метания, паника, выхолощенность в душе и мрачность... Сломать, унизить, растоптать – чего проще? Мы живем между Фаустом и Мефистофелем. Страна стремительно нисходит в незримое. Ни гражданского общества у нас нет, ни светского, ни религиозного... Боремся, боремся. Все как на

фронте, на передовой. А толку... Наши мысли парадоксально противоречивы. Не хочешь, а принуждаешься всей обстановкой, а встроиться не получается. Какая-то замороженность в нас, будто отсутствие присутствия...

– Окончен бал, потухли свечи?

– Я на все запустение смотрю со смесью горечи, презрения и иронии. Сколько лет нам ждать относительной стабильности, когда все наладится?

– Как только, так сразу, – рассмеялась Инна. – Господь в один день создал весну и надежду, и мы справимся.

– Трудно в абсолютно абсурдных условиях действовать логично.

– Взять бы шапку в охапку и бежать, бежать? Только логика жизни теперь другая.

«Опять Аня на нытьё сорвалась. Это уже как клеймо», – вздохнула Лена.

– Сiju я как-то у своей подруги Оксаны в гостях, а тут дочь к ней приходит. И все что-то недовольно бухтит, бухтит, – начала свой рассказ Жанна. – Чувствую, Оксана занервничала и говорит:

«Если бабушка плачется, тут все понятно – старость, но я не выношу, когда молодежь стонет! У меня тоже болели дети, не хватало денег до полочки, муж был непутевый, возникала масса проблем на работе, но я же никогда не ныла, умела как-то выходить из положения. А теперь, когда вы выросли, я интересное хобби себе придумала, требующее от меня

широкой эрудиции. Наверстываю то, что в молодости упустила по причине занятости. Или ты считаешь, что я должна тебя до пенсии содержать и нянчить?»

И тут ее дочь заявляет: «Я хочу быть личностью, а мне все мешают». «Кто все?» – спрашивает ее мать. «Семья, работа», – отвечает молодуха.

У меня чуть челюсть не отвалилась от удивления. «По-твоему человек, который только тем и занимается, что много читает, развлекается в интересных компаниях и есть личность? Кто тебе внушил эту глупость? – спрашиваю я. – А кто за тебя будет работать, детей растить, домашние дела выполнять? Человек, который достойно справляется со всеми своими жизненными трудностями, преодолевая себя, добивается поставленной цели и есть личность. А ты нытик с иждивенческими настроениями. Пытаешься подражать «золотой молодежи», завидуешь ей? Ну так организуй свое предприятие, выдержи конкуренцию, заработай кучу денег, и если не для себя так для своих детей устрой иную, более яркую жизнь. Отправь их учиться за границу, помоги сделать карьеру. Отец с матерью дали тебе образование, у тебя есть крыша над головой. Они выполнили перед тобой свой долг. И ты выполни его перед своими детьми, подними их еще на более высокий уровень, чем это сделали твои родители.

Моя тетя выпустила в жизнь на учебу с рюкзаком картошки и месячным денежным содержанием. Трудно было, ниче-

го, выжила. Рубля ни разу не попросила. Так вот, если ты считаешь себя личностью – будь ею», – горячо поддержала я Оксану, но больше не стала вмешиваться в жизнь ее дочери. Двое против одной – было бы не честно, – добавила Жанна. Женщины молча согласились. Но Аня через пару минут продолжила:

– Среди девушек такое явление я редко наблюдала, а вот среди юношей...

Инна ее прервала:

– Современные молодые люди хотят, чтобы жены нянчились с ними, как их мамы. Я одному обожателю своей племянницы так сказала: «Тебя растили, баловали, а теперь ты должен своих детей воспитывать и холить. Для этого создается семья». Вижу, удивился, будто в первый раз об этом услышал.

– А я своим детям все время напоминала: «Каким примером вы будете своим детям? Чему их научите», – похвалилась Жанна.

«Какие они сегодня строгие и серьезные, а завтра на встрече будут хохотать до упаду, делясь с сокурсниками самым веселым и забавным, происходившим в их жизни, будут искрометны, озорны и умны. Бед и печалей не вспомнят. Все люди станут им хороши в такой радостный и благостный день! – подумала Лена. – И я устала исторгать из памяти печальное. Как я хочу поскорее распрощаться с грустной темой, потом бросить все, побывать в местах своего детства,

обновиться, наполниться чистым, светлым, ясным и начать писать добрые и радостные книги! Допустим, детские. Или воспеть встретившихся на моем пути прекрасных людей, создать о них, как шутит Инна, великое, нетленное произведение. Стоит расспросить оставшихся стариков о прошлом, о довоенном и послевоенном. Раньше им было не до того и нам не до этого... Может, даже обосноваться в деревне. Морально я готова попробовать. Будет ли судьба и в дальнейшем ко мне благосклонна? Даст ли она мне время для новых книг? Дай, Господи!

17

– ...Вот я и говорю ему: «Чем может похвалиться дочка директора завода или сын высокого партийного начальника? Тем, что их пропихивали, просовывали? А ты из низов сам пробился, выучился, бизнес организовал, людям работу дал в трудные годы начала перестройки. Вот и посуди, кто из вас успешней, кто собой может гордиться. А он рассмеялся: «Ой, я себя сразу зауважал! Только вот командиром над нами и теперь стоит всё тот же родственник бывшего партийного босса, и если он захочет меня зажать, то прижмет так, что не выберусь я из-под его мохнатых лап. Он еще когда пацаном с нами бегал, то уже знал, что как бы он ни учился, какими качествами характера ни обзавелся при взрослении, его ждет успешная карьера, и никакие катаклизмы, происходящие в обществе ему не помешают».

– Так и вышло? – спросила Аня.

– А ты сомневалась? – удивилась Инна.

– Не могу такое слышать. Мне дурно становится, – жалобно проговорила Аня.

– У каждого начальника найдется сын или племянник, через которого не перепрыгнуть простому смертному. И еще не факт, что этот преемник окажется достойным. И при социализме, и при капитализме – одно и то же, – засмеялась Инна.

– Я везде ищу то, что могло бы меня порадовать, но глаза и уши невольно натываются на грустное. Незадолго до приезда сюда пошла я в парикмахерскую. «Следующий клиент у меня только в три. Оставайтесь. Я успею вас постричь», – сказала мне мастер, не отрываясь от работы. Женщина, которой она в это время делала прическу, еле приметно неприятно усмехнулась. И я подумала, глядя на ее надменное лицо: «Эта все сделает, чтобы получить удовольствие, помешав мастеру заработать лишнюю сотню. Но я тут же усомнилась в своей наблюдательности и даже устыдилась предвзятости: «Может, это просто усталая или неудачливая женщина?». Но я стала свидетелем неприятной сцены и лишний раз убедилась, что первая мысль, приходящая мне в голову, как правило, бывает верной.

Стою у окна. Деревья в инеи. Погода чудная. Настроение прекрасное, беззаботное, что бывает у меня не часто. Вдруг слышу, как клиентка начальственным и капризным тоном заявляет мастеру: «Что вы мне тут нагородили? Смывайте

свое сооружение и делайте прическу заново!» Я почувствовала себя виноватой. Настроение испортилось. Оглянулась на мастера. Пожилая женщина была напряжена, но держалась стойко. Я молча вышла на улицу и отправилась через парк в библиотеку без «марафета». Иду и думаю: «На природе и с книгами я зачастую чувствую себя уютнее, чем среди людей. При социализме встречались такие вот особи... а теперь их стало еще больше. Деньги подняли статус «некоторых избранных» до невообразимой высоты, а ума и культуры не добавили, характера не улучшили».

Интересное наблюдение. Мне с подругой случалось не раз вместе смотреть в один день по два разноплановых фильма, допустим комедию и грустно-лирический. Проходило какое-то время и я помнила только печальные фильмы, а моя подруга – только веселые.

– Потому что ты всё хочешь понять, тебе во всё надо влезть по самые уши. А еще потому, что много эмоций в себе подавляешь. И если они прорвутся, возникнет новый Ниагарский водопад. Думаешь, ты возглавляешь длинный ряд пессимисток-неудачниц? Этот Минотавр сидит в каждой из нас. Чтобы он не сожрал тебя, почаще выпускай пар, – пошутила Инна. – А я фильмы теперь иначе воспринимаю: смотрю и думаю, что еще нового придумали сценаристы и режиссеры из того, что я еще не знаю? И не нахожу. И это обидно.

– ...На рыбалке была. Снасти на леща с берега забросила.

А тут пьяный предприниматель по реке вдоль берега на новеньком импортном вездеходе несется. И море ему по колено. Намотал он на оси колес лески удочек всей нашей компании, визжит от восторга, маты изрыгает, песни орет. Его жена по берегу мечется, уговаривает успокоиться. Застряла машина в иле. Народу набежало, как на пожар. А ее пьяному хозяину надо всем показать, что купил он самую лучшую, самую дорогую машину. Она рычит, но не тянет. Он газу добавляет и добавляет... Ну и запорол двигатель. Дыму и гари по всему берегу – не продохнуть.

– Удивила! Видно на дармовые, ворованные деньги машину купил. Если бы на кровные, берег бы, – отреагировала на Анин рассказ Жанна.

– Идиотов и дураков во все времена хватало, – рассмеялась Инна.

– Ну, если ты так ставишь вопрос, то...

Жанна не договорила. Наверху громыхнуло что-то тяжелое. Женщины напряглись. Но шум не повторился.

*

– ...Не скажи, на развилках истории всегда интересно.

– Кому, стороннему наблюдателю? Развилку мы уже прошли. Колесо истории уже катится само по себе и всех подминает под себя. Капитализм в действии.

– ...Мы скромно жили в своем социализме и до поры до времени ни в чем не сомневались. Мы не мечтали переехать в другую страну. Мы даже не рассматривали возможности

жить в Москве, в этой великой, прекрасной столице. Пуп земли! Недостигаемая... – сказала Жанна.

– Какая безнадежная ущербность! – удивилась Инна.

– Не помышляли, потому что не могли себе позволить, – сказала Аня.

– Не доставало смелости и авантюризма сняться с насыщенного места. А Лена смогла.

– Нам не хватало свободы фантазии. Скованны были долговременной нищетой.

– Нерешительность в характере, – делая снисходительно-разоблачающее лицо, фыркнула Инна.

– Ну и тему вы затронули. Хватит заниматься словоблудием, – остановила подруг Жанна.

– ...Начинать надо с собственной национальной идентичности, с традиций – с этой корневой особенности нации, а потом уже браться за мировые проблемы.

– Политика оставляет меня равнодушной. Все эти ваши рассуждения также далеки от меня, как пески Сахары, – сонно сказала Жанна, чтобы сгладить полученные от разговора отрицательные эмоции, которые не позволяли ей быстро уснуть. Но погасить неприятно раздражающее настроение оказалось делом непростым.

– ...В мире стереотипов и условностей трудно остаться самой собой.

– Нам ли этим печалиться?

– ...Доскональная правдивость воспроизведения реаль-

ности? Неустанное остервенелое нытье. Упиваешься страданиями. Понимаю: дамоклов меч безысходности. Милости ждешь? Не убедила. Оставим беспредметный разговор. Ты отклонилась от темы.

– ...Откачнулись на семьдесят лет назад, вернулись в капитализм. Сдали прежние позиции, и задохнулась ветром перестройки. Не ждала скоротечных перемен? И похуже с нашей страной дела случались. А теперь медленно, но верно будем восстанавливаться.

– Я будто на семи ветрах между небом и землей. Долго ли нам пребывать под сенью двуглавого орла? Никак к нему не могу привыкнуть.

– Спроси у нашей карманной Думы.

– А правда, что в Думе по определению не может быть бедных?

*

– ...На всех уровнях нашей жизни в той или иной степени происходит использование своего служебного положения. И чем выше, тем шире. Даже в библиотеке. Стих мальчик читал великолепно. Лучше всех. Я ему первое место напротив его фамилии вывела. А когда проходило награждение, гран-при получил сынок какого-то начальника. Я ничего не могла изменить и только удивленно посмотрела на членов комиссии. До сих пор гадко вспоминать. Тот мальчик, наверное, презирает меня, считает соучастницей. Следующий раз с де-

вочкой то же самое получилось. Перестала я «заседать», – вздохнула Аня.

18

– ...Еще Иван Грозный заставлял переписывать летописи, свои вставки и врезки в них делал, – сказала Аня Жанне.

– История – самая «изнасилованная» наука в мире.

– Давай, тряхни стариной, растревожь наше не самое далекое прошлое, если это ему на пользу. Подними вечные вопросы: «кто виноват?», «что делать?» – рассмеялась Инна.

– Ответ зависит от того, как поставлен вопрос. Часто он уже заранее его предполагает, – ответила Жанна.

– Вся история жизни людей на земле – история войн. Мужчины к ним относятся, как к необходимости, а мы, женщины, рассматриваем их с эмоциональной стороны. У нас в этом вопросе с ними по-разному смещены акценты. Вот и ищем точки соприкосновения. Нам посылать своих детей в их жерло.

– Верхи посылают, мы отдаем, – возразила Ане Жанна.

– Войны – неизбежны. Они – форма существования жизни, – сказала Инна.

– Одна из многих, – уточнила Жанна.

– Потому-то в истории остаются только полководцы и цари? – спросила Аня. – Понимаю, но не хочу принимать.

Жанна ушла от болезненной темы:

– Мой Коля говорит, что женщину необязательно понимать. У нас слишком разные системы мышления. Ее надо

баловать радовать и жалеть. А еще проявлять уважение. И самому быть терпеливее, уметь мириться, если даже не виноват, быстро прощать. Тогда легче достичь взаимопонимания. Когда сыночка первый раз увезли в больницу, я плакала, прижимала его ношеную рубашечку к лицу, вдыхала запах его тельца, а он не понимал моего волнения и жалел меня. А беременной я ревновала мужа к работе. Мне хотелось быть для него главной, ни с кем не делить...

– Везет же некоторым. Он у тебя подкаблучник? – спросила Инна.

– Утверждает, что счастливый подкаблучник.

– Мужчины говорят, что война несет смерть, но учит преодолению, иначе не будет развития ни человека, ни общества, – сказала Инна.

– А без войны простым людям нечего преодолевать? Война – орудие политиков, – угрюмо заметила Жанна.

– Достоевский писал: «Они идут не убивать, а жертвовать собой».

– Прекрасное романтическое оправдание.

– Мужчина должен выходить за пределы самого себя, учиться находить способы разрешения непредсказуемых ситуаций.

– Женщинам это тоже нужно. Мужчина может прожить жизнь нигде, кроме армии не столкнувшись с такой необходимостью, – сказала Аня.

– Я понимаю, если речь идет о защите своих границ. Мой сын литературу буквально понимал. Любил Гайдара, Лермонтова, говорил, я несу ответственность за Родину.

– Литература всякая бывает. Окуджава и Толстой с болью писали об ужасах войны, – сказала Аня.

– Но и с гордостью. – дополнила Инна.

– Почему моему соседу не снимись ужасы войны, а мой сын не мог спать после гибели товарищей?

– Психо-физические качества мужчин разные. Соседа, наверное, тронет только гибель близкого человека, родственника. Такие после атаки хохочут. Они опять готовы идти в бой. Воевать – их работа. А смеются они потому, что живы остались. Для них главная беда – бесчестие. И с годами их отношение к войне не меняется. Они гордятся своим послужным списком тех лет, когда они были в горячих точках, – объяснила Инна. – В автокатастрофах каждый день кто-то гибнет, но за руль люди все равно садятся.

– А и правда, услышишь об очередном происшествии на дороге, сердце сожмется жалостью... и через минуту забываешь. Не накапливаются в памяти чужие беды, – сказала Аня.

*

– ...Потом воскресим разрушенные общим безумием храмы. Восстановление церквей я должна воспринимать, как одну из возможностей гражданского самовыражения? – спросила Аня.

– Трясти обветшалым прошлым?.. Каково время, такова и

миссия. Всплеск мистических настроений в обществе, в котором происходят серьезные коллизии, явление обычное, – с холодной убежденностью сказала Инна.

– По каким таким таинственным тропинкам прошлого блуждает твоя душа? Что ей дорого? – задумчиво пробормотала Аня.

– Теперь с развитием технологий приходится быстро менять не только свои привычки, но и убеждения, – заметила Жанна.

– Не погрешу против истины, если скажу, что люди в большей или меньшей степени зомбируются системами, в которых живут. При Сталине больше, при Хрущеве, допустим, меньше, – сказала Инна. – Помнишь «осадное сознание», когда кругом враги? Удобная форма влияния на массы. С многим миришься, если враг у ворот.

– В Америке такая же система. Только они помалкивают. Может, и правы. Не всегда вся правда должна быть известна миллионам и обсуждаться ими. Наверное, поэтому Хрущев, ниспровергая Сталина, не трогал Ленина? Только Бунин все равно развенчал вождя пролетариата зло умно резко и открыто. Такое было внове. А мы, будучи студентами, набрасывались даже на самоиздат. Потом и Хрущева отстранили... – поддержала разговор Жанна.

– Не только «Баню» из-под полы читали, – рассмеялась Инна.

Аня уловила пошловатую интонацию и вопрошающе уставилась на Инну. Ей было невдомек, что от нее прятали подобного рода «литературу».

«Не серебряный век, это уж точно», – поймав этот взгляд, хмыкнула про себя Инна, и будто почувствовала на кончиках пальцев ощущение торопливо пролистываемых тончайших замусоленных листочков, которые она хоть и выборочно, но иногда читала, закрывшись на шпингалет в бытовке, не имеющей окон.

– ...У американцев порядка больше, – сказала Аня.

– Они его оружием устанавливали, а мы говорильней, – нетерпеливо поправила ее Инна и сердито постучала себя кулаком по лбу.

– Поведение американцев отдаленно напоминает мне пацанов-хулиганов из моего детства: собирают кодлу и нападают на одного. И считают себя правыми. Однотипные постановочные кадры. Помнишь, как дружно американцы долбали на телемосте химика, перебежавшего в нашу страну? А еще кичатся своей свободой! Живут богато за счет того, что весь мир надирают, непрерывно печатая макулатуру – свои не поддержанные золотым запасом «зеленые». Да еще ложью и подменой понятий. Они основные положения морали трактуют как им на данный момент выгодно. В ходу политика двойных стандартов. Каши с ними не сваришь. У них всегда виноваты все, кроме них. А теперь и мы пожинаям

плоды перестройки и оболванивания масс, которые переняли у хитрых американцев.

– Здесь тыхватила лишку. Уподобляться западу? Ни за что! Мы болеем за Россию. Угомонись. Страшнее смутного времени ничего нет, но мы уже пережили безвластие, отсутствие строгих законов, растерянность.

– И что же, даже не рыпаться?

– «Век иной, иные песни». Надо ухватиться за новое время и плыть с ним в одном потоке. Ни история, ни страна не могут ждать, пока мы окончательно опомнимся.

– Жизнь новая, но печали старые.

– Открыли людям большие возможности, но все бросились не в науку, не в искусство, не в созидание, а деньги зарабатывать.

– Деньги дают свободу.

– А мы считали – отсутствие вещизма.

– Кое для кого свобода – нетребовательность к себе.

– А Илья опередил время?

– Нет, он где-то сбоку.

– Отщепенец?

– Дашка не на того поставила?

– А ты сразу этикетку прилепила?

– И все же современные дети более ушлые, в хорошем смысле этого слова, чем мы.

– Сейчас тоже нужны люди с позицией.

– Диктат рубля оказался сильнее диктата идеологии.

Интересно, что останется от этого времени в памяти людей через двадцать пять лет?

– Ну-ну... вообрази, – усмехнулась Инна.

19

– Мой отец в сорок пятом встречался с американцами, – вернулась Инна к утерянной теме. Ему было под сорок и у него не было юношеской эйфории от употребления их тушенки. Говорил, что улыбки америкашек не искренни, что они считают себя самыми умными и уважают только свою нацию.

– К нам каждое лето целые толпы их молодежи приезжают. Купили огромный магазин около института, тот, что раньше научно-методической литературой торговал, и занимаются распространением религиозной литературой или еще чем-то. Первый год я на них с любопытством смотрела, но потом они стали меня бесить своей настырностью и чувством превосходства над нашими людьми. Я как-то спросила: «Зачем нам ваша религия? У нас своя, тысячелетняя имеется». Улыбаются. Не нравятся они мне. У всех на лицах неподвижные, неискренние, словно нарисованные маски дружелюбия. Вышколенные одинаково, будто из организации «гитлерюгенд». Только у одной девушки я заметила естественные эмоции: осторожное любопытство и недоверие. Так она, как оказалось, напросилась с ними съездить в Россию просто так, в отпуск, ради интереса. Эти молодые люди постоянно говорят о толерантности. Надеются пере-

форматировать нас и нашу среду обитания? А что есть толерантность? «С медицинской точки зрения – это ослабление или утрата иммунной системы, неспособность организма к иммунному ответу. А в политическом и социальном плане – это утрата национального и религиозного иммунитета, корней, которыми народ держится за родную землю. Мы должны оберегать, защищать и закалять свою генетическую корневую систему, свою идентичность, иначе наши внуки не воспримут свою культуру, не будут отличать добра от зла, и мы исчезнем как нация». Так режиссер Никита Михалков говорил. Я с ним согласна.

Но что самое обидное, наши безработные женщины у них на побегушках: по квартирам ходят, нахраписто суют яркие религиозные рекламы с обещаниями рая, навязчиво, настырно пристают со своими разъяснениями и внушениями. Видно неплохо им платят, и они честно отработывают полученные деньги. Конечно, на безрыбье... но ведь надо и головой думать, прежде чем распространять иноземное. А последнее время эти «друзья» и по почте стали рассылать свои подозрительные брошюры. Я за дружбу народов, но когда агитаторы уже... как нашествие, это заставляет задуматься. Знаешь, если всё можно – это не достоинство времени. Сорос – этот американский гений финансовой спекуляции – сначала гранты нашим ученым раздавал, теперь взялся продавать «правильные» идеи. «Унюхал» их огромную выгоду. Открыто, гад, работает, ненавязчиво, чтобы привыкали, не

подозревали подвоха. Широко шагает по нашей стране. Это-то и беспокоит. А денежек они всегда допечатают сколько надо. Станок в их руках. – Аня расстроено махнула рукой и замолчала.

– Что выиграла наша страна, пойдя коммунистическим путем? – раздумчиво спросила Аня.

– Была распята на кресте советской власти, – хмыкнула Инна.

– А теперь не распинают нас? Деревня окончательно обезлюдилась. Бездельно-чахлая, немощная... «Две избушки, три старушки», которые слаще морковки ничего не едят. В старину шутили, что в России с ноября по март ничего кроме сугробов не произрастает. А теперь мы круглый год питаемся заграничным. Картошку, редиску покупаем. Позорище! Стыд и срам! – прямодушно выложила свое мнение Аня. – Но ведь не народ виноват.

– Опять «черные метки» чиновникам и бизнесменам начнешь раздавать?

– Пора.

– Что бывает, когда поверхностные, посредственные люди попадают в водоворот великих исторических событий?

– С людьми или с историческими событиями?

– Вот я и думаю...

– Что думать? Достаточно проследить события от Ивана Грозного до Путина или хотя бы последних трехсот лет и

сделать выводы, – фыркнула Аня. – Они как «Князь Тьмы и Князь Мира».

– Ты не обманываешься на этот счет? А глубже не желаешь заглянуть?

– Я и гляжу.

– Молодец, – на полном серьезе похвалила Аню Инна.

– ...Одним проще стать поперек проблемы, другим – уйти от нее.

– Можно принимать или не принимать Ельцина, можно подсчитывать его недостатки и ошибки, но мне кажется, с выбором преемника он не промахнулся.

– Дай-то Бог. Ошибся или нет – жизнь покажет, – сдержанно заметила Инна. – Не забывай, «короля делает свита». Трудно бороться с машиной наслоения всякого «добра». Одних чиновников полтора миллиона! Будем надеяться, что справится.

– Я верю. Он руководитель новой формации. Пусть ведет наш корабль через бури и штормы перестройки, а наша молодежь посодействуют, поможет, тем более, что пока никто ему в затылок не дышит. Капитализм, похоже, всерьез и надолго. Хочешь-не хочешь, но придется его развивать, – отозвалась Лена.

– И начнем Ельцинскую Россию поверять Путинской, – поддакнула ей Жанна.

– Это всё твое пророчество или только одна из тенденций? Таково божественное проведение? Мнение Всевышнего на

компьютере не просчитать. А может, явление президента нового типа – результат «духовной вибрации земли»?

На что Инна намекала Жанне последней частью своей фразы, Аня не поняла, но спрашивать не стала, боясь шквала презрительного обвинения в полной некомпетентности или даже в отсутствии элементарной эрудиции.

– А что мы выиграли, перейдя к капитализму? Повсюду еще большая безответственность, безалаберность. Так же за каждой справкой бегаем. А чиновниками – этими мерзавцами, падкими на чужое – теперь еще в большей степени кишит наша земля. Правда и неправда для них имеет равные права. Они все равно делают нас крайним, и мы расхлебываем последствия. Кругом масштабная ложь. Мы не способны отделять реальность от ее интерпретации. Мы трагически дезориентированы.

– Трагический пессимизм на данном этапе развития нашего общества хуже простенького искусственно взбодренного оптимизма скользящего по поверхности душ обывателей, который хотя бы создает прекрасные иллюзии. Да и трагический человек не всегда глубокий... Что, скисла, придавленная тяжким грузом старости, праведная ты моя. Не зная броду, уже не лезешь в воду? Только теоретически серьезно готовишься к встрече с чинушами? – отчитала Инна Аню за ее нытье.

– Так они же хитрее меня и юридически более грамотные, – безнадежно отмахнулась Аня.

– ...Одни заводы еле копят, другие вообще стоят. А производственный «караван выстраивается по самому медленному верблюду». И люди лучше не стали. Даже напротив. Раньше существовало негласное мнение: у государства можно красть, а у частника – грех. Например, браконьерствовать на реке можно (все ничейное), но рыбу из чужой сети нельзя брать. Такой вот странный кодекс чести. А теперь и друг у друга воруют.

– Анята, кто на твои пустые углы позарится. Ты для них мелочь пузатая... тощая – засмеялась Инна – А зажиточным и при советах доставалось от уркаганов, если те светились. Так сказать, вор у вора.

– Привыкли свое родное государство надирать и остановиться не могут.

И еще. Сейчас о соборности, об особом пути России вновь стали много говорить, о стремление русских людей работать сообща. Старая песня. Необходимость заставляла людей вкалывать вместе в поле или, допустим, на строительстве. Машин не было. На своем участке для себя человек лучше работает. Там за чужой спиной не спрячешься. Всё на виду, оттого и производительность выше. Не слова, а дела перевоспитывают. Гуртом и дружно только врага бить надо.

– И перед начальниками прогибаться нет необходимости, когда сам себе хозяин. И травить неудобных не имеет смысла, кругом все свои, родные, – съязвила Инна.

– Я обеими руками «за», – сказала Жанна.

– Как была подпевалой, такой и осталась. И ноешь по привычке. Учись изгонять из своих помыслов несбыточные мечты. Ты же противоречишь себе. В один миг хочешь исправить то, что наслаивалось в генах веками или пусть даже десятилетиями? А как же Моисей, водивший сорок лет свой народ по пустыне? Думаешь, к нам это не применимо? Библия – на все времена и для всего человечества.

– Это ты всегда предъявляешь запредельные требования. Высоко и быстро прыгают одни блохи. Окажись ты на месте президента... ох и посмеялась бы я над тобой! – не осталась у Инны в долгу Жанна.

– Эх, вернуть бы в страну всё награбленное олигархами! Кто-то подсчитал, что хватило бы и на безбедное существование народа, и на переоборудование предприятий, – сказала Аня.

– Бабушкины сказки. – Инна обвела глазами притихших подруг.

– Когда ничего особенного не ожидаешь, не разочаровываешься, – раздраженно отмахнулась Аня.

– Готова поклясться, что ты стала законченным пессимистом. Не мешкая, займись своим перевоспитанием.

Инна изобразила насмешливое удивление:

– Жанна, а тебе так не нужно? Не зарекайся.

– Опять против меня ополчилась.

– У каждой из нас есть глупые привычки и пристрастия, от которых мы не в силах отказаться.

– В твоих есть что-то нездоровое.

– Это с твоей «кочки» зрения. – Сказала дерзко, словно бросала вызов.

«Назревает конфликт? Инна не станет спешить гасить искру, подождет, пока вспыхнет пожар. Вмешаться?» – заволновалась Лена.

Но Жанна вызов не приняла, оставила дальнейшие попытки что-то доказать Инне и только ломким, срывающимся, но тихим голосом заметила:

– Природа враждебности в непонимании. Осуждать просто, а ты попробуй уяснить.

– Болтаем, как когда-то на кухнях... Недопустимые вольности произносим и не боимся. Это и есть свобода, – усмехнулась Аня.

Лене сразу мать вспомнилась, ее тревожные оглядки в пустой хате, и отчим, говоривший так, будто обдумывал каждое слово, боясь сказать лишнее. Их до конца дней душил неизжитый страх, придавивший в молодости. Осторожность была одной из главных их черт. Еще она вспомнила административное бессилие отчима как депутата, когда он хотел и, казалось бы, мог, но партийная дисциплина не позволяла. И ведь не много на себя брал. Кувалдой бы тех тогда...

– Жанна, успокойся не принимай близко к сердцу слова Инны. Ей не спится, вот она и пытается всех расшевелить, чтобы было с кем дискутировать, – сказала Лена, чтобы уйти от мыслей о прошлом.

– Болтать легко, а строить, управлять страной, вести правильную внешнюю политику в окружении волков, которые только и хотят обмануть нас, ослабить, чтобы оторвать от нашей страны кусок послаще, ой как трудно, – сказала Жанна.

– Да понимаем мы всё, – вздохнула Аня, – Только нам остается лишь языками работать. Проку-то от нас теперь...

«О Боже! Мне остается застрелиться!» – внутри себя простонала Лена.

20

Некоторое время женщины лежали молча, и было слышно, как ветки растущего под окном тополя тихонько царапают по стеклу.

И вдруг Жанна рассмеялась. Все головы дружно повернулись в ее сторону. Лена даже приподнялась на локте.

– Представьте себе! Иду недавно из магазина и что я вижу? Мужчина в коляске малыша везет. У того во рту соска, а в ручонках телефон! На вид малявке года полтора. Он тычет в мобильник пальчиком и что-то внимательно высматривает на экране! А вы говорите, пропадем.

Женщины откинулись на подушки. Они улыбались.

«Спустили пар», – подумала Лена и прикрыла веки.

*

– ... Я считаю это его проявление совершенно неоправданным. Я трезво смотрю на жизнь. Предоставим селянам беспрепятственно нести свой жребий? – обиженно возмутилась Жанна. – Я до сих пор с болью вспоминаю неослабевающий

гнет серой скудной деревенской жизни, мужественную безропотность, кроткое достоинство, скромное благородство и житейскую мудрость сельских жителей. В них не было и следа холопства, что наблюдала я в городах средней полосы. Они свободно и безбоязненно высказывали свою позицию по любому вопросу. Не могу себе представить людей более чистых и прекрасных. Они как из другой эпохи: добрые, честные, верные. Какой-то внутренний аристократизм в них присутствовал, интеллигентность. Я храню о них самые теплые воспоминания. То были годы, спрессованные из трудных, но счастливых мгновений. Мужчины там колоритные, женщины тихие, мечтательные, терпеливые, домовитые. Но, если надо, то сильные, смелые, упорные. Сколько дивных людей я там встретила!

В молодости я прибилась к ним, но так и не сумела стать с ними в один ряд, сделаться их частью, хотя честно старалась. Видно надо было там родиться. Я терпела их жизнь. Она широкая, привольная – во весь горизонт от края до края все леса, леса, – но беспросветная, красивая, но грубая, жестокая и жалкая одновременно, – призналась Жанна. – Одним необдуманном, решительным поступком я пустила под откос привычное течение своей городской жизни. Мне казалось, счастье само шло в руки. А потом... Оказии не случилось сразу уехать, а позже будто прикипела. Чем-то, видимо, привлек меня их мало обустроенный быт. Нет, я ни о чем не жалею. Все было бы ничего...

Инна прервала ее откровения:

– Приведи себя в чувство. Из-за любви к мужу сжилась с новой ролью? Вы перемешались и переплавились с ним в одно какое-то особое существо? Рядом с Николаем было очень тепло? Ради него готова была взойти на любую голгофу? «Я на кресте своих проблем распята... не отвести возмездия судьбы» за то, что поперек себя пошла... Вся духовная элита страны прошла через лагеря, а ты сама себя сослала туда, где погибал Мандельштам. Сама лишила себя права легко и свободно дышать в привычной среде. Все остальное – не стоящее внимания – в своем сердце преодолела. Умерла для самой себя, для своей мечты. Как ты осмелилась на это? И никакой обреченности? И ведь не выставляла свое героичество на всеобщее обозрение, не поддавалась паническим настроениям. Не сникла, не сдалась. Двадцать пять лет оттрубила в сельской школе, как пригвожденная пахала на педагогической ниве. Честно тянула ляжку. Не своротили беды тебя с выбранного пути, хотя и не обходили стороной. Не совершила постыдного поступка – бегства от трудностей. Героиня! Гордишься? Неподдельный энтузиазм украшал беспросветную жизнь? А любовь к мужу не снижала планку твоего подвига, не убавляла пафоса?

– Не могла я как другие офицерские жены дома сидеть. Увидела, как учительница вела детей на прогулку, что-то вздрогнуло во мне и я поняла: это мое.

– Охотно допускаю. Тут кстати пришлось и образование.

С политехническим, наверное, не взяли бы в школу. Хотя нет... не хватало учителей в деревнях. А разве не грешно умерщвлять свои чувства? Пошевели извилинами: не растратила ли свой талант и душу по мелочам, не занимаясь наукой, не растеряла ли опыт осмысления развернутых высказываний? Ты же была отличницей. Из всех развлечений оставалось тебе привитое в раннем детстве, неизжитое наслаждение читать, да еще собственное пылкое воображение.

Наверняка увлекалась мужчинами, но неизменно остывала, порывала, как только чувствовала возможные оковы. Не позволяла ни себя, ни душу свою трогать грязными руками. Или из-за сплетен разражался скандал? Скажешь, никто не посягал? Сторонилась, отпугивала мужчин, была непрошибаемой? С твоей-то внешностью! Богатая биография была только по части влюбленностей? Но в кого там, в деревеньке... Такая красotka и вдруг чужды муки тщеславия. Не поверю. В чем-то оно должно было проявиться. Что, разоблачила? Сидела-таки занозой в воспаленном мозгу неудовлетворенность, набухала медленной болью? Или после, уже задним числом сожалела об упущенном, мол, зря откладывала мечты в долгий ящик сомнений? Раскаяние и обиды, постепенно накапливаясь, сплавлялись в тяжелый ком. Они всегда накатывают с опозданием. Они же следствие. А надежды всё теплились... Неужели перехлест?

Конечно, скажешь, любила мужа, ничего не требовала, ни на что не претендовала. Мужчины мечтают заполучить

именно такую жену. В отшельничестве и подвижничестве хотела увидеть мир глазами Бога? При твоих возможностях и способностях такая жизнь мало стоит. Когда долго находишься под идеологическим или любовным гипнозом, реальности уже не замечаешь. Что мнешься и ежишься? Я далека от того, чтобы кого-то осуждать за неуверенность и нерасторопность. А ну как не повезло бы с муженьком? Тогда хоть вешайся. Или будь что будет? Что сводишь плечики и сутулишься? Думаешь, буду великодушно хвалить? Хвалящих много, мало полезно критикующих. А я люблю смело и довольно опасно дразнить, дерзить и провоцировать.

Разве ты не замечала, что когда в семье портились отношения, ты чаще влюблялась и «заводилась» с полуоборота. Нет, ты, конечно никогда не изменяла своему заботливому мужу, но сексуальная неудовлетворенность исподволь, независимо от твоих желаний, толкала тебя на инстинктивное проявление внимания к другим мужчинам. Но ты молча страдала. Случай не представился? Не встретила там легкого, раскованного, обворожительного, обольстительного? Не решилась воспользоваться? Ах эти сладкие таинства любви!.. Между сексуальной неудовлетворенностью и влюбленностями существует линейная зависимость. Может, параболическая? А еще она приводит к болезням. Если женщину все устраивает в моральном и физическом плане она не влюбляется, но малейший перекоc ведет к подспудному влечению. Скажешь, я не права? Работой заглушала?..

Жанна обомлела. Она не находила слов и задыхалась...

«Речь Инны – сознательная гнусность? Она просто захлебывается желчью!» – в глубоком замешательстве подумала Жанна.

– Впадать в депрессию из-за каждого несбывшегося желания? «Шла бы ты домой, Пенелопа». – Аня умышленно оскорбила Инну, но та не пожелала услышать издевку.

«Вот ты какая! – удивилась Лена. – Защитить другого – это по-детдомовски. Молодчина».

– А я с головой бросалась в любовь, – усмехнулась Инна.

– И что? – любопытствовала Аня.

– Да ничего. Не находила того, что искала. Разочаровывалась. Мне не везло как Марго.

– Она из многих выбирала, – напомнила Аня. – Не стоила твоя любовь того?

– Сама-то я горела. И это тоже счастье, хотя и неполное. Я знаю, что такое страсть, но мне не хватало обожания, восхищения, преклонения. И чтобы от сердца, а не стандартные фразы. Романтизм никогда не уйдет из женской души. Нет, я, конечно интересна для самой себя, но не в такой же степени, чтобы собой заменить еще и мужчину, – рассмеялась Инна.

– Я честно работала. Я всю себя отдавала. За счет своего личного времени помогала любому, будь то ученик или кто-то из родителей, желающих прояснить что-то в своих знаниях, и считала это нормальным, естественным. И это не ме-

лочь. – Пришедшая в себя Жанна жалким голосом попыталась оказать сопротивление Инниным нападкам.

«Не сумела себя подать. Надо преподносить надлежащим образом, с достоинством, – пожалела Лена Жанну. – Видно в чем-то Инна права, раз так сильно ее смутила».

– Я о другом... о плотском. Религия помогала? Интересно, почему церковь пыталась освободить человека от плотской любви? Чтобы выявить в нем духовное? Чтобы противопоставить человека животным? Чтобы пробудить в нем возвышенную любовь к Богу? – насмешливо перечислила Инна. – А ты свято уверовала в новую концепцию своей жизни. Упрямо, на полную катушку демонстрировала свое уникальное трудолюбие, раздражала коллег безумно серьезным отношением к исполнению своих обязанностей, переживаниями за все происходящее в школе, как компенсацию физической неудовлетворенности.

– Сдвинулась на Фрейде? – пробурчала Аня.

– А что? Может, в чем-то он и прав. Сейчас в среде молодежи наблюдается культ бабла и успеха в карьере. Правда среди них есть те, которые лбом пробивают стены, и те, что за ними подчищают обломки. Но и у тех, и у других секс уходит на второй, а то и третий план. По молодости их устраивают временные связи, они привыкают к ним и в среднем возрасте боятся ввязываться в серьезные отношения, жениться не хотят, излишне оберегают себя от трудностей. Считается, что средний класс предпочитает карьеру и свободу, что

только бедным, низшему классу, нужна поддержка семьи. Но для кого стараются, если не для семьи? Только для себя? Общеизвестно, что без настоящей любви и взаимопонимания в семье больших успехов не достигнуть. Семья – главный стимул побед. Но в молодости часто успехом считается то, что в зрелом возрасте таковым уже не является, – продолжила «выступать» Инна.

– Вспомни классику. Любовники всегда были бездельниками, праздными людьми, себялюбцами, – заметила Аня.

– Теперь эти свойства ушло в народ, – пошутила Жанна.

– Моральная планка сильно снижена. Собственно, мужчины всегда предпочитали свободу, – заметила Инна. – А если и женщины захотят свободы?

– Рождаемость в масштабах страны сильно падает. И Западная Европа бьет тревогу, что белое население вымирает! А тут еще эти порносайты, куклы вместо женщин. Безопасно и доступно! Науку страсти юнцы по фильмам изучают. И «травоядные» мальчишки меньше интересуются сексом. У мужчин красивые прически и бороды вместо мускулов и безразличие к сексу. Его им заменяют планшеты, гаджеты. А сколько молодых людей после двадцати пяти лет живут с родителями! – Это Аня поддержала Инну. – Я где-то прочитала, что к две тысячи сотому году численность населения нашей страны уменьшится вдвое. Кто будет защищать и осваивать нашу страну?

Вопрос был задан риторический.

– Сейчас дочери наших знакомых рожают детей в браке, но потом, по сути дела, растят их в одиночку и подчас без алиментов. Получается, как бы поневоле. А захотят наши внучки иметь детей, заранее зная, что их мужчинам, с которыми они живут в гражданском браке, они не нужны? – спросила Аня.

– Так не будет детей, – ответила Инна. – И все же я вернусь к началу нашего с тобой разговора. Усложню задачу. Еще ты, Жанна, страдала из-за неиспользования огромного багажа полученных в университете знаний, от не сбывшихся мечтаний о научной карьере.

Зашибись! Вообще-то я соглашусь с тобой, с твоей ослиной упертостью – звучит? – и с добросовестностью, и с отсутствием претензий на что-то большее... Неудивительно, что в твоём лице непреклонная решимость. Больше некуда было тратить свободное время? Я наблюдаю глубоко коренящуюся в твоём мышлении убежденность в правое дело... которое уводило тебя в удивительно нереальную страну чистых иллюзий...

– Коля был коммунистом и считал: «Родина послала – обязан ехать». Да, мы ехали в темную, но я поддержала мужа: «Обязан». Свободное время! А семья и домашние заботы? Это ты у нас вольный казак. Счастье в работе, если ты ей предназначен, в семье и детях.

– «Всё людям и ничего себе»? Нашла способ оправдаться. И ничто внутри ни разу не дрогнуло? Не бог весть, ка-

кие мудрые слова, но что-то завлекающее в них есть. Только надевать ярмо имеет смысл ради чего-то высокого. В твоём же поступке я увидела не величие, а недалекость. По моим меркам поступок твой идиотский. И расплатилась ты за него сполна. Небось, и в городе, где теперь живешь, до сих пор бесплатно вкальываешь на общественной ниве? Не сползла еще позолота с твоих розовых мечтаний. Нет конца твоим... детским фантазиям о коммунизме. Это же анахронизм. Ну да, ты же привыкла быть... собой и... особой. Сдается мне, твоей вере и надежде стоит воздвигнуть памятник на главной площади той деревни, где ты обреталась в молодые годы. Сегодня даже школьникам в голову не придет задарма работать, не то что студентам. Теперь даже у малых детей в голове: «А что я с этого буду иметь?» Это раньше таких как ты «энтузизистов» было как собак нерезанных... Хотя не думаю... Теперь уж поостыла? Да? Ты не Аня.

Сказала бы проще: так сложилась. И нечего мозги людям пудрить. А я никогда не впадала в раж от лозунгов и на угрозы не поддавалась. И вся моя общественная работа сводилась к тому, что я «поливала» и клеймила дураков, бесплатно подряжающихся работать за лодырей и блатных... С меня было довольно того, что на работе нам не доплачивали. И в массовых сборищах я не участвовала, оставалась индивидуальностью. И теперь, когда возможны провокации, разжигаемые внешними силами, я своим внучатым племянницам тем более не советую ввязываться во всякие буйные истории,

беречь свою репутацию и выстроенную родителями самость. Причины моего поведения разные, но суть одна: быть верной себе и стране.

– Инна, зачем тебе понадобилось подогревать интерес к моей персоне?.. Или к себе?.. – спросила Жанна.

Лена сквозь муть полудремы не доходил полный смысл слов подруги, но интонация ей не нравилась, и это провоцировало ее на трудное, но окончательное пробуждение.

21

– ...Вульгарно звучит. Привычно замахнулась на коммунистическую идеологию. А как же БАМ?.. Сначала меня терроризировала, теперь Жанну избрала мишенью для своих шуток? Пристала как репей. И все-таки что-то у тебя не сходится. Сама-то ты вкалывала будь здоров! Наслышана.

– Хочешь подключиться к процессу критики? Надеешься уладить ситуацию? – оглянулась на Аню Инна. – Тогда сначала припомни строки из Константина Симонова: «И на этом свидании с прошлым до былой слепоты не унизимся».

– С чего рассвирепела? – опять осторожно начала Аня. – Не пойму тебя, хоть тресни... Так бы и звезданула!

«Пиковая ситуация. Ох, сорвется Жанна. Вдруг случится непредвиденное: с ней плохо станет? Вон как побледнела. Могу себе представить...» – заволновалась Лена. Но не успела вмешаться.

– Не тебе, Инна, говорить пакости, и не мне их слушать, – отрезала Жанна.

– Не свихнула себе челюсть от ора? – коварно поинтересовалась Инна, продолжая науськивать Жанну на ссору.

«Откуда в Инке такая предвзятость? Душу выматывает. Прекрасно справляется с ролью «поджигателя войны». Ей бы попытаться взглянуть на себя со стороны... В Инке говорят застарелые личные обиды? Пары зла так и клубятся вокруг нее. А начинался разговор вполне невинно, – пришла в смятение Аня. – Черт дернул Жанну за язык полезть к Инке со своими откровениями, ведь имела случаи убедиться в ее бессердечии. У нее же кавардак в голове... Не пойму, Жанна предмет или все-таки жертва ее шуток?»

– Хотела мужа осчастливить или была верна мечте своей юности – радеть за народ? Какое четко обозначенное пристрастие! Тогда честь и хвала тебе. Я с полной мерой уважения... (Иронизирует или всерьез говорит?) Хотела всех нас не просто удивить, потрясти! Это стимулировало и толкало выбрать неординарное решение или решила с себя снять всякую ответственность за будущее? Эту версию тоже нельзя сбрасывать со счетов? Сколько вариантов!

– Дай бог мне это вынести, – изменившись в лице, пробормотала Жанна.

«Какой зловредный ум. Яда и острословия Инне не занимать. Это болезни в ней говорят», – подумала Лена, а вслух, чтобы остановить Инну, тихо заметила:

– В мире людей не каждому под силу быть человеком.

И тут, будто не услышав Лену, Жанна неожиданно резко

и нервно, но как-то сдавленно, вскрикнула:

– И когда это мужчины что-то решали в наших делах?!

Это прозвучало столь неожиданно, что Инна удивленно вскинула брови: «Вот это откровение! Казалось бы такая спокойная, корректная... И Лена озадаченно округлила глаза, но промолчала, боясь завести Инну. Она жалела ее, зная, что с возрастом и по причине нездоровья, сила духа подруги обратилась в обычное упрямство, а чувство юмора – в желчную иронию безысходного отчаяния.

Некоторое время все молчали, избегая встречаться взглядами. Аня первая очнулась и решила грубостью предварить возможное продолжение Инниного «выступление», как реакцию на слова Жанны.

– Прикуси язык. Ни слова больше, – «осадила» она молчавшую Инну. – Все-то у тебя с вывертами и со шпильками. Тебе уже пристало думать о Боге, а ты все воду мутишь, чертей в ней будоражишь. В нашем детдоме, таким как ты, говорили: «Закрой поддувало».

«А Инна здесь причем? Совсем осмелела Аня, – подумала Лена. – Видно отсутствие большой аудитории придаст ей сил. Только не понимает она, что дурной, взбалмошный, непокорный характер у Инны от того, что она вечно собой недовольна. А тут еще в ней больно зудит трагедия несостоявшейся женщины. Давит на нее, как мрачные стены и низкий потолок холодного подвала. Не сумела она в себе укротить или хотя бы законсервировать эту боль. Но молчит,

внутри переживает, не хочет, чтобы ее жалели... Да и пустое все это ее злословие. Так, гимнастика ума. К тому же не может она справиться со своей стихийностью. Слабая совсем стала. И в этом трагикомизм ее поведения. У каждого свои нелепости в характере. Надо знать Инну: не терпит она возражений. Не стоит всерьез воспринимать ее выпады. Это надо почувствовать сердцем, кишками. Тогда и простить можно. Я еще в детстве перебрала и испробовала всевозможные варианты, пока нашла к ней ключик».

Неожиданно Жанна сказала с неизмеримой грустью:

– Любила вот и была рядом. И нисколько не жалею.

И улыбнулась с какой-то застенчивой доверительностью:

– Кому радость ума, кому радость чувств.

– Писатель Григорий Бакланов говорил: «Женщины – это лучшее, что есть на земле. Если бы все мужчины это понимали», – сказала Аня.

– Хорошие и умные мужчины все наперечет, – усмехнулась Инна. – Думаешь, Бакланов брешь пробил в мужском сознании? Слабое нам утешение. Кто-то из великих сказал, что русская нация всегда была сильна женщинами. И это не комплемент нашим мужчинам.

У Лены комок подступил к горлу. Свое вспомнилось...

– Владимир Вишневской правильно написал: «В жизни любящий платит всегда», – вспомнила Жанна.

«Сказала, чтобы лишний раз изведать особую «прелесть» горькой сладости прошлого?» – каверзно подумала Инна. И

вдруг вспомнила недавний вопрос Ани: «Куда бы ты, если бы могла, вернулась в свои последние годы, в старости? Может, в детство?» «Туда, где мне было легко и радостно, – ответила я ей. – Но такого времени в моей жизни не было. Если было легко, то не очень радостно, а если и радостно, то очень трудно. Наверное, и само во многом виновата... Как бы удачно ни сложилась карьера... женщина должна быть прежде всего счастлива в семье. Не знала я и надежного детского счастья: вселенской радости от любви «предков». Некуда мне возвращаться. Останусь там, где прошла большая часть моей жизни, там куда я больше всего вложила души и добра». А потом с усмешкой добавила: «Вот раздам последние долги и отправлюсь с отчетом к Всевышнему».

– На сегодняшней встрече у наших девчонок был один лишь главный вопрос: что такое любовь и как с ней бороться, – пошутила Аня.

– Любо-дорого смотреть на тебя такую, – улыбнулась Лена. Но подумала она об Инне.

Резкая боль в области висков на время отвлекла ее от беседы.

– ...Помнится, одна твоя шутка стоила мне вывиха коленной чашечки, – засмеялась Аня.

– Да ну тебя, вспомнила! Той истории сто лет в обед и двести в ужин, – сердито засопела Инна. – Надо же было так случиться, что я...

«Ночные разговоры звучат как полусонный бред, – вяло

скользнуло в голове Лены. – Что-то муторно мне, колики в груди и вообще...» И она снова впала в тяжелую дрему.

– ...И за какие такие грехи твоего благоверного задвинули на Дальний Восток в почетную ссылку? Он у тебя бывший военный?

– Сам напросился. Окраины необходимо осваивать.

– Ого!

– ...Не снизошла на тебя, городскую, сельская благодать. Ты только по касательной соприкасалась с селянами, – увела беседу на прежнюю стезю Инна. –

Я бы деру дала, убежала бы без оглядки, так, что за хвост не поймать.

– Провоцируешь?

Лена настороженно глянула в сторону Инны.

– Разве я сболтнула лишнее? – дернулась та.

– Отчасти ты права, – сказала Жанна. – Мне до конца так и не стали понятны мотивы их поведения. Почему они с тихим упорством цеплялись за... эту скудную жизнь? Может, это у них генетическое? Меня там постоянно жестоко мучил нестерпимый культурный голод, какая-то тяжелая безнадежность... Конечно, я была двужильной, но и изнурительная работа не спасала... Я тосковала. Отправляясь за мужем в деревню, я была далека от мысли, что это геройство будет стоить мне лучших лет жизни. Но если бы снова понадобилось...

Инна не захотела услышать ответ Жанны. Побоялась, что та озвучит что-то примитивно-пошлкое или избыточно-пафосное, и прервала личную направленность рассказа Жанны:

– На Западе сельским хозяйством занимаются три процента населения, и мы к тому же идем.

– Ты уверена? – рассмеялась Жанна, словно сочла эту мысль нелепой.

– Вера есть, уверенности нет, – отшутилась Инна.

– Я бы первым делом сельское хозяйство стала развивать и весь мир кормить. Вещи мы не часто покупаем, а есть каждый день хочется, – заметила Аня.

– И еще военную промышленность, – подсказала Инна.

– Но меня все же больше волнует другой вопрос. Почему в семьях вместо того, чтобы жить дружно партнеры борются за лидерство, – совершенно неожиданным образом продолжила свою мысль Аня.

– Этот вопрос тоже стратегический? – вновь подколола Аню Инна. – Причин тому море. Устроить тебе ликбез? Во-первых. «Я назову тебя солнышком, только ты все успевай». В этом весь наш российский мужчина, – с мрачным удовлетворением в голосе отметила Инна. – Между прочим, я слышала от подруги – она живет в Риме, – что итальянские мужчины не менее забалованные, чем русские. Она права?

– Похоже, некоторые из наших мужчин этот стих понимают слишком буквально, – утвердила Иннин тезис Жанна. –

Но не на всякий морально-этический вопрос можно ответить однозначно. Тогда жилось бы очень просто. Это тебе не физика с математикой. Даже в природе масса исключений и отклонений от нормы, – попыталась увильнуть от прямого ответа Жанна. – Есть лебеди и волки, а есть более примитивные особи. И что прикажешь принять за норму?

– Неподражаемая! – усмехнулась Инна. – Состояние влюбленности – это же счастье. Зачем же себя лишать его?

– Я не лишала.

– Но ты же чувствовала укор себе, глушила это чувство, потому что замужняя, потому что бабушка тебе говорила, что измена в мыслях, тоже измена. Или для тебя все же главное: не нырять в чужую постель?

– Каждый должен раз и навсегда решить, что для него важнее: семья или увлечения? Я выбрала семью, детей. Всегда приходится чем-то жертвовать. И в мелочах, и в крупном. Как же иначе?

– Ну да, привычная отсылка к брачной норме, – хмыкнула Инна и накрылась с головой простыней. И уже через нее пробурчала:

– А я вывожу из подсознания комплексы мужчин и лишаю их ореола привлекательности.

22

– ... Что гениям позволительно из того, что нельзя обыкновенным людям? Что им можно простить? Ведь они сами – исключения из правил, – неожиданно спросила Аня. – Кого

считать гениями, кого просто талантливыми? Где проходит граница? Талант – это, прежде всего, умение подчинить себя одной идее, еще своеобразие, уникальность, а гениальность – это... шизофрения...

– Ну и вопросыки у тебя. Переадресуй их Лене. Нет у меня ответа. Гениев мало, они не делают погоды в общей картине морали общества, зато вносят огромный вклад в его построение, развитие и сохранение. Наверное, они все-таки могут немного выходить за рамки общепринятых условностей. Шизоидные крайности не будем рассматривать, – небрежно ответила Инна.

– А начальники?

– Я отношу их к обычным людям, обязанным чтить моральный кодекс. Рыба гниет с головы. Их поведение на виду. Любой подчиненный скажет, мол, им можно, а нам нельзя?

– Но начальники так не думают. Человек слаб. Красивая жизнь привлекает и затягивает.

– Не всех. Потому-то еще держимся на плаву.

– ...Понять предательство можно, но простить нельзя, – сказала Аня.

– Прощать трудно, но надо. Хотя бы для себя, чтобы камень с души снять. Запомни, у любви нет выше права, чем прощать и забывать, – процитировала Жанна. – А в остальном люди вверяют себя Богу.

– У любви другое главное назначение: любить! Нельзя

прощать стойкого подлеца! – разозлилась Инна. – Я себя вверяю друзьям и родственникам. Правда, с возрастом друзья, как и враги один за другим уходят...

– У Риты и Эммы случаи из ряда вон выходящие? Я так не думаю.

– Они далеко не таланты. Что о них думать?

– Как ты считаешь, дети простили Федора? – спросила Аня.

– За его невообразимо ненасытную страсть к сексу? – уточнила Жанна.

– Нет, к лести, – рассмеялась Инна. – Сын процентов на восемьдесят, дочь, я думаю, не больше, чем на двадцать. Эмма, пока была здорова, никогда плохо о муже не отзывалась, как бы ни накалялась атмосфера в ее семье. А после операции доктор посоветовал ей чаще открываться, чтобы снова не попасть в больницу или того хуже... Вот она иногда и позволяет себе быть откровенной даже при детях. Они уже взрослые.

– Только любовь показывает, кто из нас чего стоит.

В трудностях проявляется человек, – сказала Жанна.

– Если бы то же самое сказал кто-то другой... Жанна, освободи меня от необходимости вдаваться в подробности, а то я такого наговорю! – раздраженно передернула плечами Инна.

– Вот говорят, материнская любовь всё примет, все стер-

пит. А как же Эммина и Лилина свекрови? – спросила Аня.

– В семье не без урода. Они просто не хотели признавать права невесток на своих сыновей, – усмехнулась Инна.

– Просто?

– Какая ты серьезная! Расслабься, иначе ночью тебе приснятся страшные сны. Самые счастливые на свете люди – дураки. Время от времени надо освобождаться от серьезности, выходить за границы взрослости и резвиться, как это делают дети. Знаешь зачем люди ходят в цирк? За своим детством! И запомни: не зря говорится в народе: «Свекровь пьет чужую кровь». Наверняка ссоры их сыновей с женами служили им отличным антидепрессантом, – рассмеялась Инна. – Бернард Шоу сказал: «Нет любви более искренней, чем любовь к еде». О ней и думай.

– Не можешь не опозлить даже самое святое, – рассердилась Аня.

– Притча мне припомнилась. Дед рассказывал. «Лежу я на печке – маленьким тогда еще был, – слышу, дядька мой заходит в комнату и говорит бабушке, мол, уйду я от жены. А та в ответ ему: «Баба – корень семьи. Какую кость выбрал, ту и грызи. Настрогал детей – расти». Тогда не говорили, что чувство собственного достоинства изрубили в мужчине, потому что правильно его понимали: прежде всего, как ответственность за семью. И перед иконой клялись: буду любить и в радости, и в старости, и в болезни. А теперь некоторые мамы говорят сыновьям: «Гуляй, другую жену всегда най-

дешь». Вон Зоина... И ведь не забубенная старуха, просто глупая, хитрая, упрямая, вздорная и самодовольная. Крыша от нее едет.

– Злыдни. Нельзя в семью пускать таких «советчиков», – сказала Аня.

– Так сами влезают. Не выгонишь.

– «Прогресс» и сюда проник.

– В развитии семейных отношений нет прогресса, но есть вершины.

– Какой уж там прогресс, если нынешние человеческие отношения загрязнены хламом новых и давно устаревших понятий. Это как применение современных технологий без очистительных устройств.

Вот я и думаю: стал ли человек от всех своих открытий века добрее? Среди стариков ходит шутка: «Телефоны стали лучше, а люди мельче», – сказала Аня.

– Галин внук спросил: «Как вы обходились без компьютеров и телефонов?» И я ответила: «А как вы без книг, без сострадания?» Целую лекцию ему прочитала, – сообщила Инна.

– Насчет того, что люди стали добрее – не скажу, но что счастливее – это уж точно.

– Счастливее из-за комфорта?

– Хочешь в семнадцатый век? Ни дорог, ни электричества.

– А счастливыми люди и тогда были.

– Нет, лучше отправиться в монастырь своей души, – отреагировала Жанна.

– В чем-то выигрываем, в чем-то проигрываем... Я почему-то мою коллегу, учительницу литературы Лидию Ивановну Дорохову вспомнила, как она с мамой и сестренкой из блокадного Ленинграда в поезде ехала. Ей тогда полтора годика было. Малышку уже сочли умершей. Матери предложили на остановке помочь похоронить дочку. Но она не согласилась. Не могла от сердца оторвать. Сказала, что сама на следующей остановке похоронит. Выменяла она свою плюшевую, очень модную перед войной, куртку на стакан воды и дочка ожила. Она от обезвоживания в кому впала, омертвела. Во то было настоящее счастье.

А за полгода до отправки в эвакуацию, на «Большую землю», собирали люди на улицах и в домах оголодавших детей и отвозили в лагерь, по типу пионерского, чтобы там их подкормить и уберечь от обстрелов. Но Лидочкина мама не отдала своих девочек. И вдруг... в этот лагерь бомба попала. Видно судьба Лидочке дана была выжить. И находилась она в руках и в сердце ее матери. Разве рядом с такой мамой мог вырасти плохой человек?.. Господи! Хотя бы больше не было войны, – вздохнула Аня.

– ...Не влияет развитие науки и техники на нравственность. Ее развитие или деградация идет своим, отдельным путем.

– Ползет, – фыркнула Инна. – Будем повторять истмат и диамат?

– Не стоит, – пробормотала Аня.

23

Интересное наблюдение: когда женщины делают мужчинам комплементы, то первое что приходит в голову мужикам – даже самым умным, – что они нравятся или что в них влюблены. Услышат похвалу и тают, и «текут»... А ведь часто женщина, говоря комплемент, просто отмечает в мужчине качества, которые ей импонируют. Женщине просто приятно видеть умного человека и ей доставляет удовольствие говорить ему об этом. Уважает? – да, обожает? – возможно. Но причем тут влюбленность, любовь или тем более постель? – Возмутилась Аня.

...Встретила Илью, поболтали всласть. Я пожелала ему сто лет жизни. А он мне ответил: «Хватит девяносто девяти». Я спросила: «Почему?» «Чтобы говорили, что безвременно ушел», – рассмеялся он довольный собой. Хороший мужчина. С такой жадой жизни! Жаль, что не постоянный.

...Я опростоволосилась. Поздравляла ветерана Виктора Николаевича Климова – ты его знаешь – с девяностолетием, по стандарту пожелала дожить до ста лет. А он шутливо возмутился: «Зачем ограничиваешь мой срок? В моей родне все мужчины больше ста жили!» И весело добавил: «Годы, прожитые после средней продолжительности жизни – это наша «месть» пенсионному фонду за тех, кто рано ушел». Не знаю

человека, который в девяносто излучал бы столько безграничного счастья и яркой позитивной энергии.

...Какая прелесть! Теперь можно спокойно сидеть дома у компьютера, получать работу и отчитываться о ней, так сказать, «не отходя от кассы». Это называется «работать по удаленке». И офисов не надо. – Это Жанна восхитилась.

24

– ...Помню нашу первую встречу. Ты вошла в класс вся такая бестелесная, неземная, с огромными грустными голубыми глазами. Я сразу почувствовала в тебе что-то необычное, божественное, нереальное, какое-то ненасильственное магическое обаяние. И ты заняла в моей судьбе прочное, стабильное, только тебе предназначенное место.

– Смешная была. Ноги такие же худые как руки. А тебе вообразалось и мечталось... Нам обоим не хватало внимания, понимания, доброго участия и мы нашли его в нашей дружбе.

– А летом были добрые чистые дружеские объятия, прекрасный мир вокруг нас: цветущий луг, тихая речка... Гармония в душе и в природе, – вспомнила Инна. И улыбка замерла у нее на губах.

– ...Я рассказываю тебе, эти подробности лишь затем, чтобы ты была снисходительнее к шалостям внуков и не долбила их за малейшую провинность. Это может отрицательно отразиться на психике детей и на всей их дальнейшей жиз-

ни, – сказала Аня.

– Охотно соглашусь с тобой, – ответила Жанна. – Я достаточно властная в семье. И с внуками не дрогнула. Но это касается только важных вопросов. Балую и ласкаю я малышкой теперь много больше, чем своих детей.

– ...Мне до сих пор грезится страна детства, наполненная чудесными предвкушениями. Сидишь, бывало на корточках перед грубкой, на огонь смотришь... мечтаешь, со своей планеты перескакиваешь на другие... У каждого было любимое место «обитания», допустим, секретный шалаш в лесу. Мне и теперь кажется, что личность рождается в детстве, в глубинке, в деревне, на печке, в созерцании.

– Отправляй малышкой на лето в деревню. Этого достаточно.

– Теперь и в деревнях электричество, газ. Если только на хутор, на лесную заимку...

– Тоже сойдет.

– А мне и не мечталось... Тяжело было, – вздохнула Аня. – В детдоме я воспринимала мир людей трагически, считала его равнодушным, безразличным и даже враждебным, а став старше, сумела от него закрыться. Но ощущение хрупкости жизни и обостренное восприятие несправедливости осталось на всю жизнь.

– Все мы такие.

– Не то слово!

– До сих пор, периодически грустные картины всплывают

в моей голове., никак не могу уйти от памяти детства. Разве такое забудешь? Слишком глубоко оно сидит, не истребишь. Мой коллега, который на пятнадцать лет меня моложе, как-то сознался, что почти ничего не помнит о школьных годах, а о дошкольных и того меньше. Потому что никаких потрясений не знал?

Лена грустно-ласково взглянула на Аню. Но та решительно запротестовала:

– В твоём раннем детстве не было поистине прекрасных лет, какие достались мне, поэтому ты счастьем считала даже короткие моменты радости. Разве можно ждать того, чего не знаешь? А я на контрасте жила.

– Человек с рождения запрограммирован на счастье, поэтому он всегда подсознательно его желает. И это непреложная истина, – ответила Лена. – От разговоров о детстве мне запах послевоенного черного хлеба почудился. Инна, ты помнишь пятидесятые годы? Хлеб развесной по три рубля буханка...

– У нас она ковригой называлась, – не спросившись, вклинилась Аня. – Такая большая, тяжелая, пахучая.

– Плохо пропеченная. Вкус детства: черный хлеб с солью и чесноком! А если еще и сальца бабушка-волшебница даст отведать... – Инна улыбнулась. – Очереди с ночи. А назад, если повезет, идем счастливые... самым коротким путем через лес, луг и речку... Сетки-авоськи с хлебом за спиной. Обнимемся и песни орем, хохочем! Прекрасные, невозврат-

ные, безгрешные часы!

В этот момент у Инны было уступчиво-мягкое мечтательное выражение лица, знакомое только Лене.

– Я в очереди от запаха хлеба чуть в обморок не падала.

– Благодородная городская и нищая деревенская бедность! – скривила губы Инна. – Тогда ты еще после детдома не окрепла: чахлая была, для деревенской жизни непригодная, личико бледненькое, тощенькое. Не досталось тебе розовощекого детства... А духом сильна была. Жить чужой милостью и суметь сохранить достоинство – это очень много!

Инна села на край матраса, скрестив свои точеные ноги и опустив голову на колени, и замерла, словно пораженная какой-то неожиданной мыслью.

– Да ладно тебе. Можно подумать, ты каждый день конфеты ела. Детдом больше в моральном плане труден. Не так, чтобы больно и обидно... горько было. А еда? Да Бог с ней. «Был бы хлебушко», – говорила моя любимая няня.

«Подруги готовы поддержать любую тему? А мне не хочется вспоминать свое детство», – подумала Лена, пряча в подушку разрываемый зевою рот и ожесточенно растирая «замороженные» виски.

А Жанна вспомнила, как тетя рассказывала ей, уже взрослой: «На фронт попросилась. В деревне голодно было. Боялось не выжить. А в армии снабжение было хорошее». И я тогда подумала, что те, которые остались в колхозе, еще больший подвиг совершили. Как странно работает подсозна-

ние! Не поймешь, почему оно в данное время подбрасывает нам ту или иную информацию? Будто напоминает, чтобы не забывали.

Инна неожиданно громко расхохоталась.

– Вспомнила что-то веселое? Расскажи, – попросила Жанна.

– Я выпускной экзамен по русскому языку в четвертом классе вспомнила. О нем тогда вся школа шушукалась. Но это не моя, Ленкина тайна.

Жанна умоляюще посмотрела на Лену. И Аня к ней присоединилась. Лена вздохнула, но согласилась.

– В нашем классе был не простой экзамен, а открытый урок для учителей всего района. Диктант мы писали. И вдруг Анна Васильевна читает: «Характер местности...» Я удивленно шепчу сама себе: «Странно, у людей бывает характер, а у местности – рельеф». И тут одна женщина, которая ближе всех от меня сидела, как зыркнет на меня злющим взглядом, так меня аж мороз до кишок пробрал. И похожа она была на мою городскую учительницу: такая же красивая, немолодая, крупная, черная и страшная как бизон. Ну и торкнуло меня в макушку... Подхожу я к ней и говорю: «Нельзя учительнице быть такой злой. Дети должны вас любить, а не бояться. Была у меня в городе похожая на вас. Завучка. Дети от нее каждый день плакали. Мы ненавидели школу, ненавидели книги, тетради. Она отбивала у нас желание учиться. Мы

мечтали только об одном, чтобы поскорее закончились эти проклятые уроки. Я хорошо читала и считала, но ненавидела саму атмосферу в классе. Мне было жаль испуганных задержанных одноклассников. Я все время сравнивала эту учительницу со своей первой – доброй старушкой, вспоминала, как любя ее, сидела в классе на всех дополнительных занятиях, глаз с нее не сводила...

Некоторые дети стали пропускать занятия, кое-как делать домашние уроки. (Все равно бизониха больше тройки не поставит.) И я была в их числе. Брожу, бывало, по городу и думаю: «Смогу ли выдержать целых три года? Чему научусь? Не свихнусь ли?» Понимала, что убегать с уроков – не выход из положения. Деду пыталась растолковать мою беду. А он отвечал, что если я буду хорошо учиться, то у меня наладятся отношения с учительницей. Я возражала, что читаю лучше всех в классе, а она мне ставит тройки за то, что я защищаю детей, делаю ей замечания за ее грубость, говорю правду в лицо. Дед сердился, говорил, что взрослым нельзя указывать. «А издеваться над детьми им можно? А если взрослый человек станет бить ребенка, вы промолчите?» – негодовала я. Как я обрадовалась, когда узнала, что скоро уеду из города и, наконец-то, покину эту проклятую школу! Я очень сочувствовала одноклассникам и думала: «Сколько детей уже погубила наша завучка и сколько еще угробит, пока уйдет на пенсию?» Я хочу, чтобы все учителя понимали и любили детей как моя первая учительница и наша Анна

Васильевна.

Анна Васильевна, простите меня за то, что я прервала урок. Я знаю, что мне дома сильно влетит за это, но я вытерплю, потому что считаю, что урок можно продлить, а вот если я промолчу, то всю жизнь буду ругать себя за трусость. Мне кажется, что сегодня все присутствующие здесь учителя задумаются над моими словами. Наверное, среди них нет таких злючек, какая была у меня в городе, но все равно всем полезно услышать мнение ребенка, хотя у нас не принято давать детям высказываться, будто они не люди вовсе, а какие-то бессловесные щенята, которых надо дрессировать. Анна Васильевна, простите меня. Надеюсь, вам за меня не достанется».

Речь моя была выстраданная, выверенная, ранее многократно прокрученная в голове.

В звенящей тишине я села за парту. Анна Васильевна посмотрела на часы и спокойно продолжила диктовать. После экзамена я боялась идти домой, но об этой истории никто не вспомнил, будто ее и не было.

Подумав, я сообразила, почему Анна Васильевна не прервала мою «речь», хотя лицо ее покрылось красными пятнами.. Она была умной женщиной, у нее своих детей было пятеро, потому-то и поняла, что строгостью меня не остановить. Я стану защищаться до упора, до истерики. Она не могла допустить скандала. А учителям наверняка сказала, что я девочка особая, без тормозов.

Знаете, я и теперь не жалею о той вспышке откровенности, – сказала Лена.

*

– Не любила я нашу зачуханную деревню. Помню, нравилась она мне год от года все меньше и меньше. Если бы не ты, бросила бы школу... и поминай, как звали.

– Вовсе не зачуханная. Ты не видела умирающих деревень. Тебе после Ленинграда любое сельское поселение казалась глухоманью. В нашей деревне люди последним делились, – возразила Инне Лена.

– Так то же после войны.

– У нас даже земля была особая, добрая. Воткнешь в нее свежесрезанную палку, глядишь, неделя-другая – и деревце зеленеет. Меня это поражало и восхищало. Знаешь, через сорок лет после окончания школы приехала, а там все то же самое... Сердце нестерпимо заныло: что будет через сто лет?.. А тут перестройка. И деревня наша будто расцвела. Съезди, посмотри!

– ...А девчонкой ты своевольничать любила. Деревенская жизнь этого не терпела, – с улыбкой напомнила Лена подруге.

– Что правда, то правда. Слоняюсь бывало по дому, изнываю от скуки и безделья... В охотку день-два повожусь на огороде и бросаю. Быстро надоедало.

– Баловала тебя бабушка. Отчим всё больше налегал на

водочку. Его отношение к тебе было более чем прохладное. А напрасно. Мог бы тобой заняться. Как он тебя воспитывал? Говорил: «С наше поживешь – поймешь?» А ты ему: «Я сейчас понять хочу». И со всем своим юным презрением к нему... А мать за хворостину бралась, чтобы привить уважение к старшим. Чему они могли научить, изредка наезжая в гости? Вот и возникали чрезмерные неадекватные методы воспитания и твоя соответствующая реакция, – усмехнулась Лена. – Ладно, спишем недостатки на недопонимание между поколениями.

– Трудно приживаются городские в деревне. Вот и ты уехала, – заметила Инна.

– Так ведь за мечтой.

– И за счастьем.

– Меня вокзалы как-то особенно волновали. Душа к неведомому и красивому рвалась. Людей любила разглядывать, их судьбы пыталась расшифровывать.

– А я как, бывало, вернусь из мечтаний на грешную землю, так нет-нет да и выскользнет из души темное, мрачное, а то и мерзкое... С трудом пересиливала себя, – нехотя бросила Инна в пространство комнаты. – Я не при делах, но всегда во всем виновата...

«Специфическая у нас компания. Там ли я, с теми ли я, среди физиков или психологов?» – усмехнулась про себя Лена.

– В моей городской компании я с прискорбием замечала,

что некоторые дети к животным относились лучше, чем к людям. Это не укладывалось в мое понимание.

– Животные не пакостили, назло ничего не делали. И если их любили, верными были до гроба.

– Человек всегда чем-то недоволен в своей жизни, все ждет чего-то нового, особенного, – увела Жанна разговор подруг с грустной дорожки. – Все мы спотыкались, падали, сожалели о своих ошибках, поднимались и снова шли вперед. Мы всегда искали что-то новое, чтобы расти, не застаиваться. Были созидателями своей жизни.

– Дули на воду и упорно стояли на своем, – рассмеялась Инна.

– Как мы были счастливы в своей юной студенческой наивности, в праведном гневе, в безграничном стремлении сделать весь мир прекрасным! – улыбнулась Жанна.

«Не было тоски от повседневности», – хотела добавить Инна, но промолчала, чтобы не смазать картину всеобщей кратковременной эйфории.

– Не забыли, как из цветных лакированных обложек журналов делали бусы? Разрезали их на полоски, скручивали в рулончики и нанизывали на нитку. Эти самоделки казались нам верхом совершенства! А современная молодежь украшается тяжелыми как вериги цепями, – напомнила Инна.

– Это нормально. Они имеют право быть другими, – сказала Аня.

– Живя в деревне, я не догадывалась, что и при социализ-

ме некоторые люди могут быть богатыми. Надежно застряла в моей голове теория равенства. На втором курсе – это было уже в Москве – я как-то из любопытства зашла в ювелирный магазин и впервые задумалась: «Кто же эту роскошь покупает и носит?» Потом в шикарный мебельный магазин заглянула. И опять нищей себя почувствовала... и словно прозрела. Было сильнейшее, но кратковременное впечатление от осознания чего-то ранее запретного. Оказывается, есть где-то рядом непривычная, ни на что не похожая жизнь с истинно буржуазным шиком? А у нас в деревне трудно было даже ситец «достать», не то что платице готовое купить. В то время я вслед за актрисой Раневской могла бы повторить: «Я умру, но никто так и не узнает, что у меня был вкус». И, тем не менее, жадного желания все это иметь не возникло. Крепко сидело во мне внушенное с детства: «Главное быть порядочным человеком, получить хорошие знания и трудиться на благо Родины. А вся эта роскошь никчемна и губительна. Она – неблагожелательная глупость». Помню, меня уже в зрелом возрасте удивляли люди, занимающие с ночи очередь за какой-нибудь золотой побрякушкой. Не хлеб ведь! – поделилась Лена.

«Оказывается и у безупречной Лены могли быть заблуждения. А я была не против получить в подарок что-либо этакое, да охотников дарить не встретила», – усмехнулась Инна и потянулась за печеньем, лежавшим на тумбочке у ее изголовья. Изловчившись, она достала пачку и с аппетитом за-

хрустела.

Жанна улыбнулась и неохотно призналась себе: «Я тоже не против красивого украшения».

– Не налегай на сладкое и мучное. Фигуру испортишь, – шепнула Аня Инне.

– Мне теперь все можно, – не сдержав в голосе печали, сказала Инна.

Но Ане не дошел горький смысл ее слов.

25

– Видела по телевизору Ксению Собчак. Она рекламировала страшно дорогую, вычурную косметику. «Если вы себя уважаете, вы обязаны купить...» Она не представляет, что большая часть граждан России живет на минимуме, за гранью бедности... точнее, нищеты? – сказала Аня.

– Я предлагаю прервать нашу дискуссию и перейти к прениям – всем перекусить, – пошутила Инна.

«Подруги вылавливают из головы разрозненные сонно-ленивые мысли. Похоже, устали, растеряли многословие. Скоро уснут», – подумала Лена.

– Давайте! – радостно поддержала Инну Аня. – Мне вспомнилась наша шутливая студенческая застольная песня: «Мы каждый день шестнадцать раз обедаем, мы каждый день шестнадцать раз едим. И ничего мы более не делаем и ничего мы делать не хотим!» Кишки-желудки изнывали от голода, а мы не скулили и с удовольствием распевали на проспекте «Перепетую», «Старушка не спеша...», приковывая к

себе неодобрительное внимание людей старшего поколения.

«А сегодня не попели, не поплясали. Запал на завтра берегут», – догадалась Лена.

– Все мы были из той непритязательной среды, – поддакнула Жанна. – Какие мы были скромные! Смотрите, на этой фотографии я в школьной форме. На ней нет верхней пуговицы. Казалось, чего проще – распахни ворот! Так нет же, я попросила у подруги булавку и изнутри закрепила прореху. Неприлично было открывать шею.

– Нас слишком по-пуритански воспитывали. И мы своими мечтами об идеальной любви сами себя делали скромницами, – подтвердила Инна.

– Мы стеснялись говорить учителям, если скучали на уроках. Считали бестактным критиковать старших. А современные дети более жестокие. Они мало что прощают взрослым, – добавила свое мнение Аня.

«Странно, Анина невыдающаяся... невыразительная внешность, делает ее неожиданно примечательной», – подумалось вдруг Жанне. – На контрасте с умом и душевными качествами, что ли?»

– Не поручусь, что все мы из одной бедной среды. Я рассказывала о тех, кто жил в общежитии, – сказала Инна и посмотрела на Жанну с видом спокойного гордого превосходства.

Та недовольно повела плечами. С нею девчонки в группе всегда были запанибрата, а Инна посмела усомниться в ее

принадлежности к их кругу только по тому, что она жила на квартире! «Оскорбила, сморозила чушь и рада?» – говорило ее обиженное лицо.

– Может, сейчас я и страдаю от склероза, но прошлое помню слишком отчетливо, чтобы сомневаться в тонкостях и подробностях нашей студенческой жизни. Пошлем петицию в ООН, пусть разберутся?

Лене было немного неловко за мелочные придирки подружки, но она не сочла нужным ее журить.

«Зачем Инна заводит Жанну и вносит путаницу? Изобличить ее или из-за пустяка не связываться с нею на ночь глядя? А Лена немногословна. Промолчу и я, учитывая значимость завтрашней встречи «в верхах». Не хватало еще себе сон разогнать и на празднике перед мальчишками выглядеть вялой мокрой курицей», – подумала Аня.

«Ленка молчит, не хочет из-за ерунды облачаться в мантию прокурора и разряжать обстановку. Наверняка скатилась на внутренний осуждающий монолог. Видно давно привыкла выбирать между болтать и писать», – решила Инна.

«Не спится девчонкам, вот и баюкают свою бессонницу пустыми разговорами. Может, организовать им сто сорок первое китайское предупреждение? (Эта фраза тоже из детства.) Не стоит, уже устало перекидываются словами. Скоро угомонятся. Напрасно я психую. Я изнемогаю от усталости, мне все труднее контролировать эмоции», – принялась уговаривать себя Лена.

Голоса затихали и будто удалялись. Лену окончательно сморило. Она засыпала.

26

– ...Противоположности должны притягиваться, а не враждовать.

– Это теоретически. К гадкой людской породе этот закон не имеет никакого отношения. Может, когда-нибудь мы заглянем вглубь кванта, но не в человеческую душу.

– ...Если люди перестанут добиваться справедливости, то воры, убийцы, подлецы, лжецы и коррупционеры станут править миром, унижать и угнетать, – вздохнула Аня.

– Что, собственно, мы и наблюдаем, – съехидничала Инна.

– Американцы более лживы. Наверное, уверовали в слова Геббельса о том, что «часто повторяемая ложь становится правдой». Хвалятся, что на луну слетали. Если бы это было правдой, они продолжили бы свои исследования. Не такие они люди, чтобы останавливаться на достигнутом, когда что-то уже получается. Очередной фейк запустили. Цену себе набивают.

– У них в принципе порода такая.

– И это тебя не радует, – Аня насмешкой попыталась отвлечь Инну. – Дались тебе эти высокомерные американцы. Зачем нам решать мировые проблемы, когда надо справляться со своими?

– Чтобы не мешали жить.

– Все равно будут.

– ...«Не высовывайся, не стремись, не возникай». Я иногда прихожу к полному неприятию этого мира. Одни были безразличные, другие – злые и завистливые... оговаривали и предавали наших родителей, а дети попадали в детдома.

– Аня...

Аня поняла Лену.

– ...Дети не злые, они глупые и доверчивые. Взрослые их портят. Помню, вышла в местной газетенке статья о нашей учительнице, мол, мужа украла, из семьи увела. Мы в классе шумели, возмущались. Я даже заявила, что этой газетой учебник оберну. А потом узнала подробности этой истории, поразмышляла и поняла, что это пасквиль обиженной жены, на весь город неумно растрезвонившей о своей беде. Не отбивала учительница ее мужа, он давно в разводе был. А я необдуманно поддаюсь лжи, потому что ненавидела отцов, бросающих своих детей, – созналась Инна.

– ...Зачастую из лучших побуждений мы бросаемся помогать, а человек не поддается на уговоры, потому что ему этого не надо. Есть вещи, которые одних заботят, а других – нет, – задумчиво произнесла Жанна.

– Но внимание лучше безразличия. Глядишь, когда-нибудь тот человек оценит его, – сказала Аня.

– ...В чем красота старости?

– В том, что четко понимаем: это можно, это нельзя. Точную оценку всему даем, – ответила Жанна на философский

Анин вопрос.

– Точную?

– Видим главное.

– Ты боишься смотреть в глаза старости?

– Только смерти. Старость может быть прекрасна: человек делается более духовным и мудрым. Старость, как осень, в ней печальное очарование жизни.

– Если сохранил здоровье и оптимизм, – добавила Инна.

– Жизнь дается всем, а старость только избранным. Мы не из их числа.

– Куда тебя понесло! – возмутилась Жанна.

– Инна бредит! – испугалась Аня.

– На тебе лица нет, успокойся. Какое тебе дать лекарство? Я принесу. Оно у тебя с собой? – приподнялась на постели Лена.

– Я сама, – прохрипела Инна.

– Как скажешь, – уступила ей Лена, потому что по двум-трем движениям подруги угадывала ее действительное состояние. Она осталась лежать, чуть приподнявшись на локте и чутко прислушиваясь к тому, что происходит на кухне, готовая вскочить на случай непредвиденной ситуации.

Инна вернулась на место. Лена с облегчением откинулась на подушку.

– Что-то и ты совсем с лица сошла. Тебе плохо? Замордовали мы друг друга своей болтовней, – посочувствовала подруге Инна.

– Все хорошо. Просто у меня никогда еще не было времени на длительные, бытовые разговоры. С тобой больше по телефону. Так ведь по нему не разговоришься.

– У меня тоже каждый день по минутам расписан. Я до сих пор соседей по этажу не знаю. Общаюсь только с одной семьей. Подружились еще с тех пор как получила квартиру. Листая страницы моих девяностых...

Инна замолчала. Сил не было говорить. Лена обняла подругу.

27

Инна вышла из задумчивости и услышала рассуждения Ани:

– ...Жена говорит мужу: «Когда ты подбрасываешь ребенка, он должен видеть твое улыбающееся лицо и протянутые к нему руки. А ты его личиком к потолку направил, вот он и расплакался. Надо подмечать такие тонкости».

– ...Мать с детства кормила его овощами и фруктами, измельченными на терке, переваренным, перетушенным мясом. Все зубы сыну пыталась сохранить. А в результате к окончанию школы у него ни одного целого зуба не осталось. Они у него без нагрузки рассыпались. Это как если не давать мозгу пищи для размышления, то он деградирует.

– Ну не знаю, права ли ты?

– ...Не скажу, что я не доверяю врачам, нет, ни в коем разе. Просто веду себя с ними осторожно, точнее настороженно.

Моя теория такова: «Употреблять лекарства имеет смысл, когда припечет, а в промежутках надо позволять организму справляться самому, иначе у него атрофируется аппарат защиты – иммунная система. Наш организм не утратил способности к самолечению. Ему надо помогать только тогда, когда он не справляется со своей задачей. Вот тогда и появляется потребность во врачах и в лекарствах. А чтобы не пропустить какую-нибудь серьезную болезнь, необходимо проходить обследования. И лечение надо начинать с применения слабых лекарств. По телевизору сейчас все время предлагают убойные средства, после привыкания к которым, уже никакие другие лекарства не помогут.

Я двадцать лет страдаю от давления, но мне до сих пор помогает папазол. И почки я уж сорок лет травами лечу. А соседка горстями пьет лекарства. Если бы я слушала терапевтов, меня бы уже давно не было. Другое дело хирургия, это особая статья. Тут я полностью доверяю врачам. Еще меня раздражает то, что наши врачи по каждому чиху, там, где вполне можно обойтись народными средствами, антибиотики выписывают. А потом у людей гаймориты, туберкулезы. Может, я и не права. Я никому ничего не советую, не навязываю, но сама строго придерживаюсь своего проверенного мнения. – Это Аня проповедует.

...Да, болезнь вызывается микробами. У здоровых людей они тоже есть и тоже нападают, но крепкий организм их побеждает или сохраняет определенный «баланс сил». И чело-

век не болеет. А если иммунитет «просел», организм, ослабленный недостатком защитных средств, не справляется с вредными микробами и прочей «живностью», и поддается болезни. Надо укреплять организм и лишь иногда помогать ему бороться с инфекцией.

Как жаль, что наши внуки и правнуки уже не узнают настоящего, естественного вкуса продуктов питания. Уже сейчас они далеки от натурального. Как это скажется на их здоровье?

...Сегодня главный онколог подтвердил мои наблюдения!! Бессимптомное развитие рака у человека происходит шесть-восемь лет.

Дом

– Нелю помнишь? – спросила Аня у Жанны.

– Конечно. Она с третьего курса на заочное ушла. Замуж вышла. Маленькой, покладистой, улыбчивой была. Светловолосая, глаза-васильки, ямочки своеобразные: не на щеках, а под глазами. Тоненькая, как тростинка. А жених ее, Петя, кряжистый, широколицый, уверенный в себе. Волосы черные, блестящие, ну прямо-таки вороньим крылом скользили по голове. Лет по двадцать им было. Как сложилась их судьба? – заинтересовалась Жанна.

– Познакомилась она с Петром на танцплощадке, когда он ходил в увольнительную. Как-то сразу глянулись друг другу, и закружила их любовь бурная и радостная. Его родители в

деревне жили. При них еще пятеро детей оставалось. Ее мать жила в малюсенькой городской квартире с двумя дочками и бабушкой.

Жизнь начали со скромной солдатской свадьбы. Сначала Ваня у них появился – крепкий черноголовый мальчик, потом Аня – светловолосая.

Потом и Маша обрадовала родителей, родившись здоровенькой и спокойной. Жили на квартире. Петр работал сварщиком и по вечерам подрабатывал. Руки золотые! Четыре года пролетели в радости и заботах. Да что-то загрустил Петя, молчаливым сделался, раздражительным. Работа денежная, но не лежала к ней душа. Сознался он жене, что еще мальчишкой мечтал стать военным, да любовь помешала исполниться желанию. А теперь узнал, что женатых в училище будто бы не берут. Призадумалась Неля: муж любимый, все бы для него сделала, да страшно его отпускать. Опять романтические увольнительные начнутся – и прости-прощай семья, дети. Но и пребывать в тоске – тоже невелика радость. Загубит жизнь, а она одна. И тогда будет жена всегда виновата в любых неудачах мужа. Вот и решила оформить фиктивный развод, понадеявшись на Бога. И Петр козырь выдвинул неожиданный: «Устроишься на работу, тебе с тремя детьми, безмужней скорее дадут общежитие, а повезет, так и свою комнату в коммуналке». Развелись они. Чего это стоило Неле, знала только она сама. Ведь через себя переступала, через вековые традиции своей семьи. Понимала, что не пе-

чатку держат мужей, а душа болела, преступницей чувствовала себя перед детьми. Но нашел муж нужные, правильные слова.

В первый год не удалось Петру стать студентом. Приехал домой как пес побитый. Еще смурней стал, упрямей, «из книжек не вылезал» по вечерам. Неля не трогала его, оберегала покой мужа. Хотя сама работала во вредном химическом цеху и возвращалась измочаленная, забрав по пути детей из детсада. Малыши, чувствуя на себе строгий взгляд отца, примолкали, за диван прятались. Только старуха-хозяйка, громыхая кастрюлями, удивлялась на Петра, молчком сидящего за книгами каждый вечер на кухне. Видя упорство мужа, Неля успокоилась и с легкой душой отпустила учиться. «Для будущего детей старается, – думала она с грустной радостью, – такой семью не бросит. И я все силы положу для их счастья. Выдержу».

И выдержала. Пять долгих лет, ни выходных, ни праздников, кроме счастливых дней приезда мужа на каникулы. Да только не очень они были веселыми. Таился он от соседей, сослуживцев жены. И все затем, чтобы не лишили ее комнаты в общежитии. Но люди были снисходительны, жалели Нелю, сочувствовали ей, не одобряли вольную учебу мужа, считали, что мог бы и заочно получить высшее образование в любом другом вузе, раз голова варит. Тяжело было ей, но радовало то, что вот-вот должна была получить от завода квартиру.

По окончании училища направили Петра в Кушку. Семья официально воссоединилась. Камень с души Петр у жены снял. И хотя не успела Неля получить квартиру, зажили они вновь счастливо. Жилье как у всех – казенная комната. Школа для детей «маломерка». Не успели прижиться на новом месте – другое назначение получили, под Оймякон. Так и колесили они семьей по всей стране. Детям нравилась кочевая цыганская жизнь. Отца они почти не видели. Он, как говорила мать, «выслуживался». Да и Неле не часто выдавался вечер, чтобы пообщаться с семьей. Она всегда находила место, где бы подработать. А дети все больше одни кантовались. Мечта у Нели с мужем была – дом построить большой и красивый, чтобы было где детям жить оседло и старость их тешить.

А годы утекали как песок сквозь пальцы. Чины мужа росли. Ушел в отставку подполковником. Квартиру наконец-то получил свою, трехкомнатную. На расширение в очередь встал, хотя считал, что безнадежное это дело – хвост ее велик. Дети к тому времени школу окончили, но рвения к учебе не проявляли, в институты не стремились, да и рабочие специальности их не привлекали. Ваню постигла неудачная любовь, последовал развод. Интересов у него других не было, кроме дружков по работе. Запил с горя. Остановиться не мог, будто прописался в гастрономе. Дочь Анюта рано замуж вышла, самостоятельной, по-своему построенной жизни захотела, да не получилось у нее. Все чего-то особенного хо-

тела. А чего – и сама не знала. Разбежались они с мужем. Предложила Анята матери, что если родит, ребенка к себе на время взять, помочь ей встать на ноги. Неля отказала: «На дом копим, вот-вот строить начнем. Сама обходись. Я же вас маленькими по сути дела одна растила». Дочь не решилась «на подвиг», аборт сделала, а через год опять замуж вышла, только детей уже ожидать не приходилось, а муж хотел наследника. Разошлись. А Машенька завербовалась на Север и даже писем не писала. Сын в тюрьму первый раз попал за драку «по пьяной лавочке».

А родители дом строить начали – огромный, с размахом. Во всем пригороде такого ни у кого не было. Анята ушла на квартиру. Обижалась на мать, что судьбу ей сломала. Мужчины были, а мужа больше не нашла себе. Тоже пить стала, в психушку попала. После нее работы постоянной не имела, но к родителям больше за помощью не обращалась. Сын опять в тюрьму попал. По слабости характера связался с бандитами. Вторую семью завел и тоже ненадолго. Пытался «расколоть родителя на матпомощь» для внуков, но не получил.

А дом все рос. Уже второй этаж расцвел, с шикарными резными лестницами, внутренними деревянными колоннами. Все как мечталось. Особенный, удивительный был дом. Каждый кирпич в нем к месту, каждая дощечка шлифованная, лакированная. Чудо-дом. Душу вкладывал в него Петр. На себе таскал бревна, сам топором, рубанком работал. А людям со стороны казалось, что работой он себя занимал,

чтобы не думать о бедах детей.

Построили. Гостей созвали. Только не было на новоселье детей, не было внуков – тех, ради кого копили деньги и строили эту прекрасную громадину о восьми комнатах, с двумя ванными и туалетами, с позолоченными ручками дверей и окон, с узорными решетками первого этажа, резными наличниками и верандами на втором. Водка текла рекой, но пьяные песни лились не с радостью. Хозяин с гордостью водил меня по своим хоромам, хотел показать, что счастлив. А глаза у обоих были тоскливые. Особенно у Нели.

Петр был не глупый человек, но крутой и упертый. Наверное, он уже понял, что не так прожил жизнь, хоть и очень старался. И теперь не знал он, себя ли винить, жену ли, которая не противоречила ему, не вразумляла, а любила, верила, поддерживала, жила его жизнью, его мечтами? Ведь именно такую жену он всегда хотел видеть рядом с собой: не самостоятельную стерву, а мягкую, добрую, покладистую. Вот и жила Неля по его указке.

Задумывалась ли Неля, что судьбы их детей в ее женских руках? Что зароняла она в их души, возвращаясь с работы усталая, молчаливая? Что доброго слышали от нее дети, без присмотра носившиеся изо дня в день по улицам в поисках развлечений? Не знали ни забот, ни обязанностей, потому что Неля сама до ночи с домашними делами управлялась, когда все уже спали. Всю жизнь была героиней труда и терпения. И все для чего? Ради дома.

В ту ночь, когда горел их известный на всю округу дом, Петру стало плохо, но он не щадя сил пытался бороться с огнем до последнего. Пожарные смыли пепел с его обожженного тела. Неля с воем бросилась ему на грудь, будто ища защиты. Ей оставалось одно – мыкать горе в этой ненужной для нее жизни. Она уже не понимала, отчего душат ее нескончаемые слезы: Петину ли смерть, детей ли неудачную жизнь оплакивала?..

От безысходности слегла. Операцию перенесла. Рак у нее был. Сейчас на инвалидности. С сыном живет-мается. Переживает, что ничем помочь ему не может. Аня иногда навещает брата в отсутствие матери. Нестерпимо грустно на Нелю смотреть...

*

Аня загрустила. Ей припомнился рассказ подруги, работающей в милиции со сложными подростками. И назвала она его в своих мыслях: «Командировка в трагедию» или «Исповедь потерянной девчонки». Та девочка до двенадцати лет была домашней, но из пьющей семьи. И, слава Богу, не из ее подопечных.

Конец августа. Серое, тихое, раннее утро. Если не считать постоянного фона – гула далекого завода, – тишину нарушает только шуршание шин редких автомобилей. По переулку, по выщербленному тротуару с видом полной покорности судьбе безучастной серой медленной тенью бредет девуш-

ка, припадая на ушибленную ногу. Ее сгорбленный силуэт такой, что можно предположить, что ей абсолютно безразлично на каком свете она находится. Бледное, безжизненное, ничего не выражающее лицо, глаза пустые, остекленевшие, запавшие. Руки, вяло опущенные вдоль худенького, плоского тела, слегка болтаются как неживые. Ноги еле держат, но несут ее сами собой домой. Дом – название условное. Не родной дом. Угол, убогая кладовка, где можно бросить свое изможденное тело на старый затертый, облезлый диван и отключиться, забыться тяжелым нервным сном.

Но туда еще надо добраться. Девушка все чаще спотыкается. Вот и знакомый зияющий черный провал арки, гулкий узкий мрачный двор, стиснутый старыми домами. Неясно откуда взявшиеся силы бессознательно доносят-таки ее до знакомого порога и опускают в темное, заплесневелое полуподвальное помещение, куда через щелястые доски двери и трещины в бетонном полу проникает затхлый, прогорклый, тошнотворный запах сырых канализационных труб, и сочится теплый пар.

Девушка пошарила в темноте неверной рукой по скользкой от сырых наслоений грязи стене, нашла крючок, опустила его в петлю и, не раздеваясь, свалилась в кучу рыхлых лохмотьев, валявшихся на диване. И как влипла в них. Ее почти не видно из продавленного ложа. Придя в себя, она попыталась проникнуть под обрывок вонючего лоскутного ватного одеяла. Его сложный острый, назойливый запах не

дает ей уснуть. Но нет сил скрыться, уползти от него. «Если только сгинуть, уснуть и не проснуться», – шевельнулось где-то глубоко в ее темном сумрачном сознании.

Ноет чугунная голова. Перед глазами переливается расплывчатый красноватый туман. Бесформенные клубки мыслей то комкаются, то медленно неровно разматываются и расползаются. Иногда сознание просветляется, и отрывочные моменты слепляются, во что-то разумно-тоскливое. Задремала. Сон ее тревожен и беспокоен. Что-то вывело ее из оцепенения. Может, скрежещущий звук за хлипкой стеной.

Очнулась. В голове немного прояснилось. Мысленно заговорила сама с собой:

«Черная полоса жизни слишком затянулась. Неприятности одна за другой налетают, одолевают. Кажется, что светлой или хотя бы серой полосы жизни, уже не дождусь. Одурачивающий запах изводит, но нет сил даже злиться и роптать. Ноют, кровоточат ранки».

Тихий, печальный стон вырвался из груди девушки.

«Я считала, что нельзя сопротивляться судьбе, иначе она накажет или обойдет. Нужно следовать предназначению. Боже правый: это и есть моя судьба? Что еще надо испытать, что еще выдержать, чтобы жизнь наконец-то улучшилась или принесла полное избавление от всей этой мерзости? Литераторша говорила: «Чтобы вы знали что для чего предназначено, и кто на что годится, надо учиться. Знания и хорошая рабочая специальность дадут вам «зеленый свет» в жизнь».

А еще она заявляла, что мы станем видеть далеко, если будем стоять на плечах своих учителей». А что она сама видит, одна воспитывая дочь, мотаясь по городу в поисках подработок? Когда слушаю ее, меня не отпускает чувство неловкости.

«Почему мне ничего не интересно? Почему мне так трудно живется? Потому, что слишком чувствительная. Была бы безразличным, грубым чурбаном, плевала бы на все перипетии: пила бы, дралась, сквернословила. А душа стонет, не желает такой жизни. Она цветов, солнца, радости хочет. А за малую толику такой жизни дорого приходится платить бедному подкидышу. Всякий норовит унижить, оскорбить, использовать. Что может быть хуже моей жизни? И еще этот гондон Вадька!...» – с остервенением подумала несчастная, передернувшись только от одной мысли о дружке. – Говорят, не надо заранее знать свою судьбу, но я бы предпочла информированность».

Девушка вытерла лицо ладонями, будто пытаясь снять с него наваждение.

... Отмотаю ленту времени немного назад, возвращусь воспоминаниями в детство... Вот и мама рассказывала, когда я в первый класс ходила, что раньше, при Союзе, люди были добрыми: и накормят, и подскажут, и в профкоме помогут. А может, она тоже любила фантазировать, как теперь часто фантазирую я, никому не нужная? Ведь только в мечтах еще теплится во мне надежда, что все выдержу и вырвусь

в иной мир, отстою в себе человека. Так говорила воспитательница в училище. Мама тоже, наверное, надеялась на чудо, когда отдавала меня в детдом. Мечты – наш с нею рай, наш счастливый дом, наше мироздание. За плечами у меня бабушкино военное детство, безотцовщина, ее неудачное замужество, мамин детдом, потом мой – вот и вся родословная. Не выпало нам счастья иметь богатых родителей. Зброшенность оставленных... продолжаю.

Везет же некоторым! Бойкая Галка процарапалась в институт. Тихоня Нинка – старательная, себе на уме – в колледж подалась. Помогли, взяли. А меня родители талантами не наделили. Спокойная была, проблем со мной в детдоме не возникало. В школе честно тянула на тройки, хотя мама утверждала, что я способная. Отличников у нас не любили, били. Им завидовали. Они казались особенными, белыми воронами. (Белые вороны это так красиво!) Скука изводила. Жизнь была средней паршивости, но условия существования сносные. Пытались воспитатели привлечь меня в художественную самодеятельность. Думали, запульсирую, окажусь «одной из жемчужинок в скромном ожерелье». Говорили: «Ведь ты «не последний человек у нас на деревне». (Наша детдомовская шутка.) Не отозвалась. Отстали. Видно решили: не мешает и ладно, с неуправляемыми мороки хватает.

Почему-то давний разговор с Галкой вспомнился.

– Нинка везучая. Втихомолку зубрит, не обращая внима-

ния на издевки девчонок. Даже на дискотеки не ходит. Упертая.

– Вика, а кто тебе мешает учиться? – спросила меня Галка.

Я тогда фыркнула:

– Язва, уймись. Я не дура, чтобы вкалывать, хребет ломать.

Дело дошло до того, что Галка, на правах старшей, лекцию мне стала читать. Умную из себя строила!

– Каждому свое. Не хнычь потом, сопли не размазывай.

– Ты давай полегче! У тебя требования к жизни маленькие, – насупившись, защищалась я.

– А у тебя высокие, да пустые, все только на уровне разговоров. Кто будет осуществлять твои мечты? Чужой дядя? Выкинь свои бредни из головы. Как мне рассеять твои прочно укоренившиеся заблуждения? Какую зону комфорта ты отстаиваешь? Понимаешь, сильному сопутствует успех, а слабому – неудача. На счастье надеешься? Но оно само не приходит, его ловить надо, трудиться, – разозлилась Галка.

– Есть везение!

– Удача может изменить в любой момент. Но и она достается только тем, кто очень старается, кто прошел проверку на прочность, – возразила подруга.

– Ну и до чего ты доработаешься? До хлеба без масла? Приобретешь банальный шарм простушки за мизерную зарплату. Твой удел – жалкое существование!

– Для начала и этого достаточно.

– И сколько лет ты собираешься вкалывать? Всю молодость?

– Всю жизнь.

А я ей:

– Обрадовала. Всю жизнь будешь перебиваться с кваса на воду? Полный отстой! Мне это не подходит.

– Понимаю, принять свою судьбу – сложное испытание. Сколько же в тебе напичкано всякой ерунды! Все и сразу хочешь?

– Хочу.

– Ну и дура. Душа твоя еще незрелая. Демонстрируешь свою глупость. Ненадолго нырни вглубь себя, будь честна хоть перед собой. Что ты там найдешь? Пустоту. У тебя слишком большой разрыв между желаниями и возможностью их осуществления. Безделье нигде не приветствуется. Моя «классная» руководительница так говорила. Редкого ума учительница. Да, забыла сказать: опять по твою душу Вадька приходил. Околесицу нес. У него противный липкий взгляд. И в хамстве нет ему равных. Начистить бы ему физиономию! Задумайся: зачем ты ему?

– Представь себе, понадобилась! – Я гордо так ответила.

– Он свои цели преследует, до тебя ему дела нет. Дорога с ним ведет под откос. Подложит он тебе свинью. От него лучше держаться подальше. А ты сама гоняешься за ним. Неприлично это девочке. Не разделяю я твоих взглядов. Не мешало бы тебе научиться отвечать за свои поступки. Надеюсь,

мои слова повлияют на тебя положительно, – грустно заметила Галка.

– Училку повторяешь слово в слово. Знаю, скажешь, что умное повторить не грех. Не терзайся. Реальная жизнь меня не слишком вдохновляет, я верю в чудо, жду его и дождусь!

Ну и поставила ее на место. Всыпала, чтобы не заносилась... И окунулась в свой мир. Но почувствовала одиночество. Оно ведь в голове... Наверное, внутри каждого человека есть зона, в которую и самому заглядывать не стоит».

Дождалась... Боже, мой! Голова разламывается от боли! С ума сойти можно. Кошки на душе скребут... Маму помню, квартиру, обвалившуюся штукатурку в углах комнаты, на потолке, остатки грязных обоев столетней давности. Еще свой страх перед побоями пьяного отца, дрожь в коленках... Гулял. Его не трогали мамины слезы, он не нуждался в ее прощении. Я маленькая была, но все понимала. Хорошо, что слинял. Но квартиру пропил. Несчастливая карта маме выпала. Вадик так говорил. И все-таки память сохранила о ней в душе что-то доброе. Жалела меня.

Мама! Мамочка! Как мне жить дальше? Помыкалась я достаточно. Не хочется думать. Пропасть бы, чтобы не было забот. Кто виноват в моих бедах? Так уж складывается, что я всегда крайняя в любых происшествиях. Вечно все напраслину на меня возводят. Считают, что шишку на ровном месте из себя корчу. И с учителями не сталкивалась. И в учили-

ще, куда направили после школы, не имела желания учиться. Но там был настырный Вадик из нашего детдома, была его компания. Недобрый случай свел нас, когда я была еще в пятом классе. Защитил от хулигана, а потом сам приласкал.

Конечно, классная – нервная, замученная тетка – пыталась внушить мне, что работа – главное в жизни, но не сумела. Бедная, безмужняя неудачница! А училка по литературе все о красоте природы толковала. Высокие слова говорила. Считала, что у меня есть природные способности. Но не воспринимала я ее слов. Другая шить пыталась учить, мол, хорошая профессия, хлебная. Не понравилось. И Ванька с Саньком – бывшие одноклассники, мечтающие об общем строительном бизнесе, – не прельстились ролью бухгалтера. Я не знала, чего хочу, знала только, чего не хочу...

Во время учебного года, еще кое-как подчинялась общему течению воспитательного процесса, автоматически, хотя и не часто, посещала занятия, а лето окончательно выбило из наезженной колеи. На работу устраивали, но рабочих мест хватило только шустрим, а я «сплю на ходу». Такая никому не нужна. Стипендия быстро разлетелась. А каникулы длинные. Ванька с Сашком позвали с собой на стройку. Пошла. Не получилось. Мастер в контору зазвал, приставать стал, денег обещал. Старый потрепанный черт, а туда же! Мать его за ногу! Еще Вовка пытался подступиться. Рогом пер. Холодно отшила, отставила. Сосунок! Невезучая я. Шваль всякая пристаёт. За что мне такое? Я же никого не трогаю,

никому ничего плохого не делаю.

Всегда считала, что главное, чтобы в душе скотства не было и зловредности. Но ведь испытывала же позорное, тайное, подленькое наслаждение, когда Вальке не повезло с институтом. Испытывала. Не подлежит сомнению: Валька выгодно отличается от всех. Свысока на всех смотрит. Сногсшибательная, но до принцессы ей далеко. Личико ангельское, а характер непростой. Властная. Думала, не позволит ситуации выйти из-под контроля. Не сложилось. А другим условия диктует. И в этом она вся. Неуютно я с нею себя чувствовала, вот и ушла в другую комнату жить, чтобы спокойнее было. Шпыняла меня как мальчика. Я разозлилась и за волосы ее...

Учить меня бралась, дура!

– Ни в какие ворота не лезет твое поведение. Каким инстинктам ты повинешься? Общая беда должна нас сближать, заставляя дорожить подругами, держаться друг друга, а ты не слышишь ничьих слов. Не поддавайся на условия Вадима, не вяжись с ним, не трать времени попусту. Он по черствости своей неразвитой души не понимает тебя и губит. Ничем не погнушается, ни перед чем не остановится, если ему приспичит, и не шибко о тебе тужить будет. Он не способен на великодушие. Легко живет настоящим. Ты же не станешь отрицать, что я права? Я бы на твоём месте сторонила его. Доведет он тебя до тюрьмы. Слышала, какие грешки за ним водятся. У тебя с ним игра в поддавки? Ты из-

за угла пыльным мешком стукнутая, если веришь во все, что он тебе говорит. Разводит он тебя. Когда умнеть начнешь?

А я ей, недолго думая:

– Житья от тебя нет. Ты хуже училки. Врезать или сама заткнешься? Получила! Квиты?

Наговорила она мне тогда много беспощадного, обидного и несправедливого. И все поперек моей души. Я тоже ухватила за возможность «расслабиться», в долгу не осталась, отвела на ней душу, наорала всякого вздора, оплатила обидчице. Это ее взорвало. Чувствую, она на пределе, но обиду проглотила. А у меня тонкая организация нервной системы. Я не могу терпеть, когда ругают.

А Валька опять долбит:

– Ушла от меня, учиться хуже стала. Делами докажи чего стоишь. Не хватает духу самой себе правду сказать? Вот он, результат пустых мечтаний! За что тебя любить?

Я сдерживалась, как могла изо всех сил, но уже теряла терпение.

– Знаешь, что такое чудо? Это то, что не должно происходить, но происходит. Поняла? Или, может быть, ты думаешь, что для полного счастья мне только твоих нотаций не хватает? Прикуси язык!

А она опять свое тупо бормочет:

– Выкинет тебя жизнь на обочину. Чем тогда возместишь убытки своего неоправданного самолюбия? Чудо ей подавай? Изъян твой теории в том, что ты исходишь из уверен-

ности в существовании везения, реальность которого и есть главный предмет нашего спора. И почему оно должно прийти именно к тебе? Дуракам везет? Кто тебе его как на ладошке выложит? Веришь в то, во что хочешь верить. Человечек ты безвредный для других, но и для себя бесполезный. По меньшей мере твои мечты – глупость, по большей – идиотизм. И это еще мягко сказано. В общем, на поверку – ты ноль. Помнишь, классная спрашивала тебя: «Отчего ты отталкиваешься в жизни, в чем природа твоего равнодушия?» Ты промолчала. А я поняла: ты безразличием маскируешь свое бездействие. Слабые прячутся за масками. Отказавшись от маски, человек обретает себя. Истинная причина твоих мечтаний слишком прозаична – это твоя лень. А она – мать всех пороков.

– А разве не жадность?

– Она ее родная сестра. И желания твои примитивны: деньги и ненасытная страсть к легкой жизни.

– Украсть тыщу долларов и свалить за границу? – рассмеялась я.

– Ты и до этого не дотягиваешь. И дружки твои пришлые то хлипкие, то отпетый сброд. Одни пьют и матерятся. Других ранняя разрушительная страсть к женщинам превратила в животных. Шушера. Ты одна среди них пока еще нормальный человек. И девчонки в твоей комнате подобрались все хитрые, но не умные. Лапшу тебе навешивают, а ты веришь. Завязнешь в болоте, отступить будет некуда. Думаешь,

обскакала всех, утерла нос подругам, когда завела хахалю? Вкатить бы тебе сейчас по первое число, чтобы одумалась, пока не поздно, да некому это сделать.

Зацепила Валька меня за нервы. Не оставила я ее последние слова без внимания, возмутилась и набросилась на бывшую подругу:

– Чего уставилась как коза? Не такой жизни я для себя хочу. «Ешь – потей, работай – мерзни!» А еще мне Вадик говорил: «Ничего не бойся. Всякий может оступиться, главное снова подняться». Он не раз попадал в переделки и ничего! Я закрытый человек. Мои настоящие мечты никогда не были достоянием подруг, но тебе скажу: «Ленка запала мне в душу. Красивая. Второй год с бизнесменом живет. Тряпки имеет, сыта. Ребенка родила. Что еще надо! Многие девочки в детдоме теперь мечтают жить как Ленка, но скрывают. Воспитательница говорит, что для того, чтобы жить с богатым, помимо красоты, ум надо иметь, а нас, дурых, любой мужчина через год выкинет с дитем на руках или по больницам затаскает, после чего одна нам дорога – в проститутки. А я в проститутки не хочу. Возвышенная душа не терпит грязи и насилия. Я о любви мечтаю.

А Валька зло спросила:

– Кому ты после Вадима нужна будешь?

Замахала она меня в тот день, все мозги раздолбала.

– Слышала я, как хвалился Вадим перед ребятами, что он мастер заговаривать зубы. Говорил, что умеет влезать в

доверие к простофилям, любит ловко выуживать сведения, поддевать дурачков на крючок и потрошить их, нажимая на пружины человеческих слабостей и пуская в ход угрозы. Плебей! У него один критерий для людей: беден или богат. Счастливым себя воображает, верит, что его солнце никогда не закатится. А я думаю, что потерпел он свое Ватерлоо еще в школе. Мне он кажется рохлей и пентюхом, у которого от страха перед старшими дружками подлость и бесстыдство наружу лезут. Если я не ошибаюсь, не предметом зависти, а для насмешек в компании он служит. Может, даже сам это понимает, но не позволяет себе в этом признаться. А при таких как ты, дурочках, гоголем ходит. Тюрьма по нем плачет. Разберись в нем, а главное, прежде всего, в себе. Побороть свою лень – тоже подвиг, личный, конечно, не общественный, но все равно важный. Я в седьмом классе это поняла и взялась за учебу. Осознанно жить начала. С тех пор нет мне места интересней, чем библиотека. Там живет моя душа. В школе книги, за редким исключением, не читают, а «проходят». А я читаю и понимаю, как могу чувствовать, что способна испытывать. И это понимание радует меня. Перелопатила уже много книг. Спасибо учительнице литературы. Вовремя мозги мне вправила. Жизнь моя обрела неведомый ранее смысл. Надо не бояться перед собой отчет держать. Больше нам, детдомовским, не перед кем. Знаешь, в раннем детстве я казалась себе васильком в пыльном придорожье, а теперь я на гордую, белую лилию хочу быть похожей. А ты?

– А я на розу, чтобы мной восхищались. Я же красивая и добрая.

– Розой? Это делает часть твоим мечтам. Трудно быть достойной такого высокого звания. Есть люди лишенные всякого внутреннего сияния. Таким не быть розами. Мои слова доступны твоему пониманию? Что натолкнуло тебя на мысль стать розой или кто? Вадик расточал тебе похвалы и комплименты? Выкладывай начистоту, – наседала Валька. – Не верь ему. Уходи от него пока не поздно. Нельзя остаться в его компании, не подвергая себя риску стать такой же, как они. Неминуемо настанет день, когда ты это поймешь, но может быть уже поздно будет. Вадька – шваль. У него раскованность, даже на людях, граничит с хамством. А один на один как он с тобой ведет? Вот ты говоришь, что добрая. А мать свою жалеешь? Стараешься для нее стать хорошей, успешной? В чем твоя доброта проявляется? В том, что никого не бьешь, не режешь? Этого мало. Нечего тешить себя пустыми фантазиями, чаще задумывайся о последствиях, меньше глупостей натворишь. Жизнь подкидывает нам вопросы, но не дает на них ответы. Помимо всего прочего Вадька... вор.

На миг мне показалось, что в ее душе мелькнуло сострадание ко мне. В ее голосе зазвучала горечь. Но это лишь разозлило меня:

– Завидуешь мне?

– Было бы чему.

– Нужен мне этот занюханый Вадик! Не надсаживай зря

горло. – Это я в сердцах возразила. – Жалеть меня вздумала? Не люблю претензий на превосходство.

А Валька свое бубнит:

– Мне теперь интересны только хорошие люди. Поплачь, слезы у нас дело обыденное. И все же нечего расписываться в беспомощности. Хочешь, помогу Вадима отшить? Вдвоем мы справимся.

– А мне все по барабану. Не надоело поучать? Ну и денек выдался! То учителя, то ты тут! Лучше тогда не жить. Это было бы нечто! Это в моей власти! – неожиданно расхохоталась я.

– Надеюсь, тебе не хватит безрассудства исполнить подобное намерение? – испугалась Валька. – В твоих рассуждениях есть что-то чудовищно нелепое. Погибнуть проще, чем достойно жить. Я верю, что не только у хороших родителей могут вырасти счастливые дети. Вот увидишь, мои будут гордиться мною! Никогда не поздно...

– Что же вы все такие занудные! – взбесилась я.

А она продолжала...

Не слушала я ее тогда. Не доходили слова до сердца, только злили. Может, в чем-то она и была права... Раньше мечтами была счастлива, а теперь и на них ни сил нет, ни настроения. Почему пью? С горя. Несчастья обрушиваются на меня. Как заставить себя не думать о плохом? Хотела бросить якорь в городе, а оказалась на задворках жизни. Так, кажется, завучка в училище говорила.

Помнится, первый раз Вадик угостил. Понравилось. А потом пошло-поехало! Чуть настроение вниз покатится, сразу за рюмку и сигареты хваталась. Вадим сначала прощал долги, не заикался о деньгах, умасливал. Много ли мне надо было: один ласковый мимолетный взгляд, прикосновение, заинтересованная улыбка и я вновь пропадала. Потом долги требовать стал. Ломанулась от него. Водворил на место, мол, не рыпайся. Опять сбежала. То боролась с соблазном встретиться, то хотела, чтобы оставил в покое. Только ненадолго... Непреодолимо влекло...

Сначала думала, что подцепила удачу, потому что он деньги огребал. Прикинула: стоящее дело. А он все промотал, проиграл. Не жизнь, клоака... Крушение всех надежд. Думала, парень не промах, а он... Напоролась... Проведение отомстит ему за жестокость! Вот она моя «анатомия страданий». Жизнь – хождение в неведомое. Трудно без проводника. Мама, папа. Слова эти совсем забыла. Как давно это было!

...Потом другая компания быстро сыскалась. Но они были старше, опытнее, жестче. Избили, еле ноги унесла... Ладно, проехали, дело прошлое. Может судьба испытывает меня? Но что-то слишком уж долго. Опротивело все. Господи, дожить бы до сентября, а там, глядишь, и хватит сил вернуться в училище, взяться за учебу. Избитой в общежитие не воротишься, хотя там не очень-то интересуются...

Где вчера была, с кем? Не могу в точности припомнить.

Погудели, такой кайф словила! Дальше все как на белом листе бумаги. Вдруг один чего-то взъерепенился, словно я соли ему на хвост насыпала. Ударил очень больно. Кричал: «Нишкни, убью!» Сплошной забористый мат... и больше ничего не помню. Да, не самая смешная история. Легко отделалась, могло быть и хуже. Потом страх разбудил, будто ледяным прикосновением. Бежала. Боялась собственной тени...

Хочется есть. Украсть? Жуткая мысль. Нет, этого еще не хватало! Я не такая. Я хорошая, только никто меня не понимает. Я чистая, честная. Моя песенка еще не спета. Я как маленькая Дюймовочка: добрая, беззащитная. Мне нужен Эльф, а не этот вечно пьяный, неухоженный, растерзанный шалопай. И откуда в нем столько высокомерия? Плебей! Мне принц нужен: добрый, богатый. Ведь бывают же такие! Я же красивая!.. Боже мой, как болит голова!

Вика блуждающим взглядом окинула конуру-убежище, припала лбом к холодному запотевшему металлу противной ржавой трубы.

«Обрыдло все, – застонала она в бессильной злобе. – Вадька – молоток! Ему на все наплевать. Переметнул взгляд с одной девицы на другую и счастлив...»

А Валька на следующий год снова будет пытаться поступать в институт... Учительница литературы говорила, что я способная...»

Долго еще жалела себя Вика, пока не заснула.

«...Потом было то самое утро. Неизвестно каким образом нашлись дружки. Выпили. Драка вышла из-под контроля и развивалась сама по себе, как цепная ядерная реакция. О ней физик в школе смешно рассказывал... Обложили со всех сторон. Как нож в руках оказался? Чей? Отбиваясь, ударила кого-то. А может, и не я... И расплескались истошные крики... Замели всю компанию. Потом каждый себя выгораживал. На мелочах подлавливали. Долго верила, что все еще образуется, что кто-то отведет беду.

А теперь вот грозит тюрьма – подлое пристанище. Она теперь будет мне домом? Почему именно со мной произошло чудовищно непоправимое? Я не хотела, так вышло, так получилось. Я добрая, я чувствительная, нежная. Я не жила, не любила! И меня не любили. Мамочка, пожалей меня. Мамочка-ка!»

*

Жанна, этим летом я одну свою подопечную встретила. Одета со вкусом: белый костюмчик, туфельки и сумочка в тон. А личико усталое. Я комплемент ей сделала. Она грустно улыбнулась. Поговорили. Чувствую, очень поумнела. А сколько я с ней помаялась когда-то, пока достучалась до закрытого обиженного сердца!..

Ведет в ресторане собственную «салатную линию». Ее ценят клиенты, но хозяин не торопится отстегивать ей за увеличение прибыли. Она много читает, собирает интересные рецепты со всего мира, экспериментирует. Мечтает нако-

пить денег, чтобы снять помещение и стать независимой хозяйкой своим знаниям и умениям. Но пока не получается. Живет на съемной квартире. Сестренку из детдома забрала, думала станет помощницей, а она даже посуду за собой не хочет вымыть. Ссоримся. А она злится, мол, в детдоме не заставляли. Иждивенка! И в личном плане жизнь не складывается. Объяснила: «Женатые мужики липнут. Знают, что защитить некому. А им одно надо. Противны они мне. Грубостью отбиваюсь. Квартиру уж сколько лет высокое начальство обещает, как детдомовской. Если бы дали, и с бизнесом сразу наладилось бы, и мужа скорее бы нашла. Брату легче. Он женился на домашней, шофером работает, двух детей растит. А я стараюсь, стараюсь, но никак не выкарабкаюсь...»

Посочувствовала, похвалила, ободрила. Трудно ей. А чем я могу помочь? Три года назад два раза ходила на прием к депутату. Обещал... Мы поверили. А теперь и не обещает.

Аня замолчала. Жанне нечего было возразить или добавить.

Тина

– А как сложилась судьба у Тины? – спросила Жанна. – Удивительной доброты была девчонка. Будто при рождении столб добра из Космоса вместе с дождем и светом на нее хлынул как подарок от Бога. Но, насколько я помню, какая-то она была несчастливая.

– Я чувствую настоящую потребность посвятить тебя в жизнь Тины. Надоело раз за разом прокручивать в голове ее проблемы. Расскажу тебе и, может, наконец, полегчает у меня на душе, а то натыкаюсь на ее беды, как на разбитое многогранное зеркало и бешусь. Я уверена, ты проникнешься ее серой беспросветной жизнью и станешь на мою точку зрения. Интересное в судьбе Тины то, что она считает себя счастливой! По моим понятиям она со странностями, – ответила Инна.

«Не люблю, когда зарываются и думают, что все про всех знают, и во всем разбираются. Мне просто нужны факты, события, а не их оценка», – сразу отрицательно настроилась Жанна.

– Понимаешь, доброта Тину до глупости доводила. Ей, так много пережившей в детстве, надо было бы знать, что по разным причинам, то, что рисует нам воображение, чаще всего не сбывается. Но вот ведь как иногда бывает: сделает один человек другому подлость, а тот ему добром отвечает. Непостижимо! Для Тины проявление доброты так же естественно, как и знание того, что после ночи обязательно настанет утро. Она принимает со смиренным сердцем и с открытой душой всё, что бы ни выпало на ее долю.

Я бы не причислила Тину ни к сентиментальным людям, ни к очень сильным, но она как-то по-своему приспособилась к невероятному избытку страданий, которыми переполнен мир и ее собственная жизнь. Можно подумать, что,

уподобляясь святой, она прощает своих обидчиков ради себя же самой, лишь только потому, что любовь прекраснее ненависти. Никогда не отвечает злом за зло и при этом еще радость испытывает! Ей сродни монашество и мученичество? Порой мне кажется, что ее уникальное сострадание умиротворяет ее, хотя она и не религиозна. Видно, рано поняла, что жить надо не ожиданием любви, а с любовью, и что именно способностью любить один человек отличается от другого. Я много об этом думала. Иного объяснения ее поведению я не нахожу.

Между прочим, не без влияния Тины я поняла, что подчиняться не то что жестокой прихоти чужой злой воли какого-то субъекта, но даже чьему-то мелкому капризу – абсолютно не по мне. Я сумела бы отбить такому типчику охоту приставать. А если бы он опять попытался привязаться, я бы показала ему, где раки зимуют. Так бы унизила, что у него надолго пропало бы желание к противоположному полу. Это была бы шикарная импровизация! Но такие мужчины всегда сами шарахаются от меня.

Почему Тина позволяла ребятам обращаться с собой как с собственной вещью – для меня до сих пор загадка. Я бы поняла, если бы из страха или из-за денег. Откуда в ней это смирение, покорность, эта странная неискушенность? Я как-то пошутила, что, даже подражая Христу, она всецело и неукоснительно остается сама собой. Не обиделась. Вот такая Тинка, особенная. И все же иногда она мне кажется

несчастной, глупой и нелепой. И я мечтаю, чтобы кто-то повлиял на нее, вернул к реальной жизни.

От такой неожиданной характеристики тихой, деревенской девчонки, какой помнила Жанна Тину, она даже руками всплеснула и выронила из рук очередной альбом с фотографиями, в котором хотела отыскать Тинино фото.

– Есть люди категоричные, а есть бесконечно добрые, которые небрежливо относятся к опустившимся людям, пытаются понять, что толкнуло их на бесславный путь. Будучи сами невезучими, они больше сочувствуют неудачникам, – высказала Жанна свое мнение.

– Тина слишком осторожно раскрывала передо мной глубину своей чувствительности, неохотно расставалась со своими мыслями и секретами, а получить от нее исчерпывающую информацию по какому бы то ни было вопросу, связанную с другими сокурсниками, вообще не представлялось возможным. Но мне порой кажется – не в обиду ей будь сказано, – что у нее... не все дома. Не стану ссылаться на авторитеты. Не могу я добраться до сути ее взаимоотношений с людьми, понять, что ей свойственно, а что поперек души.

Во-первых, она до бесконечности, до глупости честна. Даже если принять во внимание ее паразитическое простодушие, – ее поведение на грани... сама понимаешь чего.

– Начала так договаривай, чего уж тут стыдиться, – потребовала Жанна.

– Не знаю в чем тут дело, но, во-первых, она вечно вы-

бирала себе парнишек, с которыми надо было нянчиться, и с поистине донкихотской широтой и щедростью расточала свою любовь к ним. А у меня почему-то никогда не хватало смелости подшучивать над ней по этому поводу. Ее излюбленными объектами всегда были слабаки. Не мужчины, а какие-то недоразумения. «Ну как ни порадеть родному человечку»? Оно, конечно, в умного, богатого и красивого легко влюбиться, а ты попробуй простого бедного и больного студента полюбить! Это, конечно, не довод... Хотя, как говорится, была бы шея, хомут всегда найдется.

Так вот, Тина простирала свою заботу только на никчемных и несчастных, которые в ней особенно нуждались, и проявляла при этом поражающую всех стойкость. А они ее доброту, что с моей точки зрения вполне естественно для мужчин, просто-напросто злонамеренно использовали. Это мы, женщины, по большей части, ищем в мужчинах созвучия с нашими душами и мыслями. Нам любовь, нежность нужна, а не их эпатажные выходки.

Но не прислушивалась Тина к моим осторожным словам, точно исподволь, не замечая, попадала под гипноз странного обаяния слабаков, а меня ставила перед фактом. Судьба всегда была слишком неласкова к ней. Может, и правда, что застенчивые и скромные могут только трагически отдавать себя тем, кто менее всего способен их понять и оценить, и взамен ничего не ждут. А если, не дай бог, и поймут, то начнут, к своей слабости и привязчивости прибавлять еще и же-

стокость, незаслуженно причиняя боль своему благодетелю. Жалость-то к другому не всякому по плечу, себя любимых такие люди больше жалеют. Поверь, Жанна, я ни словом не грешу против истины.

Во-вторых. О людях Тина думает лучше, чем они есть на самом деле. Неоспоримо, что это ее мышеловка. Она слишком правильная, всепрощающая, готовая бесконечно долго терпеть, не перечить. И мне постоянно талдычила, словно какой-то пароль, как молитву или мантру: «Учись терпеть других».

Тина не умеет быть беззаботной. Интересное явление: у нее есть свобода от самой себя... В ее глазах всегда столько участия! Она вся такая чистая, светлая – высшее существо, способное понять то, что другим не дано. Конечно, такое не может не тронуть.

Ну, прямо-таки рок какой-то над ней всегда висел и попадал в нее буквально прицельно. Сначала Тина вечно ву-смерть пьяного сердечника два года отхаживала после его загулов. Ратовала за сочувствие к его мукам похмелья. Помнится, они как-то сразу нашли друг друга. Странный он какой-то был даже внешне: маленький, сутулый, шнобель (нос) – хоть землю паши. Глаза, правда, черные, огненные, но злые. Повозилась она с ним! Он оставлял ей болезни и дурное настроение, а свое обожание и обаяние преподносил другим женщинам. К тому же, как большинство ходяков, ревнив был до потери пульса. Вымещал на ней свои неуда-

чи. Прекрасно понимал, что не прав, и от этого, как водится, бесился еще больше. Бывало, слова просто так не скажет – все с вывертами и руганью. И за что? Ведь не жена она ему была, просто излишне добрая подруга. Даже не гулящая девица. Что она не по этому делу за сто верст было видно.

А Тина, будто не замечала бесполезности своих усилий и продолжала заботиться о нем, оправдывая его поведение тем, что с искусственным клапаном он долго не проживет и его надо жалеть. Кому еще в голову могло такое прийти кроме как Тине? Он сам себя должен был беречь. Думаю, находилось немало студентов готовых с удовольствием посмеяться над ней. Самое скверное, что все это происходило у меня на глазах, а я ничего не могла поделать, только зубами скрипела от злости и без пользы надрывала горло: «Он дурью мается и не лечится. Прочно оседлал Фортуну, то бишь тебя. Выкинь его из головы. Ты должна исходить из разумного понимания его болезни и его проблем. Он сам себя губит. Вгонять себя в хандру дело нехитрое. Ты же наперечет знаешь его недостатки».

Ты не представляешь, Жанна, какая с ним была морока! Я категорически отмежевывалась от странного поведения Тины и только выглядывала ее из полутемного окна нашей комнаты в общеаге, волнуясь за ее долгое отсутствие. Не одну меня поражала всегдашняя готовность Тины биться за слабых. Ее добродетель не питала собственных дерзновенных желаний и была послушна только чужой воле, коварству и греш-

ным, порочным устам. Я нахожу это ненормальным, из области деструктивного. Утешь ее Всевышний! (А сама тоже спотыкалась на одни и те же грабли.)

Я думаю, Тина не случайно подвернулась Гарику. Неисповедимы пути Господни. Судьбой она зачем-то была ему назначена. Только у него о ней было самое смутное представление. И себя он вопреки всякому здравому смыслу попусту растрчивал. Жил на Е2 – Е4. Но его вполне устраивал существующий порядок вещей. Может, он за куражом прятал свой страх скорой смерти? Это так понятно!

Прошло время, ветер разметал пепел его страстей. Тут-то и оказалось, что никто к нему не мог правильно подступиться, что только Тина благодаря какому-то обостренному женскому инстинкту понимала и чувствовала перепады его настроений, каким-то непостижимым образом вовремя без лишних слов приходила на помощь, была той единственной, которая на самом деле ему была нужна. Никто в этом не мог сравниться с ней. Я и представить себе не могу как он до нее жил. Просто ходил по жизни наугад, не считал нужным смотреть вперед, задумываться о будущем.

Жанна, постарайся понять меня, мое волнение и недовольство Тиной. Ее «пациент» был чрезвычайно сложным человеком. Он всегда и во всем видел только противное, запоминал только гаденькие подробности, вечно ходил черней грозовой тучи. Плохое в его сознании многократно увеличивалось, а хорошее – уменьшалось до макового зернышка,

расплывалось, смазывалось. Он утверждал, что барахтается в пошлости и лицемерии, что несправедливость жжет ему душу и что он достоин большего и лучшего. А сам что творил? Чуть что не по его – злобные ураганные чувства закипали в нем, и он точно проваливался в бездну зла. Это же не жизнь, а мрачный зловещий смердящий спектакль! Даже в радости искал отрицательные стороны. И до тех пор не успокаивался, пока не сводил на нет все хорошее. Когда изводил ревностью, распоясывался дальше некуда. Такие люди злоупотребляют всем, в том числе и любовью людей с положительными намерениями, которые стараются помочь им из самых лучших побуждений.

Бросалась мне в глаза болезненно самолюбивая и строптивая натура Гарика, его способность все что угодно доводить до абсурда, а раздражение – до точки кипения. Ему бы хотя бы капельку эластичности и покладистости Тины. Может, потому-то и загнал преждевременно свое и без того слабое сердце. Не пойму, в какую дурную минуту и из какого такого перекившегося теста он был слеплен родителями на свою и его беду? А ведь прошлое незримо вплетается в настоящее.

Тина меня как-то кровно обидела. Сказала, что мы с ним отражение зеркала в зеркале. Или перед зеркалом... Уже не помню точно. Представляешь, меня со своим Гариком сравнила! Не уважаю, не терплю, ненавижу таких, слезы выжимающих мужиков. Зачем небо копят? Никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах я не выбрала бы себе такого, как

Гарик. Или в силу своего непримиримого, решительного характера, сразу такому невменяемому и бесноватому сказала бы: «Прощай, не поминай лихом». И слезы не блеснули бы в моих глазах. Просто поспешно стряхнула бы с плеч как заразу, как что-то недостойное моего внимания. А Тина, таким как Гарик, и в розницу, и оптом раздавала свою доброту и сочувствие. Наверное, такие вот как она и оправдывают наше существование, нашу жизнь?..

Тина, по понятным только ей причинам, считала, что ее подопечного Гарика одолевала слишком ранняя душевная усталость – что-то вроде преждевременного старения, – что он не может сам к себе приспособиться, потому что ущербность в нем самом, внутри него самого. Что по причине своей слабой органики он не может преодолевать себя и с большим скрипом идет на компромиссы. А еще полагала, что я страшно все упрощаю и всех ее знакомых мёчу одной краской – плохие и всё тут. Отсюда и взаимная неприязнь.

В общем, Гарик делал глупости, а она их разгребала и ела большими ложками, да еще и оправдывала его. Ее поведение было лишено смысла. Забегая вперед, скажу: парень наконец-то понял, что такое счастье как Тина выпадает далеко не всем. Осознал, но было уже поздно. Сразила его болезнь окончательно. Как-то у него все плохое сразу наложилось одно на другое и суммировалось. Произошло отторжение клапана. Врачи не объяснили, не предупредили, что такое бывает. Его морозило, а Тина думала, что это простуда.

В последние минуты жизни он лежал вялый, как ноябрьская муха (Сентябрьские беспокойные и ой какие злые!) и с искренностью, и с обжигающей жестокостью исповедовался перед Тиной. Говорил, что никогда прежде не ощущал с такой остротой и утонченной радостью таинство и волшебство встреч с такой удивительной девушкой как она, что только теперь раскрылись не только его глаза, но и душа. Только от нее он в немом восторге. А в других влюбленностях – в так называемых странствиях в неведомое, как он сам их называл, – так ничего для себя и не нашел, то были все больше перепевы одной и той же роли... Женщины любили, а он делал их несчастными. Они были для него, как расходный материал для утоления обиды на жизнь. Использовал – выбросил и не питал иллюзий. Ночь пострадал и забыл... Но слишком долго он ждал, пока пересекутся в одной точке их с Тиной линии жизни... «Счастье – это единица, поделенная на зависть».

Он жестоко завидовал тем, кому суждено долго жить.

Многое чего говорил. Он умел, когда хотел, обходиться с женщинами. Но ему уже не доставало восхитительной легкости самовыражения, он уже не мог говорить цветистых пышно-торжественных или жалостливых фраз. И его уже невозможно было расшевелить. В глазах его еще прятались сникшие желания, и в пугливой душе временами вздрагивала злость...

А Тина стояла на коленях у его постели такая мягкая, тро-

гательная, и глядела на него так, словно старалась осмыслить и поверить, что видит его в последний раз. В ее глубоких искренних глазах была боль и какая-то бессмысленная, может, даже религиозная сила снисхождения... Прекрасное, астральное лицо... В нем и прощение, и прощание... Таких как она, наверное, больше нет в природе. Я стояла позади нее и тихо сглатывала волнение и... непонимание. Нет, я, конечно, жалела его, такого молодого, но ведь и Тину тоже. Вот такое было ее своеобразное счастье. Она говорила мне: «Жизнь – это приобретения и потери...» Видно, эти слова имели для нее более глубокий смысл, чем для многих ее подруг. Умела она, оставаясь самой собой, сопереживать другому, но не суждено ей было познать настоящее счастье.

«Инна говорит о том, что, видно, давно жгло ей язык, а может и сердце», – подумалось вдруг Лене.

– Ушел Гарик из жизни, ничего хорошего после себя не оставив. И все плохое кончилось, ушло вместе с ним. Наверное, в этом есть что-то символическое. Может, наказал-таки его Бог больше некуда за то, что ломал он свою и губил чужие жизни... Поневоле уверуешь. Хотя, если подумать, кого винить: его ли, родителей, самого Всевышнего?..

Палец Инны автоматически взметнулся к потолку и вяло опустился на подушку.

– Ни за что ни про что, по своей собственной прихоти слишком рано отправился Гарик на тот свет. Не понять мне его. Самый что ни на есть глупец... Умирать молодым слиш-

ком страшно, а он сам торопился заглянуть в глаза бездне...

«Не путаешь ли ты причину и следствие? – подумалось Лене. – Сначала была болезнь, потом, наверное, дурь».

– Не проняла меня смерть Гарика, не могла я расстараться на слезы, злость на него забивала и задавливала все остальные чувства. Не жил, а немисливо утрировал, истреблял свою жизнь. Такой дробненький, хиленький, а могуч был насчет загулов. И это при его-то сердце. Что тут скажешь: безвременная кончина – неизбежное следствие ненасытностью жизни. У меня сложилось впечатление, что он сам себя загнал в эту крайность, считая, что скорый конец его предрешен. Ему бы с Тиной начать во всех смыслах с нуля: и в духовном, и в физическом, и в моральном. Тина как могла, продляла срок его жизни, но она не Бог и даже не ангел-хранитель.

Мой знакомый двадцать лет продержался с таким же диагнозом, двух детей успел дорастить. Жил без раскачки, быстро, ни минуты не тратя напрасно. Спешил жить. Сделал необычайно много. У него была поразительная трудоспособность и желание жить. Суть его существования на земле – борьба, преодоление, за что Всевышний даровал ему счастье иметь «детей и на детей». У каждого своя правда?

О Гарике в одночасье все забыли. И это тоже так по-человечески, ведь он всем, кроме Тины, чуждым был, таким и остался. И все же задержался, отпечатался его несуразный облик в моем сердце, и лицо почему-то врезалось в память.

А Тина с величайшим достоинством перенесла свою беду, свое горе.

«Инка всегда не прочь поделиться пикантными или грязными подробностями чужой жизни? Она иногда такое отмачивает! Считает, что это нас тонизирует? У меня нет оснований сомневаться в ее искренности, но личная жизнь этого молодого человека касается только его», – думала Жанна, всем своим видом пытаясь дать понять Инне, что ее совершенно не интересуют подробности жизни какого-то там Гарика.

– Не видя Тины, ты не можешь судить о глубине ее отчаяния. Обмякшая от трагедии, она оберегала память о Гарике, носила в себе боль, никому не докучая, и только просила не напоминать ей о нем, даже не заикаться. И я не трогала подругу, оставляла ей удовольствие жить среди воздушных замков и мечтаний. Надо же ей было как-то залечивать раны. Может, я и не права, но мне хотелось так думать о ней. Ой, не идут теоретические горькие истины на пользу людям. Всяк свои шишки набивает. Потому-то с веками мало меняется человеческая сущность. Отчего так глупо устроен мир?

– Как теперь выглядит Тина, я узнаю ее при встрече? – спросила Лена, чтобы остановить поток Иннинных слов.

– Вся польза в бедра пошла. Колобок. А на мордашку все та же, миленькая.

Представь себе, после той трагедии Тина вот так, ни с того ни с сего, однажды взяла под свое крыло лодыря и пройдоху

Артура, этого потрепанного жеребчика.

– Ты слишком критична к мужчинам, – заметила Жанна.

– И к женщинам тоже.

– Это твоя сильная сторона? – усмехнулась Жанна.

– Так вот, Тина два года Артура по всем экзаменам натаскивала, ни на шаг от него не отходила. И делала все для него бескорыстно и с радостью. Мать Тереза выискалась! Он, видите ли, поразил ее нестандартностью подхода к общеизвестным истинам, умел смеяться над собой... Так я тебе, Жанна, вот что скажу: лапшу он умел ей на уши вешать. Настораживало то, что порядочность никогда не была в числе его достоинств. Я «просекла» это с самого начала их знакомства. Да он и сам причислял это свойство к недостаткам и гордился его отсутствием в себе. А Тина на мои замечания только недовольно и обиженно поджимала губы и возражала мне, мол, это ты в контексте упрека мне?

«Ну, мать, ты даешь! Как он втянул тебя в свою аферу? Пора тебе покончить с подобными глупостями. Ты не вчера родилась и сама понимаешь, что пока Артур рядом с тобой, твоя собственная жизнь будет абсолютно бесплодна. Никакой динамики. Не впадай в экстаз. Закончит вуз, а что потом – суп с котом? Тебе будет очень больно. При любом раскладе ты будешь в проигрыше. Не по зубам он тебе. Запомни, добром это не кончится, и расхлебывать эту кашу снова придется тебе одной. Что ты перед ним «Лебединое озеро» каждый день исполняешь? Пораскинь мозгами: он же душу

из тебя вынимает. Может, у тебя с ним кармическая связь... на ментальном уровне... обезьяны? В этом что-то есть... Ты не замечала за собой способности к телепатии? К любому виду деятельности надо иметь природные данные. Нужно их искать и находить... Оставь его», – решительно требовала я.

Уж и смеялась над ней и умоляла, мол, ты не ведаешь, что творишь, прояви к себе милосердие, дай передышку своей щедрости. Даже презрительно утверждала, что стыжусь знакомству с ней. Крепкую она от меня нахлобучку получала, но все было напрасно. Я ее в дверь, а она в окно... Да еще говорила мне в ответ: «Подрубаешь наши отношения на корню? Позволь развернуть наш с тобой разговор в несколько другую плоскость. Ты всегда отбираешь женихов, как твоя бабушка помидоры на засолку? Я не имею возможности повлиять на твое мнение, как-то сумею иначе подать, донести... Все у нас ровно наоборот. Не надо искажать, усложнять. Не клей людям ярлыки. Только себя оценивай. Артур столько хорошего объединяет и содержит в себе!»

В это трудно было поверить, учитывая то, что я видела собственными глазами. А я видела до неприглядности противную картину и до подлости опустившегося, падшего мужика. Я не получала удовлетворительного объяснения поступкам Тины, и, не понимая, терялась.

Я всегда предпочитала бороться со злом с открытым забралом, из-за чего вечно попадала в затруднительные положения. Но не могла же я оставаться в стороне, когда Тине

плохо. Я сама оказывалась на крючке переживаний, поэтому-то и прикладывала немало старания, убеждая ее. Я осуждаю себя за то, что пошла у Тины на поводу, и собственными руками не выставила тогда Артура не только из нашей комнаты, но и вообще из жизни подруги.

А вот чего я до сих пор не могу вспоминать без отвращения, так это наши с ним беседы-споры о его, так называемых, взглядах на жизнь. От них такой противный осадок оставался! Но с Тиной о них Артур ни словом, ни полусловом не обмолвился. Я пыталась растолковать ей непорядочность его высказываний о ней за ее спиной, утверждала, что он всегда норовит ударить исподтишка, сзади, что он стопроцентно способен на подлость. Но Тина объясняла, что эти его слова ровным счетом ничего не значат, что это его поза. Ее уже одолевали новые идеи насчет Артура. И мне оставалось только обещать ей свою поддержку, мол, если что, дай мне знать, я голову ему отверну. «Это уже кое-что, это очень серьезно меняет дело», – улыбаясь, чтобы снять опасную тему, отвечала она на мою заботу. Чуть насмешливо так произнесла. Я, конечно, злилась, уже открывала рот, чтобы выпалить в ответ какую-нибудь резкость, но сдерживалась. Не могла Тину обидеть. На Артура позже набрасывалась, в его адрес выплескивала свою обиду, говорила, что по доброй воле и на пушечный выстрел к нему не подошла бы, если бы не Тина. И кто только их свел?

Еще в самом начале их знакомства я пыталась разуверить

Тину, отговорить отказаться от глупой затеи на аркане из семестра в семестр тащить бездельника. «Смотри, не прогадай!» – предупредила я ее. Но она ведь, если вобьет себе что-то в голову, то упрется так, что с места не сдвинешь. А зачем ему себя утруждать, если рядом есть Тина? Она и сложный чертеж изготовит, и расчеты сделает, и даже начисто перепишет, и оградит его от любых дальнейших всевозможных забот. Она же в любой момент под рукой. С ней никогда не возникает проблем. А он хоть бы раз немного потревожился за нее. Ведь она ночами на него работала. Помню, заснула, копируя его черновой чертеж, а стекло перегрелось от мощной лампы-подсветки и лопнуло. Она руки сильно изрезала, а ему хотя бы что, мол, ее проблемы. «Нельзя же позволять, чтобы тебя размазывали по стенке и ноги о тебя вытирали», – твердила я Тине и приводила в пример героя сказки Андерсена «Большой и маленький Клаус».

Как-то озабоченно спросила: «Жениться не предлагает?» Так удивилась вопросу. Я стала ей растолковывать, что у мужчин и женщин при знакомстве наблюдается несовпадение мотивов. У женщин любовь и замужество на первом месте. Сказал «а», говори «б». А у мужчин на первом месте секс и практическая польза, а женитьба где-то на последнем, поэтому браки у них сексуальные, а разводы все равно социальные. ...Мы разные, очень разные. Приведу пример. Случай со мной произошел. Подхватила я воспаление легких. Врача на дом вызвала. В то время грипп свирепствовал,

специалистов не хватало. Вечером пришел ко мне очень молоденький доктор, может быть даже студент-практикант. Я спокойно расстегиваю халатик, приподнимаю комбинацию, зная, что врачам все больные на одно лицо, а молодой человек замер с широко раскрытыми глазами и даже дышать перестал. Мне пришлось строгим голосом привести его в чувства и заставить прослушать хрипы в легких. Не могу себе представить, чтобы я вошла в ступор при виде голого мужского торса. Мы – животные разной породы.

Так не стала вникать!

Тина многократно спасала Артура во всех его авантюрах. Вечно у него было рыльце в пушку. Без нее он загремел бы под фанфары не только из ВУЗа. Я возмущалась, мол, кого ты предпочла, какой тебе резон мараться? И уходя, демонстративно хлопала дверью нашей комнаты... Та еще была парочка!

Позже выяснилось, что женат. Я догадывалась, но не была уверена, поэтому в наших с Тиной размолвках не могла этот факт использовать как главный козырь против Артура. Замечала, что встречался он с ней как-то все впопыхах, со всякими предосторожностями, с оглядкой. Мужики вообще хитрецы, но некоторые особенно... Ему льстило ее внимание, а у нее, скорее всего, было удовлетворение от полезности ею содеянного. Вот такая она незримая сила ее судьбы... или характера: вынашивать мечту, а потом отдавать в чужие руки да еще и помогать кому-то претворять ее в жизнь.

И от таких «несчастненьких» у Тины отбоя не было. Ажитажным спросом пользовалась. Видно было в Тине что-то такое, что их притягивало к ней. Ее безграничное великодушие? Умела без ложной жалости посочувствовать, помочь. Создавалось впечатление, что она не себе принадлежит, а тем, кто хитрее или сильнее ее характером. Ну, так хотя бы ценили. Как бы не так!

«И почему я недолюбливаю Инну без всяких на то разумных объяснений? Ей бы только скандальчик свеженький. Да и старый, засушенный сгодиться за неимением лучшего. Эти ее эмоциональные качели... Ой, что-то я сразу настроилась на недоверие, нехорошо это как-то. С душой ведь рассказывает», – одернула себя Жанна.

– И где Тина успела научиться переносить свою и понимать чужую боль? Я тебе все это к тому говорю, чтобы ты поняла, что не ценила Тина себя, имела уважение только к чужим страданиям, винить могла только себя. Странная она. С какой-то... неразвитой грацией души. Мне казалось, что ее наивность могла соперничать только с легкомыслием. Может, это у нее шло от простоты, которая, как говорится, иногда бывает хуже воровства. Еще классики Островский и Горький об этом нас предупреждали. Чем еще могла я объяснить ее поведение?

С ее мягкостью жить бы ей вдумчиво, созерцательно и умиротворенно. А она на мои осторожные намеки, на ее будто бы неполноценность, спокойно реагировала: «Не считай

меня скоплением скрытых комплексов, не думай, что я чем-то себя в жизни обделяю, я не страдальца; у меня все в порядке. Я уважаю каждого ровно настолько, насколько они того заслуживают. Не я им нужна, они мне, а это разные случаи... Это мой выбор». И голос ее при этих словах звучал весомо и холодно, будто я обидела ее. А я ей сердито отвечала, мол, ты сама до этого додумалась или кто подсказал? Кем ты себя позиционируешь в таких случаях?..

Она, конечно, глупышка, но не до такой степени, чтобы полностью раскрываться, понимала, что становится слишком зависимой от того, с кем была искренна. В таких делах не так-то просто довериться даже первому встречному. Но я не могла оставаться к ней равнодушной, для меня не было большей радости, чем видеть ее спокойной, улыбающейся. Из дружеских чувств я часто вмешивалась, пытаюсь расставить в Тининой жизни все по местам. Я воображала себя ее спасательным жилетом. Жалко, ведь обманывали... Только разве слово со стороны в силах хотя бы как-то помешать кому-то идти своей дорогой? И если уж на то пошло, как я могла стать на чью-то сторону, если они оба были неправы? Один требовал незаслуженного, другая отдавала себя непорядочному...

«Кто бы мог ожидать от Инны подобной душевности! И ведь, похоже, не врет. Может, только совсем чуть-чуть приукрашивает, – все больше и больше поражается Жанна.

– Бывало, стремясь нанести упреждающий удар, начну

Тине внушать что-либо реальное вроде того: «Разуй глаза, что у тебя есть кроме страданий? Разве можно помогать человеку, который делает тебя больно? У вас с ним два совершенно разных мироощущения, к тому же ты не мыслишь жизни вне рамок общепринятой морали, а он? Суетной, вертлявый... А это его несусветное беспардонное разгильдяйство? Тебя оно не убивает? Хлебнешь ты с ним горюшка. Пойми, его разглагольствования немного стоят, и на это трудно закрыть глаза.

Я, например, устаю от глупого, бессмысленного общения с ним. Вечно лезет со своими дурацкими откровениями на вольные темы, с пустой ни к чему не обязывающей болтовней. Конечно, каждому хочется поговорить о себе, облегчить, так сказать, душу, развеять сомнения, услышать сочувствие, но у Артура во время этих разговоров в глазах такая тяжелая, лютая, какая-то волчья тоска, что мне рядом с ним становится не по себе, и я невольно отстраняюсь. А еще я не выношу его умоляющего взгляда – будто душу острыми спицами прокалывает. Во время бесед с ним у меня вязнут мозги, и преследует желание поскорее от него избавиться, и я мысленно посылала его... Согласись, это неприятно шокирует. А так посмотришь со стороны – нормальный, пока рот не раскрывает. У меня есть чутье на мужчин: плохой он человек.

Не вводи себя в обман насчет его способностей, не позволяй ему принижать себя. Ты явно неходишь в число его

приоритетов. Твоему Артуру просто хочется, чтобы ему помогали задаром да к тому же гладили по головке и говорили ласковые слова, пока жены или мамы нет рядом. Так ведь всем этого хочется. Разве мы рождены для того, чтобы любить тех, кто нас ранит, не уважает? От таких спрятать можно. И ты, я думаю, понимаешь это не хуже меня.

Это непостижимо, но судьба почему-то наказывает и за добрые дела. Просто ума не приложу, как мне доказать тебе элементарное, житейское! Пойми, мужчина должен считать тебя своей удачей, наградой, на коленях перед тобой стоять. Я кое-что соображаю в том, как они устроены... – бухтела я сердито. – Слишком много себе позволяет этот типчик. Горячий, вспыльчивый и в то же время серый, мелкий, без ярких предпочтений, не желающий шевелить ни руками, ни мозгами. Просто строптивый, вздорный паникер. Он поманил тебя и ты уже для него готова на все. Он уже не ограничивается тем, что ты его в учебе за уши тянешь, но уже не без удовольствия прикладывается к твоему тощему кошельку. Ты же от него ничем не защищена. А вдруг не найдешь подработки, чем будешь жить? Ты итак держишься из последних сил, вымоталась страшно. Приходится одалживаться или уже втянулась? Ты не даешь себе отчета в том, что делаешь! Ведь не оценит же! С чего это тебе понадобилось нянчиться с ним? Мне порядком надоела твоя возня с этим подонком. У него постоянно возникает потребность унижаться или он слишком хитрый? Сколько еще сессий те-

бе с ним предстоит? Сколько еще он будет пользоваться твоей бессмысленной жалостью и добротой?

Думаешь, я домысливаю? Бортани его! Неужели прикипела сердцем? Было бы о ком жалеть! Вычеркни его из списка своих друзей и сразу почувствуешь себя легко. Имей мужество сказать себе правду: то был самый унижительный период моей жизни. В силу особенного строения своей души ты никогда не будешь до конца владеть его сердцем, вы никогда не станете по-настоящему близки, потому что он не захочет этого из-за своего мерзкого эгоизма, он не позволит себе этого. Все усилия твои будут напрасны. И тому я могу найти массу подтверждений в словах великих мира сего. Может, ты считаешь, что поступаешь сообразно своему предназначению? Но в данном случае – это всё твои собственные фантазии.

Предлагал руку и сердце? Просто клеится к тебе, чтобы подольше удержать возле себя. А если даже всерьез обещал... Тебе следует трижды подумать, прежде чем решаться на замужество, иначе от него при твоей патологической доброте потом не так-то легко будет отделаться. Надругается он над твоей любовью, не оглянешься, как начнет доставлять тебе проблемы совсем иного свойства. Одни потрясения будет дарить. Да и слабак он в мужском деле. Я на глазок могу определить, кто настоящий мужик, а кто уже совсем скоро станет ну этим... среднего рода. Извини, за подробности... Однажды ты проснешься, услышишь доводы своего рассуд-

ка, прозреешь, да поздно будет. Пеняй на себя. Я тебя предупредила.

Знаешь, я была такой как ты триста лет тому назад и тоже мечтала всю жизнь смотреть в глаза только одному человеку, а вышло, как вышло... Только я враз поумнела, научилась вслушиваться в оттенки не только своих ощущений, но и как бы вживаться в любого мужчину, постигая его суть. Теперь я не поддаюсь первому впечатлению на основании простых личных эмоций, симпатий и антипатий, никогда не покупаюсь на красивые слова. Рентгеном каждого претендента просвечиваю, пытаюсь заранее все о нем выведать всеми мне доступными средствами и способами, чтобы потом не сгибаться под тяжестью неожиданно навалившихся проблем. Не стесняюсь, если к этому есть серьезные основания, прощупать и его родню. И все потому, что не люблю чувствовать себя побежденной или обманутой. Вот так-то, подруга. Известны ведь всякие случаи, происходящие с неосмотрительными девчонками, не мне тебе рассказывать».

«Да ладно тебе, – мягко отбивалась Тина от моих запугиваний. – Ну что ты ко мне привязалась! С чего вдруг спохватилась? Предоставь мне самой решать, кого и в какой степени впускать в свое сердце».

А я не унималась:

«Зачем ты кружишь вокруг него, словно бабочка над свечой? Разве он тот, от кого зависит твоя судьба? Чем он может отблагодарить тебя за беззаветное служение? Если уж

говорить о том, что его действительно волнует, так это его собственная персона. Наглостью и хитростью возьмет свое и отступит в тень. А некоторые стыдливые останутся сидеть без гроша в кармане и будут думать, где бы им заработать себе хотя бы на скудное пропитание. Ты не видишь, что происходит у тебя под носом. Он притворяется, натягивает на себя личину несчастного влюбленного. Ты в корень смотри. Прислушайся ко мне. Берегись страдальцев, засосут они тебя в свой жалкий порочный мир. Чуть зазеваешься, они коготками сразу вцепятся и зубами вопьются. И вот еще что: не знаю, врать не стану... а вдруг у него скелеты в шкафу? Он же считает, что у него потрясающая неотразимая голливудская улыбка».

А Тина только грустно усмехалась, и в ее глазах светились непонимание и невинная оторопь. Можно было подумать, что грязь жизни протекала мимо нее, не задевая, не касаясь ее души, в которой всегда горел неведомый мне огонь, но наружу не вырывался. Вот уж воистину святая! Пропускала она мимо ушей мои невнятные намеки на предполагаемую неверность Артура. И мне уже самой казалось, что слова я произносила фальшиво, они выходили глупыми и коробили даже меня. И я в потрясенном молчании отступалась, хотя в глубине души не одобряла ни ее, ни себя. Мне уже не хотелось прокалывать «воздушный шарик ее незамутненной радости». Такая вот она шероховатая осязаемость жестоких фактов. Мне казалось, поверь она мне, эта моя правда кожу

с сердца могла ей содрать... И я оставляла свои расшаркивания и советы для других, менее упрямых.

Говорят, что в основе большинства наших нелепых поступков лежат детские страхи. В определенном смысле они формируют нашу судьбу, становясь преградой на жизненном пути. Возможно, и у Тины было что-то такое, что неявным образом постоянно давило на ее подсознание. Но она была скрытной, и я делала выводы на пустом месте.

– Большинство глупостей совершается людьми по причине зависти, жадности, тщеславия и скуки, а Тина глупила – по доброте душевной? – рассмеялась Жанна. – Пора ее канонизировать?

От улыбки лицо ее осветилось и помолодело. И Лена заметила, что в свои шестьдесят пять Жанна еще не растеряла последние блески привлекательности.

– Сколько Тина перетерпела от Артура за эти два года! И как он обошелся с ней? Закончил вуз и тайком уехал к семье, бесследно исчез из ее жизни. И мне вдруг подумалось тогда: «Нет, судьба не должна быть к Тине так несправедлива! Она обязана ее чем-то вознаградить». Да... по-всякому живут люди. Я знала одного мужчину, самым большим несчастьем которого был не выигравший в детстве лотерейный билет...

Сдается мне, что разум тогда... напрасно не одержал верх над моими эмоциями. Ох уж эта моя бестолковая, забубенная юность!.. Я и о себе думаю и говорю достаточно трезво.

Перед самой собой не спрячешься за чужую спину, нет ее рядом...

Но почему-то и после Артура не пошатнулась у Тины вера в людей. Когда она научилась сносить несправедливость, не ожесточаясь сердцем? Какая странная, неумолимая идея вела ее по жизни? Понимаешь, Жанна, Тинка глупая, но такая прекрасная в своем неукротимом желании спасти несчастных и заблудших! Эта совершенно обезоруживающая, тихая, мягкая кротость и податливость нежно светились в ее глазах всеми цветами радости. Она излучала всепроникающие волны заботы и участия, желания услужить, облагодетельствовать, а врожденное милосердие заставляло ее составлять о людях доброе мнение. Мне казалось, что ее лицо так и просится на икону. Как она сумела все это в себе сберечь, не расплескав ни граммушечки, ни капелюшечки...

Сколько с тех пор воды утекло! Перед глазами пробегают давние и недавние события, а я все помню ее именно такой... Можно подумать, что чужие трагедии для нее – норма жизни. Это же недопустимо. Так не должно быть. Весь свет не облагодетельствуешь. Я до нелепого привязана к Тине вероятно потому, что во многом мы несхожи. Ты знаешь, Жанна, нашей дружбе не грозят капризы фортуны, она не замешана ни на деньгах, ни на обожании мужчин, что, как правило, делает ее слишком неустойчивой, нестабильной. Я Тину обожаю как слабого ребенка.

Инна недовольно наморщила свой милый, чуть веснуш-

чатый носик, но слезы все же не сдержала.

– Не ожидала я, что и у меня затворы глазных каналов ослабели и стали подтекать, – сердито фыркнула она, но свой рассказ не остановила.

– Я никогда не слышала, чтобы Тина хохотала, смеялась открыто, радостно и свободно. Умеет только скромно улыбаться. Ей идет. У нее особенная способность притягивать к себе сердца. Может, мне самой не хватает такой же вот мягкости...

Знаешь Жанна, в чем я абсолютно уверена, так это в том, что дан ей от Бога дар великой доброты... Но если и есть внутри нее Бог, то он слишком уж безрадостный. А ведь умение радоваться, быть счастливым влечет за собой желание жить. Что ее поддерживает в жизни, что стимулирует? Страдания? Тогда во имя чего? Ради спасения этих бездарей, обманщиков, подонков она совершала подвиги, жертвовала своим здоровьем? За страданием кроется только страдание и сострадание. Что она от них имела в душе положительно-го? Ну, я еще могу понять, когда человек вынужден принимать мучения в силу необходимости, ну там дети, родственники... а то ведь добровольно! Страдание – способ проявления несовершенства человеческой природы или напротив – ее высшая степень совершенства? Да простит Всевышний ересь мою...

– Большинство женщин в основном только отдают, – заметила Жанна.

– Ну и зря, – рассердилась Инна.

*

– ...А потом, чем дальше в лес, тем больше дров. Вскоре Тина на этого... как его там, фу ты, все мозги мне иссушил... совершенно вылетело его имя из головы... – ах, черт! о мой склероз! – ... на Кирилла напоролась.

Со мной теперь часто такое случается. Вертится в голове что-то знакомое, кажется, еще совсем немного и всплывет имя. Но не получается вытащить его из кладовых памяти, ускользает оно, а потом вдруг само выскочит, когда уже не требуется, – весело оправдалась Инна.

Жанна насторожилась и вся обратилась в слух. Ей очень хотелось получить хотя бы отдаленное представление о судьбе своего сокурсника.

– Так вот и у Кирилла слюни на Тину потекли. Он оказался не намного лучше ее предыдущих пассий. Отчетливо помню: короток был у них процесс взаимного узнавания. Тинка как-то пугающе быстро с ним сошлась, буквально влет его ухватила, будто стремилась наверстать упущенное. Она просто цвела при виде его, сама льнула к нему, смотрела на него с неосознаваемым восторгом. Даже непосвященному становилось ясно, что это любовь. А я сгорала от стыда при такой ее откровенности чувств. Ну что тут еще можно было сказать? Так вышло – втюрилась Тинка. И к гадалке ходить не надо.

«Многообещающее начало», – передернула плечами Жан-

на.

– Кирилл казался мне неисправимо нелепым воздыхателем. Как-то неожиданно и глупо ему повезло с Тиной. И ведь на самом деле после тому много было подтверждений. Объективности ради или из ревности к Тине – это мне трудно в себе понять – я считала его недостойным. И я заносила над ним топор-возмездие – свою хулу – за то, что, по моему мнению, он занимал чужое место. Я боялась, что в силу своего характера Тина полностью попадет под его влияние.

У меня почему-то не поворачивался язык назвать их связь любовью с первого взгляда. Бывает, конечно, такое: несколько секунд видишь объект и вдруг дзынь в голове и все – пропал человек. И этот образ всюду преследует его, как некая особая краска жизни... Но чаще случается другое: двое не очень счастливых, охваченных внезапным чувством симпатии, безоглядно бросаются навстречу друг другу. А может, сошлись два человека, потому что судьбой им было назначено встретиться. Правда, это я теперь так говорю. Я вот ничего не делала просто так, походя, ничего не пускала на самотек в вопросах с мужчинами. И чего добились?..

Нет, Жанна, слишком быстро Тина сдалась на милость победителя, на самом деле оказалась в его власти и обрекла себя на пожизненную пытку. Надеялась перевоспитать! Ха, лично я на ее месте не была бы столь самонадеянной. Но коль скоро у них все завязалось, соваться в их отношения я не рискнула, тем более, что я сначала подумала, что двое

тонуших просто на время ухватились друг за друга, чтобы легче было выплывать.

Не пойму, чем Киря привлек внимание Тины? Чем приковал ее доброе сердце? Путанный, невнятный, дерганный, неугомонный. Почему она высмотрела именно его? Как может нравиться человек полный внутренних контрастов, обладающий ко всему прочему беспокойным, даже я бы сказала вздорным характером. Он же душу дьяволу готов был продать за возможность повыпендриваться. Может, никто из приличных ребят на тот момент ей не подвернулся, а кем-то надо было заткнуть дыру в измученном сердце? Ждала, ждала лучшего и заждалась. Вот тут я ее отлично понимаю и знаю, откуда дует ветер потребности в любви, несущий тоску в сердце и одиночество...

Он же неуёмный, где не надо, ненадежный. Я бы о такого не споткнулась. А для Тины с тех пор никого другого на свете не существовало. Он единственный, неповторимый! С ним она связывала все лучшее, что было в ее жизни. Говорила, что лишь с ней он становился самим собой. Так ей казалось. А нужен ли он ей такой, который умел только изматывать?.. Ох уж эти мне вечные, нравственные, неразрешимые житейские вопросы...

Этой последней фразой Инна обращалась ко всем женщинам сразу и ни к кому в отдельности. Просто исторгла из души вопль в пространство и все. Никакой логики, просто вихрь смятенных чувств. Лена подняла голову и беспокойно

посмотрела в сторону подруги.

Опомнившись, Инна тихо и мягко произнесла:

– А что вечно в этом изменяющемся, равнодушном, неудержимо несущемся в небытие мире? Горе, любовь, радость? Вопрос в точку? Только горе. В жизни иногда радость одного человека оборачивается горем для другого. Никогда ведь заранее не знаешь, как карта ляжет. Запусти меня сейчас в те прошлые годы, наверное, все равно бы наделала ошибок, не обошлось бы и без слез, страданий, раскаяний, опять возникали бы моменты притирок, недопонимания...

Так уж видно у них совпало, что прижались они друг к другу как брошенные котята, – опять задумчиво, будто в пространство сказала Инна.

«Тянет, тянет, – раздраженно подумала Жанна. – Какая-никакая, но все-таки информация о Кирилле».

– Я наперед знала, что если не сразу, так через несколько лет все Киркины качества отрицательно скажутся на их взаимоотношениях. Я догадывалась, что их жизнь будет примитивна, скучна, никчемна и отчасти сумасбродна. Кирилл всегда будет пешкой в чьей-то игре и ничего, кроме запредельного кошмара их связь Тине не принесет, – затараторила Инна. – Кир был слишком сер и скуден, чтобы много отдавать, хотя, опять-таки, смотря как расценивать и с кем сравнивать. Такое не планируется изначально... Да, видно, слепота сопутствует любви по определению, и это приходится принимать как аксиому. Я тебе, Жанна, это не как женщина,

а как технарь говорю...

Кир, как мне показалось, был застигнут врасплох очарованием естественного Тининого поведения, ведь каждому хочется чего-то искреннего, чистого, нежного. А может, все-го-навсего, ему надо было уткнуться в кого-то доброго и мягкого. В таком случае его поведение логично... А что, запросто могло так быть. Если честно признаться, я склоняюсь именно к этой версии.

«Принизила Тину и даже не заметила», – обиделась за однокурницу Жанна, но вслух ничего не сказала.

«Оседлала привычную интонацию! Теперь ее не остановить. Пока не выговорится, не замолчит», – усмехнулась про себя Лена и углубилась в рассмотрение очередного альбома.

– Что их связало на самом деле, скорее всего я никогда не пойму. Видно назрела необходимость... Не верится мне, что Кир мог быть для Тины подлинной точкой пересечения реальности и мечты, ведь он уже тогда начинал злоупотреблять алкоголем. На что она надеялась? «Может, она что-то знает о нем, чего не знали остальные?» – думала я, пытаюсь найти объяснение и оправдание поведению Тины. – Разве поймешь, отчего вдруг западаешь на недостойного тебя?

У меня было ощущение, что Кир просто околпачил Тину и надежно пришвартовался к ней. Видно предпочел обойтись тем, что проще и удобнее. А она будто стояла наготове, вытянувшись в струнку. И его слова удачно попали в ее подготовленную душу самым кратчайшим путем – напрямую.

Поймалась она на крючок его красивого словоблудия – он ведь с легкостью жонглировал идеями и фразами самого разного порядка, – его фантазии с успехом скрывали от нее посредственность и примитивность его природы. Кирка вечно ходил с видом, будто знает обо всем больше, чем все остальные. На первом курсе все гении. Но к пятому курсу большинство студентов умнеет. Только не Киря.

А со временем и Тина окончательно утратила остатки своих лучших качеств – достоинство, способность разумно мыслить – и всё ради того, чтобы Кирилл не пренебрегал ею, был всегда рядом. Где-то я слышала, что мелкость души оборачивается мелкостью желаний. Но разве можно душу Тины считать мелкой? Жить чужими бедами! Ее, такую прекрасную, еще поискать! И на кого она ее растратила? И с таким типом она хотела слиться и жить единой жизнью?.. Разве это меняет дело? А вдруг Кир все-таки был лучшим из целой галереи ребят, с которыми сводила ее судьба? И такое имеет место быть. Но я забегаю вперед.

Здесь уместно заметить, что Кирилл был мне решительно несимпатичен еще задолго до его встречи с Тиной. Безалаберный, напористый, когда хотел, бездельник, жмот. Донимал ребят, среди которых он тогда терся, своей болтливостью. Не пришелся он мне по душе, невзлюбила я его жутко и постоянно находилась с ним в состоянии конфликта и даже войны. Обрати внимание на тот факт, что многие его не любили. Значит, не случайно. Все ему были плохи, один

он бедный-несчастный и хороший. Нет, я понимаю, рано познал зло, царящее в мире...

Не жаловала я его, сомневалась в его искренности. Он вызывал у меня зудящее раздражение. Мне казалось, что еще в детстве плесень проникла в его душу и заполонила ее полностью. Ты обращала внимание на особенность его лица? У него одно из тех редких лиц, у которых профиль и фас как бы не имеют друг к другу никакого отношения. Это как бы два разных человека. Как я ни искала, такого индивида больше не встретила. Прости – лирическое отступление.

– У мужа Ларисы я такое же явление обнаружила. Мне кажется, и в характере у него то же самое наблюдается, – странным образом усмехнулась Аня.

– У какой из них?

– У обеих, – не то в шутку, не то всерьез ответила Аня.

– Кир уже в те годы не любил читать художественную литературу и позволял себе говорить, что не доверяет чужим мыслям. Это как нельзя лучше характеризовало его. Ха! А может больше меня?.. Во всяком случае, спускать ему даже невинные недостатки и проступки мне казалось нестерпимым. Бывало, нагадит в душу и с чувством исполненного «долга» не спеша, уходит, оставив меня с открытым от удивления и растерянности ртом. Ему обязательно надо получить удовольствие от самого себя. Любым способом. Жутко наглая особь! А эта его любимая фразочка: «запросто, как нечего делать». Но ведь никогда ничего не делал! Или еще: «с

меня взятки гладки». Это ли не качество оболтуса! Не знаю, может, когда-то он и мечтал высоко подняться, но «дыхалки» на что-то путное у него никогда не хватало.

Тина всегда была на стороне слабого, всей душой переживала беду поверженного, а у Кирки, говорившем о несчастье другого, преобладала какая-то неприятная язвительная радость, я бы даже сказала, что он испытывал какое-то яростное наслаждение от чужих неудач. У меня уши вяли от его пошлых шуточек в адрес обиженного. Вряд ли стоит напоминать, что причиной тому был слишком серьезный порок – зависть. Для мужчины он особенно недопустим, потому что принимает парадоксальные формы. Это зло оседает в душе, накапливается, и постепенно замещает в ней все доброе, что еще присутствовало в ней. К тому же Кир относился к числу людей, которые, испытывая боль, обязательно хотят, чтобы о ней узнали близкие, друзья и тоже страдали вместе с ним.

Не сразу я научилось его отбривать. Никто не может перепрыгнуть через свою тень. Никому не удастся полностью избавиться от цепей своего характера. Можно, конечно, что-то в себе пощупать, выяснить, провести рекогносцировку, извернуться, попытаться сломать свой образ, но кардинально себя не изменить, если нет положительной базы. Человек полностью не перерождается... Если только не заболит психически.

Кирилл и в те далекие времена был странным: вечно бродил, согнувшись в три погребели, со скучающим видом, не

зная, куда себя деть. Улыбка даже на короткий миг не освещала его желчного лица, а если и возникала, то только представительская и только на поверхности лица, вглубь не проникала и души не затрагивала. Никогда не доводилось мне слышать от него открытого, искреннего смеха, не случилось отследить хотя бы отблески радости на лице. Я наблюдала только язвительные и горькие усмешки.

Говорил он сдавленным полупшепотом чревовещателя. Я не замечала, чтобы он ходил с виноватым или раздосадованным видом. Подавленное настроение одерживало над ним верх. Казалось, он находился в постоянном конфликте с самим собой. Понятное дело – ранимый, неуравновешенный, закомплексованный. Иногда он краснел, но я так и не могла уяснить – от стыда или от злости. Над лекциями не корпел, экзамены не сдавал, а вымучивал – тут его вздорная манерность исчезала без следа, – но утверждал, что везет ему, как утопленнику и раздражался злой сатирической тирадой в адрес преподавателей, мол, уничтожают его.

Кирку послушать, так он – гений почти в любых областях наук. В его активе восхождение к уникальным вершинам знаний! Его речи способны усладить слух только достойных!

– Водилось за ним такое. Но мы в этом вопросе подходили к нему снисходительно, даже не подшучивали. Нет, случались, конечно, взаимные уколы, но если только Кирилл сам начинал нападать, – сказала Жанна.

– Как ни странно, проще всех к этому относился он сам. Как же иначе, само собой разумеется! «Разве вы не видите над моей головой нимб – сияние гения! Я своим умом и скромностью возвышаюсь над теми, кто меня не понимает или корит. Я могу позволить себе говорить подобным образом!» Только что-то уверенность в собственной исключительности не помогала ему. Кое-как выкарабкался из своих многочисленных «хвостов», но осилил-таки университетский курс.

«Вспомнила дела давно минувших дней. Она так и не рассмотрела в Кирилле ничего положительного? Это ее свойство характера или она ревнует Тину к Кириллу»? – недоумевала Жанна, внимательно всматриваясь в лицо Инны.

– Кир всегда был чрезвычайно упоен собой, ему ни до кого кроме себя не было дела. Помню, становился в эффектную позу, напускал на себя наигранную царственную спесь, и утверждал, что гению не на кого положиться. Он одинок, потому что не может быть понятым, но не хочет примыкать к своре ничем не примечательных личностей. С каким достоинством себя нес! Умора, полный отстой. Надо быть совсем уж идиотом, чтобы так говорить о самом себе. Вот тогда-то и закрепилась за ним кличка «теоретик» – в худшем смысле этого слова. Какие только ярлыки не приклеивались к нему! «Разносторонняя» личность!

– У него тогда был период оптимистичной самовлюбленности, – встала на защиту Кирилла Жанна.

– Не понимал он, что одержим постыдной манией величия. Представляешь, воображал, что талантливому человеку нужно все прощать. Насколько талантливому, вот в чем вопрос. Кого он с ног сбивал мощью своего таланта и эрудиции? Я пыталась уточнить этот момент, говорила, что хочу окунуться в его оригинальную реальность. Но он под разными предложениями уходил от этой скользкой темы. Как-то пристала к нему, мол, какое твое жизненное кредо? А он мне: «К чему красивые слова? Может, еще заголиться, душу свою обнажить? Я не желаю обсуждать с тобой подобные вопросы». Так бы и съездила по его наглой физиономии! Жаль, что в такие игры не играла, а то, может быть, привела его в чувство. Я думаю, что он заблудился в своей жизни еще тогда, в общечитии, до знакомства с Тиной. Никто не препятствовал ему развивать способности. Сам себе препоны ставил своим несносным характером.

А Тина безоговорочно поверила ему, клюнула на его эффектную наживку. Я пыталась на нее воздействовать. Окидывала презрительными, уничтожающими взглядами, распекала с неподдельным гневом: «Ты хотя бы возмутилась! Что он себе позволяет? Меня чуть удар не хватил от его самомнения!» А она улыбалась и не реагировала, что меня еще больше распаляло. Я что, всласть орала только для прочистки горла? Нет, я конечно, боялась навредить, умирляла свое недовольство...

– Не кори, не грызи себя за то, в чем ты не виновата, –

успокоила Жанна Инну, видя, что та заводится без меры.

– А если глубже копнуть? Тина видела в Кирилле страдальца, любила его слабости и хотела быть ему полезной. Поймал на жалость – знал, мерзавец, чем ее взять, чтобы заполучить – и все твердил, мол, попробуй влезть в мою шкуру. Нет, всем иногда хочется дать волю жалостливым чувствам, но не строить же на этом всю архитектуру своей жизни. Как порой бывают запутаны мотивы человеческих поступков, особенно если они не отличаются зрелостью!

А Кир начитался научно-познавательных популярных брошюр и наивно пытался убедить всех, что высказывает по каждой теории свое личное мнение. Меня поражала голословность его маниакально-болезненных хвalebных од собственной персоне. Я в глаза ему говорила: «Постыдился бы возноситься на ерунде, ведь на самом деле ты не гений, не явление, а ноль, недоразумение, и твой талант так же сомнителен, как и твои человеческие качества. Мятежный ниспровергатель... тривиальных истин. Туману напускаешь, явно привираешь. Тебе ложь ничуть не в тягость? Ты же, прежде всего, себе вредишь». Он, конечно же, отвечал раздражением и бешенством, мол, не цепляйся, тебе это не зачтется, но припомнится. Чувства унижения, похоже, не испытывал, но муки уязвленного самолюбия, я думаю, его изводили.

Банальность и высокопарность его речей поначалу даже огорчали меня. Мне казалось, он заслушивается самим собой, что ему и в голову не приходит, что кто-то может не

восхищаться его «руладами». Я надеялась, что со временем он повзрослеет, одумается, и будет безжалостен к себе в своих честолюбивых устремлениях. А он запил и тем подорвал остатки моего к нему уважения; так что в его последующие фантазии и обещания я уже не верила.

Потом, помню, Кир приткнулся у кого-то из ребят в нашем общежитии, прикинувшись «казанской сиротой», но вскоре вошел во вкус и снова стал проявлять свой неуступчивый агрессивный характер: то выставлялся сосредоточием массы противоречий, то воображал себя верхом совершенства. А эта его медленная походка знающего себе цену человека, а труднопереносимая матерщина! Невооруженным глазом было видно, что тот еще типчик. Не заморачивался по поводу уважения к окружающим. Одним словом – пропаций. Я старостой этажа тогда была, так он последнее мое терпение вычерпал своими фокусами. Такому дай волю, так всех на уши поставит. Что меня особенно бесило в нем, так это его безответственность и еще безразличие к людям. Ни в чем не привык давать себе отчет. Я ему, мол, осознание вины – уже половина исправления, а он на меня, округлив глаза смотрит, будто не понимает, о чем я ему толкую. Сложное, неприятное было общение с ним.

Иногда я думала: «Может, он не находит мужества признать свою никчемность и прячется за гонор? Вполне возможно, что еще в детстве успел хлебнуть лиха... Хотя слишком часто такие вот очевидные, лежащие на поверхности

версии ведут в никуда. И из них практически невозможно сделать правильное заключение. Если только в купе с другими вариантами...» Помню, как-то очень горько жаловался сам на себя, на свои нервы, потом на других, мол, никто не заглянет в душу и не спросит сочувственно: «Как тебе здесь живется, легко ли тебе ежедневно подвергаться подобным моральным истязаниям?»

«А ты сам у кого-либо об этом же спрашивал?» – в тон ему интересовалась я. Не задевали его мои прямые колючие вопросы, он только нагло и вызывающе кривил губы.

Боже мой, сколько раз он получал от меня нагоняи, сколько раз я подвергала его насильственному изгнанию! Он же «зайцем» был, «безматрасником», то есть неофициально жил, без прописки, без койки. Таких как он обездоленных тогда много было в нашем общежитии. Ну так веди себя тихо, не подводи приютивших тебя людей, ни себе, ни другим неприятностей не делай. А вокруг него то скандалы, то провокации. Не бросал он свои замашки и ни малейшего чувства стыда не испытывал, не терзался ни за свое малодушие, ни за бездеятельность, ни за непорядочность. Природная ли неотесанность, застенчивость ли, спрятанная куда как глубоко были тому виной – разве поймешь? Хотел, чтобы к нему хорошо относились, но сам не способствовал.

Осточертел мне Кир. Я нисколько не кривлю душой, говоря, что ненавидела его всеми фибрами души. Я за него, знаешь, какие выволочки на студсовете получала! А Тина уже

тогда зачем-то пыталась собрать разрозненные осколки его никудышной жизни и придать его жалкому существованию какую-то определенную форму. Она старалась своей заботой занять все его жизненное пространство. Вот он и обустроился в ней уютно, как в материнском чреве и скрашивал свое одиночество и неприкаянность.

Тине в то время было, кем более достойным занять свою голову помимо этого оболтуса... Правда иногда Кирилла одолевал изнурительный приступ предупредительности и заискивающей вежливости, которые она, по всей видимости, и приняла за любовь. Да и смазливеньким он был. Если и были в его лице какие недостатки, то их искупали поразительно красивые черные глаза. Ими он тоже, наверное, Тину приманивал. Многие девчонки заглядывались на него, пока не узнавали подробнее. Но мне он не показался.

Жизнь иногда подает нам тревожные сигналы, но молодыми мы не прислушиваемся к ним. Теперь, когда мне перевалило за шестьдесят, и годы быстро, ой как быстро подбираются к семидесяти, я думаю, что пока Кир познавал сладость и горечь взрослой жизни, его слишком мучили жизненные передраги и душевные катаклизмы. Некоторым бывает очень трудно взростеть. Но кого из нас они не одолевали? Можно подумать, что он единственный на всем белом свете, у кого были проблемы.

Кир становился невыносимым, когда касался темы своей несчастной судьбы. Он вечно ныл, что не может примирить-

ся с действительностью, что жизнь оказалась примитивнее его мечтаний, что он не хочет быть ее рабом, а она вынуждает. Считал, что с несправедливостью и мерзостью жизни его может примирить только водка. И утверждал это с тем же удовольствием, которое раздражает в больном, бравирующем своим будто бы добрым здоровьем. Говоря ахинею, он точно миазмы зла выдыхал. Нет, как тебе такое нравится! А у нас учились и детдомовские, и инвалиды детства. И никто из них не прокисал. Конечно, всякий молодой человек мечтает «полюбить – так королеву, выиграть – так миллион, если властвовать – так над всем миром». Только не понимал он, что это удел королей, а не простых смертных. А нам вкалывать надо было, чтобы чего-то достичь.

Что до Кирки, то я считала, что он просто плут, и это у него на лбу написано, как бы он ни скрывал. Он всегда искал виноватых, но себя пропускал в этом специальном реестре, не заносил в их число, охотно включая всех прочих. Может, это и глупо, но я не любила его еще и потому, что мне всегда представлялось, что широко расставленные на лице глаза означают добродушие их владельца, а если они близко, то выражают коварство характера или хотя бы хитрость.

Инна остановила разбег.

«Ну и сморозила! Не ожидала от нее. Это все равно, что всех толстых считать добрыми, а тощих – злыми... Стареем, дуреем?» – удивилась Аня.

«Не каждому дано взваливать на себя всяческие выверты

человеческого поведения, внимательно всматриваться в чужие судьбы, и, как следствие, в свою душу глубже заглядывать. Может, не так уж и плохо, что Инна перераспределяет боль наших товарищей между нами... Слава богу. Глядишь, и сама Инесса освободится от бремени чужих забот и житейских глупостей, и ей станет легче», – подумала Жанна.

Но напрасно она поторопилась с выводами. Забыла кто перед ней, не разлепила глаз. А Инна с воодушевлением продолжала:

– Еще, будучи студентом, вогнал Кирилл мне в душу острый кол. Чего только не выделял с Тиной этот мнимый гений с нестабильной психикой, одержимый «сокрушительной» верой в победу своего интеллекта. Только энергия, питавшая его гений, не найдя применения быстро иссякла. Сколько раз я ему говорила: «Если желаешь чего-то всей душой, то добьешься. Только ты ни на минуту не должен усомниться в том, что именно это для тебя самое главное. Надо много трудиться, чтобы Всевышний твои желания взял на карандаш. Надо заслужить его расположение. Люди могут обмануть. Космос – нет. Но если остановишься в самом начале разбега, тебя как личности не станет».

...Не только музыка, но и жизнь может быть фальшивой. Собственно их отношения всегда оставляли желать лучшего. Он же своевольный, капризный бесцеремонный. Может, Тина быстро подпадала под очарование его, так называемых творческих идей? Была ими отравлена? Они гипнотизирова-

ли ее, и она ползла к нему, как кролик к удаву? И потом долго не отпускала их от себя, ревностно оберегала репутацию своего кумира. Мы, девчонки-физики, – по Киркиным словам – особые: нам не надо красивых слов любви, дай только выслушать новую идею или неподтвержденную гипотезу, да еще из уст молодого новоявленного светила! Нам бы только изучать великий океан непознанных истин, искать смысл человеческого существования. Ведь уравнения есть, а до сути явлений Природы ученые пока не добрались. Только дверь открыли и указали массу дорог, по которым стоит дальше идти следующим поколениям талантов.

Я все делала, что было в моих силах, чтобы помешать этой паре окончательно сойтись. Я говорила Тине: «Здание, построенное на самообмане, долго не устоит. Кир – твоя идея «фикс», твоя хроническая язва. Лечишь, лечишь, но она все равно мгновенно открывается, стоит только спровоцировать малейший повод. А он не заставит себя долго ждать. Этих поводов в вашей жизни всегда будет предостаточно. Будь бдительна, в любой момент, при желании, можно найти причину для недовольства. В нем я чувствую слабость духа и злую волю. Он же раб своих дурных склонностей, для него существуют только собственные прихоти. Закругляйся с ним, пока не поздно. В твоей жизни и так слишком редки радости, зато горести, тревоги и беды нескончаемы. Ведь у Кирилла сплошные отклонения и загибы.

Подожди, пока твой избранник остепенится. Уже сейчас

твоя любовь к нему – боль и грусть. Тебе это надо? Вы не созданы для того, чтобы всегда быть рядом, но твоя наивная любовь не позволяет тебе понять это. В конце концов, свет на нем клином не сошелся. Запомни, если хоть малейшая тень сомнения промелькнет у тебя в голове – не иди замуж, иначе это сомнение со временем разрастется и все равно погубит тебя». Есть люди, которых выручаешь, надеясь на их отдачу в дальнейшем, есть те, которым делаешь что-то хорошее из страха, боясь их мести, а некоторых просто любишь, чувствуешь на расстоянии, жалеешь, прощаешь – вот как я эту несчастную Тину. (Она точка приложения ее неостребованной любви?)

Напрасно я уговаривала Тину. Не отступалась она. Вообрази мое удивление, когда они перебрались в халупу на краю города. А мне она объяснила так: «У каждого из нас что-то было в прошлом. Теперь мы с Кириллом ответственны друг перед другом только за то, что сумеем или не сумеем построить в настоящем и в будущем». Она опять была в плену у своей мечты, у своей надежды. Ох уж эта цепкая иллюзия счастья и вера в свои силы!

Хорошо, конечно, сказала, но без учета самолюбивой мужской натуры. И я с грустью думала: «Скоро, очень скоро в их семье вскроются многочисленные проблемы. И для этого даже не потребуется неосознанного погружения в подсознание. Пройдет влюбленность и вряд ли Кир простит Тине тех, кто был до него. Не может он не знать о ее трудовых

подвигах. Молва оболжет ее, и он поверит не Тине, не своим глазам, а сплетникам. Подспудно это знание будет давить ему на мозги, на ревнивое сердце и требовать отыграться, охотясь за новыми ощущениями как минимум, чтобы уравнивать счет, и даже с гаком. Он же не сумеет простить безвинно оговоренную, хотя бы потому, что пренебрежительно относится к чужим судьбам. Именно поэтому всё, к чему он прикасается, превращается в прах и в грязь.

В Кирилле нет Тининого благородства и благодатного всепрощения, он обязательно станет ей изменять и быстро утешаться, когда его будут бросать. Эти мелкие факты не могут его трогать. А на возмущение и упреки оставленных им женщин подыщет сходное оправдание или будет неприкрыто-цинично с заранее заготовленной улыбочкой отвечать: «Меня не гложут сомнения и совесть. Я не несу в сердце тягостный груз сознания, что погубил тебя. Думаешь, что я безжалостно осуждаю себя? Верила мне? Поживешь как я, так перестанешь верить и в бога, и в черта, и в людей. Каждый сам себя уничтожает: один – не найдя своей дороги в жизни, другой – не справившись с человеком, встретившимся на его пути. Меня лично погубила убийственная тоска и безысходность...» И все это произнесет с наигранной мягкой укоризной в голосе – равнодушной к воплям жертвы – или с надменно приподнятым подбородком, не меняя позы, с издевкой. И еще «трубку мира» предложит – бутылку вина распить на прощание. Мол, возврата к прошлому не пред-

видится, а если и доведется встретиться, не обессудь – не узнаю. И предосудительными свои слова не сочтет. «Слышала я такое на заре моей туманной юности...» – горько вспоминала я тогда. Что же Кирилл мог сказать на самом деле мне трудно предугадать, но наверняка что-то похожее.

Инна замолчала, устало пожала плечами. Жанна почувствовала некоторое облегчение. Она попыталась «пережевать» услышанное. Но подруга не дала ей на это время.

– И закрутила-завертела Тину судьба-индейка. А Кир, словно с завязанными глазами следовал за нею неотступно, как за поводырем. Может, потому что тоже слишком долго ждал своего часа. Подозреваю, что он уже тогда понимал, что Тина для него – золотая жила, и что без нее он быстро пропадет. Он ничего не делал без выгоды, случайно. Не хотелось бы упрощать, но неспроста Кир прилип к Тине, о себе только думал, о своей пользе. Я не юрист, но в этом факте вижу состав бытового преступления, достаточно часто встречающегося в нашем весьма скромном быту, его слишком мелкий, не авантюрный вариант. Мужчины не женятся, если им есть что терять, и заводят семью, когда хотят от нее что-то получить. Они в этом вопросе много практичнее нас, женщин. Нам в первую голову любовь подавай! Мы с Тиной обе мучимы вечной жадой быть любимыми, только живем на разных островах надежды.

Когда-то я думала, что очень просто развести или свести двух людей: только скажи каждому в отдельности на ушко,

что другой его обожает или наоборот. Нет, не все так просто, как кажется, упрощения ведут к ошибкам. Мужчины склонны вестись, но только лишь в случае, если хотят лишь на время скрасить свое существование.

Как-то я опять навязалась к Тине со своим мнением. Выследила Кирку, так сказать, дотошно собрала компромат – горький гнев переполнил меня, – приберегла напоследок кучу свежих фактов и понеслась. Хотела все ей выложить. Мол, не обманывай себя, он врет тебе, как уж на сковородке изворачивается. Твоя плата за его любовь непомерно высока. Ты едешь в поезде, который движется в никуда... Черт меня дернул влезть. Но как только первые слова сорвались у меня с языка, я тут же о них пожалела, особенно когда увидела ее расстроенное лицо. Потом она сделала брезгливую гримасу и сказала: «Это все сплетни и спекуляции на них. Выкинь, пожалуйста, из головы эту рефлексия с ревностью».

И сердце принялось диктовать мне тактичное молчание. Получалось, будто я плету коварные интриги... У меня создалось ощущение того, что время Ромео и Джульетт безоглядно ушедшее в далекое прошлое... вдруг вернулось. Конечно, говорят, что цена подлости обоюдная, не плати жестокостью за жестокость, ... но ведь и безнаказанными оставлять такие поступки нельзя. Я была на распутье.

В угоду Тине я, конечно, приняла свой обычный вызывающий вид и сказала сама себе: «Зачем тебе нужно дознаваться истины в чужих отношениях и рассеивать свои сомнения

в чужой неверности? Зачем сама себя втравливаешь в эту историю? Погоди, проясняя свои подозрения, касающиеся жажды новизны у Кирилла, ты разрушаешь иллюзии Тины. Не стоит пускаться в скользкие рассуждения о непорядочности и требовать, чтобы она открестилась от мужа. В ее жизни и так хватает жестоких разочарований, может они, эти иллюзии, ей нужны, как мне хлеб и вода. Тина растворилась в своем муже, не замечая, что происходит вокруг, ее предельное внимание – только ему; она ограждает его от забот, награждает своей сердечной сострадательностью. Она его берегиня. Верит ему и живет под охраной этой веры. Скажу прямо – напрасно я считала, что она скоро разуверится в нем.

Жанне подумалось: «С лица Инна суровая, властная, а с изнанки – чувствительная, готовая любить, сострадать».

– Скажи дураку, что он дурак и что?.. – задумчиво проворчала Аня ни к кому не обращаясь.

– И Кирилла я подначивала, мол, не хочешь еще раз жениться? Он рассмеялся: «За себя сватаешь?» Но, увидев мою кислую гримасу, добавил серьезно: «Зачем? Брак будет новый, а проблемы останутся старые. Тина стоит троих чужих жен. Переплелись мы с ней, как два близко растущих дерева ветвями, а может даже, как две лианы». (Надо же, понимал, что их встреча судьбоносна, чувствовал ее неотвратимость!)

И как он ее разглядел? Это мы, женщины, реагируем на мужчину в целом, а они, как правило, на силуэт. А почему изменял? Не нагулялся, прежде чем создать семью? Мстил

кому-то за что-то, потому что болезненно злопамятен? Такие если начинают, то продолжают до тех пор, пока чувствуют себя мужчиной?

– Тина Кирилла любила или себя в нем? – незлобливо проехала Жанна в адрес отсутствующей подруги. Но Инна, охваченная желанием выложить все свои эмоции, даже не заметила ее колкости.

– «Может Тина, – подумала я, – никогда не узнает о Файке и о других, от которых Кирка терял голову, – а почему и сам себе не мог объяснить, – так и проживет в счастливой вере в его порядочность, хотя бы в этом вопросе. (От кого же я уже слышала эти слова?) Разве легко ей будет проглотить и переварить такое? Иногда стоит промолчать. И зачем Кирке нужна эта двойная жизнь, двойная мораль? Они же в одной связке. Я и ему об этом шутливо намекала, мол, если на одном инструменте играют разные люди, он расстраивается. А он, смеясь, отвечал, что у людей все наоборот. Не понял, что я о душе с ним говорила. Не доходило до него, что надо себя в чем-то ограничивать, чтобы направлять по главному пути.

Вот тогда-то окончательно пошатнулось мое мнение о нем. Ненавижу гулящих мужиков, мстить за таких вот как Тина хочется. А Кир свалил на Тину все заботы о семье, а сам продолжал смешивать ложь и правду так, что нельзя было их различить, запросто влипал в очередные истории, легко на них соглашался. А она его вытаскивала из грязи. Трудно все время находиться в положении собачьей стойки, в веч-

ной готовности к прыжку. Такое постоянно носить в себе... Одним словом, «не жизнь, а именины сердца!»

Кир часто врал талантливо и вдохновенно без всякой выгоды для себя, просто чтобы, услышать комплимент. Импровизатор! Тайна не поддающаяся объяснению. Складывалось впечатление, что когда хотел, он становился ловким демагогом, Но в основном был ни к чему не пригодным... будто рано израсходовавшимся. А время только добавляло серых красок.

«Предельно наглядно препарирует чужую жизнь. Есть что-то несокрушимое в Иннинных словах, как... в последней инстанции, – зябко поежилась Жанна. – Получается, Кирилл мало что из себя представлял, был не сам по себе, а всего-навсего мужем Тины?»

– Нет у меня никакой возможности судить Тину привычными стандартами. Она или странная, или особенная. Я, лично, предпочитаю отношения, вызревающие долго, как сталактит. А узнав об измене, сердцем отрезаю бывшего возлюбленного сразу, бессознательно, но продолжаю жить с предателем вполне осознанно, из мести, пока не подыщу достойную кандидатуру для замены загулявшему супругу, и только потом решительно все меняю на своем пути – даю пинка бывшему обожателю. Ох, как хитро и намеренно я мотаю ему нервы, как выжимаю из него соки! Я не витаю в облаках, как некоторые...

Конечно, сначала я тоже пыталась выгородить, оправдать

Кирю, хотя бы в своей голове объяснить себе его поведение. Два голоса всегда говорили во мне разом, не мешая друг другу. Я так думала: «Вдруг он любит и ненавидит одновременно, и эта загадочная полярность чувств для него самого полная неожиданность? А может все намного проще: не любовь держит его рядом с Тиной, а собственническое чувство или выгода? Не раз хотела дать понять Кирке, что я знаю об его безрассудных грешках, чтобы пробудить в нем совесть. Но остерегалась. «А вдруг он безнадежно влюблен в ту, другую, и я испорчу жизнь сразу троим?» – мучилась я сомнениями. И мое противодействие сходило на нет. Согласись, Жанна, не могла же я сделать Тине пакость? Словом, как сказал мне когда-то мой третий муж, я вовремя отступилась и долго демонстративно ни во что не вмешивалась. Пусть, думаю, Киря сам выпутывается.

– А вдруг они дали друг другу свободу? Сейчас и такое в семьях случается, – сказала Жанна.

– Не думаю. Годы спустя я спрашивала Кира:

«Зачем изменяешь, зачем обижаешь Тину? Кто чуть приласкает, так сразу следом бежишь? Слава о твоих скандалах входит в вашу дверь раньше тебя. «Дружишь» со всеми и ни с кем? От такой славы крыша у тебя еще не едет? Герой! Зазвездился? А говорил, что любишь. Как ты можешь позволять себе так низко упасть в глазах жены? Не уничтожай лучшее в себе только потому, что не уверен в себе». Так он хмыкнул сердито: «Не начинай! Намеренно устраиваешь

скандал? Тина все равно не поверит». А потом отшутился: «Одно другому не мешает. У нас не Америка, где каждый гражданин обязан соблюдать святость семейных уз. Мы ближе к Востоку и равенства полов не признаем». А я ему ответила: «Ты откровенен до цинизма. Удобная позиция. Только почему-то мужчины до свадьбы об этом не вспоминают, соловьями заливаются... А вот настоящая слава по другим коридорам ходит и тебя не зацепляет. Не достоин ты ее».

Потом снова пристала как банный лист: «Зачем ты обедняешь свою любовь, раздавая ее по кусочкам. Она, предназначавшаяся единственной, ей так и не достанется. А если ты все же встретишь Ее, что Ей преподнесешь – затасканное, затертое, обгаженное чувство? Нечего тебе будет вынуть из души и предъявить объекту твоего истинного обожания. Любить ты уже не сможешь». Не слушал, злился. Утверждал, что от скуки развлекается». Нет, все-таки правильно считается, что для счастья человеку нужен верный друг, умный наставник и любимый человек. Если какая-то компонента отсутствует, то... можно не услышать звон колоколов на пути обретения покоя.

«У меня складывается впечатление, что Инна слишком долго готовит меня к тому, чтобы выложить что-то главное о Кирилле, и будто хочет получить от меня согласие на продолжение нашего разговора. А я не стану даже пробовать приставать к ней с расспросами. Итак что-то жалость меня прихватила, а если она еще шмякнет меня по голове чем-ни-

будь трагическим, я вообще за сердце схвачусь. Чем она настроилась меня потрясти? Меня напрягает ее бесконечный монолог. Если бы хоть под водку заливала, я бы еще могла понять, а то ведь разговорила на вполне трезвую голову, – раздражается Жанна. – Тина никогда не была похожа на человека, способного причинить кому-нибудь неприятность, и тем более защитить себя, но слова Инны звучат очень резким осуждением поведения Кирилла, что-то она слишком уж рьяно на него набрасывается. Воссоздает реальность прошлых лет не отдельными штришками, а крупными терпкими мазками.

Сама с легким сердцем готова кого угодно утопить в грязи, а косит под добренькую, как сказали бы мои внуки. Помнится, и раньше ее оценки никогда не страдали излишней сдержанностью, я знакома с ними не понаслышке. Она всегда кромсала чужие биографии в угоду собственной слабости и никогда не боялась избытком ложной смелости, оговаривая других, уничтожить себя. В ее словах неприятный привкус жестокости. Неужели она не понимает, что уже только одно подозрение может вычеркнуть человека из списка порядочных людей? Почему напрочь забывает о презумпции невиновности и с пугающей легкостью ставит под сомнение всю жизнь своеобразного сокурсника?..

На первом курсе Кирилл был душой нашей компании, не шел проторенной дорожкой, шутил, паясничал, говорил мне комплименты, был сама любезность. Это льстило моему са-

моллюбию. Как-то он отсутствовал целый месяц, и я заскучала. Но, слава богу, ненужных иллюзий не родилось. И он быстро понял – не обломится ему.

Может, Инна только прикрывается своей жестокостью, не желая сознаваться в своей излишней сентиментальности? Хотя нет, она всегда старалась ударить первой. Заносчивая, эмансипированная особа! Ей всегда были нужны внешние проявления своего присутствия среди друзей. И она успешно добивалась его злословием. Ее распирало от нетерпения поделиться чем-либо пакостным. Что еще она прячет в углах подвалов своей темной и странной души?» – растерянно, с прорывающейся из глубины сердца обидой, думала Жанна. – Насколько я помню, Тина не принадлежала к числу женщин, ради которых мужчины способны совершать безумные поступки. Мне казалось, что она лишена всякого шарма, обделена чувством юмора, язык ее был бледен, как и лицо. Хотя в радости оно бывало таким милым и вдохновенным, так лучезарно светилось. Навязчивый страх что-то упустить, что-то не успеть сделать, превращал ее в колготную насадку.

Надо любить себя, не торопиться выполнять намеченное, находить время для собственного творчества. (Какие чудные слова!) Этому надо учить с детства. А если в голове одно: успеть, успеть... Вот то-то же! Я, признаться, и сама такая. Боялась, что... того и гляди, сама не выдержу.

Чего только стоила Тинина неспособность сполна наслаждаться каждым мигом жизни! В общем, недоставало ей

блеска, искрометности. Такие не дают и не расправляют мужчинам крылья. А что такое мужчина без полета? Ноль без палочки.

Не каждому могла глянуться Тина, но не прошел же мимо нее Кирилл. Помню, долго я наблюдала, преодолевая удивление, как любовно обсматривал он ее объективом своего фотоаппарата. Вот уж чего я от него никак не ожидала! Зная Кира, разве можно было себе представить такое? Я еще подумала тогда ревниво: «Ему, как всегда, позарез нужно выставляться именно здесь, у всех на виду?».

«У каждой памяти свои ассоциации, – одернула себя Жанна. – Мужчины влюбляются в женщин определенного типа? Кстати сказать, мнение весьма распространенное. Может, причина невзыскательности и всепрощенчества Тины в более скромных, чем у других девушек, запросах? Но если, по мнению Кирилла, она ничего путного из себя не представляла, тогда это слишком роскошный жест в ее сторону. А может, с его стороны это всего лишь неуклюжая попытка возвыситься хотя бы в чьих-то глазах, если он уже тогда осознавал свою порочность и никчемность? Какова же на самом деле неприукрашенная правда его жизни?»

И Лена думала об Инне и Жанне: «Для чего они хотят разгадать поведение этой пары спустя столько лет? Зачем анатомируют их жизнь, срезая слой за слоем, реанимируют, стремясь раскопать истину; ухватить сокровенную суть взаимоотношений Кирилла и Тины? Зачем Инна тревожит

свои бездонные омуты воображения и памяти; перелистывая страницы их весьма неоднозначной жизни, и чересчур запальчиво судит их; рассуждает с умным видом, с пальцем, приставленным ко лбу, делает безоговорочные выводы и, убеждаясь в своей бессилии осознать их прошлое и настоящее, капитулирует? И ведь чем меньше знает, тем больше апломба. Прошлое интригует? Но это интересно только лишь поначалу...

У каждого факта жизни тысячи причин и все по-своему значимы. Можно закопаться в информации, расследуя даже один вариант. К тому же истины со временем изменчивы и это тоже не следует забывать.

С точки зрения Кирилла его семейная жизнь, наверное, выглядит совсем иначе, чем в глазах Инны. Должно быть, он считает, что выпивает, а не пьет. Впрочем, не сомневаюсь, что в стремлении уяснить правду их жизни, Инна руководствуется только своими понятиями и интересами. Теперь трудно верить в бескорыстие. Не шестидесятые. Надежность – зыбкая субстанция. Невозможно оценить степень достоверности ее слов. Наверняка у нее многое непроизвольно подтасовано, сгущено, предвзято. А что если она на самом деле так сильно жалеет Тину, что ее мысли постоянно возвращаются к ней, как к молитве?.. Тогда бог с ней, с этой правдой, если она не утешает и из-за нее кому-то вдруг расхочется жить... И все же, почему Инна так привязалась к Тине? Ей надо каждодневно любить и опекать кого-то, кто

находится рядом? Пожалуй, да.

Если сделаю над собой усилие, у меня будет шанс проанализировать рассказ Инны и узнать, что же на самом деле скрывается за ее сочувствующей вывеской, – машинально размышляет Лена, листая альбомы подруг. – Но, чтобы не увязнуть в многочисленных подробностях, мне стоит ее слушать так, как я смотрю сериалы – пропуская по нескольку серий кряду».

А Инна с энтузиазмом продолжала:

– Воистину, крестные муки выпали на долю Тины. Конечно, без горя прожить невозможно, только скомкал Кирка ее жизнь, как лист бумаги, а она мотала слюни на кулак и все терпела, и сердца на него не держала, веря в его любовь и преданность. Какое-то искаженное понимание жизни... И ведь никого, никогда, ни в чем не слушала! Только своим упрямым умом жила. «Закаменевшие» идеалы не копировала, сама собой была. Ни желчи, ни раздражения Кир от нее не видел. Всегда мягкая, бодрая, отзывчивая... но в некоторых вопросах яростно бескомпромиссная. Без шума и протеста вела глухую борьбу с пороками Кирилла. В толк не возьму, откуда в ней эта способность к беспредельному терпению? Как можно выдерживать такое? Тем более, что обходился он с ней не самым лучшим образом: не стремился образумиться, глаза кровью наливались, когда она посягала на его неукротимый характер.

К чему подобное коленопреклонение перед мнимым та-

лантом? Мне кажется, даже жертвы Богу – я имею в виду человеческие – всегда должны быть отравлены чувством вины. А Кир принимал их от Тины, не задумываясь. Ах-ах! Он – предмет бесконечного восхищения и преклонения! Имя овеянное «легендами»! Попал в уютную обитель ее щедрости и бескорыстия и, похоже, желал оставаться в ней до конца своих дней. Мне кажется, женщины должны быть более требовательными к мужчинам. Они не должны относиться к мужьям как к малым детям. Я – мужчина! – должно звучать гордо.

Ты не поверишь, Жанна, она полюбила его за недостатки, которые для всех нас были очевидны. Иногда хочется усомниться в здравости ее рассудка. Не от мира сего она. Ее великодушие неоспоримо. «Не могу причинить ему боль, не могу омрачить его итак несчастную жизнь», – говорила она в ответ на недоуменные взгляды подруг. Те, естественно, из деликатности опускали глаза. Вот ты, наверное, тоже думаешь: «Зачем Тине все это?» Вот и я не знаю. А зачем ей нужен был Артур?

Мне иногда кажется, что ей непременно нужно страдать, чтобы ощущать свою жизнь исполненной смысла. Для нее знание о собственном несчастье менее жестоко, чем мысль о несчастье другого. Не понимаю я этих ее садомазохистских изысков. Едва ли не с чувством обреченности я обнаружила, что она не умеет радоваться, не страдая, в то же время, от чувства вины... Не научили в детстве? Не знала легкой чи-

стой искренней радости? Забыла, что это такое? Жизнь давно не предлагала ей ничего прекрасного? Это же ужасно... А университет – преддверье больших возможностей? Это же космический виток в судьбе каждого из нас!

Забегая вперед, уверенно скажу, что твое воображение, наверное, уже заранее описывающее ее предполагаемую жизнь окажется слишком убогим и робким. Ты, насколько я знаю, прожила счастливую жизнь, и тебе трудно представить во всех подробностях тот ад, который она называет жизнью. Но сейчас я не об этом.

«Усиливает реальность, чтобы лучше воспринималась? Дождалась возможности высказаться, ударила в воспоминания! – Жанна с внимательным любопытством заглянула в лицо Инны. – Начав свои излияния, она уже не в состоянии остановиться. У нее, наверное, таких историй воз и маленькая тележка. Так и слышится мне ее ехидный, утомительно-назойливый голосок: «А недавно я слышала...» Может, она и обо мне также шепотком с кем-либо вспоминала что-то типа: «Он нет-нет да и посмотрит в ее сторону. А вдруг у них склеилось бы, сладилось бы, но вот не случилось. Под шумок разбежались в разные стороны». И прочее, и прочее... Пустит слушок и поползет он, подхваченный такими вот «неравнодушными», не пойманными на слове или имеющими мстительный интерес. Завистники самый искренний добрый поступок могут истолковать превратно. И уж не рябь по воде идет... а цунами захлестывает хорошего человека.

Велика энергия негативной молвы.

Помню одного такого пожилого гада. Одну пакостную фразу запустил в коллектив, а человека и по сей день сторонятся и опасаются. И ведь, что самое интересное – все сразу поверили. Всех это определение почему-то устроило. Как же иначе: слишком наивно-честная, слишком восторженно-правильная. Как бы тут точнее, вернее ловчее выразиться... Подходила она, по их мнению, под выдуманный трафарет... Такова порода человеческая – в хорошее не сразу верят, а в плохое – всегда, пожалуйста!

И ведь как кстати намекнул. Могло стать, что оставили бы ее на кафедре – чего она, в сущности, заслуживала, – но стали под нее подкапываться, подлавливать на словах. И она не могла не почувствовать неустойчивости своего положения, хотя и не знала причины. Поняла только, что кое-кто рвется занять ее место, сталкивает, спихивает. И тот, другой, тоже молодой, если угодно, быстро смекнул, что к чему и воспользовался. А сплетник просто-напросто отомстил женщине, не пожелавшей разделить с ним одну-единственную ночку. Спор он проиграл. Мелочевка, а уже у всех на слуху, у всех в голове. И не отмоешься. Человек бессилен против слухов. Никто перепроверять их не станет. Тем и пользуются «любители»...

Обычно бурьян лжи произрастает там, где крутятся деньги, а у Инны он всего-навсего на почве любопытства и мелкого тщеславия. И все под маркой «хотела как лучше». И

при этом ведет себя с раскованной независимостью, больше присущей мужчинам. Вправе ли она разглашать сведения из чужой жизни? Кем она уполномочена говорить от имени Тины? Почему судьба Тины так ее занимает? Почему она относится к ней с какой-то внутренней, лихорадочной тревогой? Потому что сама прошла много чего трудного? И, тем не менее, я не удивлюсь, если ее, так называемая помощь, пришлась Тине поперек горла...

Не слишком ли я строга к Инне? А может, она не вруша и не сплетница? Я ведь сама ее спросила о Кирилле, пытаюсь восстановить рисунок его судьбы, – одернула себя Жанна, но остановить свои размышления уже не могла. – Это в ее устах, в ее интерпретации все у него так плохо. (Кирилл когда-то в шутку произносил это слово – интертрепация.) Подводит ее бранчливая манера общения. В принципе, любая версия имеет право на существование, в любой ситуации можно найти что-то парадоксальное, – обиделась за Кирилла Жанна. – Хотя, конечно, вариант Инны может быть – но только отчасти, – и не лишен оснований. Помнится, в студенчестве ей случалось давать точные и совершенно верные характеристики женихам однокурсниц. Только нельзя рисовать локальными красками любовь, ревность, ненависть. Это может привести к разрушению изображаемой личности, хотя она «пишет» не характеры, а тему.

Свои-то промашки вслух не станешь озвучивать. Они душу царапают. Хочешь-не хочешь, а свои поступки все-та-

ки слегка корректируешь, подправляешь в сторону смягчения, когда их приходится выставлять на суд общественности. Колкая насмешливость по отношению к себе, конечно, присутствует, но в основном внутри себя», – подтрунивает над собой Жанна, уплывая мыслями-ручейками в другое русло.

Лена встрепенулась от сильно заскрипевшего дивана и мысленно вернулась к теме.

«Для меня Тина ясна и не таит в себе никаких сюрпризов: она никогда не играла словами, всегда открыто высказывала свое недовольство или неудовлетворение, боялась мужчин с сильным характером, а вот Кирилл остается загадкой. В университете он часто отдавался захватывающему ритму чужих эмоций и плыл по течению, но каков он в быту я не представляла. Мне он стал не интересен после того, как пришлось пересмотреть свое мнение о нем как о добром приятеле всегда готовом прийти на помощь. А ну ее, эту Инну с ее воспоминаниями. Взбаламутила прошлое, разбередила память», – раздраженно отмахнулась она от своих мыслей, вяло вслушиваясь в тихую воркотню подруг.

А Жанна нетерпеливо перебила Инну, поспешив спросить о главном:

– Тина была замужем?

– Так за Кириллом же. Тридцать лет прослужила ему верой и правдой. До сих пор не могу осмыслить этот их странный мезальянс.

– Они сходились-расходились?

– Нет. В такие сериалы они не играли. Тина не допускала, чего бы Киря не начудил. С муженьком она явно прогадала. Промахнулась. Наверное, не догадывалась, к чему может привести их брак, не понимала, что обрекает себя на бесконечные, беспросветные муки. За свою ошибку она всю жизнь расплачивается. Может, злая, хитрая судьба подтолкнула их в объятия друг другу? Честное слово, мне тогда казалось, что какая-то таинственная сила привела их в одно место и повелела быть вместе. Такие разные люди не должны жениться.

Ситуация в их семье была далека от благополучной, но я не видела пути, как изменить ее к лучшему, и от этого расстраивалась до невозможности. О каком единодушии взглядов, о духовном слиянии тут можно было говорить! «Может быть, Кирилл женился, повинувшись стадному чувству, а теперь отыгрывается на Тине за свою ошибку?» – думала я.

Мы все под распределение стремились успеть связать себя узами Гименея. Меня еще тогда поражала какая-то странная договоренность и загипнотизированная согласованность наших действий – косяком валили в загсы. Единицы нас тогда остались, неохваченных любовной лихорадкой. А может, Кир так виртуозно провел Тину, что она вынуждена была согласиться и ее случай – калька с ситуации сорокалетней давности многих наших девчонок. Ведь суть жизни в те годы для нас была чрезвычайно проста. Она состояла из «да» и «нет». А теперь у многих из нас тотальное абсурдное одиночество

как результат той прежней незрелости... И Тина наверное не вдавалась в подробности своего замужества.

Я нимало не удивилась тому, что события их жизни для Тины развивались по худшему сценарию. Конечно, она самолично накинула на себя удавку, никто не заставлял. Он ей измену, а она ему слезы и свое прощение – вот он и отрывался. За дурочку Тинку держал и даже не пытался снискать ее расположение. Женился и сразу отбросил свое притворство. А она оставалась послушной, сговорчивой, верной. Он все время куда-то пропадал, а она «пропадала» без него. Бывает же такое... Плохо «когда ты есть, а тебя не надо»... Еще в детстве от детдомовцев я услышала эту скорбную фразу. К сожалению, она слишком часто вновь и вновь всплывает в моей памяти, когда я наблюдаю семейную жизнь своих знакомых и друзей. Особенно она касается судеб детей и стариков, тех, что самые беззащитные. А Кир не продешевил. Кто бы еще с ним так мудохался?

Хотя, конечно, наверное, случаются исключения. Разве нас, женщин поймешь! Была у меня одна знакомая – молодая красивая разведенка. Пригрела она одного старичка, вдвое старше себя. Так вот, когда от нее уходил этот старый капризный любовник, она места себе не находила и жаловалась мне, мол, не могу быть одна, сына уложу спать и хоть волком на луну от тоски вой... Странное, пещерное проявление чувств. Я никогда не понимала ее. А он, прознав про Любину слабость, быстро указал ей ее место, измывался над ней.

Не лучшие времена переживала она тогда. Я к нему с претензиями, а он мне, мол, я не боюсь терять, привык, другую всегда найду... Так ведь до поры, до времени...

Все мы разные. И зачем я впутывалась в их отношения? Не могла я разобраться в сложных коллизиях их жизни, у меня не хватало выразительных средств языка, чтобы корректно описать происходящее в этой оригинальной семейке. Я, конечно, намекала Любе на ее истинное положение, но она не воспринимала мои слова. Неприглядная была картина. Нет, я понимаю, что бессобытийная круговерть будней тоже не в радость, но и такого никому не пожелаю...

Что-то крепко резанули меня далекие воспоминания. Я до сих пор не преодолела Любиной боли тех лет... Ладно, проехали.

Так вот, задурил Кирилл Тине голову и обрек на унылое существование, на трудную, никчемную жизнь. Сам жил тяжело и ее терроризировал: безжалостно требовал от нее подчинения, изводил несправедливыми упреками, так сказать, периодически промывал ей мозги.

Иногда мне казалось, что Кирилл представлял себе Тину некой помехой между ним и всем остальным миром, из которого он мог бы черпать радости жизни. Когда ему что-то было не по вкусу, он в бешенстве готов был разнести всё и вся. Постоянно искал в Тине изъяны, чтобы обвинить в том, что она не соответствует его канонам. И надо заметить, находил, а как же иначе? Если не мог «надыбать», сочинял, вынуж-

дая ее защищаться от несправедливых нападков. А сам при этом надувался презрительной спесью и разговаривал с ней не иначе как с ядовитой усмешкой. Он бывал очень недоволен собой, если ему не удавалось вклинить в наш с Тиной разговор ни единого злого словечка.

Ну, уж на мне-то он быстро зубы ломал. И мне это, будь спокойна, не стоило больших усилий. После нашей с ним краткой перепалки у них хоть ненадолго, но водворялась тишина. Если быть до конца честной, Кир иногда умел кстати вернуть подходящее выражение или вовремя вставить острое словцо. И все же в основном хамил.

Как он мог позволять себе такое с кроткой благожелательной женой? Кто давал ему право компрометировать ее перед друзьями? Задирали и обижали более слабую характером, чтобы показать, что тоже кое-что значит? Кир из тех, которые наступают другим на ноги только потому, что у них самих на ногах мозоли? «Герой» по самому высокому разряду! Он взрывался негодованием, стоило ей сказать, что она чего-то от него хочет. А ему, кроме пошла из близлежащего ларька ничего не требовалось. Он сам себе вредил, так как был человеком излишеств. И это было сильнее его. А говорят, если люди долго живут вместе, они невольно зеркалят друг друга.

– Мама моего мужа советовала кулаком об стол заставлять Колю выполнять свои требования. Говорила, что «жена одна дадена мужику, вот пусть и угождает». У нас многие годы оставалась в квартире вмятина после ее «урока». Но я

не могла следовать ее указаниям. Я свои методы применяла. Обхватчу мужа, обниму... И муж сам стремится подальше засунуть свою гордыню, – рассмеялась Жанна.

– А что случилось бы с Кириллом, задержи с ним кто-то на улице или окажись рядом обнаглевший бандит? Вряд ли он сумел бы достойно ответить: ударить, оттолкнуть. Наверняка, ни капли не стыдясь, предоставил бы событиям развиваться самостоятельно. И вся мишура с него осыпалась бы мелким конфетти. Но судьба оберегала его от подобных резких впечатлений. Только сам он не остерегался, на рожон лез, а Тина выручала. Один раз он так влип, что она уже не надеялась его спасти. Талантливый доктор вытащил дурака почти что с того света. Не сознавал Кир, что Тина – его главный выигрыш в жизни.

– Не понимаю, почему Кирилл считал, что Тина обязана с ним возиться? Бросила бы, может быть, скорее поумнел? Не дитя малое, – возмутилась Аня.

– Нянчилась Тина с Кириллом, приживалкой была при нем, опекала и не кичилась сделанным. Я ей доказывала, что если легко прощать, это не пойдет на пользу провинившемуся, а будет провоцировать его безнаказанно совершать другие еще более недостойные поступки, притупляющие совесть. Конечно, со своей прямолинейностью и отсутствием лицемерия, я задавала им очень неудобные вопросы.

Тина, видите ли, не сторонница крайностей! Наверное, понимала: где запреты, там сильное желание их нарушить. А

Кир приверженец чего? И зачем ей надо было пыжиться, к чему это ее адское терпение? Не любовь, мазохизм какой-то. Господь покарал Тину за все доброе, что было в ней, подсунив ей горе-мужа? Дикость какая-то... Стыдиться надо наказания, если оно незаслуженное, бунтовать, а не страдать и терпеть. Разве можно, чтобы кто-то никчемный занимал в чужой жизни так много места? Если только больной ребенок... И в то же время, как можно уйти от того, кем переболело сердце? Это же все равно, что отречься от своей жизни. – Инна тяжело вздохнула. – Сколько раз я на правах более опытной подруги осторожно, чтобы не обидеть, обсуждала с ней всевозможные тонкости общения с мужчинами. И Кир в критических случаях бросался за разъяснениями, конечно же, ко мне. Еще в самом начале их дружбы, я часто без всяких недомолвок говорила ему, что он имеет способность навлекать несчастья, что он губит жизнь своей девушки, выталкивая ее вперед, подставляя под самые сокрушительные удары, заставляя заниматься обузданием его пьяной неистовости и нести все тяготы последующих неприятностей. Доказывала, что Тина служит ему только орудием защиты.

«Линия поведения, которой ты придерживаешься – глупая бравада – дорога позора. И на работе тебя презирают по заслугам. Зря ты себя убаюкиваешь, возвращаясь мыслями к редким удачам. Где твое Куликово поле? Где он, твой Сталинград? Пьешь, потому что слабак. Не хочу знаться с тобой таким. Ты невосприимчив к моим словам. Тебе ли до-

искиваться до причин своего падения! Это же моя прерогатива», – презрительно говорила я, всматриваясь в него так, будто хотела отыскать что-то хорошее, давно забытое.

А он мне отвечал, что человек не может состоять из одних только достоинств. Так он защищал свои примитивные интересы. А я ему влет парировала, что из одних пакостей – может! Во всем, что касается нашей дружбы, я была честна с ними. И все у них выходило, как я предсказывала... Ой, не окупается честность и самопожертвование в делах твоих, любовь!.. Ты миллионы людей спасаешь и столько же губишь. И в дружбе тоже. Проще дружить по признакам знания поэзии или музыки, но никак не быта.

А как он разговаривает с Тиной? Когда Кир что-то Тине талдычит, я по каждому пункту этой «речи» тут же выставлю ему десятки вопросов, опровергающих его ахинею и бешусь. Тина, как я не так давно выяснила, просто его не слушала! Поразительно мудро!

«Ругает умело и с удовольствием. В спорах, наверное, почти всегда побеждает соперников или, в крайнем случае, соглашается на ничью», – про себя усмехнулась Жана.

Ане вдруг вспомнились две случайные встречи. «Мужчина в парке долбил женщину грубыми многократно повторяющимися пустыми фразами. Она уходила от него, он догонял и продолжал... Она тяжело, безысходно вздыхала, хваталась за голову. Вид у нее был такой измученный, что мне казалось, что ей в жизни ничего уже не мило. «Ну и зану-

да!» – шептала я, искренне сочувствуя этой пожилой, усталой, на вид интеллигентной женщине.

А второй в автобусе вспыхнул как спичка и во весь голос понес на жену какую-то ерунду. Пассажиры недоуменно притихли. Женщина со страдальческим видом отвернулась к окну, будто не имела никакого отношения к шумному попутчику, но в ее глазах стояли слезы. Ей была стыдно за поведение мужа. Через несколько минут мужчина пришел в себя, виновато прижался к жене и стал явно привычно извиняться. Он извивался, тыкался лбом в плечо жены, не стесняясь терся щекой об ее рукав... Пятидесятилетний мужчина был похож на нашкодившего ребенка, пойманного с поличным. Я нарочно в упор уставилась на нарушителя порядка, взглядом призывая его вести себя прилично. Он был мне омерзителен. Не добившись результата, я брезгливо отвернулась. «Но этот хотя бы извиняется», – подумала я тогда.

А наш умник Кирилл еще хуже? Он ко всему прочему пьет и бездельничает. Мужчины для меня непонятные субстанции».

– Много раз я уговаривала Тину бросить Кира и найти другого. «Подгнивший плод уже никогда не станет свежим. Надеешься перехватить его по пути к бездне и отвернуть? Ведь вот как бывает – живешь-живешь, думаешь, что не хуже, чем другие, и вдруг оказывается, что есть кто-то действительно много лучше твоего мужа, и он тоже тебя любит, только другой, доброй любовью. И чего тогда маяться, тратить

душой на выродка? Тягаться с человеком такого характера – непростительная дурость...» Так не хотела искать, отклоняла любые проявления симпатии, вела себя так, что претенденты понимали: все их попытки приударить за ней заранее обречены на поражение. Что это: инерция души, леность, любовь? Попробуй различить. Ну так хотя бы условия выставляла. Тина как-то сгоряча даже произвела меня в сводницы. «Вот и мне всыпали за мое добро», – обидчиво подумала я тогда.

«Тоже мне Вергилий в путешествии по кругам ада жизни Тины. Фантазии так и прут из ее головы, а применить их некуда», – недоверчиво усмехалась Жанна, подавляя в себе разочарование от услышанного про Кирилла.

– В его голове всегда были одни химеры. Любовь и семья для него – пустой звук. Все заботы об их семье легли на плечи Тины. И ты думаешь, за долгие годы их совместной жизни в нем вызрело раскаяние за свое поведение? Шикарный дуэт! Господа-товарищи, жизнь в малой степени осложняется техническими проблемами, недостатком денег и прочим. Она трудна, в основном, взаимоотношениями между людьми.

Инна задумалась, видно ища альтернативный вариант разговора. Но изменить тему или тактику беседы у нее не получилось. И вздохнув, она подытожила печальные философские размышления своим примером:

– Вот тасую я раз за разом осколки своей жизни и ни к

чему путному не прихожу. Могу только с грустью сказать, что и моя судьба слишком сильно зависела от людей, не желавших мне добра. Вечно я была бельмом в чьем-то глазу. Как найти ключи от лабиринтов жизни, чтобы другим было легче, чтобы не спотыкались они на грабли, которыми была утыкана моя дорога?

После некоторой паузы Инна продолжила изливать свою горечь на Жанну. На что та удивленно спросила:

– Между Кириллом и Тиной никогда не возникало моментов согласия? Как же они жили?

– В пролете Тина была. А в чем могло проявиться согласие? – вопросом на вопрос ответила Инна. – Недостатка в заботе и внимании жены Кир никогда не испытывал, но так и не научился внимать ее предостережениям, вести себя с должной осмотрительностью, прислушиваться к ее мнению и выполнять, как он считал, ее вздорные просьбы и требования. Не шли ему на пользу ее слова. Он по глупости или излишней эгоистичности просто отмахивался от нее, как от назойливой мухи. Не умел и никогда не хотел ни анализировать, ни классифицировать свои чувства и действия. Не считался с нею даже в простых бытовых вопросах. Да еще, гаденыш, умудрялся обвинять ее в том, будто она ему жизнь испортила, что, мол, ему много чего недоставало по причине того, что он рано женился, а она не смогла доподлинно оценить его незаурядность. Понимаю, когда не любишь, то не уважаешь, пренебрегаешь. Но я бы только за эти слова воз-

ненавидела его. Будучи сам не на высоте, он жестоко принимал жену. Он играл первую скрипку, а второй у них не было. Его природная наглость в первую очередь распространялась на жену.

– Даже великим женщинам не всегда удавалось быть победительницами в своих семьях, – заметила Жанна.

– За что можно было любить Кира: за отсутствие воли, за злой темперамент или за изощренную язвительность? Хорек. Это у Тины был характер и качественная чистая линия жизни. Может, его отец пил и тоже так вел себя с его матерью?.. Знал ли он, что такое спокойное уверенное мужское дыхание, трогал ли он когда-либо усталые, натруженные руки отца? Думаю, нет. Помнил ли он звук этого важного в жизни каждого ребенка твердого как сталь слово «отец» и нежное, теплое, как добрые любящие ладони слово «папа». Может, и не было в его жизни такого счастья. Приезжала к нему тетушка, такая хлопотливая, простецкая, в белом платочке на седенькой голове. Добрая.

«Я и сама слова «папа» и «мама» никогда не произносила с любовью. В основном, с жалостью», – вспомнила Инна.

Тина – свеча во тьме непутевой Кириной жизни! Она терпела его дружков ради того, чтобы он пил дома. Азбучная, будто спасительная, но не подтвержденная истина. Только я могла разогнать эту дикую компанию. А Тина не ставила Кира в один ряд с ними. И чего ему недоставало, что его баламутило? Они с Тиной принадлежали к разным мирам, кото-

рые не пересекались. Далеко ему было до жены.

– Шикарная реконструкция и демонстрация семейной жизни Тины. А может, она сама его распустила, потакая во всем? – Жанна снова попыталась выгородить Кирилла. В ней всё сопротивлялось неприглядной правде.

– Тебе не приходилось вразумлять надравшегося до потери пульса алкаша?.. Тут совсем другой расклад. Ты сама подумай, разве можно любить человека постоянно, намеренно причиняющего боль любящей тебя женщине? Я до сих пор представляю Тину, корчащуюся под кнутом его гадких слов. Как только ее сердце выдерживало такое? Не пойму: она жертва своих инстинктов, до высокомерия гордая тем, что несчастна или все-таки она существо высшего, но не разумного порядка? Какая-то в ней странная неискренность... Самостоятельная, самодостаточная, и вдруг позволяла... Религиозное послушание?..

Я ей говорила: «Боишься попасть в число «прокисших» невест? Научись любить себя, будь интересна самой себе. Ты достойна лучшей доли. Твои кавалеры – твои ошибки». Мне кажется, подвиг Тины не извиняет и не оправдывает ее. Любовь, конечно, – высшее проявление божественного, но одержимость имеет и разрушительные стороны... Нет, все-таки главное тут в том, что не любил ее Кирилл, а остальное, по большому счету – следствие. На комедию ее жизнь не тянет. Дорого Тине приходилось платить за звание замужней, – усмехнулась Инна.

– Если один человек не научился уважать другого, то никакая любовь его не спасет от глупых и подлых поступков. – Жанна энергично поддержала Инну.

– Вот и я ей, бывало, твержу, твержу... Носится с ним как с писаной торбой, чахнет над ним, как Кощей над золотом, буквально священнодействует, а он одним махом все рушит, уничтожает, топчет. Я понимаю, любовь... Но не до такой же степени! По мне любовь – это когда все отдаешь, но и все получаешь. Да, золотце у нее было самоварное. Но счастье – не шоколад, им насильно не накормишь, если человек его не хочет...

Я быстро завязала бы с Киркой и отставила его от семьи. Случайность их соединила, она автор их судьбы. У Кира все в жизни случайно. И это осталось с ним навсегда.

– Ты бы в отставку его отправила, раз дешевой медяшкой оказался, – закончила за Инну Жанна. – Вот тебе и неистовый Кирилл, вот тебе и талант... Даже под нажимом не мог ничего родить. Своеобразно он понял слова: «Опасность дает ощущение жизни...» А сам впал в злую истерику... Даже религия говорит: «Держитесь вместе. Живите радостно!»

– Удивлялась я им и только плечами пожимала. И все же при всей наивности и излишней доброте, Тина оказалась более приспособленная к жизни. А на Кирилла можно было повлиять только в худшую сторону. Такой характер. Талантливый тунеядец. Не глуп, но чудовищно, невообразимо, сверхъестественно ленив! Тот еще фрукт. Страдающего

лермонтовского демона из себя строил. А в оправдание часто кричал: «Ненавижу всякую правильность и стерильность. Весь мир против меня! Он меня губит, дышать не дает». Так и не научился обуздывать свои эмоции и пристыжено опускать голову, совершив очередную глупость. Странный замес... Зрелость ума и духа не питали его. Он по-прежнему плескался в море нестабильных чувств, в порывах страсти – в этих юношеских недугах, из которых никак не хотел вырастать. Бывало, говорил, – это он так шутил, – мол, задержался я на этой гадкой земле, мне не с кем интересно общаться и самый достойный выход из моей ситуации – самоубийство. Грубость и пижонство с претензией на юмор! Шизик! Психика не выдержала бремени таланта? Человек невероятно обостренной чувствительности! Или чувственности? Ха-ха! Упивался жалостью к себе. Всю жизнь носился с этой «идеей», чтоб досадить Тине. Утешения ждал. Таков был выбор его собственного пути? Те, которые грозятся себя убить, никогда этого не делают. Пугают. Они слишком любят себя.

А Тина, видите ли, в его голосе угадывала страх и боль и не могла подыскать слов для его столь неоднозначного по сложности своей чувства. Философ доморощенный мозги ей запудривал, а она верила. Он, представь себе, свой хилый жизненный путь приравнивал к историческим событиям страны или даже мира! Психопат. И если уж на то пошло, просто трепач. Подлец, играл на ее внушаемости. Самодур, деспот! Сколько раз я ему говорила: «Не применяй высокие

слова при освещении мелких событий своей личной жизни». Конечно это деликатная тема, касающаяся их двоих, но все же... Порой мне приходила в голову мысль, что он на самом деле посвятил жизнь жалости к себе. И в то же время был самоуверен до безрассудства. Считал, что ему надлежит быть среди лучших... Как в нем такое уживалось? И перевоспитать его – задача изначально невыполнимая. Неужели Кир считал, что останется в списках достойно присутствовавших на земле? Обычно, любовь, деньги и жажда власти – основные проблемы, о которые спотыкаются люди, а тут черт знает что...

Как-то я не выдержала и намекнула Киру на его «не этичное» поведение, так он ответил мне: «Эта часть моей жизни не имеет к Тине никакого отношения». Ну что тут еще можно сказать! Странно, Кир зависел от Тины безраздельно, а вел себя так, будто не нуждался в ней. На деле же, он без нее давно бы сгинул. Это что, тупая или хитрая наглость?

– Твой рассказ мне многое объяснил. Мне жаль слышать от тебя столь прискорбные слова о странно переплетенных, но не сложившихся судьбах Кирилла и Тины. Ну что тут скажешь... Сдается мне, что ты чего-то не договариваешь. Кир, как я поняла, всю жизнь основательно грешил тягой к горячительному? Что же было первопричиной его порока? Любовь? – осторожно предположила Жанна. – Я буду рада ошибиться.

Внимательный человек мог бы заметить и по-своему понять неожиданную взволнованность и беспокойство, задрожавшие в глубине глаз Жанны. Помимо заурядной банальной настороженности и любопытства там было нечто другое, сокровенное. А Инна от вопроса Жанны только еще больше разгорячилась:

– Любовь? Самомнение! Видишь ли, не ценили на работе его нетрадиционное мышление, не принимали фантастические прожекты! Говорил, что есть разные степени и пути овладения профессией, что коллектив подчиняет себе индивидуальность, пускает ее в распыл. Большой творец независим и одинок. Чтобы творить, он должен отринуть от себя всё его недостойное... Умел «заливать». Никто с ним в этом не мог сравниться. А на самом деле был самовлюбленной посредственностью. У него же вместо крыльев копыта. И это за ним водилось уже со студенчества. Досаждал преподавателям своими фантазиями. Но они были терпеливы и снисходительны, с пониманием относились к его закидонам, считали их погрешностями роста.

Уж сколь скоро у нас с тобой зашел разговор на эту тему, расскажу подробнее. С первого дня работы Кир не вылезал из заводского буфета и тем основательно подпортил себе имидж, подорвал веру в себя и в свои возможности. Естественно, это не лучшим образом отразилось на результатах его деятельности. Помню, когда завернули его первый проект, так он сразу руки опустил. Пытался оправдаться, мол,

промашка вышла, случайность. По счастью мне тогда удалось ему помочь выпутаться. Собственно говоря, на работе его никогда всерьез не воспринимали. Доставалось ему от коллег по первое число. У виска пальцами крутили. Большую долю яда получал и от начальства. Но в долгу не оставался. На всех его отборного мата хватало. А кому это может понравиться?

Первое время Тина, спасая его репутацию, скрывала его «подвиги», рот на замке крепко держала, и об его слабости догадывались очень немногие. И я ради Тины часть этого вранья брала на себя. Мне казалось, в то время ему не хватало по-настоящему сильного, строгого и очень им уважаемого человека, критика, зеркала, чтобы увидеть себя со стороны. Не нашлось такого.

Три года он продержался в нашей лаборатории, но не прижился, попросили его «по собственному желанию». Потом он вообще стал скакать с предприятия на предприятие, и уже трудно было представить себе его работающим без понукания. С лентой был, сачок. Все искал работу «не бей лежачего». Воображал, «что карта ему не прет». Считал, что будет нарасхват, а в нем таком не больно-то нуждались. Так возникла в его биографии целая череда заводов и НИИ, куда его дальше порога не пускали.

Поначалу Кирилл под неусыпным, чутким контролем Тины даже наукой занялся, правда, строил свои статьи в основном на критике оппонентов. Ему все время казалось, что

он стоит на пороге открытия и приходил в ярость от неудач, бросал все, опять начинал. Ему крышу сносило от чужих замечаний. Не понимал, что успех зависит от постоянного развития личности. Только ведь это сложно, скучно и нудно...

Тина с тайным уважением относилась к труду мужа, создавала условия, уговаривала, успокаивала. Верила, что Кирилл когда-нибудь нос всем утрет. И я еще надеялась, что он повзрослеет и профессиональный интерес перевесит в нем все остальное, наносное. Но он быстро выдохся и забросил исследования. Так и не вырос из своих юношеских фантазий. Прикрывал отсутствие трудолюбия и таланта фразами типа: «Великие идеи часто разбиваются о множество чужих малых идей», «Мне не повезло».

Везение – из словаря слабых. Везет тем, кто вкалывает. Настоящее рождается на стыке страха от неудач и решимости. Ее-то Киру и не хватало. Жизнь каждого человека – борьба с неуверенностью. Мечтатель. Переоценивал себя. Искусство жить достойно дается не каждому. Его отвоевывать надо. Не подлежит сомнению и то, что учиться всю жизнь приходится.

И закончились для Тины настойчивые притязания Кирилла на свою особенность. И я трезво относилась к нему. Думаешь, ракурс выбрала неудачный? Может, и работали у него мозги, да видно в другом направлении. Многое он воспринимал шиворот-навыворот. Малахольный. Сам себе не удивлялся?

– И долго длился у Кирилла импульс внутренней убежденности в свои бесконечные интеллектуальные возможности? – поинтересовалась Жанна.

– Ты хотела сказать в способности? Он всю жизнь считал себя непризнанным гением. Мол, от того и пью. Как ни странно, но в цеху, где он работал, несмотря на то, что к нему уже в самом начале были кое-какие претензии, тоже первое время носились с ним, принимали горячее участие в его идеях, брали под крыло, опекали. Опять же, то закрывали глаза на его подвиги, то пытались воспитывать, призывали к порядку, обещали продвижение. Всем скопом на него наваливались. Ты же помнишь нашу тогдашнюю систему коммунистических бригад. Человеческое было отношение. Ну и критиковали, конечно. Как же без этого?

А он всюду видел врагов. Каково ему было такое выслушивать с его-то самомнением. Вот он и настроил против себя всех тем, что вел себя, я бы сказала, слишком эксцентрично. Наскакивал на оппонентов, кричал на собраниях, что ничего ему тут не светит, ничем его здесь не могут заинтересовать, будто не по тому, принципу у них распознаются умные люди; что он для них рожей не вышел. Утверждал, что начальник не терпит рядом с собой молодых: задвигает или запрягает и припахивает не по делу, не дает действовать самостоятельно, от того нелады у него с ним. «Я натура тонкая, впечатлительная и не собираюсь терпеть посягательства на мою особенную личность. Я живу по собственным внутренним законам, мне

наплевать на чувство принадлежности к коллективу, на то что думают обо мне другие, если попираются мои подлинные интересы», – кричал он. Утверждал, что презирает тех, кто явно прогибается перед руководством и многое может простить тем, кто ведет себя достойно. Многое чего орал, всего уж подробно, текстуально не помню. Ну... и свалил из цеха.

«Вот ведь дрянь какая! Еще один «лакомый» кусок дерьма припасла о Кирилле. И преподнесла его с каменным самурайским спокойствием», – скривившись, пробормотала Жанна себе под нос, и почему-то сразу почувствовала в горле жуткую изжогу.

– В общем, все с ног на голову переворачивал. Утверждал, что перехватывают его мысли и выдают за свои, что старички «забодали» все его идеи и еще угрожали санкциями. Мол, надоели ненавистники, которые сознательно занижают его уровень. Говорил: «Я не могу любить этот завод с его несовершенством. Бросить бы все и уехать отсюда за тысячу верст, да обязан отрабатывать. Хочется творить по собственному выбору, по своему почину. Ведь есть какая-то прелесть в том, чтобы самому вести изыскания! А здесь план, безумная гонка, необходимость жить под аккомпанемент заученных цитат. Почему я должен гасить искру в самом себе и существовать в душном мраке серой жизни?» Ну и позволял себе делать, что хотел, и не делать, что не хотел. А кому может понравиться за него работать?

И где эти его гениальные проекты? Следы затерялись?

Легко увлекался «оригинальными» идеями и столь же легко от них отказывался. Много чего плел. Слова его отдавали глумливым высокомерием, неуважением к людям. Его душили нереализованные амбиции, а вкалывать без особых шансов на успех он не желал. Оскорблял всех, ахиною нес. Сам давал людям пищу для критики и сарказма. И как его еще не упекли... Помню, и мне один раз сильно подгадил своей ложью. Еще и этим был «замечателен» в ту пору... Не удосужился о других пошевелить извилинами, зараза. Ну да бог с ним. Пережила.

«Не пожалела Инна красок для характеристики Кирилла, с «любовью» преподнесла мне его образ. А сама – мне писали подруги – тоже крепко «выступала» против порядков на заводе», – усмехнулась Жанна.

Инна вздохнула и снова заговорила:

– Зачем, спрашивается, из пальца высасывать всякую ерунду, которая как воронка в зыбучих песках засасывала его все глубже и глубже? Сам себе рыл могилу. Хамил, задирался, не рассчитав толком своих жалких силенок. Можно было подумать, не ведал, что творил. Не скоро Кир отрезвел от угара собственной ни на чем не основанной значимости. Осознание своей дурости, может, и пришло к нему позже, но он уже не мог остановиться.

Я ему, бывало, говорила: «Опомнись, давай отступного». Но он никому не позволял себе противоречить, только уверял всех, что совершенно несчастлив, что чувство обману-

тости не покидает его. Можно подумать, что вокруг него все стоцентные шоколадные счастливики! Я тоже многим на заводе была недовольна, но вслух, при свидетелях не возносилась над стариками, более тонко действовала. А потом Кир вообще такое отмочил, вспоминать не хочется... При взгляде на него сердце щемило невыносимой, невыразимой, просто звериной тоской, выть хотелось.

Лёгкая тень пробежала по лицу Инны, уголки ее губ нервно дернулись, и она продолжила свой печально-злой рассказ:

– Не страдал Кир от ложной скромности, а сам разменивался по мелочам, врал, не держал слово, подводил коллег, канючил по поводу и без повода, чем и заслужил в цеху печальную известность. Изгоняли его отовсюду. А ему и горя мало! Я считаю, настоящий ученый работает в любых условиях, потому что не творить не может. Даже ...в Гулаге. Ты же читала? Я не утверждаю, с чужих слов говорю. Дурак думами богатеет там, где надо вкалывать. А Кира тяжело было уламывать, заставлять. Он умело уклонялся. Такой работник никому не нужен. Как-то спросила: «Надеюсь, это последнее твое место работы?» Но он как всегда отшутился, мол, последняя у попа жена была. Поговорили! Не соскучишься.

«Женские разговоры часто состоят именно из таких житейских историй. Только зачем же так подробно мусолить чью-то неудавшуюся жизнь? Может, с Кириллом произошла досадная случайность, с кем не бывает по молодости, по неопытности. Все мы когда то совершали глупости. Стоит

ли их возводить чуть ли не в ранг преступления? Похоже, в глазах Инны любая малая неприятная история невероятно распухает до гигантских размеров. Завелась. Кому нужна ее взвинченность? Может, корни беды Кирилла где-то глубже, вне знания и понимания Инны? Ведь мы теперь зачастую люди, за которыми не стоят истории наших предков. И почему мы заступаем на тот или иной путь нам неизвестно, и расшифровать не удастся.

Я до сих пор помню, сказанные мне Кириллом еще на первом курсе, горькие слова о том, как крепко-накрепко врезалось в его память острое жгучее удовольствие, мелькнувшее на лице отца при виде ужаса в глазах сына, в момент, когда он взялся за ремень с тяжелой металлической пряжкой. Кирилл тогда с дикой ненавистью вцепился в его руку, и тот не рискнул продолжить... Хотя, конечно, мое мнение может быть предвзятым», – подумала Жанна.

«Я почему-то Кирилла тоже недолюбливала, – вспомнила Лена, на несколько минут прислушавшись к громкому шепоту Инны. – Наверное, из-за его пристрастия к вину. Уже тогда это было достоверно известно».

– Недовольство Кириллом росло в геометрической прогрессии. В общем, попеняли, попеняли начальники своему подчиненному и отстали от него, посчитав некомпетентным инженером, тем более, что работал он ни шатко, ни валко, и уже не считались ни с ним, ни с его мнением. Пусть, мол, сам выпутывается из своей глупости. А потом совсем о нем

забыли, будто отбыл он в неизвестном направлении, и тем обрекли на «вымирание».

Кир не умел жить как все, а предложить другой вариант не мог, вот и продолжил приобретать свободу духа с помощью вина. Как глубоко и чудовищно непоправимо извращал и развращал он свою жизнь! Он даже не создавал видимости благополучия своей семьи, не сулил Тине ничего хорошего. Надсаживался, угощая ее злыми словечками, зачастую проявляя коварство и жестокость, о чем я, конечно, умалчиваю... Так у них и повелось... Вечным огорчением стал для Тины муж. Почему не умел радоваться жизни, погрязал в мелочах, увязал в дерьме?.. Трудно помочь тонущему, если тот сам не хочет выплыть. Пытаться учить ощущению счастья? Свое навязывать? В таких вопросах Тине приходилось быть аккуратной, чтобы не подлить масла в огонь.

– Кирилл слишком легко сдавался, потому что не умел отстаивать свою точку зрения? – предположила Лена, вклинившись в разговор.

– Я замечала его пораженческие настроения, призывала быть готовым к любым поворотам судьбы, и, желая подбодрить и расшевелить, многократно подбивала на разные авантюрные дела, которые у меня всегда заканчивались удачно. По молодости я была спец по рацпредложениям. Я говорила Кириллу: «Это твой шанс выбраться из тупика, не упусти». И возмущалась: «Подпитываешься энергией подземного царства? Отними голову от земли. Золотые желуди

ищешь? Подними глаза к небу, вбери в себя лучи добра и света». А он мне отвечал: «Только ребенок всегда идет навстречу солнцу и миру». В старики в двадцать пять лет записался. Оно и понятно, фантастическое самолюбие не позволяло идти в соавторы, да еще к женщине. Ему хотелось самому создать что-то разэтакое. Но дальше прекрасных фантазий дело у него не шло.

Тине, наверное, в то время и в голову не приходило, что никогда не станут деяния Кирилла их общей радостью. А может, и не верила в него, но пыталась наукой отвлечь от дурных наклонностей. Давно знала ему цену, но ничего с собой поделаться не могла и продолжала малодушно врать себе. Из нее ведь слова невозможно было вытянуть. Ну, хоть мозги вывихни – не вижу я других вариантов причин ее поведения, кроме любви к нему. И я только догадки строила по поводу их странного «содружества».

Кир же решил проблему с работой по-своему, как ему было удобно – уволился, заявив, что не был услышан и понят. И пошел искать себе непыльную работенку, чтобы рулить по жизни играючи. Работал с брезгливой ленцой, словно скулы ему от нее сводило. Тогда он еще не понимал, что совершает серьезную ошибку, не представлял себе, насколько плохо аукнется ему его первое бегство от трудностей, и не корил себя. А оно стало началом конца его карьеры, началом конца его как человека. Понимаешь, с Тиной у Кирилла не было осознания безвыходности своего положения. И поче-

му женщины добровольно подчиняются деспотам, из каких недр души они черпают силы, чтобы наполнять светом свою тоскливую жизнь? А с перестройкой вообще кончилась для Кира лафа. Выбросили его за ворота, как говорится, без выходного пособия.

Жанна, эта картина сообразуется с твоим представлением о Кирилле? Ты представляла его таким? Нет? Беатриче вывела своего любимого из ада. Но Тине не удалось уберечь Кира от дурных знакомств, потому что он сам этого не хотел. И я не раз ему говорила, что в таком алкогольном режиме и бронированные крысы долго не выдерживают,дохнут. И ты, если не возьмешь себя в руки, копыта отбросишь. Но он не желал избавляться от своей шатии-братии и окончательно выпал из круга общения старых друзей и знакомых. Я доказывала Киру, что его поведение – концентрированное проявление бездарности, беспечности и безответственности. А он мне: «Пил и буду пить. Мне нравится. Зачем мне лишать себя удовольствия?» Бред, да и только, – раздраженно поморщилась Инна. – А Тина после попок не устраивала разборок, делала вид, что ничего страшного не происходит, жалела нервную систему мужа.

– И что дальше? – не выдержала Жанна.

– Тридцать лет – тридцать бед. Кир так и не усвоил азов семейной дипломатии. Запой продолжались с завидной регулярность, но он никогда не являлся с повинной, даже козырял своей безалаберностью. Видно чувство вины он давно

убаюкал в волнах пьяного угара. Он сознавал, что причиняет Тине боль, но считал это нормальным проявлением мужского характера. Нет, ты представляешь, какое у него было примитивное доисторическое видение мужского достоинства?!

Презираю мужиков, хоть и без них не сладко. Я в молодые годы нравилась многим мужчинам и видела, как загорались у них глаза, когда их жен не было рядом. Но как они безразлично отворачивали от меня свои лица в их присутствии! Козлы! Конечно, я также замечала, как нервничали жены, если их мужья нечаянно слишком радостно приветствовали меня. Боялись, что залезу на их территорию. На фиг мне нужны их мужики, которым только разнообразия для полного счастья не хватало. Вот и Тина не спешила вычеркивать Кира из своей жизни, приспособливалась к его характеру. И как ей не надоедало его укрощать? Не позавидуешь ее «счастью».

«Не женщина, а сосуд зла. Крепко ей насолили мужчины, раз она так категорично их терзает. Я бы прекратила поток ее слов, но показывать, что разговор меня задевает – много ей чести!» – подумала Жанна.

– Я пообещала себе самой, что помогу Тине, сделаю все возможное, чтобы она избавилась от абсурдных иллюзий и грез, вскормленных на сладких женских романах. Я со всей моей горячностью доказывала подруге, что не в ней, в своей гордыне Кирилл находит спасение. Она только подчищает последствия его дурости. А он с ее помощью быстро восста-

навливается и все начинает заново. Утверждала, что зря она взяла его под свое крыло, потому что он никогда не возьмется за ум и не пошлет к черту своих дружков-алкашей. Он для себя уже все раз и навсегда решил. Возможно, когда-то напившись, он испытал ни с чем не сравнимый кайф и с тех пор ему хочется его испытывать снова и снова. А что? Уговорил бутылку-другую и счастлив, вот и есть то самое оно, – предположила Инна. – И ведь не так, чтобы совсем дурак...

– Сказал бы своим дружкам как бравый солдат Швейк: «Ребята, наше дело – дрянь», – несерьезно отнеслась Жанна к словам Инны.

Та в ответ смерила ее холодным осуждающим взглядом.

– «Кириллу не нужна твоя жертвенность. Прекрати получать от нее удовольствие, – втолковывала я Тине. – Сам куралесит, а тебя заставляет чувствовать себя виноватой. Он безжалостный эгоист из пуленепробиваемого материала. Живучий, но водка все равно его уничтожит, это вопрос времени. Стоит ли огород городить, возводить вокруг него крепости заботы и внимания, если он их все равно разрушает? Кир намеренно себя губит, будто кто-то незримый, возможно, внутри его, постоянно дает ему отмашку: «Давай, давай! Тина начеку, она спасет».

А выручит ли он тебя, если потребуется, вот в чем вопрос. Я лично сомневаюсь. И в подтверждение моих благих намерений приводила массу фактов – один неприглядней другого, – порочащих Кирилла. Я же была права! Ох, сколько бы-

ло моих напрасных упреждающих советов Тине, хотя мне и самой не по душе были наши с ней препирательства. Вроде неплохо умела убеждать, а тут не получалось. Она с улыбкой мне отвечала, мол, не застревай в грустных ситуациях, пропусти их как сквозь сито, представляй, что они уже исчерпали себя. И непосредственно к Кирке я обращалась, пытаюсь пробить железобетон его безразличия.

– Старую шутку-совет вспомнила, – засмеялась Жанна. – «Заставляй мужа вкладывать в тебя больше денег и ему жалко будет с тобой расходиться». Тина тоже не бросает Кирилла, потому что слишком много ему отдала?

– Собственно, судьба Кирилла фактически была предрешена уже в студенческие годы. Даже если оставить в стороне множество других вероятных причин, способствующих его падению, с ним всегда оставалась одна, главная – слабоволие. Отсутствие силы воли – величайший из пороков человека. Именно он тащит за собой все остальные – лень, пьянку, драки, воровство. Они уже идут как следствие.

Зачем Тина поручалась за Кирилла, отдавая свое доброе имя в залог недостойному, зачем обрекала его на поругание, не боясь, что оно будет посрамлено, на что надеялась? Ведь понимала, что игра идет за ее счет и не в ее пользу. Я всегда жаждала получить ответы на эти вопросы. Для этого нужно иметь определенное мужество или достаточно быть безрассудной? Вера в Киркино исцеление – в чудо – делал Тину способной на такие поступки? И какие последствия это име-

ло для нее? Он-то не верил в себя, да и не хотел исцеляться. Не сошлись они во мнении. Я быстро поняла, что от меня в его поведении ничего не зависит, и отстала. Развязала себе руки, хоть и не давал мне покоя их ненормальный союз.

Нашла себе Тинка рыцаря без страха и упрека! Впечатляющая смелость, – общаться с буйным алкашом. А он что за невидаль такая?.. Бывало, деньги у Тины вымогает, пьет, с шалой улыбочкой несет бесстыдную ахинею, а она его потом отхаживает, мается с ним, как проклятая. Странная голубиная душа... А с его стороны я никогда не замечала выплесков гордости или хотя бы благодарности... Очухается и опять пускается во все тяжкие, испытывая садистское удовольствие от своих развлечений. Да еще, пользуясь ситуацией, старается Тине нагадить в душу, отомстить за свои неудачи, разрядиться на ней. И праздничные дни не были исключениями из правил. Сцены, невольным свидетелем которых я становилась, заставляли меня напрочь забывать о своих проблемах. У Кирки всю жизнь был роман с бутылкой. Ох, как же я не разделяла его губительные наклонности! У всех в жизни бывают перекосы, но чтобы такие стабильные... А она никогда не развешивала и не перекладывала на окружающих переживания, которые ее тяготили и огорчали. «Ведь ум всегда скрывает чувства». Так, что ли? Не там и не так она его применяла. Кирка посадил жену в клетку своих пороков и капризов? Он сам – птица в клетке своего безволия? У Тины не было крыльев, но она была доброй, и тем искупа-

ла многие свои недостатки. И сила в ней, и хрупкость...

По совести сказать, я вновь и вновь советовала Тине задуматься: нужен ли ей Кир такой, какой он есть? Стоит ли взваливать на себя все его беды? Может, не изводить себя, а разорвать отношения, пока он не накликал на нее еще худших неприятностей. Сам он никогда не уйдет. Ему нужна свобода от самого себя, а не от нее. Я еще надеялась, что мало-помалу, Тина придет к такому выводу. И с Киркой я держалась вызывающе холодно. А она хотела только одного, чтобы я оставила их в покое.

У меня иногда создавалось впечатление, что Тина четко придерживается каких-то своих внутренних установок. Вроде как она запрограммирована на подобные манипуляции, на эту «героическую» борьбу с пороками. Считала своей миссией? Она непостижимым образом чувствовала Киркину беду за километры, догадывалась, куда он вляпается, где его искать, мгновенно забывала о его жестокости и летела на выручку. А мне поведение Кира было омерзительно.

Помню, как-то не уследила она за ним, замели его, в вырезвители обкорнали, изобразили ему послетифозный вид... Позже Тина рассказала, что познал он тогда и «упойтельное» избиение, и изобретательные издевательства некоторых стражей порядка. Как не приложить такого пьяного и беззащитного? Дали ему, дураку, прикурить... с полным ощущением своего физического и морального превосходства, с явным удовольствием... И поделом ему. Хоро-

ший урок преподали. Сполна получил до полного жизненного онемения, до охлаждения конечностей. Чтобы не погуливал, в смысле водочки. Сначала бесился до кипения мозгов, потом затих. Очень в незавидном положении оказался, хоть и не мог в пьяном виде адекватно оценить обстановку. Может, именно тогда впервые хоть немного ощутил болезненность своего никчемного существования. «Могобудь могобудь». Надеюсь, Жанна, мои свидетельства окажутся для тебя решающими в понимании Киркиного характера.

В общем, облажался братец-кролик. Но напрасно я жадно выискивала на его лице следы горя, стыда или хотя бы неловкости. Он хорохорился! Видно, быстро освоился в этой жуткой ситуации. И мне ясно дал понять, что все в его руках, все под контролем. Разозлилась я тогда жутко, злоба бушевала в моем сердце. Рассвирепела, но внешне пыталась остаться невозмутимой – в те давние годы это у меня еще получалось. Но внутренне не удалось мне в тот раз справиться с собой, не под силу оказалось подавить свое неистовство. Растравил он меня, заглушил мое сочувствие к Тине. Не побежала я ее звать, чтобы она поскорее, без осложнений вызволила мужа из беды. Правда я ничего не соображала в юриспруденции. Но подумала, пусть впаяют ему срок, упрячут на пару месяцев. Заслужил! Получит по полной, может, опомнится и впредь будет осторожней. Вдруг этот случай расставит в его жизни все по местам? За то, что сотворил с Тиной, он еще не такого заслуживает. Хотела проучить. Знаю, ничего

нового на ниве воспитания я не открыла. Старый испытанный способ – припугнуть. Достал он меня. Куда ни сунусь – всюду его глупости. Этот гад утверждал: «Мое поведение – действие непредсказуемой ситуации!» Пустопорожний дурак! Мое желание осуществилось сверх всех ожиданий...

Хоть и с опозданием, но вызвала я Тину. И за каким чертом ему приспичило тогда полезть в драку? Чуть что – шашки наголо и в бой! Это же «в традициях» пьяной «культуры»! И так дела у него были неважные, а тут еще он протаранил головой стеклянную дверь кабинета начальника милиции. В общем, попал в очередную серьезную передрагу. Он намеренно вел себя провокационно и неимоверно дерзко, сознательно усиливал двусмысленную ситуацию. Невесть что возомнил: мол, посмотрим, чья возьмет. Дуралей... Трюк в лучших традициях Кирилла. И черт меня дернул... Я же его знала, как свои пять пальцев. Не похож он на рыцаря в сверкающих доспехах.

И дружки его в тот памятный мне день поступили с ним гнусно: все нашептывали ему, втюхивали, «кружева плели», мол, ложись на нас, подстрекали, а потом бросили его или намеренно выбрали жертвой. Потом увиливали, уклонялись от ответов, притворно удивлялись, говорили, что сам испортил все дело, не захотел уладить недоразумение, вот и пусть отдувался. А он успокаивал себя, мол, раз на раз не приходится. Будто вчера родился и не знал, что в таких случаях бывает. Болван. Ославил себя и Тину. Но даже этот слу-

чай не стал ему предостережением, не присмирел. До такого не достучишься. Впрочем, он всегда был неразборчив в друзьях. Водка подталкивала его к щедрости. Главное – выпить, остальное к ядерной фене. Когда есть бутылка, друзьям только свисни – они все тут, как тут, не задержатся, ни на минуту не опоздают. Кстати сказать, настоящая дружба – это если задаром, как у нас с Тиной, а не «клуба на потухшем вулкане любви».

Всыпали Киру тогда пятнадцать суток. Кто-то должен был ответить за пьяный бардак. А грозило два года.

Наведалась я к Киру в кутузку. Совесть мучила. Подумала: чем я рискую? Стыдно вспоминать. Мне с моей интеллигентностью и в этот обезьянник... Снедало раздражение, хотелось всех уничтожить... Как дежурный милиционер упивался властью надо мной, совершенно невиновной! Понятное дело: что ему мое очарование по сравнению с деньгами? Видно, привык только с подонками иметь дело. Вообрази себя Пушкина на свидании в современной тюрьме...

А Кирка-гаденыш, продолжал упорствовать и глупо геройствовать. Все шутил, что иногда можно позволять себе легкий пофигизм, брать тайм-аут, чтобы не ходить на работу. И опять Тинка, не помня незаслуженных обид, кое-как уладила дело миром, вытащила его из тюрьмы, не отдала на расправу, спасла от позора на работе. Пролила потоки чернил и слез. Сдается мне, что сунула кому надо на лапу. Расскажи кому – не поверят.

А тут еще нарвалась на некстати заскочившего в милицию участкового. Он еще больше осложнил проблему. Начхать ему, паразиту, было на Кирилла, но деньги взял. Не исключено что и начальник получил мзду. Как же без соблюдения субординации? Не позволит же он, чтобы хапали за его спиной. Оно, конечно, если проблему можно решить деньгами, то это не проблема, а статья расходов... В общем, замяли одно дело и кое-как слепили другое. Пожалели Тину, мол, намучилась с ним бедная, не стали палки в колеса ставить. Поманежили-поманежили мужика, да и выпустили ей на поруки. А то, мол, он без ее догляду, еще не такое натворит, если начнет поступать по собственному разумению. И вот, помню, идем мы, стыдимся, с обеих сторон Кирку конвоируем, чтобы алкаши его не перехватили, потому что все «забегаловки» рядом, в шаговой доступности... Мы такие тихие, незаметные, повседневные, а он гордый, торжественный... Тфу! Жуть. Картина, достойная кисти великого художника!

В общем, сам жил в дерьме и Тину тащил на помойку своей жизни. Загубил ее бабий век. Бесполезно его было перевоспитывать. А... и пусть будет, как будет. Что делаешь глаза квадратными? Он же велик в своих амбициозных проектах! Он же взвинченный до предельного градуса гений, упоительный в своем эгоизме, величественный в своей... глупости. А как говорит? Сплошные алогизмы и речевая аритмия... И такой муж может позволить жене быть женщиной во всех проявлениях? Жить в семье, служа и молясь друг на друга?

Что-то мне подсказывает... О Боже, ты мой праведный...

Тина всегда была первой и по сути дела единственной, к кому он мог обратиться за помощью. В такие минуты она для него была, как говорится, самое оно. Где насилие, там сразу проявляется нужда в других. Кир не исключение. Проходило совсем немного времени, и опять жизнь в их доме вертелась по тому же сценарию. Он, похоже, считал ее подвиги обычной дружеской взаимовыручкой без всяких там договоренностей и подсчетов, кто кому сколько должен. Только эта выручка в одни ворота попадала. Чаще всего он даже не звал ее, она сама прибежала и без лишних слов выполняла привычное.

Природное чутье, позволявшее Тине находить выход из любой ситуации, в таких случаях безотказно ей служило. Стойкий Робин Гуд в юбке. Воображала, что вступается за обиженного. Помню ее горящие комсомольские глаза, полные непролитых слез. Как же! Защищала его... воображаемое достоинство, не подозревая, что лишает муженька удовольствия лишний раз повыпендриваться. В общем безбашенный, независимый, свободолюбивый Кир продолжал глупо вляпываться в гадкие истории, а Тина виртуозно и самозабвенно помогала ему выбираться из самых немислимых передраг. И все при делах! А он еще потом жаловался ей на чувства заброшенности и сиротства, которые еще с детства тлеют у него где-то на доньшке души и периодически под влиянием жизненных невзгод вспыхивают жарким пла-

менем, распалывают и взрывают его и без того слабое сердце.

А я думала: «Ха! Не путай божий дар с яичницей. Не распалается, а обугливается твое сердце от жалости к себе». Как видишь, Жанна, каждый из них нес свой портфель!.. Нет, как угодно можно относиться к другим достоинствам и недостаткам Тины, но нельзя не ценить ее самоотверженной доброты. Ее поведение не так уж и глупо, как это может показаться со стороны. Только не приемлю я его, костью в моем горле оно застревает.

Может, сельские люди вообще более милосердны, добры и чутки? Они на виду друг у друга живут. Там трудно сделать гадость и тем более подлость. Помню, в студенческие годы была я в гостях у Тины, в ее родной маленькой деревеньке. Меня поразило, что сосед около дома своего соседа на землю окурков не мог бросить. Мялся, мялся, а потом затушил его и спрятал в спичечный коробок. Я и раньше такое видела. Наверное, город с его разобщенностью и безразличием способствует развитию отрицательных качеств.

Я, например, по ночам с трудом засыпаю, потому что в соседнем доме находится развлекательный центр. Самой музыки не слышу, но низкочастотная долбежка все мозги мне прокомпостировала. Часто лежу и вспоминаю старинное, кажется китайское, наказание для опасных преступников. Человека помещали в каменный мешок, в котором он не мог пошевелиться, и через равные промежутки времени на темечко ему падали капли воды. Этот процесс доводил пре-

ступника до сумасшествия... А тут еженощно музыкальные монотонные ритмы давят на голову, протестующий визг покрышек об асфальт режет уши – и никакого тебе сочувствия.

Для деревенских людей чужое несчастье – нечто достойное сочувствия, а не любопытства или злорадства. Даже глупый поступок вызывает у них сожаление, а не желание осмеять, поиздеваться, презреть или излить желчь на более слабого. Они жалеют этого недотепу. Если с кем-то стряслась беда, они не ждут приглашений и просьб, сами приходят на помощь. Меня, помню, в детстве это так трогало!

Жанна попыталась усмирить разыгравшееся воображение Инны:

– Ты «улетела» в ненужные подробности. Во всей этой истории меня по-настоящему волнует только одна деталь...

Но Инна, словно находясь в гипнотической прострации, продолжила свой «захватывающий» монолог о сокурснике:

– Кир ни во что стоящее или доброе так и не употребил свой ум. Он не умел разделить и облегчить чужую боль, он мог ее только усугубить своей черствостью. Может, и не хотел этого, но ведь делал! Он добивался единственной для себя свободы – не вникать, не постигать клубящуюся вокруг него жизнь. Говорил, мол, зачем обременять собой других. Но обременял. Нет, он не прочь был иметь много денег и друзей, а жил, довольствуясь хоть скудными и своеобразными, но все же развлечениями. А что доставалось Тине? Могла ли я спокойно взирать на подобную ситуацию в их се-

мье? Я, честно говоря, внутренне вибрировала от нехорошего азарта наказывать подлеца, чтобы поскорее образумился.

«Видно, многократно преуспела, досажая Кириллу. Я тоже могу гадать, что-то предполагать о любом человеке, но это не повод, чтобы вслух высказывать о них свое резкое суждение. Может, как говорится, Инна имеет на Кирилла свой зуб, затаила обиду? Она умышленно не желает рассматривать человека с разных сторон, отсюда поверхностные суждения, пренебрежение к глубине личности. За руку я ее не ловила, в душу не заглядывала... Вот так и брошусь сейчас выпрашивать, выяснять. Сама разберусь, что у Инки относится к делу, а что нет», – сердится на себя Жанна.

– Тебе, я думаю, пожалуй, кое-что нужно прояснить. На заводе Кирилл удовлетворялся только благими намерениями. Не умел и не хотел учиться работать с людьми. Не достаивал внимания даже вдвое против себя старших. И из второго цеха его поперли – как всегда у нас – по собственному желанию. Ну, эта история – уже достояние седой старины. Потом и почище фокусы с ним стали случаться... несопоставимо неприятней. Не светило ему у нас... Да Бог с ним. И что ты теперь запоешь? У тебя такое просто в голове не укладывается? Я не преувеличиваю. Конечно, ты можешь сказать, что в сочувствии мудрость любви к человеку. Но сколько можно жалеть без отклика в его душе?

И Тину он в упор не видел. После всех ее унижений в милиции такой задиристый ходил. Поразительно. Его били, а

он в этом находил момент гордости – очередной всплеск глупости! – мол, у меня не сорвется, я вам еще покажу! Как же приятно оказаться в центре внимания! С торжествующим видом покидал «поле боя» потому, что его публика ждала от него именно такой экзальтированной экстравагантности. Он принимал хвалу алкашей за чистую монету, гордо вещал на всю улицу о своих «подвигах». Неужели лесть от искренней похвалы не отличал? Отсидку как награду воспринимал? Не коснулась его благодать добра и ума. Дружки хитрее его? Может, прикрывался глуповато-самоуверенной улыбкой? А вдруг он считает, что ему очень идет отрицательное обаяние?

Не отпугнула я Кира от глупостей и угрозами. Судя по всему, он предпочитал не избегать столкновений; бузил и рисковал ради собственного удовольствия. Как это по-русски! Этим сюжетом, пожалуй, я могу подвести черту под тем, каким я вижу нашего героя. Насколько помню, именно после того случая, в котором сама поучаствовала, я с необычайной ясностью увидела их ситуацию и мои чувства и отношение к Кириллу приобрели реальные очертания. Я поняла, что это трагическое происшествие как нельзя лучше соответствует его характеру, и нечего даже мечтать о том, чтобы он остепенился и обрел внутренний покой.

Я говорила ему: «Расчехли глаза! Чего добиваешься? Наслаждаешься чувством края бездны? Выживу-не выживу, умру-не умру?.. Ты по-настоящему не стоял на самом краю,

не смотрел Старушке с косою в ее пустые глазницы. А я дважды была... опасно близко... так-то вот... Осознала скоротечность земной жизни. Не желала, но пришлось... В том видно разница у нас с тобой: я не хотела, но стояла, а ты сам напрашиваешься. Может, ты из тех, которые назначают себе дату смерти и внушают себе... Ты, мучаясь с перепоя, считаешь, что видишь конец света и терпишь адские мучения? Так ты их сам себе даришь. А я знавала и не такое... Хочешь знать, что тебя ждет? Посети онкологию. Насмотрелась я там на вас дурней, пьющих и курящих по своей воле. Если, конечно, от водки раньше не загнешься... Моли Всевышнего выбрать тебе легкий уход». Не цацкалась я с Кириллом, все в глаза ему говорила.

Господи, и откуда появляются глупые и слабые мужчины? Ни тебе пить прекратить, ни тебе курить бросить, ни семью содержать... Мужчины часто требуют от женщин то, чего сами не могут сделать. А перед операцией слюни до полу распускают, мол, не думал, что и меня это может коснуться. Знал бы, не курил... Нет у них чувства ответственности даже за самих себя. Жену или мамочку подавай им в няньки. Если бы еще слушались... Какая рука вычерпывает их из семейных ручейков и отправляет в общий поток никчемных?

Вот с чего Киря ныл? Никто его не предавал, как многих моих подруг, нервы не мотал, не издевался. Жена с ним нянчилась как с дитем малым. Осталось соску ему в рот сунуть, чтобы не плакал. Собственно... он давно ее сосет. Чего он в

жизни добился? Что полезного сделал? Брошенные девчонки и детей вырастили, и на работе были не последними. А некоторые еще взваливали на себя таких вот как Кирилл.

Инна на мгновение задумалась. Ее глаза, будто дымкой подернулись. «Может, что светлое вспомнила? – подумала Жанна. – Вряд ли, сейчас опять за Кирилла возьмется».

– Кирка – актер. Собственная жизнь его – ничто, пустота, грязь, а ему хотелось производить впечатление. Гляжу иной раз и думаю: это у него истерика или заранее подготовленный спектакль? И прихожу к выводу, что ему нужна любовь публики, вот он и куражится. Просто поражает его лживость, узость интересов. Не понимает, как он жалок в своем глупом, мизерном тщеславии – развенчанный, оплеванный, презираемый.

Кир дружит с алкашами, потому что они хвалят его. Это западня, на которую его ловят все кому не лень, все, кто хочет из него что-нибудь вытянуть. Он же всех встречает с широкой провинциальной щедростью! Налакается и с удовольствием осыпает собутыльников насмешками. А те его лупят. И чем он лучше них? Я ругаю его, а он отвечает: «Моя жизнь еще не окончательно переехала». Это он так подтрунивает над собой? Фигляр чертов! Видно, рожден все свои дни провести за кулисами театра жизни. От него рехнуться можно. А что, поесть, поспать, напиться – только и забот! Житуха! А Тине радости от него полные... штаны. Зачем ему еще кто-то кроме Тины? Только она выносит его фокусы. И

я понимала, что они будут вместе, пока необходимость в ней не отпадет.

Прости, Жанна, нервов у меня на этого ирода не хватает. Не терплю проявлений мужской слабости. В конце концов его поведение просто не умно... По глазам вижу, думаешь, будто перегибаю, говоря слишком неллицеприятные слова о Кирилле, считаешь, что мне должно быть самой неловко от такой откровенности? Ты не права, Жанночка, я называю вещи своими именами. Это ему должно быть стыдно. Иногда, ожесточившись, я думаю, что Всевышний прав, не давая таким людям детей. Хотя, конечно, скажу я тебе, момент этот весьма деликатный... Наверное, ребенок в данном случае не спас бы положение.

Иной раз мне казалось, что со своей стороны я готова была сделать для них всё от меня зависящее, чтобы прекратить этот их кошмар...

«Каждое новое время воспринимает прошлое по-своему, и каждый отдельный человек по-своему интерпретирует события давно минувших дней. Трудно докапываться до истины, когда она прикрыта напластованиями стольких лет, – задумчиво даже как-то отрешенно размышляет Жанна, не отводя от очередного альбома отсутствующего взгляда.

А голос Инны опять, будто издалека доносит ей горькие слова.

– ...Как-то спросила Кирку напрямик: «Зачем порочишь русскую нацию, вступая в бескомпромиссный поединок с

водкой, а потом еще и льешь пьяные слезы? Проанализируй свое поведение. Какой ты после этого мужчина?» Жестко напустилась на него.

А ему все как шло, так и ехало! Ответил все в том же ерническом духе:

«Зачем мне затевать долгий пустой спор внутри себя? Мне давно все ясно. Хотел быть свободным от всех, пытался оторваться от осточертевших забот. Не сумел я жизнь повернуть себе на пользу, а теперь, когда растерял последние драгоценные «реликты» своих чувств, мне уже все безразлично. Трудно заранее сказать, что во мне станет преобладать в дальнейшем: обида ли, боль... не знаю. Я не собираюсь ничего менять: пил и буду пить. Мне без разницы – когда, с кем, зачем? Бутылка – мой любимый бес-искуситель, но я чувствую грань, за которую не надо заходить, потому что люблю себя. Я ни с кем не собираюсь обсуждать эту тему». И выдал мне в лицо весь свой арсенал ужимок и выкрутасов.

А я ему сказала:

«Ты Тину мучаешь».

На что он раздраженно бросил:

«Я не заставляю ее колготиться».

С силой подчеркнул голосом «не» и в какой-то бессильной злобе сплюнул себе под ноги. И взгляд его при этом сразу стал колючим-колючим.

«Так не принимай ее помощь! Живи и мучайся один», – возмутилась я.

Он так и не понял, что не всем – как Тине – дано быть способным положить жизнь ради любимого человека. Жаль, что иногда впустую... А этот подонок не только не ставит жену на одну доску вровень с собой, он еще и весьма скептически относится к ней, опускает ее ниже всех возможностей!.. Я бы давно потребовала бы от него сделать выбор: я или дружки.

– Требовать легко. А если это уже болезнь?

– Я в общих чертах помню тот наш разговор. Да, очень содержательная у нас с ним тогда вышла беседа! Я даже несколько растерялась. А Киркина память – болото, в нем мгновенно тонет и плохое, и хорошее.

Представляешь, Жанна, Кир не раз ухитрился пропивать все до штанов, а Тина продолжала покорно тянуть колымагу своей судьбы. Сколько раз спасала свой никчемный брак и буйную головушку своего непутевого муженька! Она, видите ли, в ответе за него! Он ее ребенок? Мне с некоторых пор стало казаться, что она, наконец, научилась закрывать глаза на его упрямство. А он, оправдываясь передо мной, утверждал, будто бы что-то внутри не дает ему покоя, что в нем идет непрерывная борьба с самим собой. Так что же, из-за этого его мифического беспокойства надо жизнь другому человеку ломать? Да и врет он, себе же самому противоречит.

«Сильному не нужны оправдания, а слабому они не помогут. Дать бы Кирке хорошего пенделя, – ах, какая невозместимая потеря! – расколошматить бы его разлюбленных дружков, и наступил бы порядок во всех душах разом!» – говори-

ла я Тине. Но она молча игнорировала мое мнение. Видно, глубоко в душе запрятала-затаила Тина свои романтические грезы об уме, о мужественности и порядочности любимого человека. В ее словах, исполненных доверия и нежности к Кириллу, все чаще сквозила грусть. Но она не поддавалась унынию. Можно ли назвать ее чувства к Кириллу любовью? Мне кажется, ей просто надо было ощущать себя необходимой кому-то. Ее собственная жизнь – не слишком ли дорогая цена этой нужности?..

Не умеем мы ценить обыденность, сиюминутные бытовые счастливые моменты, не научены целомудренно и бережно любить ближних, семью – все то, что составляет нашу жизнь, наше счастье. Странные бывают люди. Вот ведь говорят же, что можно больше страшиться бессонницы, чем ножа преступника; для одного искушение темнотой неодолимо, а другому с моста, с десятиметровой высоты сигануть в мелкую речку – удовольствие. Тинка как-то даже заявила мне, мол, не контролируй мою жизнь! Ты твердо решила нас разлучить, специально задалась целью разрушить мою семью? Я, конечно, взбесилась. А как я еще могла реагировать? «В конце концов, – говорю, – это нужно тебе или мне? Для кого я стараюсь! Я что ли с подонком маюсь?» Вот и делай людям добро!

Ане при слове «бессонница» вспомнилась недавняя шутка Инны: «У меня одно развлечение ночью – эротические сны. Чего только в них не увидишь!» И еще их секретный

разговор. «Представляешь, мой возраст и эти сны... Неловко как-то...» «Теперь порно хоть завались». «Мои фантазии интересней и ярче того, что я один раз случайно увидела ночью по телевидению». «Кто бы мог подумать! Везет же некоторым, – насмешливо удивилась Инна. – Ты одержима? Какой мощный голос природы! Я ошибалась, полагая, что при не востребованности процесс затухания ускоряется? Если невою, заведи за деньги молодого. Боишься разочароваться?». «Позорище! Шутишь? Я наоборот, чтобы прекратить... Стыдно ведь». «Тогда обходись «своими силами». «А как же в семьях? После шестидесяти они уже не способны женам ладу дать, а на молоденьких замахиваются... Не понимаю...». «Так деньги же...», – усмехнулась Инна, но входить в подробности по телефону не стала».

– Мне противоестественно покорное смирение Тины, но не могу я задавать ей вопросы едкого свойства и грубо советовать. Видит бог, я преклоняюсь перед ее нечеловеческим терпением, хотя и гложет меня при этом противоречивая мысль, что сгубила она свою жизнь, что задавленная бытом, не думает ни о чем, кроме как о своем «великовозрастном дитяте», и что усилия ее так и не будут вознаграждены. Как говорится – ни славы, ни почестей, ни денег. Ведь это же, понятное дело, неразумно выглядит, как-то... несуразно, что ли. Может, признать тот факт, что ей мешает оставить мужа ущербная гордость либо глупость?

Не хочу дальше развивать эту тему, она действует мне на

нервы. Ты знаешь, Жанна, Кир никогда не смотрел на Тину со слезами восхищения, никогда не рассказывал мне о ней с гордостью, а ведь она все это заслуживала. Может, он свою любовь и благодарность выражал в постели? Пьющий?.. Сомневаюсь. Я в молодости не могла жить без поклонения. Как только заканчивался романтический период, рвала оковы.

Да, в обмен на то, что рисовало нам воображение в юные годы, жизнь дает нам нечто такое, от чего наши представления были слишком далеки. Иногда мне кажется, что чем сильнее любовь, тем несчастнее человек и тем глубже его отчаяние... В каждом из нас бьется живая душа, но не каждому суждено понять музыку слияния сердец.

Тина, еще будучи студенткой, говорила мне: «Когда-то мне очень трудно было расставаться с мамой, потом мне суждено было излечиться от этих страданий, но они возникли снова, из-за Кирюши. Я надеюсь занять в его сердце значительное место, потому что любовь к нему переполняет мою душу. Я далека от мысли, что так сильно могла бы полюбить кого-нибудь другого. Ничего не поделаешь, такой вердикт вынесло мое сердце, и оно не подлежит обжалованию. Я счастлива, хотя не всем довольна. У меня красавец-муж, он меня устраивает как мужчина, а остальное в моих руках, и, надеюсь, в крепких». За это она прощала ему все, что ей не нравилось в нем? Или она не справилась и скрывает свое поражение?

Жанна, растолкуй мне, пожалуйста, каков результат этой

ее великой любви? Разве он любил, разве он хоть раз сделал к ней встречный шаг? Нет. Получается коту под хвост ее самоотверженность, – зло фыркнула Инна. – Да еще служит одной из основных тем весьма недружелюбных шуток собутельников Кирки. Понимаю, тебе нечего сказать.

– Есть. Они завидуют Кириллу. Но стоит ли вторгаться?..

«Когда-то Антон пошутил: «Кириллу требуется добавить хотя бы немного решимости, а Инне такта». Похоже, его слова до сих пор в силе. Нерешительность Кирилла обернулась его несостоятельностью. Наговорила тут Инна целый ворох всякого. Еще бы, велеречива, многословна! Попробуй теперь отделить мух от котлет... Ничего подобного о Кирилле раньше мне не приходилось слышать. С Инниной подачи он – ничтожество, и вся жизнь его пошла насмарку. Что побудило ее так разойтись? Принято считать, что человек, у которого есть своя боль, как бы собирает такого же рода боли других людей. Но говоря шепотом, Инна не совершает никаких явных бестактностей, и у меня нет ни малейшего повода давать ей достойную отповедь... Никто не предоставляет нам отчета о ходе своих мыслей!

Тина чутьем понимает своего мужа, поэтому и жалеет. Только при внимательном изучении и прочтении души появляется уникальная возможность заглянуть во внутреннее измерение пьющего человека, и даже больше того: становится видна кошмарная логика его поведения. Наверное, Тине она открылась. И такие люди как Тина нужны на земле... Хотя

лучше бы таких «субъектов» как Кирилл вообще не было.

Интересно, он мучается тем, что творит с Тиной или принимает ее материнскую заботу как должное? Мне совестно плохо думать о Тине, но я должна сознаться сама себе, что своей добротой она погубила талант Кирилла, не сумела сделать так, чтобы зазвучала в нем главная нота. Его надо было держать в ежовых рукавицах. Мое мнение выглядит слишком жестоким, если учесть ее мучения, но...» – задумчиво размышляет Жанна над услышанным.

А Инна продолжает возмущаться.

– Жанна, не обижайся и постарайся к моим выпадам в сторону Кирилла отнестись не слишком строго. Ему бы победить свои комплексы, а он устанавливал в семье свои правила жизни. Почему Тина позволяла помыкать собой? Он имел над нею власть только потому, что она его любила? Она же потеряла себя. Разве любовь к мужчине может быть главным в жизни женщины? Тем более к такому. Он рохля и недоумок, когда речь заходит о том, как строить собственную жизнь. Он только о вечности мог красиво восклицать, становясь в соответствующую позу. И говорил так, как если бы перед ним была огромная аудитория слушателей. А в быту он ноль, и в работе не гигант. Ему бы только уснуть с соской, то бишь, с бутылкой во рту, вот и вся его радость. А Тине не хватало его внимания. Вот так годами миришься с тем, что никому, в сущности, нет до тебя дела, борешься с депрессией, но ведь все равно наступает момент, когда хо-

чется послать все в тартарары. Это я так, о своем...

Представляешь, Кирина спесивая мамаша более чем почтенного возраста с ними живет.

– К змее еще и мышка прилагалась? – съехидничала Жанна.

– Не решился сынок сбегать ее в дом престарелых! К себе на дожитие перевез. Молодец. На мой непосвященной взгляд, Тина недолюбливает ее, но относится с пониманием. Я подозреваю, что не в радость ей старческое кудахтанье капризной старухи. Да уж, какое удовольствие внимать тому, что «выдает на гора» его чокнутая мамаша, щеря свой безобразный беззубый рот?

– Не очень-то уместны и корректны твои слова. Глядишь, лет через пятнадцать-двадцать, если доживешь, сама тоже далеко не красавицей будешь смотреться, – досадливо пробормотала Жанна.

– Опять же, природа у нее с сыночком одна и общие наклонности. С одного огорода ботва. Та еще, доложу я тебе, ведьма – наглая, неумелая, истеричная. Добра в ней и на самом доньшке души не осталось. Было Кириллу у кого перенять манеру... Помяни мое слово: она еще своих детей переживет. А принято считать, что трагедия ребенка – это, прежде всего, трагедия для его матери. Здесь не тот случай. И деньгами она распоряжается, мягко скажем, не лучшим образом. Иной раз как разохотится – дым коромыслом... Тине, как никому другому, стоило бы над этим задуматься.

Вот говорят: делай самое главное в своей жизни, а остальное само подстроится. Но знаешь, в некоторые минуты ничто не бьет так больно, как мелкие детали быта. Правда, последнее время мамаша без особой надобности из дому выходит крайне неохотно. Так другие ее не менее своеобразные родственнички к ним постоянно наезжают. Их у бабки тьматмушая. И все вспыльчивые, крикливые, неуступчивые. Понимаешь, какое напряжение в их взаимоотношениях? Попала Тинка в осиное гнездо Кириной распрекрасной семейки. Конечно, разногласия бывают в любой семье, но у них они не прекращаются. Знаешь, как бывает: слово за слово, а потом спорят до посинения. Нешуточные страсти разгораются. И все у них сводится к деньгам. Свихнуться можно. Не знаю, каким типчиком был папаша Кирилла, но в такой мамаше можно углядеть главную причину жизненных неудач Кириллы. А Тинка добровольно ищачит на всю эту вульгарную семейку, вкалывает с рвением отличницы. Она так оценивает свою ситуацию: мне не стыдно за мои дела. Мать Тереза! Ради кого жилы рвет? Ее старание не добавляет новых обертонов в их отношения. Было бы немислимым на ее месте представить Кириллу. Да, недаром считается, что супружество – наука женская. А ведь ей, наверное, хотелось бы и в чем-то умном, интересном поучаствовать...

А вспомни моих мужей, Лилиных, Эмминого... Все это тоже бурьян... и будто из одного грязного придорожья жизни...

«У меня сложилось впечатление, что мои подружки оказались слишком хороши для тех мужчин, которых они выбирали. Хороших не было? Судьба к плохим толкала? Чем лучше была их жизнь в семье, по сравнению с той, что прожили их матери, бабушки? А семейная жизнь их детей чем отличается?» – размышляла Аня, вслушиваясь в рассказ Инны.

– ...Естественно, что по этому поводу у меня возникает множество вопросов, и напрашиваются далеко идущие выводы. «У Тинки унижительная потребность быть обманутой или у нее вообще шизоидное отклонение в мозгах? Блаженная? И ведь глупой не назовешь. В ее в спинном мозге больше ума, чем у Кирки во всей башке! Это русский локальный парадокс или наш повсеместный психоз? И где выход?» Понимаю, я слишком категорична. Мое трудолюбие, например, очень быстро иссякает без моральной и материальной поддержки. Иногда мне кажется, что я несу в своем сознании ощущение безнадежности доброты. Вот возьми Тину, что она своей добротой изменила в лучшую сторону?

Инна энергично откинула назад еще не тронутые сединой волосы и на миг задумалась.

«Я просто ошарашена. Разговор Инны с Жанной начинает меня тяготить. Она, видите ли, посчитала своим долгом сообщить... Где-то я уже слышала подобную фразу... А Жанна слушает с жадным интересом. Никто не застрахован от сплетен. Так себе, прямо скажем, перспектива попасть под жернова Инкиного злословия! Какая она холодная и цинич-

ная, хотя и говорливая. Нет, я, конечно, очень ценю счастливые знаки дружбы – наши встречи, наши беседы, но не сплетни. Инка сегодня решительно невыносима. И Жанне от нее достается. Из-за тесноты и неожиданного соседства с этой болтуней мы сегодня с ней товарищи по несчастью, – поежилась Аня. – Похоже, время от времени на Инну находит. Как жонглирует словами! Как кипит, низвергая, обвиняет во всех в смертных грехах. Не лезет за словами в карман, лопатой гребет их из себя. Едкими пулями обстреливает. Безжалостна к тем, кто ее не слышит... Она готова говорить с каждым, кто согласен ее слушать. Для нее чужая личная жизнь – место для раскопок. Похоже, ее юношеское маниакальное изощренное самокопание с возрастом вылилось в новую форму – в исследование чужих судеб.

Жизнь – череда событий и череда выборов. И все, что мы называем судьбой – есть результат нашего выбора. Не всем удастся найти свою дорогу, попасть в струю, потому что иногда приходится выбирать между плохим и очень плохим. Мы, конечно, из всех зол предпочитаем меньшее. Но ведь встречаются обстоятельства непреодолимой силы...

И в семейных делах редко бывает, что один полностью прав, а другой кругом виноват. Эх, Инка, Инка – вечный возмутитель спокойствия. Узнает на копейку, а присочинит на сотню. Да еще посолит, поперчит. Может, завтра на встрече выпускников, и о себе я узнаю много чего нового и «интересного». Умеет из скудной информации извлекать макси-

мум. Кого угодно помоями обольет. Критична, скандальна, жадна до чужих секретов. Не удивлюсь, если услышу от кого-либо, что она сама, играет немалую роль в ссорах Кирилла и Тины. И все это под маркой «хотела как лучше». С нее станется... И преподносит-то все с чопорным выражением безгрешной старой девы, мол, я просто обязана об этом упомянуть... Весьма странная линия поведения.

Трудно ее такую обломать и обуздать. Упряжи на нее не подберешь. Мегера да еще с гонором. Думаю, характер мешает ей быть по-настоящему счастливой. Она всегда была слишком самостоятельной, чтобы удерживать около себя мужчин. Может, не найдя себе применения в семье, сама того не замечая, она всё вокруг себя обращает в пустыню? Я ошибаюсь? Помнится еще в студенчестве, какую бы сплетню мои подруги не услышали, тут же относили ее на счет Инки. А в те времена такими «званиями» как сплетница не разбрасывались. Мне трудно утверждать, но, видно, уже тогда она успела себя чем-то дурно зарекомендовать, хотя вроде бы боролась за справедливость.

Может, тогда она была еще недаленовидной или к кому-то враждебно настроена. И меня, случалось, не разобравшись, незаслуженно, ни за что ни про что обижала. Я в таких случаях обычно сердито помалкивала и не строила из себя ни объект, ни орудие возмездия. Да, многое ушло из памяти, но некоторые горькие юношеские обиды все-таки не стерлись...

Но ведь если подумать, умной девчонкой была Инка. И

на работе, говорят, не из последних. И все же со многим в ее рассказе я не могу согласиться. От кого-то я краем уха слышала, что Тина, прекрасно зная слабые места в характере своей свекрови, неплохо уживается с ней, они даже как-то ладят между собой, хотя та и не покладиста, и нелегка в общении, и – если верить слухам, – до сих пор обладает сокрушительным темпераментом. Присутствие духа никогда не изменяет Тине. В этом нет ничего крамольного, хотя, конечно, ей не позавидуешь.

И все же, если даже не вдаваться в подробности, не могу я отделаться от мысли, что Инна во многом права насчет Кирилла. Всякое в голову лезет. Исходя из ее слов, репутация Кирилла – не приведи Господи. Получается, что надирается он не от случая к случаю, а целеустремленно. Не лучший вариант для семейной жизни. Похоже, он, как выражается мой директор, «сел в лужу по самое...»; хотя, конечно, легкомысленные шуточки здесь не уместны. Копая в глубину проблем, я убеждаюсь, что всем нам свойственно умалчивать свои ошибки и выпячивать чужие», – наморщив лоб, размышляет Аня, на короткое время окунувшись в разговор Жанны с Инной.

Аня с удивлением подумала о том, как тривиальна, незамысловата и бедна личная жизнь Тины, изображенная Инной во всей ее категоричной прямоте.

«А может, Инна ошибается, и в Тине есть та самая редкая, спокойная уверенность и благородство, которые и несчастья

позволяют принимать с достоинством, – предположила Аня и опять отвлеклась на слова Инны. Но ненадолго. – Пошла чесать языком! Поражает удивительная ловкость, с которой Инна, с показной скромностью держась в стороне от того, что она осуждает, влезает в дела тех, чья жизнь ей интересна, и при этом показывает свое якобы непогрешимое желание быть честной и точной до мелочей. Мол, могу поручиться за достоверность сказанного; ничего не имею против «героя», но я не прочь кое-что разъяснить только для себя самой... Я сгорела бы от стыда, если бы у меня был такой скандальный талант... Размышляя и упражняя свою праздную проницательность в отношении этих людей, хваля и одновременно унижая героев своих рассказов, она с блеском, с милой улыбкой наносит им и тем, кто ее слушает, глубокие раны. Если не в словах, то в тоне угадывается то, что ей как бы хотелось скрыть или напротив дать понять, донести...

С удовольствием говорит о плохом под маркой жалости. Я не разделяю ее любви к чужим биографиям. Прищемить бы ей язык. Может, у Инны в своей жизни нет ничего, кроме горечи и накопленных обид, вот и бросается она на всех, чтобы утолить свой голод отсутствия надежды, пытается разбавить свое несчастье осуждением неудачной жизни друзей. А сама, небось, до сих пор мечтает, чтобы появился некто, все в ее жизни расставил по своим местам и вселил уверенность в завтрашнем дне.

Но говорит, однако, голосом встревоженным, которым

рассказывают о состоянии тяжело больного. Может, я сужу об Инне слишком предвзято? Она вольна поступать, как ей заблагорассудится. Но ведь совсем не думает об осложнениях, которые могут повлечь за собой ее суждения. Она не злая, но вздорная», – думает Аня, краем уха прислушиваясь к монологу Инны.

«Чего она лезет ко всем со своими страстишками и мелкими претензиями? Может, на заводе Кирилл на самом деле вращался в среде людей, недостойных уважения и потому пропал? Все плохими не могут быть... Да, своеобразная трактовка образа нашего старого друга. Слишком вольное переложение его биографии в устах Инны, – с горечью подумала Жанна. – Признавая за Инной неблагоприятные качества, я вижу в ней изрядную долю эгоизма или даже низости? Так и хочется спросить ее: «Что ты имеешь против человека, не причинившего тебе зла? Зачем осыпаешь его ядовитым сарказмом? Может, на самом деле все было далеко не так?» Иногда – в некоторых ситуациях – в чем-то порочные люди могут оказаться лучше таких вот внешне порядочных...

Да, маловато в Инне от настоящей верной подруги. Друг из нее – врагу не пожелаешь... Сложная, противоречивая особа. Интересное наблюдение: по подлому из-за угла бьет, через третьих лиц. Думает, что дальше от меня волны о Кирилле пойдут? Пусть не надеется. Коготками цепляет ее рассказ за душу. Оборвать бы ее на полуслове, так нет – воспитание не позволяет. Но если быть перед собой честной, дру-

гая причина кроется в моем желании продолжать слушать ее бредни: я хочу больше узнать о Кирилле.

А может, собирая информацию и разглагольствуя о других, Инна стремиться не упустить случая напомнить окружающим о себе? Потеряла почву под ногами, своя жизнь перестала вызывать чувство утolenия тщеславия, ощущение своей исключительности, вот и примеряется к чужим судьбам, развлекается себя тем, что находит удовольствие в том, чтобы возводить на кого-то напраслину, противодействовать созданию положительного мнения о людях, воздвигать стену между ними. Наверное, ей кажется, что категоричные суждения о чувствах, которых она не испытывает, прибавляют ей мудрости, наращивают имидж и тогда ничто уже не может омрачить ее радужного состояния. Если это так, тогда у нее скверные намерения и удивительное самомнение. Вот слушаю ее и кажется мне, что глумится она не столько над пороками, сколько над чувствами Кирилла. Очерняет его. «Мне из достоверных источников известно...» Хочет быть причастной ко всему, что происходит вокруг нее. Бесподобная особа!

Что-то не нравится мне ее рассказ. Полагаться на ее мнение не стоит... В моей памяти еще свежи события тех лет, когда в нашей компании Кирилл был самым интересным молодым человеком. Может, только мне так казалось?.. Уже тогда он употреблял, правда, еще не напивался. Вино и стало причиной конца одного моего не очень счастливого перио-

да жизни...» – вспомнила Жанна, делая над собой усилие, чтобы слушать то, что ее интересовало и одновременно раздражало.

– ...Знаешь, Жанна, эта Тинина каторга почище валки таежного леса будет.

– Неужели она не понимала весь ужас своего положения?

– Я никогда не видела ее ворчащей, раздраженной, обозленной. Парадокс, загадка века. Я, лично, чувствовала себя в их семье неуютно. Их жизнь – безнадежная неразбериха. Кир – вечно поддатой или вовсе непотребно пьяный, прет на рожон, а куда и сам не знает. И невозможно предугадать, что он в следующий момент собирается выкинуть, ну и конечно, попадает впросак, влипает по самую макушку... За ним всегда тянулся шлейф неприятностей.

Он то умоляет, прихватив с собой все их с Тиной деньги, и, естественно, – с концами, будто в преисподнюю проваливается, то всплывет и начинает околачиваться у рюмочной, а потом куражится так, что всем чертям тошно. И после вмешательства соседей, когда они заломят ему руки, долго не может уgomониться. Понимаешь, пьяным он несет в себе постоянную готовность к стычкам, сам ищет их, бывает бит, но снова и снова стремится подвергнуть себя процедуре унижения. И бесполезно говорить с ним о катастрофических последствиях, которые могут иметь место, если он опять вознамерится продолжить такой образ жизни. Губительно действует на него алкоголь. Я знакома с поведением Кира не по-

наслышке. Он в соседнем доме живет.

Когда он трезв и зол, на глаза ему лучше не попадать-ся. Ходит согнутый в дугу артритом, как одинокий, старый, сумрачный волк, несет что-то несусветное, отвратительное. Предпочитает строить из себя непонятого, несчастного, жалуется, что не заслуживает такой доли, что хотел бы оставить о себе лучшую память. Исходит черной завистью к состоявшимся знакомым.

После очередного особенно «удачного» макания мордой в дерьмо – я имею в виду его «побывки» в милиции – он некоторое время ведет себя прилично, размякает, пускается, как и в молодые годы, в мечты. Но потом «опять двадцать пять» – доигрывается до крупных неприятностей. Не соскучишься с ним. Мне становится дурно, когда я наблюдаю за этим, с позволения сказать, семейством. Здорово у Кирки получается быть посмешищем в глазах людей. И не выглядит пристыженным. Ни разу его лицо не заливалось краской до корней волос, ни разу я не видела у него растерянно-смущенной улыбки. Опустился, скатился, позорит себя, Тину и все наше поколение. Один он у нас на курсе, такой субчик. Паршивая овца все стадо портит. Может, и был у него ум, да весь вышел, – сказала Инна с видом человека, изо всех сил старающегося быть понятой именно так, а не иначе.

Жанну покорила серия грубых выпадов Инны в адрес Кириллы. Она болезненно поморщилась от слишком натуралистического описания его «подвигов».

«Смешала человека с грязью, без каких-либо веских оснований обвиняет в зависти. Эти ее слова кого хочешь заставят содрогнуться. Кирилл не такой. Нельзя же все так упрощать. Не старается Инна его разгадать. Говорят: не принижай своих врагов – умалишь сам себя. Кто знает, если бы Кирилла полюбила сильная женщина и сумела взять его в руки, то он возблагодарил бы судьбу, а не клял ее. Если бы да кабы...» – вздохнула Жанна. А вслух попросила Инну:

– Говори по существу дела.

– Врет, обещает, но никогда ничего не выполняет. На месте Тины я бы постаралась поскорее забыть о нем. Мне иногда случается так абстрагироваться от неприятного мне человека, что я полностью исключаю его не только из своей жизни, но даже из своей памяти... Что удерживает Тину рядом с Кириллом? Говорят, что иногда именно недостатки характера обладают наиболее притягательной силой, если они каким-то образом соответствуют собственным слабым чертам человека. Только не для меня... – слышит Жанна.

«Полная бессмыслица! Где его прошлые предпочтения? Неужели Кирилл лицемер и тунеядец? Может, Инна слишком строга к нему? У всех нас куча недостатков и слабостей. Она сама далека от идеала. Что же так расквохталась? Может, просто домысливает? Почему так уверена в своих предположениях и пророчествах? Она лишена мизантропии, но суждения ее порой излишне резки. По прошествии многих лет мы тоже иногда обнаруживаем, что наши мысли не все-

гда согласовывались с нашими словами и делами.

А если Инна права в том, что вместо того, чтобы жить полноценно, Кирилл только возвращал в себе свои маленькие личные трагедии? На его месте я лучше бы застрелилась, чем жить вот так, злостным иждивенцем, – грустно размышляет Жанна. – Опасно подрезать людям крылья, но так же не стоит принуждать их к тому, что не является для них естественной потребностью. В обоих случаях ничего хорошего не выходит. Что же случилось с Кириллом? Обо что он споткнулся, где упал? Кто его оттолкнул или подтолкнул?..

Многое из уже сказанного не то чтобы объясняет, но, по крайней мере, предполагает «не очень изящное» оформление портрета Кирилла. Получается, он истерик-экстремал, сложный человек с надломленной психикой, легко впадающий в... дурь. И то сказать, хвалиться ему нечем... В нем присутствует крайняя степень чувствительности, интеллектуальный аскетизм и ощущение подавленности, ранее ему незнакомые. В компании он был таким эффектным! От кого он набрался всего этого хлама? Почему скатился?.. Он не осознает, какую боль причиняет жене или и правда настолько эгоистичен? Вопросы, вопросы... И все без ответа».

От мучительных размышлений лицо Жанны дернулось, и скривилось, словно от зубной боли.

– ...И все деньги у него уходят в песок, вечно в безвылазных долгах, – доносятся до слуха Жанны монотонные слова Инны. – Надо отметить, что обещанных высот Кир так и не

достиг. А были наполеоновские планы! Правда, мне кажется, Тина и не возлагала на него больших надежд. Годы обманутых надежд – это много хуже, чем заранее не обольщаться насчет данных своего мужа. Ничего он из ряда вон выходящего не сделал, все надеялся, что обстоятельства удачно сложатся или повернутся куда надо. А потом и напрочь забыл о своих честолюбивых порывах юности. Может, рассчитывал, что кто-нибудь вызовется помочь? Тогда у нас не принято было бросать человека в беде. Он обещал, доброжелательно улыбался, говорил красивые, высокие слова, но ничего не делал. Ну, прямо как наши нынешние чиновники. Два притопа, три прихлопа – вот и все на что он способен.

И меня как-то сильно подвел. Договор у нас был с заводом. Так он сорвал нам все сроки. Правда, в воровстве не был замечен. Мне кажется это не его. Я к нему, мол, что стряслось? А ему все до фени. Мол, нестыковочка вышла, сроки поджимали, а я человек вдохновения. Сомнительный комплемент себе отвесил. В общем, еле-еле я разгребла его «авгиевы конюшни», вызволила из беды и его, и себя. Сама из-за него едва выговор не схлопотала. Идти на открытый конфликт не хотелось. А он мне ничего толком не объяснял, сколько я ни требовала, только успокаивал, мол, ничего я не набедокурил, просто повздорил с начальством, не заморачивайся, все будет тип-топ. Долдонил, долдонил... Доводил меня. Не понимала я, как можно так халатно к работе относиться, в разговоре с ним вся в звенящую струну вытя-

гивалась от напряжения.

Не в лоб, конечно, но высказала я ему свои претензии. Пристыдила, говорила, что с меня довольно его экспериментов, но насмешками не осыпала. Тогда я еще старалась с ним такт проявлять. К тому же у меня не было никакой охоты привлекать к нему отрицательное внимание. Какой-никакой, а все-таки бывший однокурсник, муж подруги. А он быстро постигал науку уходить на задний план, отказываться от себя, от своих идей... И вообще, все у него в работе было на живую нитку... Я больше с ним не связывалась.

«Всякий может ошибиться, оступиться», – мысленно не согласилась с Инной Жанна.

– ...Я-то, дурочка, первое время даже в его семейных делах выступала кем-то вроде посредника в замирении двух сторон – жалея Тину, защищала Кирку. Иными словами, «благоразумно затушевывала» последствия его вспышек показного бешенства. Сам-то он не «светился», его гордость, видите ли, страдала. Всё-то в нем перевернуто, переверано... Помнишь у Блока: «Жить люблю, но не умею». Думаешь, прикалываюсь?

...От Киркиных заоблачных идей пользы никакой не было. Тоже мне, непризнанный гений! Как же, занял достойное место на вершине научной иерархии! Трепач. Явно льстил себе. Считал, что по слабости характера зарыл свой талант в землю и залил водкой, где он и покрылся плесенью неудач... Охламон. Не получилось у него удачно сочетать в себе пьян-

ство и прекрасные способности, если они, конечно, у него были. Я что-то не заметила в нем ничего, кроме пустого гонора. А потом он, похоже, совсем пересек некую культурную границу, отделяющую человека от животного. По мне так он хуже скотины, та хоть не пьет.

И дружки у него ему под стать: один сачок и зубоскал, другой заядлый скандалист. Где только он их отлавливал? Они будят в нем дурные инстинкты. Как можно якшаться с подобными типами? Они с умыслом втягивают его в истории, а он подставляется. Дать бы им под зад коленом и полюбоваться, как запляшет вся эта его камарилья. Ну, и какой еще тут может напрашиваться вывод? Под занавес скажу, что такого муженька я вышвырнула бы в два счета. Женщины подобные Тине только портят мужчин, квашню из них делают... Хотя то, что по плечу мне, вряд ли по силам Тине. Она из другого теста. И в чем только черпает утешение?

Вот, смотрю я на таких, как Кирилл, и во мне прорастает весьма невысокое мнение о роде человеческом. И я была слабая, руки опускались, но не ждала, что будет легко, вкалывала, за жизнь цеплялась. Выдержала, выжила в городе. Конечно, мой неистовый идиотский фанатизм тоже ни к чему. Но меня, бывало, катком переедут, а я встаю и дальше иду. Один, помнится, вообще как бульдозером по моей жизни прошелся, вынес из души все доброе... И теперь хотела бы добраться до дна, вычерпав все возможности, которые дает нам наше далеко не совершенное, но благодатное для

активной деятельности время. Только вот здоровье... Вымолить бы его у Всевышнего... И чтобы измученную душу исцелил.

Я, как ты, надеюсь, в курсе, никогда не ныла. Знала, что счастье в жизни – это короткие вспышки, а остальное – работа, творчество и терпение. А еще счастье – это сумма неприятностей, от которых уберегла судьба. Только смерть способна дать успокоение моей энергии. Об одном жалею в своей жизни: невнимательна была к маме. Но того уже не вернешь... Ой что-то я совсем расчувствовалась, в сторону от нашего разговора ушла.

«Инка всегда была напористой, агрессивность сочеталась в ней с природным изошренным умом. Привыкла добиваться своего искусными маневрами, даже притворством. И если задалась целью, то страшишь, держись неприятель! Мозги всем выстудит, и остатки воли противника исчезнут под ее бурным натиском. Ее надежная сила и уверенность выплывали из рефлексии, самоанализа и бесподобной наглости. Наверное, сделала приличную карьеру, а теперь на пенсии страдает отсутствием объектов приложения своих способностей, вот и тиранит своих знакомых. А может быть, теперь ненависть и сочувствие стали прекрасно совмещаться в ее характере, так сказать, произошел сговор несовместимых черт? Ох, как ей в таком случае подходит фраза из анекдота: «Всех не пожалеешь, кого-то и расстреливать надо», – с усмешкой подумала Жанна. – Я не перегибаю?»

– Между нами, девочками, говоря, я сторонюсь мужчин, подобных Кириллу. Предпочитаю держаться от них подальше. Для таких личностей главное – в мелочах быть не такими как все. Допустим, они носят бороду, когда все бреются или, как сейчас модно, делают татуировки и надевают неимоверные серьги, проделывая в ушах огромные дыры, – то, что позволено публичным людям. Моя подруга по этому поводу шутит: «Все нужные дырки Господь человеку уже сделал», – сказала Аня.

«Наугад брякнула», – недовольно буркнула Жанна.

– Когда ума не достает, приходится обращаться к внешним атрибутам привлечения к себе внимания. Глупое, пустое высокомерие не позволяет им держаться в тени. Сколько слабаков я за свою жизнь видела-перевидела! Не дай бог никому с ними связываться. Я считаю, что стопроцентным эгоистом может быть только грудной ребенок, но даже такого малыша приходится потихоньку приобщать к нормам жизни, – категорично закончила свою мысль Аня.

Наступила такая длительная пауза, что Лена и Аня успели задремать.

*

Увидев заинтересованный взгляд Жанны, Инна продолжила тихо высказываться.

– Как-то наткнулась на Кирилла на улице. Вышагивала я в привычном темпе вечно занятой женщины, рассматривала людей, заглядывала в окна домов, успевала увидеть пред-

ставления из домашних сцен полных «потрясающей драматической значимости». Ну, все как обычно.

Кир сам тормознул меня и подвалил этакой зыбкой походочкой, которую ни с чем не спутаешь. Жалкий, облезлый какой-то, сгорбленный, испитой, опухший, похожий на вихляющуюся тень. Наверное, подстерегал меня за углом, но сделал вид, что удивлен и обрадован нашей встречей. Ну, буквально излучал искренность и честность. На лице ни малейшего признака смятения или смущения.

Я его спросила скучным голосом:

«Как поживаешь?»

Он мне ответил:

«Надо бы лучше, да некуда».

Пошутил, чинно поклонился с шаблонной улыбочкой, словно с подмостков сцены, и сказал мне в веселом, фривольном тоне, но с упреком:

«Инесса-принцесса собственной персоной! Я решил, что ты нас совсем позабыла-позабросила. Куда запропастилась? Я уж забеспокоился, может, думаю, в немилость попал?»

Последовало долгое молчание, Потом очень осторожно, словно ошупью, пошел льстиво дальше:

«Надо же такому случиться! Только подумал о нас с тобой и вот на тебе – Инна! Этой встречей я обязан случайному стечению обстоятельств? Гуляешь, прохлаждаешься?»

Противно так хохотнул и опять замолчал. Может, денег надеялся занять? Только видно не решился, передумал или

побоялся. В последнюю встречу он стал мне в тридцать рублей.

Признаться, я оторопела. Хотела его обогнуть. Не в восторге была от предстоящего разговора с этой реликтовой особью ледникового периода, а может и каменного века, с трудом сохраняла внешнюю невозмутимость и совсем не представляла в какой тональности с ним вести диалог. Давно он мне на глаза не попадался. И теперь не хотелось лицезреть этот до тошноты знакомый силуэт.

Оглядела его придирчиво, с брезгливым любопытством, молчу. И он в неловком молчании стоит передо мной – еле еле душа в теле. Лицо опавшее, сам неприкаянный, сиротливый какой-то, зачуханный, опустившийся, обреченный, можно сказать; лишенный какой-либо элементарной привлекательности. Боже мой, какие неожиданно глубокие следы неблагополучия высветились на его испитом сморщенном лице с поблекшими, заплывшими глазами! Кожа на шее сбегалась и местами ссохлась. Ну, просто безобразный лик нищеты и старости! Пил до провалов памяти? Опять перебрал?

Говорю ему брезгливо-насмешливо:

«Мать моя женщина! (Мое обычное приветствие.) Кого я вижу! Элегантный, благовоспитанный кавалер!»

Смотрю, расплылся в глуповатой улыбке. Понимаю, за ней прячет свое смущение. Вгляделась получше и с грустью заметила, как сильно он сдал с тех пор, как я видела его последний раз. Лишился большей части волосяного покрова

на черепушке, темечко окончательно обнажилось. Остатки роскоши былой! А ведь совсем еще недавно мощные залысины – те, которые, как принято говорить, от ума – были еще в полголовы. «Огрызки» длинных, седых, сальных, лохматых, чуть выющихся патл придавали ему вид бомжа. Когда-то огромные черные глаза глубоко запали, усохли, потускнели. В них мелькает горестное безумие. Присмотрелась. Что такое? Очи не в комплекте! Правого не хватает. Совсем заплыл. На чей-то кулак нарвался? Меня пробилла настоящая, неподдельная дрожь. Единственный зуб украшал его страшные, бледные, обкусанные десны. Неумолимый процесс старения и дряхления уже не просто затронул, охватил его полностью. Куда девались рулады и перекаты его красивого голоса?

И пиджачок на нем выдавший виды, замызганный, зажеванный, местами засаленный. Рукава зачем-то неряшливо закатаны, обнажая грязную подкладку. Приспущенные на бедрах брюки мятые, с пузырями на коленях, но со следами стрелок, напоминавших о заботливости Тины.

«Купила бы ему джинсы. Не хватало еще наглаживать этого охламона», – зло подумала я.

Нелепо смотрелась огромная булавка, вдетая в борт пиджака и яркая кокарда на изношенной кепке с поломанным козырьком, которую он зачем-то снял при виде меня. Похоже, чужая, потому что слишком большая. На лоб съезжала. Жутко затрапезный вид! И в подобной оснастке он разгули-

вал по городу, обращая на себя внимание прохожих! Наверное, думал, что не их ума это дело. Если вообще думал. Собственно, смотрелся он на этот раз вполне пристойно. Ему случилось, крепко поддав, выглядеть и намного хуже. Наверное, имеет шлейф всяческих болезней, сопутствующих увлечению спиртным.

Жанна, настроилась на долгий монолог.

– Прибавь к тому, что перегаром после очередного «застолья» от Кира несло за версту. Не скрою, отталкивающее впечатление произвел. И на внешности сказываются низменные склонности. Я никак не могла свыкнуться с такими в нем резкими переменами, которые еще более подчеркивались тем, что день занимался удивительно яркий, лучезарный. Грустно и одновременно смешно было смотреть на его неуверенную и в то же время вызывающую позу. И при всем при том он выглядел до крайности беззаботно и легковесно, будто изгнал с поверхности лица и души малейшие следы проявления отрицательных эмоций. Как ему это удастся? Но в его безразличии на этот раз не было привычной наигранности. Его даже не раздражала бесцеремонность, с которой я его разглядывала. В общем, в сносном расположении духа был, что с ним не часто случалось в последнее время. А на моем лице он, наверное, увидел смесь брезгливости, заносчивости и сдержанности. Не хотела я завязывать разговор, но все-таки проехала.

«Ты как всегда при параде! Хорош! Весь как на ладони.

Сам себе удивляешься? Ты – мужчина... в несколько забытом для меня смысле. А сам как себя позиционируешь? – злорадно-насмешливо спросила я. – Неплохо сохранился, но пугало на огороде краше бывает. Ты как-то сразу расположил меня к себе. По твоей экипировке я многое о тебе могу сказать, например, что ты главное действующее лицо в своих спектаклях и горд этим. Нам с тобой стоит расположиться где-нибудь на фоне фронтона какого-либо прекрасного здания и сфоткаться на добрую долгую память. Кто тебя обкромсал и общипал, как ветер осенний куст?» – спросила и сделала вид, что мне неприятно и неловко не только задавать подобные вопросы, но даже стоять рядом с ним.

«Да и ты за последнее время сдала. Подавляешь в себе соблазн обругать меня самыми последними словами? Упустила такую возможность! Не совершила ошибку? Не обмолвилась и лишнее с языка не сорвалось? Не коришь себя, не стесняешься своих слишком мягких слов, нет? И чем только твоя голова забита? – уточнил Кир шутливым тоном. – Ты не отличаешься излишней церемонностью, но мне совершенно неважно, как я выгляжу со стороны, меня волнует только мое внутреннее содержание».

В его голосе прозвучало разочарование и настороженность. Я поняла, что ему не понравилась моя «нежная» агрессивность.

«А оно, это содержание, у тебя еще осталось? Небось, сушняк во рту после вчерашнего «застолья», и язык к нёбу

прилип, не оторвешь – как липучку на ботинке. И в голове сквозняк. Опять угораздило?.. А мне излишества не приносят удовольствие. Я примерная девочка».

«Я оценил твой юмор. Уровень твоей порядочности зашкаливает. Расслабься, побудь не совсем идеальной и посмейся над собой», – расхохотался Кирилл, сложившись чуть ли не пополам, но, отсмеявшись, зло на меня уставился.

Раньше он лукаво подмигнул бы мне или дружелюбно хлопнул по плечу. А теперь в его глазах читалось: «Держись от меня подальше». Такой вот неожиданно резкий перепад в его настроении.

– Он, как обычно, был в глубоком подпитии? – перебила, желая уточнить, Жанна.

– Трезвый был, ни в одном глазу, видно, дружки не поднесли еще опохмелиться. Но крепкий густой дух вчерашнего злоупотребления висел над ним и окружал привычным ореолом. Довольно унылое, пожалуй, даже зябкое впечатление произвел, скажу я тебе.

Наши взгляды встретились. Мои глаза сказали ему, что мне скрывать нечего, его – что я не застала его врасплох. Пошутила, конечно, мол, ищешь к кому прислониться или шел ко мне с сокрушительным покаянием, в надежде, что я вырву тебя из объятий отчаяния? Похоже, дела у тебя из рук вон плохо. Если хочешь меня удивить, то напрасно, не старайся, меня теперь трудно чем бы то ни было впечатлить. О чем я могу услышать из того, что еще не знаю? Что башку

пригнул, совесть проснулась или опять дал деру из семьи? Ведь повод неважен, правда? Сбежал, струсил или Тина сама тебя, наконец-то, прогнала? Давно пора. Жаль, что редкое постоянство сочетается в ней с завидным чувством долга. «А вдруг с прошлыми делами покончено?» – съехидничала я, и взгляд от него отвела, как от чего-то для меня не представляющего ни малейшего интереса.

А он мне: «Тебе бы не помешало...»

И я ему: «Тебе бы тоже».

А он мне: «На кого замахиваешься? На старого друга? Это перебор. Не утрируй, оставь свои оскорбительные сравнения. Что я сделал тебе плохого, чтобы заслужить такие «комплименты»? Ладно, ладно, снимаю вопрос с извинениями».

И почудилась мне в его интонации поздняя горечь навсегда от всех нас во всем оставшего... Я помялась, потопталась и мысленно согласилась его выслушать. Начал он – в тон мне – с выражения ироничного восхищения (его стиль), мол, у тебя не платье, а штора из Большого театра: одни сборки и воланы по всей длине. Я только поморщилась в ответ, мол, что бы ты понимал «в колбасных обрезках!» «А что, комплекция позволяет носить такой фасон. Я всегда была стройной. Даже мужчины интересовались, мол, ты жертва специальной диеты или природа постаралась сохранить тебе девичью фигурку? Тебе с твоим вкусом не понять», – презрительно подумала я, но не рассердилась. Было бы на кого!

Киру позарез нужен был слушатель, и он битый час мари-

новал меня своими слюнявыми излияниями – докладывал, в каких побывал передрягах.

«Бедняга, замучен славою! Повезло», – не удержалась я.

А он все говорил и говорил. Голос его чуть дрожал. Слова произносил как-то неуверенно, в движениях сквозила скованность. Столько усталого доверия и тоскливой потребности отвести душу, излить горькие жалобы услышала я в его откровениях! Слишком скорбно и больно звучала его речь. Сквозь ее невнятицу я уяснила, что, он всегда слепо бродил по жизни или метался в неистовом волнении, пытаюсь отыскать тропинку, ведущую к более глубокому пониманию собственной сути, а находил дерьмо, потому-то и чувствовал свое бессилие что-нибудь сделать.

Утверждал, что жизнь его представляет собой громоздкое, бесформенное, беспорядочное сочетание порывов и глупых страстей. Сожалел, что всегда предпочитал сладкий самообман осознанию жестокой необходимости. Не умел ставить долг выше удовольствий, если их невозможно было совместить; говорил, что сегодня попытается показать мне себя истинного. Доказывал, что когда в чем-то долго сомневаешься, нерешительность затуманивает цель и появляется почва для уступок соблазну малодушия. Грузил надуманными проблемами, мол, как ни крути, ни верти – всё одно и всё одно к одному – сплошное невезение. А еще, что он готов отречься от Тины, не способной отвадить его дружков.

Нет, ты представляешь, как ловко придумал и в наглуую

попер?! Дошел до того, что меня на Тину попытался натравить. Говорить такое о жене да еще при мне – непростительный грех. Я запротестовала, вся огнем запылала от негодования. Заорала: «Замолчи, иначе я за себя не отвечаю. Жизнь не удалась? Тине условия ставишь, правила диктуешь, а сам их не придерживаешься, да еще ерепенишься! Жена у тебя безукоризненная, а ты – дерьмо».

Заткнулся, язык, будто залип. Только ненадолго. Опять ерунду понес. И слова-то нанизывал, как мясо для шашлыка на шампур. Чему тут удивляться? Такое поведение – прямое следствие его образа жизни. Он и раньше, когда представлялся подходящим случаем, всюю использовал такой способ, чтобы отвести от себя угрозу бесчестия. Грязная, мерзкая привычка. Но никогда при мне он не позволял делать из Тины мишень для гнусных нападков и подлого оговора. Я всегда могла отстоять ее. А тут видно ему было уже все равно. В общем, галиматью понес и повел себя странно, можно сказать, в высшей степени вызывающе.

Тогда я зашла с другого фланга. Говорю Киру, ненавижу себя за нервозную пронзительность тона, потому что уже завелась:

«Если брак для тебя – узаконенная тоска и отчаяние, что же не развелся? Несешь вдохновенно и невозмутимо совершеннейшую чушь. Сладко врешь, да горько глотать твою ложь. Сам-то ты кто? Ошибка природы, ее сбой?»

«На уровне души не врал», – возмутился Кир.

Хотелось крикнуть ему в лицо: «Не докучай мольбами – не пойму». А он все говорил и говорил, словно хотел оттянуть неприятный момент нашего расставания. А мне было не до него, свои проблемы душили и заморачивали. Мне так хотелось хоть немного покоя, радости, а тут он со своими стонами!

Знаешь, Жанночка, выслушивать жалобы мужчины вовсе не так уж увлекательно, особенно если он как старая заезженная пластинка – одно и то же бубнит и никак не может сойти с накатанной музыкальной дорожки. Устала я от его внезапных яростных исповедей. От одной только мысли о них меня до сих пор передергивает. Ну, думаю, побеседуем! Посмотрим, кто кого сегодня переговорит!

Люди бог знает, из какого хлама состоят. Всем есть что скрывать, каждому находится из-за чего покраснеть, а он вроде как нигде ни в чем не повинен, но все его не понимают и обижают. Собственно, ничего другого я от него и не ожидала. Кирке только повод дай, чтобы побыть несчастным. Скорбь и печаль – моменты некоего восхождения души к небу – ему недоступны. Конек Кирилла – сплошное уныние, и, следовательно, падение в пропасть. Нытью он навечно застолбил место в своей душе, его он и пришпоривает. Его главный «тезис»: «Если бы не пил, давно бы застрелился». (А зачем такому жить?) Кириллу вычленить бы одну свою самую главную проблему, подумать, как переломить ситуацию, поискать пути выхода из губительного состояния, вспом-

нить, что всегда после ночи бывает утро. Но на поверку выходило, что просто сказать, да трудно сделать. Не светило ему взять быка за рога, стать приличным человеком.

«Совсем захаяла Кирилла. Хорошо хоть не в глаза. Мне бы самой провести с ним честный, спокойный, доверительный разговор», – подумала Жанна.

– Я привела Кириллу в пример всемирно известного шведского писателя, сценариста, режиссера Бергмана. Мол, его жизнь – сплошные возвращенные фобии и закидоны. Другой бы на его месте – вроде тебя – давно бы спился, а его, как выражался сам автор «Земляничной поляны» и массы других всемирно известных произведений, спасало творчество, оно упорядочило ему мозги, и он сумел взять бразды жизни в свои руки.

«А ты? Тяжело проспиртованными мозгами шевелить? Ты же водкой сузил свои горизонты до предела. Даже великие идеи иногда разбивались о малые слабости. Вот и твои таланты перешли в область пустой болтовни. Тебе бы осуществить глубинное проникновение в свою неповторимую человеческую душу. В молодости не вышло, но есть же мудрость возраста. У тебя еще может быть будущее. Уйди от прошлого, не оглядывайся на него. Не упускай возможности сделать что-то полезное. Попробуй вспрыгнуть хотя бы в последний вагон, идущий в нужном направлении. Кто-то сказал, что мы сами являемся зрителями и потребителями самих себя». – Я так старалась, а Кирка и ухом не повел. Ска-

зал только, изогнув губы, чем придал лицу презрительное выражение:

«Интеллектом давишь. Свое мнение навязываешь. Ход конем делаешь. Совмещаешь приятное с полезным советуешь. Удовольствие получаешь от своей эрудиции и меня заодно воспитываешь? Премного благодарен за совет. Ты меня с кем-то перепутала. Накладочка у тебя вышла. Не имел я удовольствия читать Бергмана. Ему, похоже, просто повезло. Ты ни о чем в своем рассказе не умолчала? Слишком тщательно подбираешь фразы. А я не привык скрывать свои чувства и эмоции, какими бы они ни были. Не получится мне, пропадающему, примкнуть к счастливчикам. Не лежит моя душа к подобным сказкам. Не можешь ты войти в мое положение. Не созрела. Да и не создан я для перемен, и спорить с тобой не хочу. А знаешь почему? К сожалению, в спорах чаще всего побеждает не тот, кто прав, а талантливый демагог, который может ловко доказать, что белое – это черное и наоборот. Например, Гитлер был прекрасным демагогом».

Умел иногда Кир изощренно мстить своим обидчикам. Я, безусловно, взвилась:

«Ты на что это намекаешь? Давай, колись. Хватит паясничать, Не очень о себе воображай!»

А он – этот запредельный циник, пофигист и клоун – вскинул руку в пионерском салюте и говорит высокопарно:

«Рад тебе служить!»

И стал передо мной коленца выделять, сам себя подхле-

стывая выкриками «Асса!» Аки черт извивался. Да... с ним особо не расслабишься. А наплясавшись, добавил примирительно и насмешливо, внимательно глядя мне в глаза:

«Не заводись, насчет Гитлера это я так, по дурасти, к слову пришлось».

У меня после подобного «приветствия» с дурацким переплясом возникла мысль слинять, но Кир стал упрашивать меня понимать его не слишком буквально, и включить если не юмор, то хотя бы иронию. Потом отвел взгляд своих отекавших глаз, прикрыл трудно поднимаемые веки и со вздохом сказал:

«Я не отрешиваюсь от всего плохого, что сделал за свою жизнь. Много чего... привносил и не хотел вытягивать ситуацию. Напрасно ты хочешь убедить меня в том, что не все у меня потеряно, ищешь способы подхлестнуть мое самолюбие, пытаешься подбодрить меня, нажимая на «тайные» рычаги моего характера. Веришь, что приложу все силы, чтобы потрафить тебе? Ну как же, все твои потуги исполнены великого смысла, достойны восхищения! Но они из другого мира. И не старайся ко мне подобраться. Сдается мне, что ты так и не поняла меня ни на грош. Меня ты спросила, нужны ли мне твои старания, человеколюбивая ты моя? Твои предложения – чистое иезуитство. Устал я жить. И не заговаривай об искуплении. Все причитающееся мне я уже получил. Разреши мне руководствоваться своими собственными соображениями. Я останусь при своем, и будь что будет: безнадеж-

ность ли, смирение, неизбежность. Я чувствую... ее присутствие. Это у тебя мощный запас прочности и выносливости. Мне их не перепало».

«Опять ты об этом? «Прости меня, земля, что я тебя покинул». Очередной позыв к уже надоевшей откровенности? – возмутилась я. – Всех в некоторые моменты жизни угнетает неотвратимость смерти. Не зацкливайся на этой мысли. Рассматривай любую проблему разносторонне, широко и объемно, тогда станешь приходить к правильным выводам. А ты словно упираешься рогом в забор и ни туда, ни сюда. Может, там, наверху, все заранее известно и каждому отмерян срок, но чем заполнить интервал между рождением и смертью, зависит все-таки от собственного выбора. Не годами, а делами исчисляется срок жизни».

«Все же что-то хорошее, настоящее было и в моей жизни. Разные периоды жизни имели неодинаковое наполнение. Не одна же сумятица идей и эмоций? Не выпячивай мои недостатки, – бесстрастно и безучастно забормотал Кирилл, как бы оправдываясь. – ...Я был совсем молодым, когда впервые вдруг до ужаса ярко почувствовал черное безнадежное одиночество старости... словно тогда уже был стариком. Понимаешь, уединение – это выбор человека, а одиночество – наказание ему. Крепко, очень крепко врезалась мне в память та страшная ночь. За всю свою жизнь я так и не смог выдворить ее ни из головы, ни из сердца».

«Опять ты взялся за свое? Ну, давай, выскажись до конца!»

Ты на верном пути», – оборвала я Кирилла.

Он судорожно сглотнул комок в горле и тут же пошел в наступление:

«Почувствовала повод к публичному скандалу и ухвати-лась за него? Так я тебе предоставлю простор для саморекламы. Это ты хотела? Отстань, оставь несчастного человека в покое, все равно у тебя ничего не выйдет, – истерично взвыл Кирилл. – Впрочем, не думаю, чтобы ты так легко отказалась от своего намерения вмешиваться. Без этого ты не чувствуешь себя счастливой».

«У тебя мания преследования? Я случайно на тебя наткнулась. По-моему это была твоя инициатива поговорить. Туго соображаешь? Версия распалась, так и не выстроившись? Я не берусь тебя судить. Не имею права. Я только анализирую и... сочувствую», – снизошла я до попытки успокоить Кира. А он меня нарочно заводить стал.

«Случай – язык Бога! Я придал тебе сил? Что, предвкушение перешло в возбуждение? Нападай, только смотри не промахнись и не поперхнись. Ты же привыкла всё брать криком, нахрапом», – презрительно процедил он сквозь «редкий частокол» зубов, и худое небритое лицо его нервно передернулось.

Не успела я отреагировать на его нападки, а он уже другую мелодию завел:

«Хотя ты сегодня в ударе, наш разговор на этот раз не доставляет мне эстетического наслаждения и счастья, которые

я обычно получал от общения с тобой. Закругляйся. Давай завяжем?»

И напялил на себя прочно усвоенное безразличное выражение лица.

Старый алкаш и прохиндей! Представляешь, Жанна, я его со своей эстетикой и патетикой уже не устраиваю! Естественно, возмутилась.

«Что ты знаешь о счастье? Ты всегда мечтал о заведомо неисполнимом, а сам не умел приподняться даже над сегодняшним днем. Не юродствуй. Все хотят счастья на блюдечке с голубой каемочкой, да не все его достойны», – зло хмыкнула я.

– Ну, то, что все хотят на блюдечке да еще с каемочкой – с этой точкой зрения можно поспорить, – рассмеялась Жанна.

– Кирилл опять заныл. Но его стоны у меня уже не вызвали сочувствия. К тому же от всех его, так называемых, жалоб несло пошлостью и дерзостью. И все они – я уверена – произносились в расчете надавить на женскую жалость. Привык, что старые надежные трюки всегда срабатывают. Но не со мной!

И потом еще: через каждое слово – эти немые движения губ! Я, конечно, угадывала по его выразительной, беззвучной артикуляции матерщину, но поначалу прощала это фамильярное панибратство. Похоже, в это утро не озвученные ругательства, снимавшие напряжение, являлись основными элементами его речи. Привычка вращаться в плохой компа-

нии брала свое. А эта «публика» в выражениях никогда не стеснялась. Но не рисковал он при мне выражаться вслух. Видимо, еще помнил мою яростную реакцию на подобное неуважение ко мне, не забыл, как давным-давно я очертила вокруг себя некую этическую границу, переступить которую не разрешала ни одному человеку. Поэтому-то и не пришлось мне мысленно переводить Киркину речь с «русского» языка на светский, то бишь на всем понятный. Не думаю, что какие-то им самим для себя установленные правила заставляли его сдерживаться. Пьяниц совесть редко ограничивает.

С первых Киркиных фраз я почувствовала себя как-то неловко, некомфортно. Его бред был похож на раковую опухоль, где клетки-мысли потеряв голову, размножаются с невероятной быстротой. Было видно, что заоблачные грезы прочно обосновались на авансцене его мозга. Но я долго молчала, пока он вываливал на меня всю эту разнузданную бредятину, надеясь услышать что-либо новенькое, оптимистичное, а когда сделала неприятное открытие, что ему только надо было выговориться, чтобы не лопнуть от переполнения гадостью, то попыталась снова отвязаться от него. В этом деле главное – выбрать правильный тон.

Я, конечно, завелась, но поначалу говорила с ним даже с некоторым сочувствием:

«Кир, какая бескрылая у тебя жизнь! От водки ты стал слаб по части, какого бы то ни было интеллекта. Налицо все признаки вырождения. Не устал еще чувствовать на себе

бесконечное число колючих осуждающих взглядов соседей? Дикие способы досаждают старым людям – шумные дебоши – ты мог бы оставить своим друзьям, раз они им так нравятся.

А в глазах наших общих друзей твое поведение выглядит еще более постыдным. Не мудрено, что они избегают тебя и по собственному почину пресекают общение с тобой. Ты же, как котенок весь день только ловишь себя за хвост. К тому же твой желчный, неуживчивый характер... Опротивело твое дешевое пижонство и дурацкий снобизм».

«Ты больной на голову или только придуриваешься? – жестко без всякой насмешки спросила я. – Не грузи меня своими проблемами. У меня в печенках твое умничанье и заурядное тщеславие, которыми ты множишь раздоры. Ты же сам от себя отрекся. Не пора ли повиноваться здравому рассудку, а не злопамятству и злопыхательству? Может, лучше достойно принимать все, что выпало на твою долю, к тому же по твоей собственной вине? – молотила я привычную копну нападок и обвинений, которую раньше всегда «дарила» своим мужьям. – Сколько ты еще сможешь продержаться, живя в таком режиме? Все зависит от твоей прихоти или Всевышнего приплетешь сюда?

Дружок твой Вовка плохо кончил, сгорел. Вы были неразлучны. Для него, тупицы, окончательно оглуленного алко-голем, все обернулось худшей стороной. Жена умоляла его не пить и не курить, а он орал, что бесит его тупая добро-

порядочность женщин. Жена сердилась: «Ты испытываешь радость от курения, а почему я и дети должны вдыхать эту гадость и губить свое здоровье? В семьях у курящих дети отстают в развитии. Который год мы живем в твоём чаду? Выходи на балкон курить!» Так ведь не слушал. Любую просьбу принимал в штыки. Потом плакал, мол, не думал-не гадал... Считал, его проспиртованного никакая зараза не возьмет, а тут рак... Не слегка коснулся или задел, с корнем вывернул.

И тебя, Кирилл, безотлагательно то же самое ждет, если... Прислушайся. На карту поставлена твоя жизнь.

Ну, не сумел ты вовремя ухватить быка за рога, потерпел неудачу во всех своих начинаниях, не исполнил, что давно задумал – так это уже в прошлом. Хочешь-не хочешь, но по этому шаблону тебя и сейчас все меряют, потому что не меняешься. В молодые годы человек заиклен на себе самом и ему трудно пропустить через свое сердце чужую судьбу, чужое горе, но с годами дальше видишь, больше слышишь, большее чувствуешь. Чужие страдания тоже становятся небезразличными... Я о Тине. Она для тебя – награда судьбы, премия Бога! А ты беззастенчиво пользуешься ее добротой. Подзаряжаешься от нее? Не уделять внимание человеку, с которым ты столько лет общаешься бок о бок, в высшей степени непорядочно. Хотя о чем это я?.. Тина могла бы составить завидную партию какому-нибудь приличному парню, а связалась с тобой, непутевым».

А у Кира челюсть отвалилась от удивления. Не того, вид-

но, от меня ожидал да еще с таким напором. Я наткнулась на его странный застывший взгляд. Он смотрел сквозь меня и явно пытался что-то важное понять и решить для себя именно сейчас, в данную минуту. И ответил мне угрюмо, но уже без прежней сонной тусклости в голосе:

«Ты настроена слишком критично. Сколько можно об одном и том же? Эта тема стала лейтмотивом всех твоих со мной бесед. Это разговоры ни о чем. Впрочем, в быту люди чаще всего говорят ни о чем и без всякой логики. Челюсти от скуки еще не сводит? А я надеялся, что ты меня понимаешь. Тина наводит на меня тоску своей праведностью и ты туда же. Не погружай меня в прошлое, не корми меня мерзкими, отталкивающими историями из моей жизни. Почему тебе знать, где притаилось и погибло мое счастье? Ты еще не колешься о частокол собственных шпилек? В твоих словах, конечно, есть доля правды, но несомненно и то, что она мне не нужна».

«А ведь, случалось, был шутником, даже заводилой и проказником. Особенно после рюмочки... Это не шизофрения. Кирилл сознательно преувеличивает болезненное состояние своего организма или намеренно гробит себя? И какие при этом вынашивает планы? – молча пытается поставить диагноз своему бывшему другу Жанна. – А друзья, зная об этом, отвернулись от него, бросили на произвол судьбы, и только ждут скорой развязки? Это уж как водится... кто бы спорил... Убедились, что мало чем могут ему помочь? Все кро-

ме Инны и Тины?»

А Кир опять «поставил» старую, заезженную пластинку:

«Моя тонкая душа воевала против Союза, и теперь бунтует против наглых притязаний современного безобразного реального мира. Он, как я его себе представляю, еще более жесток и непредсказуем и тоже не пришелся мне по вкусу. Не будет преувеличением сказать, что неизбежным результатом перемены общественного строя явилось, как и должно, обнищание масс. Самое смешное и самое грустное в этом то – и у меня нет в том ни тени сомнения, – что народ, поддерживая нововведения, в силу своей необразованности или безразличия, не представлял, к чему это его приведет, и слепо шел за кумирами. (Хотя кто его спрашивал?) Но в семнадцатом уже был прецедент. Эти «новые» классиков не читали? Не задумывались? Ха! Парадокс – вещь опасная и жестокая. И нечего мне доказывать, что мы утверждаем новую эстетику жизни. Это возврат к старой, изобретенной два века назад на Западе. Она была посрамлена и отброшена за ненужностью нашими «гениальными» приверженцами коммунизма... ввергнувшими страну в хаос... И у наших современных политиков тоже иногда проявляется ярко выраженная склонность к подражанию... Считаешь меня дураком? Но, как говорят художники: я так вижу. Догадываюсь, хочешь сказать: «Платон мне друг, но истина дороже». Я не прав? Можешь меня «прихлопнуть». Или чувствуешь, что в некоторых вопросах мы мыслим одними категориями?»

Ну, я и ответила ему просто и незатейливо, не забывая расточать ироничные улыбки:

«На критику системы повело! По какому недоразумению тебя занесло в область политики? Я слишком хорошо, до противного хорошо тебя знаю. Неприятно тебя понимать, тошнит от общения с тобой. Подскажи мне новую тему. Не могу я в тебе ее найти без твоего указующего перста. Ничего заслуживающего моего внимания в тебе не вижу. Негде разгуляться. Хватит молоть примитивную чепуху. Существует непреложное правило – сначала наведи порядок в своих мозгах, а потом других учи. Прошу впредь с этим постулатом считаться».

Потом сама не понимаю, как это вышло – видно использовала весь запас терпения, – не выдержала, взорвалась, и независимо от своего желания начала кричать на Кирилла, отбросив принцип невмешательства. Понеслась не запрягая:

«Упавшую звезду из себя строишь. Ты не человек, а пустая оболочка. Великие мысли доступны только великим людям, а великие события могут предвидеть только те, кто поднялся до их уровня. Своим словоблудием ты просто выторговываешь сочувствие к себе и уже только поэтому заслуживаешь моего осуждения. Мне претит тошнотворная назойливость твоих вечных стонов. Твоя душа уже заполнена до краев черт знает чем и больше ничего не вмещает. Тут особо потрудиться надо, чтобы поначалу изгнать из себя лишнее, а потом уже наполняться заново. Даже безраздельно принад-

лежащая тебе Тина за десятилетия вашей совместной жизни не смогла поделиться с тобой ни добротой, ни практичностью, потому что ты не хотел их брать в свой арсенал.

Это твоя вина, что жизнь Тины измеряется приступами боли и постоянным отсчетом горестных минут, часов, дней... Ты подвергаешь ее светлое к тебе чувство ежедневным, жестоким испытаниям. Получается, страдание для нее – единственный способ осознания, что ты еще жив и остался самим собой, все той же дрянью. Другой после моих слов был бы готов провалиться сквозь землю, а ты стоишь, ухмыляешься и даже не оправдываешься».

«Что с тобой стряслось? Ты никогда не говорила так много и неинтересно. Долго молчала, а теперь нагоняешь? Заболела? Оставь свой праведный гнев или держи его под контролем. Зачем в который раз заставляешь меня переживать всю историю моей жизни? Это невозможно... слишком тяжело для психики! Ты не заешь меня изнутри. Зачем ты высказываешь свое глумливое мнение, даже когда тебя не просят? Ты так узко и плоско мыслишь?» – возмутился Кирилл и крепко сжал в кулаки свои влажные трясущиеся пальцы, так, что грязные ногти впились в ладони.

«Можно подумать, ты – объемно и многопланово, – парировала я. – Ты же у нас только чужими словами способен жонглировать и преподносить их как свои, как нечто выдающееся. Не наигрался еще? – расхохоталась я ему в лицо. – Тебе еще не грезятся позолоченные рамы твоей достойной,

обеспеченной старости? Ты же у нас в душе поэт и тебе трудно бороться с пошлыми житейскими хитросплетениями. А кому легко? Тине, мне? Ты, не очень умный эгоист, никогда не понимал, какое чудо попало тебе в руки и, не зная, что с ним делать, ты погубил ее как своевольный ребенок сложную непонятную ему игрушку. Вы с ней разные, как день и ночь». Ты пустобрех, а она молчаливица.

«Инна, мне кажется, ты лет двадцать соблюдала обет молчания на эту тему. С чего это вдруг тебя прорвало? Ты уже по второму кругу пошла меня пилить. Смотри не перестарайся, а то тут и сейчас у нас по инфаркту на брата может случиться. Мне-то не привыкать, а тебе в первый раз это может показаться не сладким. Почувствовала острую нужду чем-то новым поделиться?» – шуткой попытался прервать меня Кирилл, криво улыбаясь щербатым ртом.

Я опять удивилась резкой смене его настроения, но не поддавалась на провокацию.

«Разве не опалает тебя стыд раскаяния? Тривиальность в мыслях и поступках очаровательна только в подростковом возрасте. Теперь от тебя требуется мудрость». – Я попыталась поймать взгляд Кирилла, чтобы уяснить его реакцию на мои нападки. Но он отворачивался от моих настырных глаз.

«Допустим, любовь Тины для тебя ничего не значит, но есть же чувство благодарности. Нельзя швыряться таким прекрасным понятием как безграничная преданность. Ты не можешь отговориться тем, что всерьез веришь тому, что не

нуждаешься в Тине. Что, не хватает смелости покаяться в трусости, безразличии и бессердечии? И зачем только судьба вплела в один узор нити ваших жизней? Зачем ты загнал свою жизнь в этот ужасный и абсолютно бессмысленный тупик? Будь хотя бы передо мной честен», – продолжала я раскручивать шарманку упреков.

Кир, насупившись, молчал, а я уже не могла остановиться, накопело.

«Даже если отбросить все другие причины и принять во внимание только наследственность... Подумать только, из умницы, каким слыл поначалу, ты превратился в мишень для едва прикрытых насмешек своих же дружков. Ты же ведешь себя как самый последний забулдыга! Не чувствуешь, что копыта уже нависли над пропастью? Победит ли когда твое мнимое благоразумие или тебе требуется толчок более весомой авторитетной личности?»

Существуют ли какие-то объяснения глубинных тайн твоей души? Не пойму, какому идолу ты поклоняешься? Иногда у меня возникает ощущение, что ты марионетка в чьих-то невидимых руках. Мистика... Напасть какая-то...»

«Хочешь взрыхлить мне мозги, подкачать им кислорода? Не надоело представляться умной? Глупость несусветную несешь, дикие дебри невежества. Мой душевный стриптиз тебе потребовался? Без него твое сердце не на месте? Страдает, томится...» – сердито придушенным голосом пробурчал Кирилл.

«Может твоя жизнь – единый, долговременный вопль с детства изболевшейся души, и ты уходишь от проблем, как когда-то уходил от них твой отец?.. Не хочется мне затрагивать эту тему».

«Отродясь такого не бывало», – отмежевался от моих предположений Кирилл.

«Ну и слава Богу», – подумала я.

После короткой паузы наш разговор переключался в материальную плоскость.

«А денег ведь нет, как нет? И никогда не водились. Ты же мужчина! И об этом ты давно забыл? Зла на тебя не хватает! До сих пор ждешь манны небесной? Надеешься, с ее помощью разрулить ситуацию? Что бубнишь как пономарь? Где краски в голосе? Дошел до ручки? Ты подвергся отрицательному виртуальному зомбированию концентрированной небесной энергии большой интенсивности? Не слишком ли рано угасла в тебе воля к жизни? На каждой стадии своей жизни человек открывает окружающий его мир заново и заново же в него встраивается. Гончарный круг нашей нынешней жизни все ускоряется. Его хочется немного приостановить, притормозить. Много ли нам осталось? Очнись от сна и хоть немного нормально поживи сам и порадуй окружающих тебя людей. Меня и Тину хотя бы. Мужчина в любом возрасте не должен бояться начинать жить в семье по-новому. Ты же способен на дерзкий поступок! Ты грешный, но

бесстрашный и необычайно мужественный», – с улыбкой добавила я, пытаясь его поддержать.

По существу дела: у меня по ходу разговора родилась неожиданная мысль.

«Кир, – говорю, – отбрось дружков, пошли их на три буквы. Не смотри на меня с унылой безнадежной завистью. Забудь о своем несчастном затюканном самолюбии. Продерись сквозь дебри своих пустых фантазий. Разозлись на самого себя и просто для начала забурись с Тиной в лес, в поле, послушай пенье птиц, стрекот кузнечиков, шуршанье собственных шагов на песке. Это беспрюгрышный вариант. Там вы сразу найдете общий язык. Порадуйтесь вместе природе, пропустите через себя ее красоту, величие и вечность. Природа ведь так мудро устроена! Она лечит. Я сама там люблю отдыхать, набираться сил, очищаться от коросты реальной жизни, от рутины. Как мне иногда среди зимы хочется поваляться на ромашковом лугу или на лесной поляне, усыпанной колокольчиками! Кажется, многое за это могла бы отдать...

Любовь тоже ветшает. От смены обстановки она возрождается. Уходят противные мелочи жизни, на душе становится светлее и радостней. Я теперь быстро устаю от повседневности и мне хочется чего-то идеального, гармоничного или хотя бы легкого. Лишние хлопоты меня сильно затрудняют. Я даже собаку не завожу. Еще я слушаю музыку, она во мне пробуждает любовь к миру. Она моя отрада. Но я не смеши-

ваю эти два мира. Чутье мне подсказывает, что эти лекарства от разных болезней моей души.

Я понимаю, одними формулами красоты и искусства уравнение жизни не решить, но попытаться ими объяснить что-то для себя – можно. Правда, ты не любишь классики... Но все мы дети Природы и это главное. Ну что? Застала врасплох? Так-таки нет у меня ни одного шанса увидеть вас счастливыми? Нет?

Долго ты еще собираешься нести свой позор? Прикончит тебя водочка. Что, сладка? Не опротивела еще? Гордишься собой? Нравится жить «в венце неполного сознания?» Сам о себе не подумаешь – никто и ничто тебе не поможет. Сколько в тебе намешано... от смешного до жестокого, от радостного до истеричного. Крутой замес! Дерьмо ты в кепке. Тебе надо начинать хоть иногда выпадать из своих проклятых пьяных будней. Посмотри на себя в зеркало – в чем душа только держится? Выродившийся интеллигент. Может, тебе внутри себя поковыряться, Бога поискать?.. Давай, проясни ситуацию. Что, наступила на любимый мозоль?».

Понимаю, не права, что перешла на грубость.

«В каждом человеке есть и мужское, и женское начало. В Кирилле преобладает женское, а в Инне мужское?» – подумала Жанна.

А Кир мне ответил возмущенно:

«Налетела как коршун. Я снова попал тебе в немилость! Это откровенно наглый выпад, коварная полуправда! Что за

грязные намеки? Отфильтровывай сплетни, прежде чем ими пользоваться».

«Можно подумать, ты процеживаешь информацию сквозь разные сита. Слышала твои «перлы» и двусмысленные шутки, но мне ближе губермановские, «запеченные в банальность», – парировала я и продолжила давить:

«Кирилл, ты можешь вновь стать востребованным. Ты же азартный. Я же помню твою хватку. У тебя еще есть время удивлять и радовать. Интересная деталь: Ивана помнишь? Он, преодолевая невероятную боль, находил в себе силы работать. Захотел вернуться в жизнь и вернулся. Какое у него было блаженное счастливое лицо, когда он понял, что еще что-то может, хоть и без ног. Как о нем тогда заговорили! Неудачное прошлое забыли. Героем ушел из жизни».

И что Кир ответил мне? «Это не мой путь».

«В молодости люди меньше думают, но больше говорят, а в нашем возрасте – наоборот. Хотя, кто как...» – вздохнула внутри себя Жанна.

«Тебя, дурака, жалко. Что в тебе от студенчества осталось? Ничего. А что нового хорошего появилось? Ничего. Ведь не скажешь же, что здравомыслие? Дожил до времени переживания утраченных иллюзий, но так и остался сырым, незрелым. В тайне ты должен стыдиться себя. Тебе ведь нечем оправдаться даже в собственных глазах не то, что передо мной. Хотя, что я требую? Ты же отворачиваешься от правды как от удара хлыста». – В этот момент мне показа-

лось, что я кричу на своего последнего бывшего мужа. И замолчала. А Кирилл сразу ворвался в паузу со своим комментарием.

«У тебя, – сказал он, – иногда бывает взгляд женщины, мстящей впрок всем мужчинам сразу, за еще не совершенное».

Ну я и перестроилась:

«Подчеркиваю: мой метод не терпит отлагательств. Хочу, чтобы сомкнулись, наконец, ваши с Тиной линии жизни. Сколько можно идти параллельно? Сколько можно тебе перескакивать через логические барьеры, произвольно менять принципы и позиции в сторону своего послабления. Оно, конечно, так проще. Прошлое не наवरстаешь, но все же... Намек мой уяснил? Я давно к тебе примеривалась. Готов отдаться в мои руки? Я с радостью займусь вами. Стоит попробовать. А может, ради такого случая сначала в кафешку закатимся! За милую душу умнем по паре бутербродов, усидим бутылочку сухого или «огуляем», как в студенчестве, по вазочке мороженого? Надеюсь получить от тебя веер благодарностей. Шучу, шучу. А может еще что-то хочешь? Прислушайся к себе. Найди свой кайф и держи в голове, радуйся, надейся осуществить. После пятидесяти моя жизнь стала более наполненной. Я многим стала интересоваться. Людям нашего возраста в большей степени нужна красота».

А Кирилл смотрел на меня обалдело, не мигая. Наконец дошло ему мое нехитрое предложение и почему-то на мину-

ту развеселило. Потом он криво усмехнулся, и я поняла, что он заранее не согласен со всеми моими доводами и всё категорично отвергнет. Но начал он неуверенно:

«Прежде, чем отвешивать шутки, думай... Ну, если только ради того, чтобы лицезреть тебя, глубокую печаль в твоих глазах и мудрость совы... неспетая ты моя песня. Твое предложение – легкий садизм?.. Оно, конечно, каждый по-своему с ума сходит... Да, это то, что нужно, самое оно... Унди-на ты моя непримиримая. Хочешь взять меня под свою великодушную опеку? Ах, я сейчас растрогаюсь и расплачусь! Ты у нас вечно впереди и с шашкой наголо...

Зачем же ходить вокруг да около, лучше уж сразу начистоту... Тебе надо всегда быть во всеоружии, всё знать, всем... мешать жить. Надеешься, что и на этот раз сработает?

«Тебе сначала надо самому понять, чему ты можешь радоваться, а потом мечтать об этом. Определись».

«Отстань, я сам справляюсь со своими проблемами. Мне нравится моя жизнь».

«Вводишь меня в заблуждение? Пока ты преуспел только в депрессиях, – усмехнулась я. – У тебя полностью отсутствует бесстрашие сопротивления невзгодам жизни».

«А у тебя так невероятная стойкость! Ты не попадала в лапы безволия?»

«Только по причине тяжелой болезни».

«Не пойму, с чего это ты вдруг опять стала амбициозной. Какого рода подкладка в твоих словах, какую ты, блин, идею

продавливаешь? В лес ехать? Мысль похвальная, но что прикажешь с нею делать? Не морочь мне голову. Она из области романтики, потому-то мне как шла, так и ехала. Я не заблуждаюсь на свой счет. Я – реалист и не предаюсь самообольщению как некоторые».

«И еще закоренелый пессимист», – добавила я.

«Пессимист – это хорошо информированный оптимист».

«Это твоя отмазка? Ничего нового не сказал».

«Какая ты умная! Взываешь к совести? Думаешь, сдамся? Проявляешь чудеса человечности? В едва мерцающих глубинах моих глаз ты увидела намек на прозрение или обнаружила проблески радости? Не слишком напрягайся. Вкусив от соблазнов, знаешь ли... трудно отречься. Понимаю, твое непомерное честолюбие и самомнение намного мощнее моего! Но именно это в тебе пленяет меня больше всего. Этот твой новый трюк бьет все твои предыдущие рекорды. Ты расширяешь границы своих возможностей? Решила знатный трофей заполучить? Только ты слишком льстишь себе, если считаешь, что я поведусь на твои идейки. Не впутаясь. И ты как никто другой знаешь, что этот номер не пройдет. Кукиш тебе с маслом. Учить меня взялась! На легкие хлеба потянуло. Что, расстроил твои планы?»

«Потрудись хотя бы задуматься над моим предложением. Что делать, если здравый смысл не подсказывает тебе более мудрой альтернативы. Зря ты иронизируешь и жестко выражаешься. И, между прочим, в крайне беспардонной форме.

Не пойми меня неправильно, но я не знаю более затратной профессии, чем учитель. Хороший педагог прежде всего моральный компас для своих учеников. У тебя его не было?» – взъерошилась я.

«Отстань, я и так на наши споры трачу слишком много времени. Разум отказывается принять твою идею. Здравый смысл настоятельно подсказывает мне, что я должен отменить подобную нелепую возможность, что не нужно мне с тобой связываться, но я вопреки рассудку...

Кирилл сузил глаза и досадливо повел плечами. А я сделала вид, что не услышала в его словах скрытого упрека или даже угрозы. Но он разъяснил:

«Окоротить тебя? С тем же успехом ты могла бы предложить поход в театр и остальную муру. Какой яркий экспрессивный сюжет! И в основу его легли твои гениальные мысли! Или они позаимствованы? Забыла, что «Фауст, достигнув совершенства, стал бы принадлежать Мефистофелю»? Не гожусь я для этого. Решила приобщить меня... Может, еще за горло возьмешь? Не утруждай себя. Нет, чтобы утешить, пожалеть...»

«Опять съезжаешь на одностежье. Слабак. Ты не человек, ты недоразумение! Включи другую половину мозга. Господи! Где же мужское начало, обаяние, маскулинность, подаренные Всевышним сильной половине человечества? У меня слишком широкий размерный ряд желаемых качеств?.. Но как бы вы, мужчины, зазвучали!»

«Какие бы круги по воде пошли! – ухмыльнулся Кирилл. – Ну-ну, вот, оказывается, за кого ты меня держишь. Ну-ну, восхищение – больше, чем влюбленность. Взываешь к лучшим чувствам. Опять грузишь... У тебя в этом органическая потребность? А я угасаю. У меня в душе постоянная тяжесть. Думала с энтузиазмом приму твою ахинею? Вот получается, чего мне не хватает для полного счастья! И все сразу отличным образом устроится?! Возникнет энергичная столичная эстетика жизни, а не наша провинциальная, сонная... Очерствела, забыла деликатное обращение. Надавать бы тебе по шее... Но великодушно прощаю. Подозреваю сговор и начинаю опасаться, что вы спелись с Тиной. Я дорого дал бы сейчас за то, чтобы узнать, о чем ты думаешь на самом деле. Выкладывай все и сразу, не щади меня. Как всегда выдаете желаемое за действительное? Чем неправдоподобней предложение, тем оно убедительней?»

Тут Кирилл зашелся тяжелым надрывным кашлем. И мне стало как-то не по себе.

«Я внутренне не готова воспринимать подобную информацию, да еще в таких количествах. Можно подумать, они оба прошли солидную школу проживания в больших коммунальных квартирах. Иначе чем еще объяснить их столь изощренную бытовую риторику?» – ошарашенно подумала Жанна.

– Кирилл «стрельнул» у прохожего сигарету, жадно затянулся и с новой энергией бросился в бой:

«Торжествуешь, воображаешь, что если будешь настаивать с решительностью юного пионера, то рано или поздно я сдамся? Мол, кто бы сомневался? Считаешь, что у тебя отменный нюх на таких дураков как я и даже не допускаешь мысли об отказе? Думаешь, изойду соплями от радости, угодив в твою ловушку. С чего это ты вдруг решила причислить меня к породе людей, исполняющих чьи-то прихоти и желания? Как же, соглашусь! Ежу понятно, что не уступлю ни за что, если даже это приведет к разрыву с Тиной. (О Тине так смело говорит, потому что верит в ее преданность?) Видел я твои призывы в гробу и в белых тапочках. (Ну как же, не по нашей они епархии!)

Мне порядком надоело твое поддельное рвение и искусственное красноречие, но, как это зачастую бывает с людьми твоего толка, твоей породы, ты умеешь выдавать плохое за хорошее. Тебе бы в рекламном агентстве работать. Не стесняешься ссылаться на непроверенные прецеденты. Небось, уж рассветела на весь белый свет о своей новой идее перевоспитания алкашей. Ах, как откровенны и бесстрашны твои заявления, наша ты Жанна д'Арк! Разочаровала ты меня. А ведь мы с тобой крепко повязаны. Столько лет рядом!»

«И кому лавры за это?» – презрительно фыркнула я.

А Кир продолжил ругаться:

«Я тебе авторитетно заявляю: ты никогда не поднималась выше подтасовки и искажения событий, полученных из «неофициальных» источников, но и не опускалась до ссо-

ры со мной. Надергаешь фактов и фактиков, согласно своей психологии мужененавистничества – и вот тебе гад на все времена. У тебя врожденное презрение к доказательствам любого толка или превосходная безответственность за свои слова перед людьми, которых ты осаждаешь? Нет, ты конечно на все сто веришь, что рассуждаешь здраво, и твои предупреждения, несомненно, ценны, необходимы, и все обязаны к ним прислушиваться. Может, мне еще лбом приложиться к твоим «трактатам» и, наскоро переодевшись, помчаться за тобой, шлепая задниками изношенных туфель»?

«Демагог! О чем он? Куда его понесло. Вообразил, что я оттираю его от Тины?» – не поняла я.

«Мне кажется, что по причине твоей излишней жизнерадостности, ты слишком падка на простые радости жизни и элементарные советы. И хотя мне в глаза так и бросаются твои недостатки, я все равно люблю тебя даже такую, потому что всегда был одним из тех, кому не хватало твоей жизнеспособности. В тебе мне всегда нравилась забавная грубоватость и какая-то незавершенность образа. Помнишь, я ни в чем не мог тебе отказать. Подчиняясь тебе, я мог бы подняться выше многих, а, не подчиняясь Тине, я только падал. Жизнь все время подсовывала мне то сомнительных девиц, то невнятное подобие умных...

«Это наводит меня на мысль, что ты не знал на кого ставить. Ну что же, вполне себе понятная история», – насмешливо отреагировала я.

«Тебя заклинило на Тину? Раньше ты держала себя со мной более уважительно. Хвалила, чтобы крыльев не опускал, давал им расправиться. Не требовала, не наезжала, не качала права, на самом деле стремилась помочь. Не шла на обострение, не вызывала нежелательных ассоциаций. Вела себя как подобает. А теперь раздражаешь, навязываешь свою логику, а у меня какая-никакая – своя есть. Не впаривай мне ерунду. Строишь из себя моралиста? Не трогают меня твои речи хоть и говорят, что ты необычайно преуспела в этом жанре. Иногда твои и особенно Тинины добродетели по степени своей тоскливости превосходят мои грехи. Не изводи, не терзай меня подробным объяснением твоих взглядов на мое существование. Я и без тебя знаю, что моя жизнь – гнетущая унижительная реальность. Но в доме повешенного о веревке не говорят».

«Демагог! Ты не пытаешься оправдаться даже перед собой», – вскричала я.

«Неймется? Не мешало бы тебе помолчать и послушать. Я давно не разрешаю себе думать про себя, избегаю задавать себе вопросы. Зачем? С жизнью давно покончено. Я существую. И Тине я никогда никаких уроков не давал, так что ей не стоит на меня обижаться, она не имеет на это морального права. Я честен перед ней.

А тебе обязательно хочется подсластить свою жизнь, добавив горьких пилюль в чужую? Берешься за старое под новыми именами? Зачем тебе бесконечно анализировать этот

вечный замкнутый круг взаимоотношения мужчин и женщин? От этого тебе легче не станет, а неприятные эмоции я тебе гарантирую. Надеешься познать непознаваемое? Заблуждаешься. С чем тебя и поздравляю. И кто только не занимался этой проблемой во все века! Я не стану вдаваться в дальнейшие рассуждения на эту тему и тебе не советую.

Зря ты надеешься, что я займусь самобичеванием, перестану изображать из себя жертву и буду себя считать виновником своей разбитой жизни. Хватит, меня итак слишком долго виноватили. Запомни, меня не переделать, я так устроен. Хорошо цепляться, потешилась и будет. Я не вижу в твоих предложениях ни одного сильного хода, промахнулась ты тут. В твоём воображении всегда гнездились самые странные предположения. Как ты легко все увязываешь! Покореженное трудно выправить. Оставь мне самому судить обо всем.

В твоём голосе предвкушение чего-то особенного, и в глазах, как и сорок лет назад, скачут чертики. Эдак можно подумать, что тебе разве только оркестра не хватает для восторженного поднятия на щит твоей гениальной идеи. Рано торжествуешь. Не путай мне карты, не возникай где не надо, не разрушай чужие планы, иначе наживешь в моем лице врага, а я не хочу быть с тобой в контрах. Во имя нашего доброго прошлого я бы поостерегся предлагать такое. С чего это вдруг ты записалась мне в благодетели? Нагрязнула: то задабриваешь, то сволочишь. А потом надуешь и все свалишь на меня...

Нет, посмотрите на нее, до чего додумалась! И откуда такая тривиальная мыслишка пробила в твою умную голову? Как она там поместилась? Она твоя собственная или кем-то подброшенная? С такими-то задатками воспитателя – и не в детском саду? Низко тебе кланяюсь. С чего это ты вдруг завела себе дурацкую привычку изрекать с умным видом заведомо занудные прописные истины, учить взрослых людей тому, что такое хорошо, а что такое плохо? С энтузиазмом недалекого человека преследуешь меня, опускаясь до нравоучений. Ты меня этим приводишь в полный восторг. У тебя, наверное, с годами развилась губительная, даже можно сказать, нездоровая привычка жестко, прямолинейно, с колкой иронией говорить правду там, где тебя не просят. Только то, что ты считаешь правдой, ею на самом деле не является. Отдельные факты верны, но обобщения и выводы – ни-ни. Ты несколько не лжешь, ты просто впадаешь в небрежную неточность и вносишь слишком много личных эмоций в описание чужих проблем. Знаешь, удачно подобранные факты могут уничтожить любую самую распрекрасную правду. Проконсультируйся на эту тему у некоторых представителей СМИ. Они тебе подскажут, что злые факты иногда надо смягчать, хотя бы чуть-чуть прикрывать жалкими одеждами обмана, чтобы они проще воспринимались и легче пережевывались читателями. Ненавижу выяснять отношения. С какой стати я должен оправдываться перед тобой и вообще перед кем-либо? (Ого, он еще не окончательно деградировал!)

Внутри Кирилла все кипело и бурлило от гнева. Его голос сделался каким-то противным, липким. Он мстительно замолчал. Как же, кровно обиделся! Я, видите ли, оказывается, унизила его своим слишком простым, незамысловатым предложением! Забыл, что все гениальное просто как круг. Ему подавай что-то из разряда космического. Только для этого надо иметь проблемы того же порядка, а не тривиальное пьянство. Я, конечно же, молчать не стала, и меня ничуть не смутила неприветливость его тона и чересчур быстрые и недобрые взгляды.

«Я считаю себя причастной к кошмару вашей жизни. А ты посопел и утерся? Я ошарашена и повержена! Если ты еще считаешь себя порядочным человеком, не юродствуй. Хватит разыгрывать комедию. Для тебя лучший вид защиты – помалкивать. Что скрипишь как немазаная телега? Пора бы уже научиться с достоинством нести свой крест. Нет в тебе ни обстоятельности, ни долготерпения. Одни безответственные полумистические воззрения и сомнительные затеи».

«Не все предпочитают приоритет ответственности перед свободой выбора», – криво усмехнулся Кирилл.

«Ты считаешь свое словоблудие претензией на философствование? Ха! Ну, ты же у нас человек во всех отношениях примечательный, с ярким ощущением причастности... ко всякому без разбора дерьму. Что играет определяющую роль в твоих поступках? Бесстыдство, желание довольствоваться малым?»

Не суди о других по своей развращенной натуре. Не могу же я тебе, съезжившемуся от пьянки, предоставить возможность гнить с миром и дальше, превращая жизнь Тины в мрачную всеподавляющую и всепоглощающую стылость осенней ночи. Ее физические и духовные силы не беспредельны. А ты, насколько я знаю, как-то по-своему, но печешься о себе и своей выгоде больше, чем обо всех своих родственниках вместе взятых. Нет в тебе бескорыстия.

Я знаю, что мысль о подобном методе сближения не нова. И все же давай попробуем встретиться вместе, поговорить. Докажи прежде всего самому себе, что ты еще что-то значишь в жизни Тины, что не из боязни одиночества и не из жалости она не оставляет тебя. Мне кажется, ты из тех, которые долго раскачиваются, но быстро догоняют. Окажи сколько-нибудь серьезное сопротивление друзьям, и Тина сразу почувствует себя счастливой, – в пылу усердия продолжала я наседать на Кирилла. – Перестань изводить жену, искупи свою вину перед ней, не обволакивай ее облаками своей мучительной рефлексии. Какой же ты глупый! Знать, что тебя любят – это ни с чем несравнимое счастье! А тебе, как мне представляется, не нужна любовь. Ты не ценишь человека, на которого в любой момент можешь положиться. Ты даже не замечаешь ее молчаливый всепонимающий скорбный взгляд женщины-матери, взгляд Матери Божьей. А тети-мети давай! Да?

Не хочешь жить нормально, не можешь обойтись без вод-

ки, так не криви душой, разворачивайся и уходи! Сиди в темном углу и не отсвечивай. Продолжать мне прополаскивать тебе мозги? Отвечай, чего стоишь как пришибленный? Разве мои слова так трудно поддаются пониманию? Исчерпал свой мыслительный ресурс или глупость неохотно отступает? Понимаю, слабаку трудно ее перебарывать и вышибать из себя.

Кир буркнул сквозь зубы, мол, сам разберусь и бросил в мою сторону долгий яростный взгляд, всем своим видом предупреждая, чтобы я больше не нарывалась, не задавала лишних вопросов и не продолжала неприятную ему тему. Но этим он только раззадорил меня, и я, перехватив инициативу, сделала новый заход:

– Скажи, только честно, на какой планете ты живешь? Похоже, ты не вполне отдаешь себе отчет в том, что происходит лично с твоей жизнью и твоей семьей. Ваши отношения – прирожденная мишень для карикатуристов, с вас только шаржи рисовать. Одни стенания я от тебя слышу и вижу твою беспомощность. Кто тебя неволит? Сам пьешь. Так не ропщи. Знаешь ведь, что надо бросить пить, но не чувствуешь необходимости в этом. Задай себе хоть раз в жизни простейший вопрос: что, собственно, побудило Тину облагодетельствовать тебя, уж не любовь ли? Хотя бы для отвода глаз иногда становись человеком. Нельзя же близкого человека всю жизнь давить отрицательной энергией. Она страдает, а ты радуешься... Как ты низко пал!

Торопишься? Куда, хотела бы я узнать? Небось, спишь и

видишь, как бы по пьяной лавочке посетить хваленое заведение за жинкины денежки. Привык Тину доить и жилы из нее тянуть. Я бы увязалась за тобой и такого бубна тебе дала, враз бы унес ноги, и век помнил бы мою науку. Загостевался ты на шее жены, – на всякий случай, понижая голос, разъяснила я свою позицию Киру. – Хотя... что я говорю... Не думаю, чтобы ты при твоём образе жизни на самом деле был когда-нибудь способен к пониманию чего-то в этом роде. А Тине так или иначе со всем этим твоим хламом приходиться жить. Может, ты до сих пор считаешь себя неотразимым? Признайся перед собой и передо мной самым беспощадным образом. Ха! В определенном возрасте некоторые мужчины начинают легко верить в бескорыстие и романтические намерения женщин... Алкаши особенно... А потом квартир лишаются, а иногда и жизни. Могу много примеров привести. Возьми хоть Ивана Ивановича из твоего подъезда. Погиб смертью «храбрых» от рук «полюбившей» его пронырливой особы. Что хвост поджал? А тебе, дураку, повезло с женой, – возвестила я в самоотверженном запале дружеского участия. – Говорят: назови человека иным словом, и он меняет свою суть. Фигушки! Я к тебе и по-хорошему, и по-плохому, но ты все тот же чурбан неотесанный».

Я, такая нехорошая, умышленно пыталась его принизить и оскорбить. Но говорила внешне спокойно, стараясь упредить возможные возражения.

Кирилл как-то сразу подобрался, ушел в себя и, маши-

нально проведя рукой по остаткам волос надо лбом, устоялся в какую-то точку мимо меня, рассеянно кивая головой. Чувствую, я погрузила его в тихий транс.

Вдруг неожиданно остро я почувствовала, что он напрягся и задумался над моими словами. «Они дошли до него? Удалось-таки расшевелить! Теперь надо не спускать с него глаз! – торжествовала я. – Он ищет способ прекратить тяжелую для него сцену». И я уж не могла остановиться и ругала его намеренно, кляла, стремясь довести до кондиции. Но не вышло.

Понимаю, неблагоприятно поступила, могла бы и мягче корить. Представляю, каково ему было слушать такое, и это с его-то апломбом! Но мне хотелось повернуть его лицом к себе, к ресурсам его собственной души. И я ни в малейшей степени не сожалела. К чему нам с ним китайские церемонии? Жанна, думаешь о моей изощренности и резкости? А я не могла видеть его абсолютно бесстыжие глаза, его покинутое искрою одухотворенности унылое лицо давно и неудачно женатого человека, и постоянно представлять Тину, с лицом «хорошо» пожившей женщины.

«И зачем Инна намекает, будто не сомневалась, что Кирилл всю жизнь обижал Тину и эксплуатировал без зазрения совести, чтобы помешать ей «вступить в женскую силу» и понравиться еще кому-либо? Боже мой, сколь нелепа бывает человеческая логика! – раздраженно подумала Жанна. – Она продолжит причитать?»

– Конечно, в других обстоятельствах и с другим человеком я бы посчитала такой разговор невежливым и нетактичным, но тогда я меньше всего заботилась о приличиях и открыто выражала Кириллу свое недовольство. Руководствовалась фразой: «Платон мой друг, но истина дороже». Сетовала я вслух, а получалось, что обращалась не к нему, а к самой себе. Не слышал он меня. Если и слушал, то с совершенно отсутствующим видом. Кровь отхлынула от моего лица. Короче говоря, меня совсем понесло.

«Проснись, очухайся! Внеси ясность, найди выход из со­здавшегося положения. Я непонятно рассуждаю? – к полному изумлению Кира рывкнула я, что есть мочи. – Боишься, что совесть в тебе оклемается или уже не надеешься порвать с прежней жизнью? Бутылка занозой торчит в голове и пересиливает все остальное, что на самом деле является жизнью? А может, и семья для тебя – цепи гремучие? Да только без Тины ты давно бы уж... Ты ее непомерная ноша. Вот ты где у нее сидишь! – Я пригнулась и показала Кириллу на свои плечи. – Стыдись, я тебе как мальчишке азы диктую. Слюнтяй. Как бы не было плохо, человеком надо оставаться. Неужели тебе не противно то, как ты живешь?»

Думала, у него хватит совести покраснеть и отойти от меня. Только, видно, он давно ее пропил. Непрошибаемый. Мне в пику провел ребром ладони себе по горлу и вскричал тоном завязтого диссидента, устраивающего очередное разоблачение советского общества, что, мол, причина его

неудач лежит в недрах социалистической уравниловки, мол, всех на уши поставили своими грандиозными планами. В общем, понес ахинею, завел песню про белого бычка, и все с болезненной гримасой, но уже как-то тихо, встревожено, точно жаловался через силу. Потом стал рассказывать такие вещи, которые я в нем и не подозревала.

Но его новый приступ откровения не поверг меня в недоумение, потому что вся суть его стонов была в том, что проторчал он без толку на работе, а когда пришел к неутешительному выводу о прожитых годах, нашел себе отговорку и оправдание. Что-то нашим сокурсникам-профессорам и доцентам не помешал советский общественный строй. Нет, чтобы в ногу со временем идти, а он всю жизнь виноватых искал, плакаться, как женщина научился. Разбаловала его Тинка как дитя неразумное. Век бы мне этого Кира не видеть и не слышать! Разговор наш никчемный меня утомил.

И ты думаешь, что от моих слов чувство неполноценности в нем стало разбухать прямо у меня на глазах? Как бы не так! Наоборот! Напрасно я заговаривала ему зубы. Он прямо-таки уничтожал меня своим злобным взглядом и жевал отвислыми губами, перемалывая готовые вылететь ругательства.

Нет, ты представляешь Жанна, Кир воображал, что он единственный человек на земле от сотворения мира, который испытывал влечение к алкоголю по причине неустроенности души и страдания, а остальные – по глупости. Он, видите ли, – ему всегда так казалось – составляет исключе-

ние. Я и тут со своими нотациями попала впросак? Зря долго примеривалась как к нему лучше подступиться, чтобы не спугнуть? Конечно, уже эта фраза с головой выдавала его идиотский эгоизм и полное невежество. Старый выпивоха.

Сколько раз я ему толковала, что друзей выбирают с умом, а не с бутылкой. И что это существенно изменило? Живет в перегаре как в коконе. Ему бы только умыкнуть чекушку и погрузиться в дерьмо... Ужас! Тоска и гадливость сжимали мое сердце. Не отшвырнешь, не прогонишь их от себя...

Кого угодно я хотела бы видеть рядом с Тиной, только не этого вечно пьяного сумасброда. Ты бы видела его лицо при этих излияниях! Патетическая драма, ни больше и ни меньше. Я смотрела на Кирку в полной уверенности, что он спятил.

«Инка, раздираемая потребностью насыщаться сведениями из чужой жизни, как всегда с энтузиазмом продолжает лезть не в свои дела. Развивает чрезмерную активность не в том направлении. А потом, не испытывая ни малейших колебаний от привычки к самообману, беззастенчиво сплетничает, наворачивает. Иногда она производит впечатление завистливой неудачницы. Но, насколько я помню, она не такая. Надеюсь, не держит зла на Кирилла за свои какие-то прошлые обиды? Хотя все мы не без греха. Неужели до сих пор не научилась с иронией проговаривать свои обиды, чтобы они показались смешными и уходили из нее? Мне помогает: пропадает депрессия, исчезают головные боли.

Зачастую другие люди лучше осведомлены о нашей жизни, чем мы предполагаем. Да, они могут знать о нас больше, чем мы допускаем, но ошибаться в выводах, имея другие критерии. Они слишком далеко заходят со своими догадками и создают несуразно смелые предположения – тогда как другие, имея истинное знание, надеюсь, почти всегда правы... Удивил меня рассказ Инны. Я не убедилась в истинности многих ее заверений. Интерес ради треплется? От скуки? Она запросто могла кое-что выдумать. Но тогда у нее должны быть достаточно веские основания к тому, чтобы порочить Кирилла. Она не может этого не понимать. Ум у нее острый, хотя принципы, случалось, бывали подмоченными... И все же говорят, дыма без огня не бывает...

Инна, допустим, несколько по-иному относилась бы к Кириллу, если бы хоть чуточку ему симпатизировала. А вдруг в ней говорит ревность? Может, он предмет ее былых предпочтений, и она, жалея, что когда-то рассорилась с ним, продолжает вырывать его из своей памяти, черня и охаивая? И так ведь бывает. Помня ее жадную до любви натуру – частую смену предметов обожания – я все больше склоняюсь именно к этой версии. Неужели была влюблена до помешательства?

Инка все больше по верхам скачет, боится или не умеет вглубь заглядывать? Не вникает она в причины пристрастий, таящихся в душе Кирилла, не сочувствует ему, по конечному результату о человеке судит. Наверное, привычка отсе-

кать то, что мы ежедневно видим, но не чувствуем, не способствует правильным выводам. Расставила силки, захлопнула мышеловки – и все ясно. Воображает себя дирижером человеческих судеб. Bravo, bravo... Может, конечно, и я в этом разбираюсь не лучше, чем в санскрите или в дзюдо... Впрочем, все эти коллизии давно перестали вызывать во мне интерес. Не взваливай на меня, бог знает что. Не впутывай в свои истории. Тебя послушать, так разуверишься во всем порядочном в этом мире. Если хорошенько покопаться, слабости у каждого из нас могут обнаружиться, да еще какие... И свирепая тоска может наброситься, так что хоть криком кричи, и дикие перепады настроения. Особенно если вдруг в одной точке сойдутся многие обстоятельства от человека не зависящие. И что, за это каждого надо в грязь окунать?

Теперь я больше расположена к спокойной размеренной жизни. Как там у Есенина? «Скупее стал в желаньях», – насмешливо вздохнула Жанна. – Узнай я о поведении Кирилла из уст Инессы в те времена, когда я еще верила всему, что мне говорят, я была бы потрясена. Но жизнь научила меня разгадывать скрытые мысли и замыслы и просто желание некоторых личностей шокировать публику своей осведомленностью в чужих бедах. Теперь я не позволю ни одному правдивому на первый взгляд слову Инны обмануть мой инстинкт, разбивающий кажущуюся незыблемость мнений, ложь, козни или буйные фантазии рассказчиков. Думает, меня легко обмануть? Достаточно притвориться заботли-

вой, переживающей? Очень надеюсь, что она поднаторела в психологии разных типов индивидов.

Инна и раньше была на выдумки горазда, любила возводить напраслину, домысливать, сочинять. Устроила тут распродажу со скидкой чужой судьбы, подвергла унижению. Коробит меня людская гнусность. Рассказывая о человеке надо держаться фактов, а не эмоций. Совершенно ясно, что Кирилл несчастен и если это так, то насмехаться над этим – поступок за гранью добра и зла, это предательство. Инка неподражаема в своем стебе. Ни такта, ни чувства меры в ней. Погрязла в пошлом дешевом пафосе.

И все-таки в ходе разговора выясняются некоторые неприятные обстоятельства жизни Кирилла. Неутешительный диагноз ставит ему Инна. Кирилл – конченный человек. И ее странная взволнованность обеспокоила меня. Неужели она так обожает Тину? Все возможно, ведь не зря же кто-то из наших ребят назвал ее лучшим на свете сердцем. Ее, а не Тину? Я ничего не путаю? Но что-то подсказывает мне, что на самом деле менее всего Кирилл дорожит именно женой. Почему?

Может, это глупое замечание, не стоящее внимания, но если взглянуть на их ситуацию по-другому, в свете печальных событий начала их совместной жизни, то оно немало важно, и многое объясняет. На самом ли деле Кирилл винит Тину или Инне так только кажется? Зачем она сама частично берет на себя вину за то, что ничего хорошего из их семьи не

вышло? Да, не так-то просто расшифровывать чужие души. Что-то из пылких и злых слов Инны никак не складывается образ человека, которого, как мне казалось, я неплохо знала. Ведь люди в течение жизни не очень меняются. Мне остается сопоставить эти два образа и самой сделать вывод. К сожалению, сравнение не в пользу Кирилла. Как я ни пытаюсь уйти от жесткой формулировки, но он предатель. Лучше с врагом иметь дело, чем с предателем».

До Жанны, будто издалека доносится голос Инны, и она снова пытается вникнуть в ее рассказ.

– ...Так вот, я зло махнула рукой. Как-то мерзко себя почувствовала, будто плюнул Кир в меня, а я ведь все делала для его блага. И Тина меня понимала. Сколько раз она говорила мужу: «Не обижайся на Инну, у некоторых добрых людей есть нехорошее качество – занудство. Они, желая помочь, бывают слишком навязчивы, прямолинейны и поэтому малоубедительны».

... И я Кириллу терпеливо объясняла, что всегда и во всем надо искать что-то радостное, веселое или хотя бы смешное. Так легче жить...

Мысли Жанны опять отлетели от скучных рассуждений Инны.

«Может, я чего-то не понимаю в Кирилле, потому что достаточно спокойно отношусь к спиртному? Не ощущаю я в нем трепетного кайфа. Меня могло бы привлечь что-либо

касающееся прекрасной еды. Еще вот что меня до сих пор мучает, – а с возрастом даже еще сильнее – непреодолимая жажда попасть в непредназначенное мне рождением и воспитанием культурное пространство. Я с ума схожу не посетив, допустим по причине болезни, очередную выставку в картинной галерее или пропустив концерт классической музыки в исполнении знаменитости века. Как я без всего этого страдала в деревне!.. Мне неплохо думается под тихие мелодии романсов. Люблю стихи современных поэтов. Даже не верится, что я современница таких великих поэтов как Рождественский, Бродский... Они раздвигали, расширяли образную систему, выходили за пределы искусства, уходили в философию. Мне понятны бездонность Чехова, отчаянье Достоевского, широта Толстого. Есть писатели со спринтерским дыханием, есть с долгим. Люблю послушать радостные мелодии Дунаевского-старшего. Они вселяют оптимизм. Когда я в них окунаюсь, то забываю себя, не чувствую, что есть время. И об этом со мной можно поговорить. Видно, по своей природе я тяготею к высоким материям.

С чего это вдруг Инна закусила удила? Корить и охаивать – это ее внутренняя потребность, необходимость, развлечение, потому что своя жизнь категорично не сложилась? Наслаждается моментом мести? Прокуроров у нас хватает... Не стоит разводи костров в душе ближнего, если у него там и без того такое твориться, что не приведи Господи, – мысленно защитила Жанна Кирилла. – От жены он видел сочув-

ствие и заботу, но глубоко ли она его знала? Надо так понимать любимого, чтобы не взять ни одной фальшивой ноты. А Инна проникала в его душу? Говорят, насколько образован, настолько и понимаешь. Нет, этого мало. Тут сердцем надо осязать».

– ...А Кир отвернулся с кривой гримасой, глядит себе под ноги и молчит, будто это позволяет ему минимально участвовать в происходящем. Так я вела себя в детстве, когда выслушивала часовые мамины нотации на тему моего несдержанного поведения в присутствии взрослых. И вдруг на самом пике моего вдохновенного монолога он взорвался и вспыхнул нервным агрессивным факелом, нагло вперив в меня глаза:

«Размечталась. Какой полет фантазии! Ты вызвала в моем сердце горячий отклик!.. Думаешь мне этого «гарнира» не хватает? Проецируешь на меня свои проблемы? А у меня их нет. А ключевое слово твоих речей – «я». За болвана меня держишь? Мы так не договаривались. Из тебя и раньше общественная энергетика так и перла и носила ярко выраженный показушный характер, будто ты выполняла социальный заказ. Может, так и было, но ты никогда не задумывалась и не представляла, как твое слово отзовется. Не лезь в мои дела, не навязывай мне спор, не ущемляй бесцеремонно мое достоинство».

«Гордость выиграла? Мне бы его разглядеть... под микроскопом».

«Хватить базарить. Упрекать легко. Давно могла бы понять, что я терпеть не могу, когда мне в глаза говорят правду. Зачем она мне? Не кривя душой, скажи: ты совершенно исключаешь вариант того, что я тоже слишком заносчив? Вопрос ведь не праздный. Только запомни, каких бы ты собак на меня не вешала, не сможешь задеть меня всерьез. Тебе я все прощаю. Мне уже не страшно поступаться моралью, у меня теперь есть своя, персональная, для внутреннего пользования. У каждого, знаешь ли, есть свой коридорчик... Любишь ты все усложнять. А жизнь проста: выпил – закусил. Шучу, шучу. Не взрывайся, итак тошно. Я чувствую себя выжатым лимоном. Зачем я тебе понадобился, чего ты от меня хочешь? Тебе своих проблем мало? Худой мир лучше доброй ссоры. Давай расстанемся по-хорошему. Для тебя важнее торжество справедливости или мое здоровье и моя спокойная жизнь?»

Ты сегодня неумно говорлива, словно с цепи сорвалась, можешь любого заговорить до умоисступления. Ты, доложу я тебе, еще тот фрукт. Лучше бы всерьез посоветовала, как зацепиться на скользкой поверхности действительности, чтобы не сорваться на самое дно пропасти, а ты словоблудием занимаешься, лозунги сочиняешь. Ох, погоди, дождешься ты у меня! Поквитаюсь я, расплачусь с тобой той же монетой. И впрямь досадное с моей стороны упущение... Иногда я проклинаяю тот день, когда встретил тебя».

«Так давай вместе работать. Есть у меня маленький биз-

нес по нашей специальности. Не так чтобы прибыльный, но на поддержку штанов хватает. Приличная прибавка к пенсии. Я на дому работаю. Это очень удобно».

И тут, словно от жуткой боли, Кирилл схватился за голову, опустился на землю, обнял свои колени, уткнулся в них лицом и забормотал:

«Хватит страшать. Хватит предлагать. Ищешь более интересные и сложные решения моих проблем? Напрасно бьешь по моим издерганным нервам. Я теперь из последних сил несу двойное бремя: неудовлетворенности и нездоровья. Зазвала бы к себе, поговорила бы со мной по душам с тем сладким придыханием, что так льстит стареющим. Я не слышал его с тех пор как ошивался в общаге.... Не могу я видеть твой пронизывающий, без ножа режущий взгляд. Считаешь, я потерпел полное фиаско? То Тина меня корит – ее молитвы – пустой торг с небесами, – то ты кровь мою пьешь, подталкиваешь падающего в глубокую расщелину. Думаешь, пригодится, зачтется это вам там, на том свете? Уймись, уйди, не добивай бед. Твое печальное лицо может сокрушить кого угодно, только не меня. Я на самом деле пропащий... Я – одна видимость. И ничего лучшего у меня не предвидится. Я сам себе мерзок. Не выводи меня из роли, к которой я привык.

Сейчас скажешь, что есть выражение: «Я знаю всё, только не себя». Может, по большому счету, ты и права, в наблюдательности тебе не откажешь. Ну, давай, сливай информа-

цию, ругай, отводи душу сколько тебе угодно, клейми, ломай меня через колено, если это подбрасывает тебе хоть крохотную надежду... Только все твои слова давно уж не из души, а от ума. И вот тут-то, видно, и зарыта та самая пресловутая собака...»

Кир вскочил на ноги, яростно замотал головой, словно отгоняя темных демонов, потом уставился на меня совершенно сухими злыми глазами:

«Зачем мне эти нравственные потрясения? Я всю жизнь бился башкой об лед. Хватит, закругляйся. Работу она мне предлагает! Всего-то... Это просто, как девчонке предлагает крутнуться на каблучках и взметнуть коротенькой юбочкой: Знаешь, как говорят про наш возраст? Жениться поздно, сдохнуть рано... Я давно укрепился в мысли, что мой завтрашний день обеспечен скудной пенсией, а ты, опять ищешь приключений на мою седую голову, подталкиваешь к активным действиям вовсе мне ненужным.

– Меняй свое мнение. Или, когда дом построен леса убирают? Ремонт невозможен?

– А не выйдет ли часом так, что сделаешь мне во вред? Если дело не оправдает своих расходов, то вместо пользы оно ляжет тяжелым бременем на чьи-то плечи. А я стану калифом на час, после чего совсем упаду духом и уж точно налакаюсь в стельку и с меня взятки гладки. Тебе это надо? Уволь меня от подобных экспериментов, не доверяю я теперь делу своих рук, да и головы тоже. Теперь нельзя как выйдет, так

выйдет, капитализм...

– Декартовская ясность мыслей и точность изложения! – пренебрежительно проехала я.

– Смешная. И с чего это тебе в голову взбрело меня пригласить? А ну как все мы возьмемся да и начнем вкалывать из последних сил! Ха! Общество склеротиков и калек. Обхохочешься. Давно я растратил, затушил, растоптал ту частицу волшебного пламени, которую получил с рождения. С уверенностью могу сказать, что нечего уж холить, лелеять и развивать. Я уже не исхожу самой черной завистью, коей была буквально посвящена молодость, меня давно не волнует возвышенность суждений и мечтаний. Маленькой осторожной мышкой выползает наружу моя истинная, но усохшая душа. Меня устраивает мой плащ, хоть он весь в проплешинах и дырах – естественная вентиляция, меня, знаешь ли, не волнуют мои немодные ботинки. Чтобы выбирать, надо быть злым и сильным, а я всегда плыл по течению. И за деньгой не гонюсь, я чужд врожденной алчности. Чтобы работать, должен быть запрос души. Не проймешь меня своей критикой... И тебя я не стану делать пиар. Не понравилась конструкция моей реальности? Мне в жизни требовалась только любовь одного человека, в которого я с юности безнадежно влюблен. И зачем я тебе все это говорю? Ведь все равно, что в пустоту... В конце концов, со всем можно смириться».

Кирилл замолчал, словно испугавшись внезапно возникшего волнения. Мне казалось, что он пытался не позволить

себе вернуться какому-то давно забытому чувству.

«Дай пожить спокойно, в свое удовольствие, пока не придет мой черед», – добавил он тихо.

«Опять скрипишь и стонешь как столетняя сосна. Тебе легче, когда другие страдают? – вспыхнула я.

«Это ты-то страдаешь?» – Кирилл подавленно вздохнул и безнадежно махнул рукой.

А я опять заершилась. Как я еще могла отнестись к его нытью и тем более к последней фразе?

«Пожить в удовольствие? Слишком смелое заявление. Как всегда за счет Тины? У нее же неограниченный финансовый ресурс, а у тебя особый астральный генезис, «отвага», наглость, плутовство, пустые карманы и дурная слава? Человек редкой касты, неприкасаемый! Ты превзошел самого себя и, насколько я знаю, всю жизнь жил в свое удовольствие. Ты всегда легко предавался порокам, не переставая говорить о добродетели. Так у тебя заведено? Боже ты мой, какая пустая неоправданная жизнь! Ох, воздастся тебе когда-нибудь сполна за твои «художества». Тина до сих пор смотрит тебе в рот? – прервала я его надменно. – А стала бы это делать та женщина, по которой ты до сих пор вздыхаешь?»

«Распознала Инка в Кирилле обольстителя и мошенника?» – все еще никак не может смириться с такой характеристикой сокурсника Жанна.

– А Кирка свое канючит:

«Это как посмотреть... Это совсем другая история. Как

мне хочется лишиться тебя яда злословия! Не превращай нашу встречу в день скорби. Конечно, я не со звездой во лбу, но обо мне не беспокойся, не пропаду. У меня такое чувство, что ты неверно меня поняла в той части, что имело отношение к науке. Твои претензии к моей творческой несостоятельности надуманы, неубедительны и вообще... Я могу вмиг опровергнуть все твои аргументы и совершенно точно доказать обратное, и тебе станет неловко за себя. Но ты же у нас истина в последней инстанции...»

«Страдает, мучается, старается сохранить ноту откровения, значит, сколько-нибудь сознает свое незавидное положение. Потерплю, послушаю его», – решила я, пытаюсь усмирить полы своего плаща и подола юбки, вздыбленных ветром, принесенным из узкой подворотни дома, рядом с которым мы с Киром препирались.

Кир произносил слова так твердо, словно сам хотел поверить в то, что утверждал. Но потом сорвался на крик:

«Нет, ты встань, встань на мое место! Мне что, лбом биться надо было об эту богом проклятую стену неудач или отравиться? Все равно мое дело – труба. Ну не прижился на заводе, потому что там я не понадобился, но ведь выбирать не приходилось – по распределению там оказался. Причем заметь – не уйдешь без скандала, не положено!.. Уровень их умных разговоров мог только унижить меня, с моей-то эрудицией. Я никогда не был дилетантом. Ну, и ушел... Душа к ним уже не лежала. Но у меня тогда уже были другие задум-

ки и намерения. Но без денег – никуда. Заранее вижу упрек в твоих глазах. Ну и что, резать меня теперь за это, терзать, унижать?

«Не торопись признавать себя униженным. Сначала убедись, что это так на самом деле. Посчитай хотя бы до десяти, – сказала я. – Ну а потом, после тех двух лет?»

«Поверь, так всегда было, везде меня не принимали всерьез, не давали развернуться».

«Ты сам-то веришь хоть одному своему слову? Кому ты «заливаешь»? Для большого дела надо долго разгоняться, опыт накапливать на малых задачах, а ты пренебрегал ими. Хотел все и сразу получить. Но так не бывает. Воля к победе нужна. Это когда после десяти неудач прешь дальше и добиваешься своего. Потому что веришь в силу своей мечты и в свои возможности. В себе ищи причины неудач».

«Феерическое выступление! Рискну предположить, что и теперь предлагаешь мне дать себя оседлать. В ход пустила последний козырь? Оговорим условия контракта, вместе осуществим проект? Она видите ли обнаружила развилку в моей судьбе и решила замолвить словечко в мою пользу! Нет во мне такой жилки, такого качества, чтобы чего-то добиваться. Не хочу попадать под раздачу батогов. Я – особое явление, друг ты мой неочененный. К тому же я никогда не верил в добрые дела за просто так даже в благословенные шестидесятые, когда у людей была удивительная внутренняя свобода, лучше которой невозможно себе представить!

Я просто иду по дороге, а на ней что-то случается...»

«И терпения, и дисциплины, и трудолюбия у тебя тоже нет! Я всегда ставила себе большие цели, чем на тот момент могла достигнуть, потому то намечала себе, допустим, третье место, зная, что обстоятельства могут сложиться таким образом, что я попаду на десятое. Поэтому я всегда рвалась на первое! Мне важно было, чтобы ставя цель, или берясь за какое-то техническое задание, я выполнила его так, как сама задумала. Случалось, и глупости совершала. Характер-то взрывной, темпераментный... Я реалист, стремясь к лучшему, я всегда готовилась к худшему. Но счастливых дней у меня было предостаточно. А ты ни на что не претендовал! – заявила я, пристально взглянув ему в глаза. – Я хочу, чтобы в тебе проснулся хороший человек, чтобы ты почувствовал радость жизни. Сейчас важно не то, что было, а то, что будет. Пришло время быть, а не казаться, делать, а не обещать».

«Не наседай, убеждай спокойно. Считаешь, что чернила Кирилла-ученого или предпринимателя, священнее крови Кирилла-мученика? Вы с Тиной единодушно меня осуждаете?.. Друг называется! Думала, восхищусь, клюну на твою конфетку и взлечу? И наступит благоденствие? Мне броситься тебе в ноги? Ощущение власти нравится? Человек растет на главных ролях. А ты была и осталась авантюристкой с невозмутимым, непроницаемым лицом. Бедовая! Может, сойдемся на волне... бутылки? Рассчитывала заарканить меня своим рентгеновским взглядом, хотела, что-

бы подчинился? Какая искренняя алчная кровожадность! Я вправе ожидать от себя большего? Устроила мне душевную пытку... Да ни за что на свете! Да ни в жизнь! Я не я буду, если соглашусь. Дудки! Мне каяться и просить прощения? Ха! Неслыханно. Я верен себе! – сказал и гордо поднял свой острый подбородок. – Подожду суда Божьего. Сечешь? Я скорее представляю Тину – и не побоюсь сказать это – со смиренной миной у церкви с пачкой бронебойных ветхозаветных бредней за пазухой, чем себя у чьих-то ног, – ехидно закончил Кирилл и с удовольствием ткнул в мою сторону свернутыми в кукиш пальцами. – И кто бы мог подумать, что именно ты предложишь мне такое? Где твоя мудрость? Осталось только остроумие? Сознайся, ты ведь не всерьез, просто закидывала удочку? Я до слез посмеюсь. Ломала комедию? Ты же знаешь, быть добрым человеком опасно. Тебе необходимо видеть страдания других?.. В моем возрасте пускаться в авантюру? Хитра! Вроде бы простушка, а сама ничего не упускаешь, из того что может тебе пригодиться. Что, твой проект далек от завершения? Оповещаешь всех, кто может помочь? Но ты же понимаешь, что я погоды тебе не сделаю? Зачем я тебе нужен?»

«В момент возбуждения Кирилл, как Инна, говорит короткими отрывистыми фразами или такова ее интерпретация их разговора?» – подумала Лена.

– Кир совершенно распоясался. Лысоватая голова его при этом побагровела, а выражение горечи на лице взорвалось

злой улыбкой, на мгновение осветившей каждую его черточку. И этим он спровоцировал мою следующую вспышку раздражения:

«Шизоид! Паршивец, для тебя старалась! Ты до сих пор хочешь жить как в детстве: ни за что не отвечая, чтобы за тебя все решали другие? Ты окончательно подорвал моё мнение о тебе! – заорала я, подавляя в себе желание ударить. В запале я почти не осознавала, что этот крик принадлежал мне. – Насмешка способна превратить самые высокие чувства в пыль. Ты же пример того, как не надо поступать. Ты в этом смысле – наглядное пособие. В этом состоит «историческая миссия» твоей «функции жизни»? Твою любимую фразу повторяю. Как ты можешь называть себя моим другом, им не являясь! Эх ты, жизнь прожил, но так ничего в ней не понял. Даже в азах не разобрался. Ах да! Ты же принадлежишь к категории людей, которые, не учась, хотят занимать посты, не работая, получать блага. Только для этого надо было родиться в другой семье и в другом государстве. Может, ты к нам катапультировался из другой эпохи?»

«Начудила. Не можешь без амикошества... Есть масса имен безумных, но гениальных людей. Художники Ван Гог, Врубель... Продолжить? – рассмеялся Кирилл. – Талант и гениальность не имеют единиц измерения. Они не осязаемы и с умом не связаны. Это дано и всё».

«В чем твоя гениальность? В какой области науки ты умудрился свои возможности довести до максимума? Фиг-

ляр! У Тины талант бескорыстной любви. Она по-хорошему не такая как все. А твой талант произрастает из шутовства или из глупости?» – спросила я презрительно.

«Может, еще в студенчестве, открыв в себе неспособность к осуществлению своих идей, Кирилл взял за обыкновение, шутки ради, всегда говорить противоположное тому, что думает на самом деле? Иначе откуда эта его странная улыбка, всегда означающая готовность к надругательству над общепринятыми нормами, над добрыми и порядочными людьми? – Жанна попыталась оправдать немыслимое пренебрежение Кирилла по отношению к жене и вообще ко всему человечеству. – Но разве можно жестоко шутить на такую чувствительную тему? Я бы не рискнула».

Кирилл стал в позу и принялся возмущаться и все отрицать.

«Я сам искорежил себе душу? Свое отслеживай. Я не внял голосу разума? Я алкаш? – спросил он мягко и даже как-то горестно – Я не из породы переносной клади, в том смысле, что не напиваюсь в стельку и под заборами не валяюсь. Не воодушевляет меня горизонтальное положение. Я после отрезвления себя последней дрянью чувствую. Ну, разве что иногда, когда в охотку... На пенсию не разгуляешься. Я совсем чуть-чуть употребляю. Мне теперь много не требуется, чтобы унести мечтой подальше от... этого подлого мира. Не под силу он мне, как тяжкий крест. Вот и позволяю себе... Надо же чем-то заглушать тоску и властный голос сво-

его недовольства...

Инна, ты не в духе? Рассорилась с кем-то?.. Я не выдрючиваюсь. Подсчитываешь мои прегрешения? Зачем ты из раза в раз напоминаешь мне о моей слабости? Просто я не умею совмещать иллюзии и реалии жизни, не дано мне. Для этого надо быть достаточно приземленным, как Тина. Мне всегда не хватало какой-нибудь простенькой философской системы, на которую я мог бы опереться в трудную минуту, и водка стала этой моей философией, моей религией. Вон Женька откопал себе какую-то подходящую сектантскую теоричку и счастлив в своем несчастье... Тебе этого не понять. Ты же прямолинейна как кол... как стрела. Не суди да не судима будешь. Закроем эту тему, а то ты сейчас начнешь выяснять, зачем я пришел в этот мир; напоминать мне слова знаменитой балерины Плисецкой: «Хочешь светить – гори». Примешься в мою жизнь вносить коррективы. С тебя станется. Можно подумать, я сам хотел всего того, что со мной произошло... Вот стою я и задаю себе сакраментальный вопрос: «Какого черта я сейчас здесь с тобой делаю, зачем трачу на тебя время? Вот блин», – выругался он совсем уж по-ребячески.

«И какие же великие дела ждут тебя у порога?» – искренне удивилась я.

Кир на вопрос не ответил. Но его речь вдруг полилась тихо и скорбно. Я заслушалась, но мало что запомнила. «Одно дело погружаться в мир мертвых в фантазиях, а другое

– в реальности... Я ожидал любого приговора, но только не этого. Надеюсь, судьба отсрочит мой уход. Выбирая между жизнью и смертью, я бы...» Но надолго его не хватило, и он опять взбрыкнул:

«Я нахожу твои слова оскорбительными. Потрудись выбирать выражения. Я ни на минуту не сомневаюсь, что взятый тобой тон неверный. Настроилась решительно? Ты стала слишком много о себе понимать. Фокусируйся на своих проблемах. Воображаешь, что тебе все позволительно? Разумеется, хочешь присвоить себе лавры великого учителя? Надеешься перебороть мое гипертрофированное самолюбие? Нет, вы посмотрите на нее: какое количество умных ходов! То справа пробует зайти, то слева. Не убеждает, но потрясает. Не все еще пороли и явки выдала? Что еще припасла на закуску? Не расслабляй меня своими мечтами. Задайся вопросом: зачем мне это, если близок эндшпиль? Чем ты серьезней, тем смешней. И запомни: с голов настоящих королей и королев короны не падают».

«Черт возьми, на какие такие мои ошибки намекаешь? Да, ошибалась, но не ныла, поднималась и шла вперед! Поражения меня мобилизуют, – разозлилась я. – Чего впился своими глазищами как василиск какой?»

«В пустом трепе они стоят друг друга. Это невыносимо!» – подумала Жанна.

«Похоже, все знают, что нужно для моего перевоспитания, но никто не представляет, как этого добиться... как и

со всей страной... – взвился Кирилл. – Что ты тут потеряла? Кто тебя ко мне подослал? Тина? За что ты на меня взъелась? Да еще с каким упоением! Сарафанное радио – твой основной источник. Похоже, у тебя в этом плане все хорошо отлажено: первая всегда обо всем узнаешь, а потом хвалишься разумом, помноженным на какое-то там внутреннее, глубинное чутье. Неправдоподобная... настолько женская история! Ты темная, но с удивительной интуицией великого прорицателя? Медаль тебе за это». – Кирилл сорвал с чахлого, пыльного придорожного лопуха малиновый цветок и попытался его вручить мне.

«Отклоняю эту честь, пусть у меня не будет завистников», – отшутилась я.

А он опять за свое:

– Помниться, еще в студенческие годы все звали тебя всезнайкой. Я допускаю, что и сейчас ты раздобыла, наскребла чего-нибудь новенького. Но не стою я твоего изысканного внимания. Я же тебе до лампочки. Притворяешься возмущенной. Все это неспроста? Я твой очередной смелый эксперимент? Как всегда, норовишь навязать свое осмысление чужих бед, а сама ничего по-настоящему не понимаешь в людях, с которыми живешь рядом, и о том, как им больно. Уж я-то прекрасно знаю, каким именно образом ты склонна толковать печальные события моей жизни».

«На что намекает Кирилл? Чего не знает Инна? Может, и правда у него была несчастная любовь, которая бросила его в

обьятъя Тины? Надеюсь, я здесь не при чем, – заволновалась Жанна. – А вдруг проведению было угодно...»

«Не наезжай, и не провоцируй. Не тычь мне в лицо прошлым. Все что ты мне инкриминируешь, лишь зыбкие догадки озлобившейся глубоко несчастной женщины с больными нервами. Подожди, ты что, всерьез думаешь, что задеваешь меня своими словами? С какого бодуна? – Последовал хриплый издевательский смешок Кирилла. Он выразительно поднял на мгновение зло сверкнувшие глаза. – Не туда ты направляешь захлестывающие тебя эмоции. Не погружайся в мою жизненную ситуацию, разгребай свои мусорные завалы».

– Ну, в общем, слово за слово... Ты, Жанна, меня понимаешь.

«Что разоряешься? Не у жены под боком. Ишь, разошелся», – почему-то рассмеялась я.

А он мне вдруг выдал:

«Ох, и посчитаюсь я с тобой! Я тоже умею. Ты меня трогаешь, и я тебя трону. Долго терпел. Как и следует ожидать, о своих делишках ты не упоминаешь даже мельком. Раззадорила ты меня. Слышал я тут о тебе всякие были-небыли, близкие к тебе люди стукнули мне на тебя. Злые языки слухок о тебе пустили невнятный. Эти былины не заслонят тебя от меня. Хочу услышать правду из первых рук о причинах твоих разводов. Может, исповедуешься? Тебя не волну-

ет, что в связи с этим могут всплыть некоторые пикантные подробности. Ха! Что скушала!?! Не понравилось? Вот и мне не нравится, когда в душу лезут грязными ногами».

Я тут же ощутила комок в горле... Чуть не задохнулась. В глазах потемнело. Он будто между глаз мне врезал. О первой моей любви напомнил, паскудник. В грязной луже звезды не отражаются.

Видно не смог он отказать себе в удовольствии нагадить мне в душу. Стоял в полуоборота ко мне и с нарастающим злорадством следил за моей реакцией. Чувствую, белею и стекленею. Отвечаю ему сквозь зубы, мол, пробавляешься досужими толками?

И тут он отреагировал странным образом, будто на попятный пошел:

«Сорвался я, дурак, на неуклюжие обвинения как торговка базарная. Скочевряжилась моя душа, испоганилась. Надо было просто послать тебя в самых сильных выражениях и все... И все же не смей указывать мне, как жить, а то схлопочешь... чумовая баба!..»

От неожиданности я вобрала голову в плечи, словно и впрямь ожидала удара, – не удалось мне мгновенно принять обычный настороженно неприступный или безразличный вид – и взвизгнула удивленно:

«Я – чумовая?! Ни фиги себе заявленьце! Попридержи язык! Ишь, что затеял, куда тропочку повел, за живое решил зацепить? Чувствую изысканное издевательство. Положение

алкаша сделало тебя недостижимым для добра. Ловко орудуешь в пространстве собственного... тупого бесчеловечного сознания. Разочаровал ты меня, хотя я всегда подозревала тебя в чем-то подобном. Раньше втайне гадил, стыдясь, чтобы жизнь мне не казалась слишком пресной, а теперь в открытую? Ну-ну.

Я не святая, но очень брезгливая. Не разрушала я чужие семьи – не могла переступить через себя, – пони мала, что когда что-то разбиваешь, готовься за это заплатить. Ругала мужей за иждивенчество, но не винила их, за то, что мы расходились. Они хотели детей. Тебе не понять горя бездетной женщины. Не дрогнуло у тебя сердце отхлестать меня. Прямо спасу нет, какой добрый и чуткий. Наш пострел везде поспел... Напакостил в душу и пытаешься дать задний ход?

Тебе дети до лампочки, себя только любишь, – неожиданно для себя брякнула я видно с обиды. – Не вернуться тебе к себе прежнему, а, наверное, в далекие юные годы птицы пели, розы цвели в твоей душе. Я никогда не затрагивала твои беды от тебя не зависящие, щадила тебя, а ты...на мелочи не размениваешься, по самому больному бьешь... Тебе это, видно, что плюнуть. Держишь равнение на дружков? Я не отвечу тебе «взаимностью», промолчу для твоего же блага. И ты замолчи... от греха подальше, не привязывайся больше. Сегодня ты превзошел себя, хватит демонстрировать свои неограниченные возможности... в подлости.

Говорить с тобой что-то расхотелось. И вообще знаться

с тобой больше не желаю. Завалил ты экзамен на порядочность. И прости-прощай мое к тебе благодушие, я умываю руки. Вот тебе мой ультиматум – предпочту обегать тебя за три километра с гаком, с большим гаком. Слышала от тебя, что ты не дурак, чтобы брать на себя ответственность за семью. А я взяла бы, да некого... Грозит он мне, гаденыш! Со всем крыша поехала! Сделай милость, уйди с моей дороги! Изыди!» – истерично заорала я. Нервная потому что.

Кирилл сразу стер с лица расслабленную, извиняющуюся улыбочку. А я смешалась и не договорила... Потом опять разошлась.

Жанна, ты же знаешь, чтобы успокоить нервы, надо или разозлиться или расплакаться. Взаимная тяжелая враждебность давила нас обоих, но он не уходил, а слушал молча и очень напряженно. Меня это удивило, я остановила поток слов, не понимая, отчего он застыл. Это несколько позже мне дошло, что у него прихватило сердце. Человеку со здоровым сердцем не понять больного.

Когда молчание мне стало совсем невмоготу, я снова подала голос. Мне надо было разрядиться. Я долго возмущалась, изливая свою злость и обиду, придирчиво следя за реакцией Кирилла. Думала, он быстро капитулирует под натиском моих слов. Он, правда, сначала опешил, но потом завелся:

«Ты... ты... – выпалил он, зажмурившись. И будто стон вырвался из его груди, – Я тебя когда-нибудь трогал? Я бол-

тал, страшал, но никогда не приводил свои угрозы в исполнение, – словно через силу крикнул Кир в свою защиту и снова накинулся на меня потоком слов, вылетающих как из брандспойта или садового поливального шланга. – Брось улащать свою речь примитивными, шаблонными цитатами. Катаешь пустые незначительные фразы, как морской прибой гладкие камешки. На кой ляд мне твои философские пассажи? На советских долбанных речах сдвинутая? Сколько «красноречивых» слов напрасно извергаешь! Ну, никак ты не можешь обойтись без них. Я устал от помпезности еще тридцать лет назад. Всю обедню испортила... Я не расположен выслушивать твои нравоучения и не горю желанием плясать под твою дудку. Если хочешь, чтобы мы остались друзьями, больше никогда не говори на эту тему. Она, видите ли, снизошла до беседы со мной! А я не готов к тому, чтобы меня подминали... Учись у меня презрению к мелочам и частностям и тебе легче будет жить».

«Это Тина для тебя – мелочь?! По иронии судьбы она твоя жена, – ужаснулась я. – Я понимаю, по какому-то вдохновению, в состоянии духовной приподнятости, в измененном состоянии, когда все воспринимается совсем иначе: ярче, прекраснее... человек может совершить отдельный героический нелогичный поступок даже для такого... как ты, у которого нет чувства благодарности. Но тут... ежедневный подвиг... Я знаю, любовь – это высшее, что дано человеку. Она не цель, не средство, а путь по которому идет человек.

Эти слова – моё искреннее приношение Тине, её таланту любить. Она как цветок доброты и радости в мире твоего зла и лжи. Ее суть – зашифрованная тайна и потому она – редкое явление. Тебя в ней что-то смущает?»

«Обрыдалась? Ты мне еще прочти лекцию о взаимообусловленности и взаимопроникновении добра и зла! Предъяви свои полномочия! Подожди, дай мне договорить, не делай вид, что не хочешь меня слушать. С каких это пор я впал в немилость? Ты на чьей стороне? Мы же всегда с тобой ладили, ты меня защищала, я доверял тебе, считался с твоим мнением. И хотя у тебя чересчур прямой взгляд слишком опытной женщины, ты, как мне казалось, всегда являлась той, с кем можно было поделиться тяжелой ношей невысказанных обид, рассказать о самом потаенном. С тобой можно было быть самим собой. Мы были на равных. До сегодняшнего дня я считал тебя вменяемой, непостижимая моя. А теперь не пойму, куда ты клонишь».

Я не стала уходить от ответа. Но фыркнула:

«Поиграем в «угадайку»? Вернулся ко времени предшествующему началу твоего падения? А ты перейди сразу к развязке.

«Что на тебя нашло? С чего вдруг стала такой черствой? Напролом идешь. Раньше ты ко мне была более расположенной, относилась с должным вниманием. Я с тобой как с самим собой разговаривал. Решила на меня излить свою досаду? Я попался тебе в одну из таких минут, когда тебе

самой потребовалась жилетка? У меня голова от тебя идет кругом. Наносишь удары по моему самолюбию, вымещаешь свою неудовлетворенность жизнью? Ты думаешь, что я настолько глуп, что не заметил этого? Что, манипулировать человеческими чувствами – ни с чем несравнимое удовольствие? Посильнее секса будет? Недостойно ведешь. Не выступай, это моя жизнь, а не твоя вотчина. Не переходи мне дорогу. Каждый – я так думаю – должен сам ломать и строить свою жизнь».

Напросился на свою голову. Оно, конечно, дурак и в Африке дурак... Нет, чтобы пройти мимо, не заметить, раз не в духе. Думал, встретил тебя как нельзя кстати. Даже не имел ничего против, чтобы с удовольствием поболтать. Решил, ты вполне приемлемый вариант для общения. Вроде бы даже соскучился по твоей иронии и эрудиции. Как и ты, впрочем, да? Я даже присвистнул от радости, увидев тебя».

«Говорун еще тот», – усмехнулась Жанна.

«Ты опять только о себе. Я из-за Тины вас мирила. Тогда я еще мало знала твой истинный характер, не желала рыться в хламе твоих чувств и, хотя недолюбливала, хотела – что совершенно естественно – помочь подруге. Я сама тогда в нашей с ней дружбе искала лекарство от собственного одинокого существования. Говоря это, я ни словом не грешу против истины.

Тина любит тебя. Ее любовь по силе и безрассудству похожа разве что на молодой вулкан, способный разнести в кло-

чь все твои беды. В тихом, сдержанном голосе, в спокойной стойкости ее подлинная сила. Ты же ничего не желал знать, понимать, ничего не умел оценить по достоинству, ничего не делал для того, чтобы чего-то добиться в жизни, а она, наверное, втайне мечтала помочь развить те неплохие данные, что достались тебе в наследство от предков. Силилась тебя понять. Ее стараниями ты мог бы достичь многого. Тина хотела, чтобы твоя фамилия прозвучала хотя бы в пределах области. Достойная фамилия – самое высокое звание. Только не всегда талант совпадает с честью и достоинством. Твои интересы сосредоточились на попойках и низменных прихотях. Растерял ты свое достоинство и вконец запутался. Отсюда все напасти. Считал, что куралесить не зазорно? На что ты надеялся? На русский авось? Теперь уж не искоренить... Жизнь, знаешь ли, не Божий дар, а послушание: терпение, труд великий, а ты налегке галопировал. Вот и вынесла тебе Судьба свой приговор».

«Какой?» – спросил он с мукой в голосе.

Я промолчала. О другом заговорила:

«Для Тины отдавать – истинное наслаждение, только тогда – ее слова! – она абсолютно счастлива. Ты не понимаешь, что истинная любовь не бывает тривиальной. А ты способен только тешить свое самолюбие мезью Тине за свои неудачи. Ты всего лишь умеешь навязывать свои интересы. А твое идиотское самокопание может разесть душу самого стойкого человека... С возрастом мы внутри себя почти не

меняемся, но мудреем, учимся держать себя в руках. Только вот нервы... К тому же я сейчас сама переживаю годы потерь и утрат – не самые легкие времена, – вставила я в свое оправдание. – И теперь, когда наступило время осмысления прожитого, я жалею о своем заступничестве и не знаю, как загладить свою вину перед Тиной».

«Откровенно говоря, я совсем не рвался к тебе, вот и растерялся от неожиданности, – со своей обычной ухмылкой заговорил Кир. – Заторможен я после вчерашнего. Начну с того, что не могу сказать, что желание видеть тебя во мне остыло – ты интересный экземпляр. Я сгорал от любопытства, но случилось непредвиденное. С той самой минуты, как ты заговорила, я понял: дело решенное – будет долбить. Надо было перестраховаться – уйти подобру-поздорову, чтобы в моем сердце не зачах, не оскудел и не выродился окончательно твой образ, и душа, придававшая ему глубину, не отлетела...

Тебе жаль для меня лишней толики тепла и участия? Какая ты женщина? Ты прокурор. За что честишь меня? Наговорила тут ни много, ни мало – с три короба беспощадных, жестоко разящих слов. Оповестила о неизвестном? Спустила пар в элементарном многословии, высветила свой сволочный характер. Ха! Столь содержательные встречи происходят у меня не часто! Низкий поклон тебе за науку. Хочешь новый виток ругани? Валяй».

«Мне что, больше всех надо? Пусть Тина тебя воспитывает. Мне своих забот хватает», – для пущей убедительности

добавила я.

Чувствую, при внешней видимости спокойствия на лице, он дошел до точки внутреннего кипения, предвещающей взрыв. Но не пожелал его предотвратить, а, напротив, повысив голос, снова возвратился к поднятой теме, накачивая себя раздражением. Зло, с сердцем говорил, словно от избытка чувств:

– погоди. Хватит поучать! Ты не вправе. У меня скоро грядет юбилей. Знаешь ведь, сколько стукнет. Считаю, что со мной подобный тон уже недопустим. Да, мне виднее. Сделай одолжение – отвали. Ша! Чтобы ты ни произносила, это – всего лишь слова. Не устаешь от себя самой? Доконала, ведьма. Эти твою душу... Усекла? Надоела мне вся эта свистопляска вокруг моей особы. Кажется, весь мир ополчился против меня. Козлом отпущения решила меня сделать? В пустом сердце не аукнется, в пустой голове не отзовется...»

И полоснул меня злым настороженным взглядом.

«О ком это он? Обо мне?! Не все сказал, но подумал?.. Совсем свихнулся на почве алкоголя. Пургу понес, – подумала я и на какое-то время отвернулась, пока мышцы лица усилием воли расправляли и сглаживали некое подобие презрительной ухмылки. Но мысленно я все равно взвилась: «Бездарь, подонок! Столько боли было в моей жизни! Любила так, что земные законы переставали для меня существовать! А меня предавали... Не скоро я поняла, что мужчинам нужна простота, чтобы не затруднять себя. Зачем им жен-

ский ум, интеллект? И это стало началом моего поиска себя для себя... Как я вкалывала! А меня подводили, подсиживали... Тогда я еще не всегда понимала, к лучшему или к худшему происходили те или другие события. Но я вскакивала, встряхивалась и снова бросалась в бой и других поднимала и увлекала. А ты что делал? Блажь свою баюкал?».

«Можешь быть довольна собой. Приковала меня к позорному столбу истории гвоздями своих обид на весь мир, а главное на мужчин. Ради всего святого, замолчи! – с неожиданной тоской и бесконечной щемящей грустью в голосе истерично взвыл Кир, театрально воздев руки к небу.

– Я тоже была на взводе. Но прежде чем оценить меру нанесенного мне оскорбления и попытаться резко ответить, я успела заметить, что в глазах Кира на самом деле проступили скорбь и отчаяние. Он неловко, как-то боком, беспомощно опустился на колени. Будто сполз по невидимой стене, испытывая крестные муки. Смотрю, уставился в одну точку. И столько горечи и какого-то недоумевающего, не мирящегося чувства было в его взгляде, что словами не передать. Выглядел он совершенно раздавленным. Меня на мгновение пронзила боль, от которой захватило дух. Я не могла сладить с собой. Едва не потеряла контроль. Чувствую, зла не хватает оставить его в таком настроении. Даже подумала, что, плохо себя знаю, раз ловлю себя на неожиданных суррогатных чувствах. Что-то у меня к нему материнское возникло, то самое, несостоявшееся... Боже, как иногда хочется этого теплого

чувства... внутри себя... даже к такому обалдую... Стою потрясенная своими ощущениями, молчу, а кошки скребут на сердце... Сожалею, но не каюсь. Все же он мне не по барабану...

– Но по боку, – вставила Жанна.

– Потом вижу – немного отошел. Видно полегчало. Медленно поднялся с колен. И еще много чего наговорил витиеватого и жесткого. Опять стал жаловаться, что беды со всех сторон наползают, болезни всякие наваливаются и никак не кончаются, что его равнодушие вызывается сознанием бесполезности, безысходности и невозможности что-либо изменить, что он уставший, но не оступевший и что добродушный юмор у человека бывает пока он здоров и процветает.

«Открыл Америку. Исповедовался! Тонкий дипломат, мать твою за ногу. Бьешь себя в грудь, а я должна верить? Так ты считаешь? На что нацелился? Думаешь, уступлю новому нажиму жалости? Не я ставлю во главу угла своей жизни пьянки. Стань человеком, и я все забуду, будто всего этого и не было», – отчеканила я.

Я разозлилась. Ведь если вдуматься, его поведение – чистой воды фарисейство... «Души не только детей, но и взрослых гибнут от людского безразличия, недостатка милосердия и любви», – думала я, внутренне сотрясаясь.

Не утерпела, вскипела привычным холодным гневом и давай шпарить, шпиняя и склоняя его на все лады: «Кто ты? Ни бе, ни ме, ни кукареку!.. Милосердие – это не только доб-

рота, но и мудрость. Ты искупить свою вину обязан...» Ну и он, как ты понимаешь, не выходя из «образа», изложил свою точку зрения в ярких картинках. Зрелище, я тебе скажу, так себе...

В общем, ответили мы, так сказать, друг другу спектаклем на спектакль. Я издевалась открыто. Ты же знаешь, язык у меня подвешен. В долгу не осталась. Ясное дело – не тот я человек, на которого подобный нажим мог подействовать всерьез. Не хотела я оставлять за ним последнее слово. У меня не сорвешься: Я тоже орала «будь здоров»! Надеялась своей критикой, унизив окончательно, выбить его из седла дурацкого гонора. Стерва я, конечно.

Говорю ему, мол, во всяком случае, молчала я гораздо дольше, чем позволяют приличие и долг подруги твоей жены. В кои веки попыталась наставить тебя на путь истинный, а ты устроил мне здесь мелодраму. Из какого спектакля сцены разыгрываешь? Выеживаешься! Не сработало. Думаешь, твое поведение – что-то новое в истории человеческих отношений? Полагаю, оно восходит к незапамятным цивилизациям. В сколь бы занятную форму ты не облекал свои глупости, они всегда отдают пошлятиной. Очнись. Нечего тут распинаться и смаргивать слепящие глаза притворные слезы. Все что с тобой происходит – достаточно уныло. Не совестно тебе выставять себя несчастной заблудшей овечкой? У тебя опять очередной кризис здравомыслия или он у тебя не проходящий, перетекающий из одной фазы в другую? Ты, как

всегда, целиком во власти постоянного пьяного безумия? Ты до сих пор находишься в полном расцвете дурости? Может, создашь общество алкашей «Кир и сотоварищи»? Алкоголь с твоих слов – это твой бескровный бунт, но против кого? Против себя? А может, ты считаешь, что у тебя надолго затянувшийся кризис среднего возраста, который не каждый проходит без потерь? Но если ты не дурак, то должен понимать, что у серьезных, умных и волевых мужчин не бывает этих мифических периодов. Их придумали слабаки, не понимающие разницы между сутью жизни и примитивным существованием. А может, не удавалось пройти ритуальные барьеры между людьми разного круга? Они тебя не принимали, ты счел их врагами и от обиды совсем опустился? Но враги – не повод, чтобы сетовать на жизнь. Они – барьеры, возникающие при выходе из зоны комфорта и их надо учиться преодолевать.

Ты, по большому счету, побочный продукт цивилизации. Я бы ни одной минуты не стала мириться с тем, что твоя жизнь рядом со мной буквально разваливается и гибнет на глазах. Ты и опомниться не успел бы, как я без скандала выставила бы тебя не только из квартиры, но и из собственной жизни. Быстрее бы поумнел... Думаешь, с тобой произошло нечто из ряда вон выходящее? К сожалению – нет. Ты пополнил когорту многих тысяч, павших ниже некуда. Эх, не умеешь ты жить со вкусом!

«Угрозы – основной способ общения Инны с мужчина-

ми?» – удивилась Жанна.

«Почему я смотрю на это торжество упрямства и идиотизма и выслушиваю ахинею? Не знаю. Мне, например, совсем немного времени понадобилось, чтобы в моей голове созрели ответы на все твои жизненно важные вопросы. А тебе для этого и всей жизни мало? Ответь, почему ты так глупо и бездарно живешь? Что ты сделал со своей жизнью? На что ее потратил? Язык залип? Думаешь, ты настолько умен, что не нуждаешься в советах? Смотри, опять не промахнись. Но я к тебе в верные Санчо Панса наниматься не стану. Моли бога, чтобы Тина тебя пережила.

Не преуспел в науке, так сколотил бы состояньице на сдаче внаем хибары своих родителей или «нажился», как другие, помешанные на огородах – на продаже лука и еще там чего, что выгодно выращивать. На цветах что ли. До недавнего времени кое-кто из наших друзей не брезговал подобного рода приработками. Вся страна ринулась торговать... Перестройка заставила. Мы не те, какими хотели бы быть. Мы те, какими стали, кто мы есть на самом деле, – усмехнулась я. – Мы не знаем, что лежит у каждого из нас на самом доньшке. Иногда туда не стоит заглядывать...

Так вот и тебе надо поспешить – одна нога здесь другая там, – чтобы выдержать конкуренцию. Ты же, паразит, измаялся от безделья, ошиваясь у ларьков. Не откладывай на потом то, что еще мог бы успеть сделать. Важно быть нужным и полезным.

– Произносимое тобой очень сильно зависит от контекста... – принялся философствовать Киря.

– Я могу вовлечь тебя в свой новый маленький бизнес. Мне подвернулась прекрасная халтура. Тебе не бесполезно будет узнать, что прошла информация: дело выгодное. Ты же знаешь, я с бухты-барухты ничего не делаю. Это не безусловный, но все-таки шанс. И главное, на всё про всё для начала от тебя потребуется только желание и старание. А дальше – только вкалывай. Работенка незавидная, мало денежная, но не пыльная: разработка документации и ее внедрение. Провернешь крупную сделку – в накладе не останешься, будет у тебя навар. Честное слово. Как считает подруга, мне несказанно повезло. Очень может быть, что с моей легкой руки и у тебя что-нибудь получится, если не запьешь, конечно. Глядишь, прибарахлишься, почувствуешь определенный достаток. Для тебя сейчас главное – быть при деле.

Ну что, мое предложение выглядит заманчиво? Может, клюнешь? Что тебе мешает? Чем вызван твой скептицизм? Попытка не пытка. Чего выжидаешь? Тебе понадобится некоторое время, чтобы уловить ход моих рассуждений? (Тут конечно я чуточку съехидничала... Даже не чуточку.) Защити, прежде всего, свое доброе имя. Даже ради этого стоит попробовать. Строительный материал твоей души находится внутри тебя, развороши его. Не бойся,полни свои знания и вперед! Ведь ясно как Божий день: не стыдно не знать и не уметь. Стыдно не интересоваться и не стараться.

Я убедительно говорю? Когда-то мне казалось, что мы слишком много испытали в голодные студенческие годы, чтобы не понимать жизнь и взаимоотношения между людьми. Оказывается, необходимо постоянно пополнять и этот запас знаний, тем более, что времена и люди теперь стали другими. Сейчас везде холодные, чужие, усталые лица».

А Кирилл мне с кислой улыбкой ответил: «Мир завален лавиной идей. Людям грозит переизбыток информации. Исходит буквально космическая скорость ее тиражирования. Мы находимся под постоянным давлением визуального и слухового шума. А ты держишь руку на пульсе? Обнаружила в себе новые таланты? Обычно ум дается женщине в утешение за невзрачную внешность, а у тебя во всем перебор. Хочешь поделиться? Твое предложение не входит даже в сферу моего любопытства. Оно таит в себе для меня новую угрозу? В чем его плюсы и минусы? Зачем мне такая нахаба? Удвоила энергию нападения? Я не в восторге. Думала, позарюсь? Ты сегодня подобна вулкану. Посылаешь в нокаут? Шифруешься? Что еще замышляешь? Припрятала в рукаве главный козырь? Не можешь без интеллигентских штучек? То кафешка, то бизнес. Хрен редьки не слаще».

«У тебя, безусловно, «бескорыстная» любовь в деньгам! Я тебя пугаю откровенностью? Тебя беспокоит тайна моего следующего хода? Последнего? Как в шахматах?.. Не задирайся. Чем строить догадки, отвечай по существу», – оборвала я пустое краснобайство Кирилла.

«Я в процессе». В моей жизни всё системно, – рассмеялся он.

«Не прислушаешься? Поджилки трясутся? Не осилишь? Боишься «затмить» меня своим талантом? Будет мешать закладывать за воротник?»

«У вашего покорного слуги нет сил жить, не то что работать. Это ты у нас огневая, искрометная... кукла-неваляшка. Сколько тебя не гнут, не ломают, все равно, как солдат, всегда готова к труду и обороне. Нет, ты коварная уссурийская кошка! У тебя семь жизней».

«Мой портрет еще не в золоченой рамке?» – фыркнула я. – Жанна, на самом деле подоплека в моих словах была другая. Я просто хотела развеять сомнения. Я была далека от того, чтобы допустить что-либо подобное. Такого алкаша, да в свой бизнес! Чтобы свел на нет все мои усилия? «На понт» брала. Он не из тех, которые «в безумном, ошеломляющем рывке» готовы «пробить небесный купол» своей мечты. Испытать хотела, и подсластить себе пилюлю. Видно было невооруженным глазом, что откажется. Это же выше его достоинства браться за примитивную работу разработчика программ! Может, он хотел бы работать на постоянной основе? Только кому теперь нужны грамотные пенсионеры. Молодым мест не хватает. И я теперь берусь за работу, на которую до перестройки ни за что бы не согласилась. Не идет удача косяком. Ее мелким бреднем приходится вылавливать. А Киру и для себя лень мозгами шевелить, не то что для ко-

го-то. Он даже за бутылку перестал работать. Конечно, сказал: «Не вариант. Не возьмусь ни под каким видом. Я в эти игры не играю». И добавил безразлично: «Я давно потерял вкус к жизни».

А я ему ответила: «Красивый демарш! Пес ты шелудивый? Не собираешься перепрыгивать поставленную жизнью планку? Дать бы тебе увесистую затрещину, чтобы проснулся-таки, наконец! Что, в гордом одиночестве отошел в сторону, в водке утопил триумф своего здравого смысла? Незачем рвать на себе волосы. Жизнь еще не закончилась. И память у тебя еще не совсем отшибло. Начни хотя бы для поднятия настроения. Вон Герка год назад картины стал писать и продавать. Специалисты говорят, что это примитивизм, но талантливый, и что некоторые произведения становятся искусством, когда на них возникает запрос общества. Видно пришло Геркино время. Меня его полотна заставляют заново переживать испытываемые в детстве приятные чувства. А Валя, будучи на пенсии, сборник стихов опубликовала. Я тоже удивилась, узнав это от Лены. Язык ее строк понятен, разнообразен и отнюдь не прост».

«Я стала забывать стихи, но помню вызванные ими эмоции», – удивилась сама себе Аня.

– Еще сказала, что оба по-своему счастливы. Эти занятия еще и дополнительные краски к их будничной жизни. Сравнение не в твою пользу. Думаешь, одного тебя не обходят беды? Им тоже жизнь сполна отмерила этого «добра». Осо-

бенно Вале.

Пойми, уже наступает вечер нашей жизни, и он может быть безветренным, теплым и уютным. И что ты за человек? Почему из всех возможных путей ты всегда выбираешь те, которые ведут в никуда? Наверное, родители смотрели на тебя с любовью и надеждой, верили. Они дали тебе неплохие мозги, а ты не ценишь заложенных в тебе способностей, не используешь их во благо. Почему дурака валяешь? Даже по религиозным канонам это большой грех.

«Еще поговорим?» – спросила я, внутренне вибрируя от нехорошего азарта.

Признаться, изрядную нахлобучку ему устроила на правах старого друга, не щадила его, безжалостно осмеивала, третировала. В общем, не давала спуска. Жала на все рычаги, пытаюсь заставить его хоть на миг задуматься над своим иждивенческим поведением. А Кир резко отвернулся от меня и забурчал:

«Привела аргументы неопровержимые по своей логичности? Быстро смекаешь, где может выпасть удача. Случалось, помогала без лишних слов и расспросов. А теперь только раздаешь бесплатные советы, мол, не так страшен черт, как его малюют. Думаешь, славу себе создаешь, опережаешь события? Ну-ну, приступай к рекогносцировке. Только момент проявлять непреклонность давно упущен. Расщедрилась, мать твою... На фиг мне твои подачки. Сама-то ты с ангельскими крылышками и нимбом вокруг головы что

ли? Безупречная! Ни на секунду не сомневаешься в своей правоте? Непокколебима, как швейцарский банк. Ты как всегда – во всем великолепии своей изысканной... стервозности. Больно ретивая, преисполненная решимости... Оно, конечно, смелость – привилегия свободного ума! А я безропотный, мягкотелый, покорный растяпа? – запальчиво взвизнул Кир. – Тебе меня совсем-совсем... ни чуточку не жаль? Просто из чисто человеческих чувств прекрати свои накатывания и подкопы. Работать ты умеешь хорошо, а жизни так и не научилась. Сколько хороших слов недосказала, сколько добрых дел не сделала! Без машины времени обойтись не можешь. Она постоянно тянет тебя в прошлое, где ты находишь материал для критики».

«Вчера – это уже прошлое? Нормальное будущее ты тоже отвергаешь. Так вот ты чем Тину давишь! Тебе ли ей и мне указывать! Я не пытаюсь взять на себя больше, чем мне дано, но ты-то недобираешь! Живешь, как придется, пасуешь и отмалчиваешься, боишься неожиданных поворотов событий. У некоторых мужчин есть «прекрасное» качество указывать на недостатки другим, не замечая за собою тех же самых и даже много худших. Это возникает от того, что вы стремитесь доказывать свою правоту другим, не уяснив ее самим себе. И базируется оно на завышенном самомнении, на чувстве превосходства над нами, женщинами. Меня бесит это глупое самодовольство, обусловленное только принадлежностью к мужскому полу. Собственно, я всегда была

готова преклонять колени перед более умными мужчинами. Да где их... ветер носит?»

«В тебе говорит предубеждение. Давай, убивай, я не собираюсь тебе препятствовать. Закусила удила. Твое поведение явно не корреспондирует меня к Ветхому Завету. Забыла человеческие заповеди? Танцевать надо всегда от простого, от печки. Здесь-то всё и проверяется на вшивость. Скажу начистоту: ты обладаешь удивительным свойством поражать в самые больные места, о чем бы у нас с тобой ни зашла речь. Аукнется это тебе когда-нибудь. Пойми, только мертвые не имеют недостатков. Ты права, я сам себя часто не понимаю. Но не загоняй меня в угол. Я с детства никогда не чувствовал доброжелательности, покровительства, любви и заботы. Был себе предоставлен... и теперь другого выхода не вижу как... Детское желание ощущения чуда и волшебства давно ушло. Все осложняется еще тем что...»

«Прекрати ныть! Не ври хотя бы себе. Убери унылую маску с лица. Чтобы счастливые моменты случались, им тоже надо давать шансы. Заметь еще кого-то кроме себя. Сколько лет Тина тебя нянчит? Обожженное сердце обычно чувствительнее и милосерднее. А у тебя оно истлело или его вовсе не было для других. Лене и Ане в детстве много труднее пришлось, но они достойно выстроили свои жизни, – не утерпела я вставить замечание. – Но об этом мы поговорим чуть позже. Не им суждено было сыграть ключевую роль в твоей судьбе. Не пересекались ваши дороги».

«Судьба так распорядилась, что я от родителей в наследство получил не только дар. – При этих словах Кир картинно закатил глаза. – Может, у меня родословная подкачала и мне на роду написано быть таким? Не понять тебе этого. Думаешь, легко бродить среди осколков своей несчастной судьбы, разгребая одни неудачи? Для меня это слишком обременительно, поэтому мне необходимо давать организму разрядку. Никто не видит мою драму, зарытую в повседневности. Если бы кто-нибудь понял это вровень со мной», – балансируя на грани слез, страдальчески взвизгнул Кир, будто забывшись. И как бы сник сразу, вздохнул жалобно, всем своим видом взывая к состраданию. Потом, будто заметил, что слишком уж разоткровенничался, выдал что-то совсем уж личное, и замолчал.

«На что он намекает? – Мне стало стыдно за свою несдержанность. – Смотрю, самоуверенная беспечность Кирилла уступила место растерянности и замешательству. К взмогшему от напряжения лицу приклеилась жалкая улыбка, точно сухой осенний лист к мокрому асфальту. И эта незнакомая, непонятно из каких глубин извлеченная улыбка делала Кирилла на самом деле каким-то очень уж несчастным. Голос сделался тих и нерешителен. И вдруг он добавил совсем уж что-то нелогичное, непонятное, связанное с Тиной: «Я с нею до сих пор в детстве...»

Я на мгновение растерялась. Врезались его слова мне в мозг. Я готова их повторять и повторять. Сногсшибательная

новость. С чего это он вдруг решился на финальный исповедальный рывок? И на лице такая мука. На какой-то момент я пожалела о своей бестактности. Мне вдруг почудилось, что вопреки желанию, его настоящее лицо проявилось из-под напускной маски, которую он носил постоянно; словно из сумеречных глубин на минуту проглянул прежний, молодой Кирилл, и в его голосе прозвучало искреннее, неприкрытое отчаяние. Уверенность как-то сразу покинула его, потому что вышло так, что он сказал больше, чем хотел. И я не сразу смогла освоиться со столь резким изменением его настроения. Что-то вроде сочувствия снова шевельнулось во мне, сомнения промелькнули.

Я уже готова была растрогаться, когда поняла, что он нарочно напускает туману, мол, придавлен тяжелой плитой плохой наследственности с неясным исходом. Играет! И опомнилась. Я не Тина, не поверила ему, не подействовал его аргумент на меня. Ах, исстрадался, бедняжка, беды и напасти его замучили! Знаю его как облупленного: пытается изобразить обреченность, мол, не виноват, гены подкачали, оттуда ноги растут. И детство в любой судьбе – определяющая история. Этот груз понижает самооценку, тянет на дно. Мне не хватает любви. И прочее...

Он опять на жалость давил, хотел, чтобы я смилостивилась и не искала повода для очередных нападков. Эту выдумку он приберегал давно, ожидая удобного момента. Готовился ею взять реванш в конце нашего разговора. Только это

ничего не дало. Не самый удачный способ выбрал, чтобы от меня отделаться. Думал, запаникую и скажу: «Я растрогана до слез!» или вообще от сочувствия лишусь дара речи. Вот и ответила: «Застреваешь на дурных впечатлениях детства? В этом тоже проявляется твоя непроходимая дремучая тупость. Мол, не волен в своих желаниях».

Я скрыла торжество под личиной невозмутимости и втайне наслаждалась нашим разговором. «Меня не обжулишь, пусть поищет другую дурочку, – думала я. – Нет, дружок, не вмешивай сюда свою родословную, на то и человек, на то и разум ему дан, чтобы не сгорать в огне собственных отрицательных страстей, перебарывать свои слабости и не давать завалить себя внешним обстоятельствам. Не понимают его! Хочет, чтобы все его любили, а сам не заслуживает уважения и, что самое главное, не хочет заслуживать. У моей знакомой сын с церебральным параличом. Ни говорить, ни ходить не может, но закончил МГУ, в Америке работал программистом, сейчас в Москве, в Сколково.

– Не сдает МГУ своих позиций, хотя и его потрепала перестройка, – по-своему отреагировала Лена на рассказ Инны.

– Не слишком хвали этот вуз. Тебе еще в свой возвращаться, – пошутила Жанна.

– Ну так вот, как можно ценить человека, который вызывает к себе только жалость и презрение? Не симпатичен мне Кирилл. Кто, как ни женщины, берут на себя самое сложное,

самое трудное в нашей жизни: быт и воспитание детей – и это при том, что они еще и работают. Зачем же на них сваливать еще и мужские слабости? Его логика: если позволяет грузить, если тащит, почему бы не воспользоваться? По его думать, так человечество вообще может сгинуть с лица земли. Вот и сказала ему сухое, не подлежащее жалости:

«Эти оправдания не делают тебе чести, они выдают обычную зависть неудачника к тем, кто добился успеха и попытку выгородить себя, свалить свое отвратительное безволие на кого-то, мифически присутствующего в твоей жизни. Бедный одинокий страдалец! Не очень приятно чувствовать себя лузером?

Ты отдаешь себе отчет в том, что вирусы скромности, застенчивости, порядочности и трудолюбия к тебе так и не привились? Липнет к тебе всякая гадость. Меня от тебя перетряхивает и выворачивает до основания. Вздор несешь, раздутый неумной обиженной фантазией, несвойственной мужчинам. Ты сейчас похож на рака в период линьки. Стоишь тут со своей постной миной и воображаешь, что я изойду слезами от жалости. Одни причитания от тебя слышу: допустил промашку, жизнь прошла впустую, нигде не был, ничего полезного для общества не сделал, пропустил свою минуту славы... И что?

Окружай себя людьми, которые тебя наполняли бы. Выбери себе титульную роль и борись. Мое трудное неудачное детство повлияло на расстановку приоритетов в моей даль-

нейшей жизни. А тебя сломало? Не выставляй на всеобщее обозрение свою никому не интересную натуру. Не пойму, какой смысл ты вкладываешь в свою жизнь? Твое имя «гремит» на всю округу, слава о твоих проделках уже шагнула за пределы нашего города. Я авторитетно заявляю: ты у нас рекордсмен по количеству фокусов на единицу времени, ты мастер пьяного «шика». У тебя свой персональный почерк. Роскошная жизнь, богема! Осталось воспеть в сонетах! Твой принцип: «Чем бы ни прославиться, лишь бы прославиться», да? Геростратова слава. Ты жупел в собственных глазах? Чем бы дитя не тешилось?..

Настоящая слава к тебе не пришла, и ты ее уже даже не изображаешь. Куда подевался твой ум? Оскопили тебя дружки-алкаши, лишили мозгов, и ты подчиняешься тупым зачинщикам всяких безобразий. Вас сплачивает алкоголь? Выпил рюмку, а дальше как пойдет? Не срабатывает самообладание, способное запретить тебе даже думать о бутылке? Между вами престижно считаться дебилами? Позоришь себя.

Посоветуй, что Тине сделать, чтобы они навсегда исчезли из твоей жизни? Из-за тебя ей приходится сносить их смешки и унижения. Ее доброту используешь для собственного обезболивания? А ее кто пожалеет? Она к тебе с открытым сердцем, а ты... никогда не хотел быть таким, каким она тебя видела, представляла. **Или, может, все-таки ты женился из благодарности?** И почему она тебя не оставит? Разве

быть кому-то нужной – фатальная необходимость? Со мной этот номер не прошел бы.

Ты так и не повзрослел с тех пор, как я тебя знаю, так и не вырос из детских штанишек. Все тот же упертый никчемный мальчишка, который не сумел залечить ни свои юношеские раны, ни обиды взрослой жизни. Ни самому себе помочь, ни чужое горе разделить. Также творишь глупости и не делаешь выводов, ссылаешься на судьбу, подчиняешься обстоятельствам. Только дурак дважды совершает одну и ту же ошибку. Соревнуйся сам с собой, побеждай в себе слабости, сам строй свою жизнь, тогда и плакаться не придется. Дверью хлопать просто, а ты попробуй побороться. Прибился к алкашам, довольствуешься бормотухой, разыгрываешь из себя несчастного. Ты из тех, кто не хочет понять, что корень зла в нем самом. Именно поэтому ты не способен придать своей жизни стойкость и смысл.

Такому я давно сказала бы: «Выметайся из моей жизни». Не пора ли задуматься о бренности существования? Так и сгинешь в нищете и тоске. Всю жизнь простонал. А... что я перед тобой распинаяю?! Все равно не дойдет».

«Страху-то нагнала! По твоим прогнозам я давно должен на тот свет уйти», – прорвался Кирилл через мое возмущенное.

«И отправился бы, если бы не Тина. Тысячи вопросов вертятся у меня в голове, только какой смысл задавать их тебе? Требовать от тебя сколько-нибудь вразумительных ответов

– занятие совершенно бесполезное и безнадежное. Твои заурядные избитые фразы не могут претендовать на место в моей долговременной памяти. Ты же даже смотришь без любопытства, с усталым удивлением...

Думаешь, твое «хобби» бросает на тебя ответ некой, с оттенком превосходства, сугубой значимости? Напротив. Ты не задумываешься об умышленной подмене многих понятий в твоей жизни. Ты не живешь, а играешь какую-то гадкую роль в плохом спектакле, тема которого: гордыня – отчаяние – пьянство. Все ошибки уже совершены людьми много столетий назад, а новых тебе не придумать, так какой резон их повторять? Как глупо устроена твоя жизнь! Я ничуть не огорчусь, если за всю оставшуюся жизнь ни разу тебя не увижу, – зло и бесцеремонно продолжала я ругать Кирилла, стараясь совершенно уничтожить его в своих и его глазах».

– Жанна, тебе, наверное, кажется моя жесткая настойчивость странной и неуместной? Это потому что ты рядом с ним не была эти сорок лет. Ладно, допустим плохая наследственность. Ну и что из того? Просто такому человеку надо чуть больше трудиться над своим характером, учиться отвлекать себя от «кислых» мыслей. Только и всего! Но видно ныть и плакать проще, иначе этих плакальчиков не было бы в таком количестве вокруг нас. У них одна отговорка, одно прикрытие: «Призрачно все в этом мире бушующем...» А других слов они не помнят.

Так вот, я говорю, а Кирилл и ухом не ведет. Потом, уло-

вив насмешку в моем тоне, прочистил горло и ответил вяло, но убежденно:

«Будь так любезна, помолчи. Не надо начинать все сначала. У тебя сегодня плохое настроение? Небрежно брошенное слово может сильно ранить и даже разрушить жизнь человека. Наш разговор – изуверская процедура. Давай забудем все, что ты здесь нагородила».

Он даже взял меня за руку, но я тут же ее высвободила и посмотрела на него в упор, слегка ошарашенная выражением притворного раскаяния на его лице. И вдруг расхохоталась ему в лицо. Сама не знаю, как это вышло. А Кир взвился, словно его вздернули на дыбу, шея покраснела, и хотя до кожи лица приступ раздражения пробиться не смог, он снова ринулся в бой.

«Ну что ты триндишь? Не вводи меня в грех сквернословия. Оставь все как есть. Наша перестрелка тухлыми яйцами все равно ничего не даст. С чего это ты вдруг засуетилась, зачем мои пороки вытаскиваешь и выставляешь наружу?»

«Я их выставляю? А разве не ты? Неужели ты думаешь, что я воспринимаю тебя всерьез? Как ты не скрывай, люди в нашем городе знают друг о друге каждый чих. Это не Москва, здесь все ходят по кругу. Не просек?» – возмутилась я.

А он пытливо так заглянул в мои глаза и продолжил спокойно, только чуть дрожащий голос выдавал его настрой:

«Ты как всегда на капитанском мостике. Сама собой лю-

буешься. А выглядит это куда как невесело. Приготовилась нападать? Мысленно злорадствуешь? К чему клонишь? Кому нужны твои разоблачения? Кому нужна твоя чернушная правда? Остынь. Знаю, ты готова растоптать или вцепиться зубами в любого, кто тебе противоречит».

«Лжешь, оговариваешь! На дурную голову споришь. Ты не адекватен. Мной движет простая человеческая забота», – обиделась я до глубины души. Но мой окрик не подействовал.

«Сколько в Инне нерастраченных материнских чувств!» – мелькнуло в голове Жанны.

Кирилл не остановил своих откровений.

«Только мне от твоих пресных обличений ни холодно, ни жарко. Заклеймила, развенчала! А что тебе от скуки еще остается?»

«Из твоих слов явствует...»

Кирилл не дал мне договорить.

«Ты все равно не сможешь навредить мне больше, чем я сам себе. Мне уже нечего терять. Снова решила потягаться со мной до последнего, до победы? Не старайся, не удастся. С тобой я всегда настороже. Боюсь пропустить подвох. Хотя у тебя всегда такое выражение лица, что в плохом... тебя трудно заподозрить. У тебя бывает очень хорошее лицо...»

Не нравится тебе, что я веду лихую жизнь на «радость» некоторым соседям? Надеешься воспрепятствовать?

Ткнешь пальцем, куда придется и понеслась... только мы не на ток-шоу... Опять будешь утверждать, что я казус природы, что жизнь набирает обороты, а я стою на месте, что дни, месяцы и даже годы отлетают незаметно, а моя вообще несется мимо меня опророметью. Да? А еще, что каждый, глядя на меня, думает, что я неумеха и дурак. Но это подстава. На самом деле все у меня при себе и только не хватает... А, ладно, не о том я речь веду...

Думаешь, заставила меня сконфузиться, «оприходовала» на свой лад? Ты неправильно интерпретируешь мою жизнь. Она не бесцветна. Одно скажу точно: что-то не клеится у нас с тобой разговор. Я многое от тебя могу снести но... не старайся, не возьмешь меня нахрапом. В гробу я видел твои проповеди. Наша дружба не дает тебе право издеваться, подминать под себя, командовать мной. Или тебе таким образом надо иногда сбрасывать с себя старую змеиную кожу?.. Удружила! Вопли соседей опостылели, а тут еще ты!.. До крови ты расковыряла мою душу своими нападками. Причитаешь, считаешь...»

«Если во всем искать подвох, какое же это счастье?.. Не получается у них диалога. Не чувствуется солидного опыта у обоих в этой сфере деятельности. Монологами обмениваются. Не слушают друг друга. Каждый свое торопится высказать», – отметила про себя Жанна. – Инна всю их ссору вознамерилась пересказывать? А когда к сути перейдет?»

«Сместим нашу дискуссию в другую сторону? Я уже в

процессе. Как твои-то собственные дела? Чем расширяешь горизонты? За последний год ты ухитрилась ни разу не зайти к нам. Чем ты озабочена? Мне остается надеяться, что у тебя, лично, все в порядке», – миролюбиво «пропел» Кир.

Лицо его при этих словах как-то сразу осунулось. Его голосу недоставало убежденности. Он опустил глаза, чтобы не встретиться с моим презрительным взглядом, чтобы я не смогла прочесть в них его мысли. Он судорожно попытался перевести разговор на мои заботы, но не преуспел, отчего пришел в неистовство и снова принялся громогласно жаловаться. Меня разозлили его фальшивые потуги интересоваться моими проблемами. Дело было даже не в его неискренности, он ее давно растерял. Надеюсь, что я поверю его словам, он пытался выставить меня дурочкой? Кого хотел надуть? Меня! С тем же успехом он мог бы попробовать обмануть начальника милиции своего района. Презренный червь... И я вовсе потеряла терпение.

«Ловко меняешь тему. Не переводи стрелки. Не беситься и в дурь не лезть ты не можешь? Что ты передо мной как клоун на батуте выделываешься? Взгляни на свою жизнь трезво. Совсем с головой не дружишь? Путаешься... Твоя душа состоит из одних противоречивых желаний. Разброд, сумятица у тебя в башке. Не хватает смелости выложить самому себе всю правду до конца? Покайся. Понимаю, легче живется, не вникая, не задумываясь. Боишься понять самого себя, потому-то и потекаешь своим слабостям? Эгоизмом ты хорошо

защищен от ударов судьбы.

Знаешь, я поначалу думала, что Тина стояла за твоей спиной, а выходит, ты всю жизнь за нее прятался. Что, правда безжалостна? Сколько возможностей и интересных поворотов судьбы упустил! Эх, задать бы тебе хорошую порку! Раньше к вам по старой памяти иногда заходили общие знакомые и друзья, а теперь я последняя, кто по недоразумению не избегает контактов с тобой и зла не держит. На фиг ты мне сдался. Мне ну прямо-таки, нечего больше делать, кроме как с тобой ругаться и наставлять. Не горю желанием время на тебя бездарно тратить. Мне что, больше всех надо? Мне проще молчок в кулачок, и не выяснять из-за чего сыр-бор у вас поднялся, чтобы не улаживать твои бестолковые дела».

«Крутой замес критики!» – подумала Жанна отстраненно и устало.

«Ты же душу продаешь за рюмку водки. У немцев руки отрубали за воровство, а таким как ты головы сносить надо. Медленно, но верно губишь Тину. Ты же не просто рубец, ты рана несовместимая с жизнью на сердце жены. Нет, я понимаю, любви без жертвы не бывает, человек должен отдавать тому, кого любит. Но счастье редко выпадает даже на долю любящих! А если один из двоих не способен любить... Ушел бы ты, а? Помнишь, как счастлива была Лина без Жорки? Какой покой обрела! Летала!

Боишься остаться без няньки-благодетельницы? Засвиде-

тельствуй ей мое нижайшее... Тебе лестна ее забота? Она не приедается. А кого ты любишь, бережешь, на кого не позволяешь косо взглянуть, защищая кого, даешь отпор? Только обижаешь. Ты же себя любишь, не правда ли? Ха! Мощная яркая индивидуальность! Стержень любой личности – воля. Ты сумел подчинить себе Тину? Тоже мне Наполеон! Любя, она сама идет тебе на уступки, сама сдается. Это еще куда ни шло, но ты не ценишь жену! А человеку необходимо, чтобы его жертва была нужна и оправдана. Ты нисколько не прогадал... не правда ли? – ехидничала я. – И когда это ты, бесчувственный тиран, дошел до мысли, что имеешь право жить, как тебе заблагорассудится, не считаясь с любящей тебя женщиной, ни во что не ставя ее чувства и желания? Парадокс реальной жизни! Слабый, беззащитно неблагодарный измором взял верх над натурой более цельной и глубокой, – «ласково» так, через силу, ворковала я. – Давно я исчерпала потребность в общении с тобой. К слову сказать, наши отношения всегда были натянутыми, из-за Тины терпела тебя, а сегодняшняя встреча может окончательно лишит тебя моей дружбы. Представь себе – расстанусь без сожаления. Никому ты не можешь подарить ни счастья, ни добра. Взгреть бы тебя, давным-давно завязал бы. Своей выгоды, дурак, не понимаешь. Хотя... понимаешь... иждивенец чертов. У тебя же к Тине не любовь, а гастрономический интерес. Тут ты, как говорится, всегда в первых рядах... Он, видите ли, так устроен! И теперь у тебя, отщепенца, как говорится, финал

один: либо утопиться, либо застрелиться. Финита ля комедия. Долго не протянешь... Он, видите ли, совладать с собой не может! Слизняк».

«А вдруг Кирилл поймет ее буквально? – вздрогнула Жанна. – Нет, он слишком себя любит. Сколько же в Инне накопилось обид на своих мужей и вообще на мужчин, если она так долго и мучительно изливала их на Кирилла?! И сейчас, многократно повторяясь, она продолжает высвобождаться от тоски и неудовлетворенности».

«А Кир мне с испугом: «Тебе было знамение? Ты можешь толковать знаки, которые явил сам... Всевышний? Противясь очевидному, я...»

Что-то в голосе Кира убедило меня, что он не шутит. Я возмущенно перебила его и рассмеялась: «Дурак. Совсем свихнулся. Я усматриваю в твоих словах несомненный факт того, что ты питаешь пристрастие к темным силам. Для полного «счастья» тебе только их не хватало?». Несмотря на раздражение, я пыталась говорить с ним достаточно спокойно и насмешливо.

А Кир забубнил:

«Я не метафорически, буквально. Понимаешь, у каждого человека есть метафизический долг, не связанный с социальными заморочками. Я знаю, каждый обязан не поддаваться негативной среде, куда его забросила судьба, биться с несправедливостью мира. Но мне ни талант, ни трудолюбие не помогают ничего изменить. Никто не может вырваться из

сетей рока. Если только обмануть...»

«Это твоё отчетливое философское заключение или даже мировоззрение? – недоверчиво и насмешливо протянула я. – «Есть многое, на свете друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам», то, что нам не подвластно? Ну, и конечно. «Над вымыслом слезами обольюсь...» С каких пор ты стал суеверным?» Новую отмазку своей лени придумал? Давно или только сейчас?

«Мистика и суеверие – не одно и то же».

«Мистика это не то, чего нет, а то, что наука пока не может объяснить».

«Это то, что влияет на нашу жизнь, но мы ничего не способны с этим поделать, потому что человек до конца не является хозяином своей судьбы», – упрямо повторил Кирилл.

«Допускаю, что опять пытаешься оправдаться, сваливая свой грех бездеятельности на мистическую силу. Я не верю в рок. Плохие люди гробили мою личную жизнь, но я сама их выбирала. Другие мешали в карьере. Всякое случалось. Но я боролась. А ты сам себе все испортил. Люди, которые не умеют любить утверждают, что любовные да и прочие грешки украшают им жизнь. Какая гадость... У жизни нельзя выиграть в карты. И счастья требовать у Бога не стоит».

«А бессмертия?»

«На Земле или после жизни? Я не понимаю необходимости бессмертия для человека на том свете. Чем он там должен заниматься? По религии там за гранью копится всё хо-

рошее и плохое. Души всех усопших «плавают» в одной биосфере. И ничего уже не изменить. Мы здесь, на земле обязаны жить достойно и остаться в памяти близких людей чем-то хорошим. Когда борешься, стремишься чего-то достичь, тогда и ощущаешь свою суть: хорошая она или подлая. Я хочу жить до тех пор, пока смогу себя обслуживать и делать что-то полезное для своей семьи. А потом попрошу у Всевышнего легкой смерти. Если человек будет бессмертен, то никакого геройства и самопожертвования в жизни у него не будет. Люди не будут жалеть и беречь друг друга».

«Ты права: жить бесконечно больным и издерганным – невелико счастье», – заметил Кирилл.

«Будет ли у них там стимул к занятиям наукой? Каждый для себя сам решит, жить ли ему в умственном благоденствии или червем?»

«Опять у тебя вопросы морали выступают на первый план?»

«В этом твоя загвоздка?»

«У каждого в душе свой демон. Иногда думаешь: невероятно, чтобы всё так повернулось... Но ведь поворачивается! Каждый человек сталкивается с тем, что он... не один, что его кто-то ведет».

«К плохому? Эти мысли у тебя от бессилия и от отчаяния».

«Не мелочись, будь щедра. Скажи уж сразу, что от зависти. Что зависла?»

«В тебе говорит язычество, верования наших далеких предков. А это старая пыльная кладовая. От суеверий до веры далеко... На левом плече ангел, на правом бес-искуситель. Куда повернуть? Так что ли? Еще Гераклит утверждал что-то вроде того: «Человек не может знать своей судьбы и приписывает это внешней силе. А она в нем, в его характере». Представляю себе: сидит на небе бородатый Бог и указывает... Это как-то унижительно для моего сознания и интеллекта...

Разве не может быть нравственности без Бога? Нас кому будет наказывать? Кто станет обрезать нить, на которой висит дамоклов меч наших несчастий? Нельзя в наших мелких делах каждый раз апеллировать к Богу, – возмутилась я. – Возьму на себя смелость заявить, что мы сами себя наказываем и те люди, которые нас не любят. Если есть Бог – Высшая непознанная нами сила, – то Он, прежде всего, творец. И от нас Он требует того же. Бог – это свобода выбора и ответственность за этот выбор перед собой, близкими и обществом. Человек обязан жить осознанно. И это самое главное, что должен понимать каждый. Об этом надо чаще напоминать людям, чтобы не сбивались с пути. Свобода имеет границы, а воля нет...»

«Какая умная! Памятник тебе пора ставить. Перейдем на «вы»? Это твое послание потомкам?» – с усмешкой прервал меня Кирилл.

«Их у меня много и они все давно прописаны в Библии», –

серьезно ответила я.

«И в конце твоего заявления – блистательный росчерк пера гения! Я так и представляю витиеватую вязь букв твоего почерка!» – Кирилл не мог не закончить издевкой.

«Тебе память подсовывает только это? – не уступила я ему права последнего слова.

И он сдался. А может Кириллу потребовалось некоторое время, чтобы до него дошел весь смысл нашей беседы, и потому момент, чтобы ответить мне, был им упущен.

И снова голос Инны вывел Жанну из печальной задумчивости:

– Потом Кирилл опять разразился обидами на жизнь. Он истекал слезами. И в этом уже было совсем что-то бабье...

– Наверное, со стороны эмоциональная свистопляска наших препирательств выглядела так, будто мы буквально глотки друг другу готовы были перегрызть, а я просто ратовала за скорейшее улаживание всех проблем. Я готова была подписаться под любым решением, лишь бы оно служило им обоим на пользу. Я же не ожидала, что эта с моей точки зрения наша пустячная размолвка будет иметь далеко идущие последствия и Тина чуть ли не возненавидит меня, мол, непредусмотрительно было с твоей стороны... И только ее молчаливая покорность судьбе спасла меня от полного краха нашей дружбы.

Потом Кир, собрав черты своего лица в маску какого-то

религиозного добросердечия, ответил мне:

«Не сердчай. Помилосердствуй! Просто так, из чисто дружеского расположения, ты не можешь помолчать? Раньше с тобой были возможны абсолютно прямые честные разговоры, а теперь ты рада моим страданиям? Приструнить меня решила. Бьешь в самую больную точку? Вершишь надо мной суд? Воображаешь, что на многое глаза мне открыла. Думаешь, от твоих резких слов «новая заря оптимизма» восстанет надо мной? Грозовые тучи руками разводишь? Хочешь оснастить меня новой судьбой? Бизнес предложила. Конечно, «я ищу не вашего, а вас». Героиня. Счастье-то какое привалило! Звучит помпезно. Тебе и сейчас хочется поменять весь мир? Ты до сих пор в душе Жанна д'Арк или та, что из «Унесенные ветром»? В восторге от себя? Не взлетай, могу не поймать. Ты веришь, что в конце каждого отрезка судьбы люди должны поднимать свечи надежды? Не спеши радоваться. А исковерканную жизнь куда девать?.. И ведь как ни поверни, выходит, я всюду виноват... Видно горя настоящего в твоей жизни не было. Над погибшей кошкой только и плакала...»

И это он, стервец, говорил мне?!

«С твоей точки зрения я должен заново учиться жить согласно открытым мне тобой истинам? У тебя появилось непреодолимое желание окунуться в структуру моего видения, узнать мою точку зрения? Ты на это особенно нажимаешь? Интуиция тебя подвела. Это не тот случай невероятно-

го везения, который может выпасть человеку раз в жизни и в который он сам сначала с трудом верит и потому часто теряет. Я свое счастье давно упустил. И ни слова больше... Ненавижу стилизованные чувства. Да, я вру легко и вдохновенно. Пойми, когда пьян, я не стесняюсь своей людской породы, весьма далекой от совершенства и всяческих приличий. Я не уважаю себя, но и не презираю, потому что бываю в эти моменты печален, но по-своему счастлив. Так вот, дорогая».

Я заговорила на повышенных тонах, а Кир разозлился:

«Ну вот, опять двадцать пять! Снова занесло на торную дорожку нотаций? Ты помешана на благопристойности. С каких это пор? Ах, этот твой тревожно-волнующий голос!.. На фиг мне твои разглагольствования. Не нуждаюсь в твоих ремарках. Тоже мне, третейский судья!.. Не жду я ничего хорошего от жизни, обработала она меня давно по-своему.

Загубил я свою жизнь во имя своеобразно понятой справедливости, во имя несчастной любви. Моя жизнь – заблуждение, она обеднена, выхолощена до предела, она давно не чувствует и не вбирает звуки неба... Меня никто не любит и это вполне справедливо. И теперь мне не нужна совесть, выносящая приговор, – упорствовал Кир. – С точки зрения Тины, через страдания человек приобретает совершенство. Что же я получил от своих страданий?»

«Тебе так и не пришло осознание ценности и неповторимости человеческой личности. А она, прежде всего, в дееспособности. Работаешь для счастья – оно есть, не работа-

ешь – его нет. Я ничего не жду от жизни, я живу. Тебе не хватило ума понять, что жизнь – это единственное чудо?

– А у меня она не задалась. Я прошел дорогу надежд, разочарований, горечи и краха. Может, я чего-то недоучел... Понимание и осознание приходит тогда, когда должно прийти. Кому рано, кому поздно».

«А кому-то оно вообще не является. Так и сидит где-то в подсознании, застряв там навечно. Плачешься! Никому не удастся пройти только вдоль белой полосы. Желчи за жизнь накопил много, а мудрости – нисколько. Одни красивые слова. Так и не образумился, несмотря на благие намерения, а еще пытаешься решать загадки человеческой индивидуальности. Ни вдохновенной пылкости в тебе, ни умной сосредоточенности. Человек серьезных намерений не станет понапрасну расплескивать свой талант. Пустозвон ты бесхребетный! При твоём уме ты – охламон и беспардонный дармоед. Надо бороться. По-другому в этой жизни не получается. Воображаешь, что тебе предстоит убедить меня в обратном?»

«Скоро ты на выводы. Тебя не смущает категоричность скороспелых суждений? Твой психологический террор не может служить справедливости. Ради красного словца ничего не пощадишь. На фиг мне твои грубые пассажи».

«Зато ты у нас тонкий, одухотворенный, ни к чему не способный лирик, превозносящий свои порочные наклонности. Если у тебя депрессия, стихи учи. Мне помогает. Только не бездействуй!»

«Возложила на себя ответственность за меня и Тину? Все это социалистические глупости – вера в идеального человека. А я потомственный алкоголик, и список моих несчастий можно продолжать бесконечно. Вот и пролил я свет на свою предысторию... Я не готов был стать пасынком, точнее, верным сыном своей родословной. Думал, выучусь, оторвусь от своей семьи, как сыр в масле буду кататься. Катил, катил камень своей судьбы в гору, да так и не втащил на вершину. «Всё проходит, как проходят Азорские острова». Помнишь, в юности мы любили так говорить.

Не хочу больше выворачивать свою душу перед тобой. Не агитируй меня на подвиги, не разрушай мою последнюю цитадель. Не сумел я распорядиться своей жизнью, но другую у Бога не позаимствуешь. Нет у меня особых иллюзий по поводу возможности чем-нибудь помочь себе. Говорю это в здравом уме и полной памяти. Я обречен, все равно осуществится давно предвиденное. Я уже дошел до точки невозврата. Мне некуда себя девать, меня здесь уже ничего не держит. Ничто не может изменить моего подлого ползучего существования. Мне расхотелось жить, незачем идти дальше, там все равно пустота. Поздно, не вписался... Хоть в лепешку разбейся. Это возмездие за мою самоуверенность. Иногда кажется, будто жизнь мне дали, а в главное забыли посвятить. Слишком велик счет, предъявляемый мной к самому себе.(?) Где-то в темных уголках моей души мой собственный голос вполне отчетливо и с каждым разом все громче

требует уйти из жизни... (Где-то я нечто подобное уже слышала.)

Ну и так далее все в том же невеселом духе».

Договорил, нахохлился и посмотрел на меня с каким-то последним, горьким отчаянием. Потом злая усмешка исказила его лицо, оно стало совсем старым. От жалости к этому потерявшемуся во времени человеку у меня вновь заныло сердце, мне захотелось встряхнуть его и тем защитить.

«Трудно познавать новое? Знание порождает осторожность, но не бездействие. В жизни надо чаще и глубже нырять в неизвестное, тогда будет интересно. Знаю твое ироничное отношение к умным женщинам, считаешь, что они умничают, лезут в глубокомыслие... Просто я привыкла до конца разрешать любые проблемы, за которые берусь. А тут примитив по первому слою понимания жизни... Ладно, не накручивай себя, не оговаривай, не ищи себе новой вины, не добавляй к той, что на виду».

«Наконец ты взяла нужную ноту», – оживился Кирилл.

«У тебя психология пораженца. Держись, – продолжила я. – Помнишь, на нашем курсе был смешной парнишка: маленький, шустренький, в очках с толстенными линзами. Читал, поднося книги к самым глазам. Так ведь никогда не терял присутствия духа, с юмором относился ко всякого рода проблемам. Активно жил. У него даже много раньше, чем у других ребят появилась девушка. Сумел же встроиться в жизнь! Говорят, что-то там даже изобрел особенное, неожи-

данное».

Но Кир скривился как от зубной боли и опять заныл, мол, не продолжай, я все понял. Давай не будем портить впечатление друг о друге... И поехал по кругу. Тут я снова взвилась:

«Как же я устала от тебя! Ой, прекрати, не пугай, я тебе не Тина. Не жди, что соизволю снизойти до твоей глупости. До сих пор не созрел до идеи взять реванш?»

Я не могла не рассмеяться, вспомнив его фокусы. Рассмеялся – надо отдать ему должное – и он. Не ожидала я от него такой реакции. Странно это как-то прозвучало. Будто мы с ним в театре: он на сцене, а я в зале.

Потом он стоял передо мной как в воду опущенный, весь скукожившийся и размышлял о чем-то, явно не доставлявшем ему удовольствия. Наверное, думал: «Испугалась? Ничего, толика мрачного юмора, тебе, Инка, не повредит».

Я, глупая, расчувствовалась, в какой-то момент, мне даже захотелось попросить у него прощения за резкость, за то, что задирала... Жанна, ты представляешь, сначала он плакался, а потом – я и глазом моргнуть не успела – стал ехидничать над моими словами сочувствия! Я жаждала услышать от него признания в своей ничтожности, а он уклонился от диалога. Переиграл меня.

«По большому счету издеваться и смеяться, опускаясь до пошлости, можно не над всем. Не всего можно касаться. В некоторых случаях должна быть грань, через которую нельзя

переступить. Но на каждый роток не накинешь платок. Мы, слушающие, сами поощряем таких... юмористов или скептиков. Прости, Кирилл, за вторжение в твою жизнь. Я редко выбираюсь на сходки. Мне не безразлична твоя судьба. Инна перегибает в своей излишней прямолинейности и эмоциональности. Так и хочется выставить ее из нашей интеллигентной компании, но поскольку я здесь не хозяйка, а гостя, то вынуждена терпеть ее присутствие, – сама с собой рассуждает Жанна. И тут же строго обрывает себя: «Никто меня не заставляет ее слушать».

«Боже мой, до чего же не однозначна эта первая любовь: и любишь, и ненавидишь, и оторвать от себя не можешь, – с грустью, но как-то отстраненно, будто бы не о себе, подумала Жанна. – Конечно, для подобного поведения Кирилла можно было бы придумать много объяснений и оправданий, но что-то ни одно не приходит мне на ум за исключением очевидного: он несчастлив. Парадокс тут в том, что он не любит и не уважает Тину за то, что она ему все прощает. Жена, которая каждый день перед ним, не может быть музой, вдохновительницей. Она должна быть абстрактной. И что накачивает в этой связи?... А ведь Тина, как и всякая из нас, тоже, наверное, мечтала об особой, деликатной культуре отношений в семье, надеялась купаться в любви и заботе и самой на максимум отдавать... Может, она особо любит Кирилла потому, что он трудно ей достался? Как мне сын... Но из-за такой малости позволять себя унижать?»

Как мы по-разному оцениваем один и тот же факт! Помню, Кирилл сказал мне: «Тебе со мной стало скучно? Но на ком-то ты все равно должна остановиться». Я думала, он понял, что должен расти, стремиться для меня быть на высоте, а он, оказывается, был поражен и обижен тем, что я посмела его такого прекрасного оставить, и из самолюбия попытался меня удержать. Характер отвечает за личностное поведение. Душещипательная история! Первая любовь! Все горячо, все воспалено... Раны давно зажили. А казалось, никогда и ничем не унять эту боль... Но я даже не рассматривала этот вариант.

...Будучи слабовольным и не способным жить без сильной поддержки, Кирилл опустил чуть ли не до уровня бомжа. С кем бы он мог почувствовать в себе силу необъятную?.. А каким уверенным выставлял себя тогда, в нашей компании!.. Но видно уже тогда у него была серьезная база для такой линии жизни.

На одной привычке и привязанности далеко не уедешь. Но кого же он тогда любит? Себя? Не велика у него даже эта любовь. Знать туда ему и дорога? Но как ужасно!.. Человек не сумел достойно выйти из ситуации... и что теперь?.. Изгнать из памяти...

Вот чего бы я не хотела, так это встретиться с Кириллом. Мое мнение о нем колеблется между отвращением и симпатией. Не хочется окончательно разочаровываться. Хорошо, что тогда мы не сошлись с ним близко... Но не всегда для

него существовал закон: чем проще, тем лучше, была в нем какая-то изюминка. А может, все же взглянуть на него одним глазком, хотя бы для того, чтобы убедиться, что Инка «заливает», а не попытается проникнуть в смысл его существования, не стремится найти «трассирующие пули»-несчастья, сгубившие человека, чтобы чем-то помочь?»

Жанна опять искала оправдания Кириллу. Она хотела сгладить в своей душе впечатление, произведенное рассказом Инны. Ведь в данном случае главное – заставить себя поверить в лучшее, а истинно это или нет – какая разница!.. «Некому поднять опавшие паруса жизни. Даже ветер надежды не шевелит их...» Какие прекрасные слова он раньше произносил! «Любящие должны не друг на друга смотреть, а в одну сторону». «Ты не можешь заменить мне мир, но и мир не может заменить тебя!» Говорить умел, но глубоко не задумывался о смысле своих слов, не вникал, не применял в своей жизни? Видно ни в мыслях, ни в своих заключениях о жизни далеко не заходил.

...Выходит так и провисел на подножке своей жизни... как медаль на груди у Тины. При жене прожил, никогда не чувствовал себя полноценной личностью, предпочел синицу журавлю. Мирился с собственной посредственностью. А раньше считал себя любимцем Фортуны! Не преуспел, сам себе запретил заходить за флажки. Так и не уразумел своего предназначения... Фу! Как мерзко. Просто наизнанку выворачивает от одной мысли о его падении... Да и то сказать: на

подвиг достойной жизни способен не каждый. Что старое-то ворошить? Чудо перерождения с ним уже не произойдет. И детей он наплодил таких же никчемных?

А в мозгу-то у него всегда звучали литавры, извещавшие о его великих мечтах. Казалось, они упорно звали его к победам. Так какая же у него основополагающая черта характера? И почему мне запомнился его раздраженный, упрямо-капризный взгляд в тот день, когда мы распрощались навсегда? Хорошо, что я тогда выдержала, не стала его жалеть, успокаивать, не пошла на попятный. Он был груб со мной, его поведение граничило с насилием. Моему терпению пришел конец... И это стоило ему потери моей любви. Он был красивым? Взгляд приковывали особенности поведения, и лица его я уже не замечала.

А Тина? Представляю: его требования превышали пределы разумного... Она считала счастливыми те дни, когда муж не пил, не орал, не оскорблял. Такова была ее жизнь? И никакой отдушины, и ничего взамен?.. А ведь каждого можно за что-то поблагодарить. Это путь к гармонии, – привычно изживая боль в душе, печально думала Жанна. – Остается прикрыться шуткой юмориста Семена Альтова: «Она его ни о чем не просила. Он ей ни в чем не отказывал» Внешняя обертка, обормление юмора от поколения к поколению меняется, а суть его остается прежней».

– И что, помогли твои угрозы Кириллу? – спросила она Инну, очнувшись от воспоминаний.

– Куда там! Не сложил оружие передо мной старый закоренелый алкаш. Уперся в мою физиономию поблекшими презрительными глазками и ахиною понес с перекошенным от злости лицом. Потерял самообладание, прямо-таки зашелся в крике, борясь с постыдным желанием ударить меня. Мол, был бы у меня ключ от квартиры, неужели я бы стал торчать здесь и выслушивать твои бредни о позорных результатах моей жизни, о том, что здорово влип? Мол, маленькая, а такая беспощадная... напалмом сжигаешь. Забыл Кирка, что я не Тинка, чтобы слюни ему утирать. Конечно, не зная за собой вины, я обиделась.

Потом Кирилл опять старую бодягу тянуть принялся. Говорил медленно, словно каждое слово давалось ему с большим трудом. Развернул передо мной свой очередной «походный алтарь» жалобщика на судьбоносные превратности его несчастной жизни. Видно, у него их в загашнике на все случаи жизни хватало, и он их под любого слушателя подстраивал. И опять он не говорил о страданиях, которые выносила его жена за годы их совместной жизни, только себя любимого жалел, а остальных грязью поливал... Ни породы в нем, ни благородства, ни элементарной порядочности...

Я не вникала в Киркины «слюни» и «сопли». Вернее от злости не слышала, только видела неутомимое в своей ненависти лицо, немо жующие вислые губы и ощущала, как совершенно произвольно по моему лицу струилось непередаваемое выражение «ласково-восхитительной нежности».

Начала ехидничать, «крестить» его и к месту, и не к месту, с неожиданной мстительностью в голосе. Жестокость зазвучала в моем голосе. Разошлась, спасу нет. Словно решила поквитаться с ним за все плохое, что сделал он моей подруге. «Ты – говорю, – е– гад, ушиблен на всю голову! Тут я, правда, запнулась, почувствовав, что с языка сорвалось совсем уж неподходящее для женщины слово, но все же продолжила его чихвостить. Мол, твоей жизнью управляют абсурд и нелепица. В ней ничего нельзя до конца объяснить. Ты – главный персонаж кошмаров жены. Твое место в психушке. Ну и все такое... А он мне: «Два психа под одной крышей – не слишком ли много?»

Представляешь, Жанна, самопожертвование и верность считал отклонением от нормы! Дебил.

А я ему: «Скажи как на духу, ты любил когда-либо Тину? Нет, конечно. Ты молчишь, потому что тебе нечего возразить.

А он мне с нескрываемой холодностью: «Любовь, добро – ложные идолы!»

«И кто ты после этого, и как прикажешь тебя понимать? Ты расчетливо смешивал Тину с грязью и принижал, а сам, по всей видимости, даже не совсем ясно представлял сокровища ее души. Что ты мог выжать из своей, черствой? Как ты посмел на ней жениться? «Я-таки докажу, что умнее ее!» Да? Доказал? И назвать твою карьеру блистательной ни у кого не повернется язык. Ты довольно скоро и с успехом похоро-

нил в вине свою заинтересованность наукой. Она стала для тебя непозволительной роскошью. Куда пропала твоя энергия ненасытного самоутверждения, которая, как ты считал, сгубила тебя? То были одни пустые эмоции. Тебя раздирали противоречия. Ты мучился от своей неуверенности или от самовлюбленности? Не раскаиваешься?» – орала я, не в силах больше сдерживаться.

А Жанна слушала Инну и молча вздыхала:

«Что она пристала к Кириллу с наукой? Есть люди, не отмеченные Богом. Они работают, воспитывают детей, чем-то увлекаются. Их жизнь не пошлая, а настоящая, достойная. В ней заключена цикличность процесса жизни на земле. А любой талант элитарен. Это всегда что-то новое, что диктует Господь через человека. Он показывает, как надо жить, куда двигаться? Человек за талант платит Богу бескомпромиссностью. Вспомни социальные смерти многих из них... Эффект присутствия личности, понимание таланта притягивает к нему! Но не всем он оказывается по плечу. Его могут перехватить темные силы».

«Любое творение Природы прекрасно, а деяние рук человеческих может быть и уродливым... Сначала люди были полностью орудием Бога, потом произошел разрыв связей с Ним. Но мы всегда будем искать те нити, ту разорванность сознания... Нас всегда будет волновать вопросы: «Кто мы?», «Что там... за гранью?» И мы всегда будем стремиться в места, которые счастливо миновали присутствие человека», –

пробубнила она себе под нос.

А Инна продолжала возмущаться:

– Получил он от меня выволочку по первому разряду. Я кричала от бессилия, от обиды на свою неспособность помочь им обоим. В голове я желала Киру такого, что боялась додумать свои мысли до конца. Озвучу самую простую: «На месте Тины я надела бы на Кирку корону из рогов. Но она же святая! Живет тихо, замкнуто, даже в гости к подругам не ходит, отговариваясь тем, что не любит больших компаний. На самом деле стыдится, что станут спрашивать, а похвалиться-то нечем.

– Святые жены не интересны мужьям, не ценят они их, – усмехнулась Жанна.

– И ты так считаешь? Твоя позиция в этом вопросе намного сильнее моей, – удивилась я. – В общем, я опять в который раз накинулась на Кирилла:

«Мои тебе поздравления – ты лучший среди самых худших! Как бы не храбрился, в моих глазах, ты – ноль. Ничемный, неприспособленный, ленивый, невыносимо глупый фантазер, сгусток пустого, неоправданного тщеславия! Что бровями-то играешь?»

Я все отрицательные эпитеты собрала, характеризуя его. А он мне в ответ, будто через силу: «Не надо мне читать проповеди, в этом я и сам мастак».

Инна, коротко поразмыслив, видно решила оправдаться

перед Жанной за свою вспышку гнева:

– Я сама была смущена охватившим меня бешенством, но, честно говоря, видя растерянную физиономию Кирки, я испытывала непередаваемое удовлетворение и в тот момент не чувствовала неудобства от своей грубости. Знаешь, никто с нашими теперь нервами не застрахован от срывов. Ведь как бывает: бьешься, бьешься, хочешь помочь, а тебе брезгливо фигу под нос подсовывают. Но все же я больше не стала испытывать его терпение и сама умолкла.

«Вскользь брошенные замечания-клише в большом ходу у обоих», – подумалось Жанне.

– А Кир попытался не услышать моих «комплиментов», не заметить моего презрительного жеста и отвечал мне с ошарашивающей откровенностью: мол, живешь с победным ощущением, богоравная моя.

У меня аж глаза на лоб полезли. Ну и я соответственно... Он, конечно же, не стерпел, тоже вспылал, порывисто замахал руками, пытаясь протестовать. Жутко вспоминать, какие начал выписывать передо мной кренделя, остервенело вихляя тощим задом, колотя руками воздух и выкрикивая при этом пространные, обескураживающие неуместные возгласы. Как ненормальный вел себя. Я перепугалась, думала, он из ума выжил. В немом изумлении наблюдала эту странную картину. Его сходство с сумасшедшим было воистину поразительным и, по моему глубокому убеждению, вполне намеренным. Он не впал в ярость, а, по всей видимости, прекрас-

но играл. Сцена достойная театральных подмостков! Он не смотрел мне в глаза. И я тогда лишний раз убедилась, что нет смысла вразумлять человека, который не видит дальше своего кончика носа».

«В характере Кирилла присутствует одна из разновидностей темперамента с протестной компонентой. У них обоих привычка выражаться недомолвками и загадками, говорить невпопад, ни к кому не обращаясь, бесцеремонно вторгаться и прерывать собеседника, не стесняясь, обзывать друг друга самыми последними словами. Собственно, в этом они очень схожи и стоят друг друга. Такие люди никогда не находят общего языка», – размышляет Жанна, успевая одновременно внимательно слушать и разглядывать бывшую сокурсницу.

Инна говорила раздраженно, нервно поправляя отороченный прелестными рюшами, глубокий вырез своей яркой блузки.

«А у нее утонченный вкус, – призналась сама себе Жанна. – Почему она до сих пор не переделалась в пижаму?.. Когда-то Кирилл быстро завладел всеми моими мыслями... Если жена его прощает, может и мне простить ему наше прошлое: мои наивные попытки перевоспитать его, мою постоянную боль в течение почти двух лет, его ложь... Я, в общем-то, уже почти не сомневаюсь во многом, о чем говорила здесь Инна, но ее милосердие остается под большим вопросом».

Наш разговор неожиданно натолкнул меня на мысль, что

Инна со стервозным смешком и обо мне может порассказать много интересного... мне самой неизвестного. Не пощадит, еще одно очко зачтет в свою пользу. И я усматриваю в этом угрозу моей спокойной жизни... как тогда, много лет назад. Мало ли чего она может подразумевать под тем, что ей известно. Тем более что, судя по всему, она была тесно связана с компанией Кирилла. Но что бы она ни думала на мой счет, ничего серьезного, слава богу, у меня с Кириллом не было.

Как я теперь понимаю, он не любил, играл в любовь даже когда полный безумного обожания стоял передо мной на коленях. Тогда это модно было. По всей видимости, просто хитрые сети-уловки расставлял. Еще не знал, что всемирный ньютоновский закон – закон притяжения, – хотя и в нескольких других коэффициентах, распространяется и на людей. А я-то, глупая, боялась, что он будет сильно переживать из-за нашего разрыва. И в самом деле, было бы о чем переживать... Инка станет сводить счеты с прошлым? Но Кирилл ей не нравился... А что, все равно может натрепаться, терять ей нечего. Она же, как всегда, в опале», – обеспокоилась Жанна. Но уже через минуту, слегка досадуя на себя за глупые страхи, посмеялась над собой: «Ученые открывают новые планеты, исследуют особенности генов, решают глобальные проблемы, а я пытаюсь разобраться в характерах людей, которых не видела несколько десятков лет. А мне это теперь нужно?»

Голос Инны опять привел Жанну в чувство:

– ...Спыхватился Кир, обнаружив, что издеваюсь над ним, да еще и угрожаю, затрясся весь от злости, схватился за голову и взмахом ладони дал понять, чтобы я замолчала. Потом сделал отсылающий жест кистью руки: мол, тяжело мне, уйди... уйди от греха подальше. Артист чертов. К нему будто неожиданно вернулась студенческая привычка пугать своим поведением преподавателей. Он думал, что я разрешу ему безнаказанно душить мне голову. Не на такую напал!

Сначала хотела не упустить случая, поставить «артиста» на место, мол, «актерских брызг неавторская речь!» Потом пожалела себя. Испугалась, что вдруг на самом деле его удар хватит, тогда проблем с ним не оберешься. Обеспокоила тревожная изменчивость его лица. На нем то страдание, то отчуждение... Сообразила, что пора уходить, не то могу броситься на него с кулаками. Пришлось задушить в себе «юношеский» максимализм, отбросить жеребьячий энтузиазм доверчивой юности, который иногда еще пробивался сквозь «седины» моего возраста, и взять себя в руки. Подумала, что не хватало мне еще сцепиться с Киркой врукопашную. Представляю, как бы я со стороны смотрелась: злая, стервозная, с выпученными глазами. Хотя моя неспособность сдерживать в тот момент свой порыв была бы вполне простительной и оправданной, ведь крохотные молоточки у висков давно били тревогу, и на шее угрожающе пульсировала вздувшаяся вена... Я не желала подставлять этому дураку ни левую, ни правую щеки. Я не сторонница цирковых представлений с

моим участием, хотя по фигуре – как утверждают злые языки – немного похожа на змею, – дрогнувшим, со слезой то ли от обиды, то ли от грустных воспоминаний, голосом добавила Инна. – Нет, решила я, таких дополнений к нашему с Киром «променаду» я не выдержу.

– Инна, кончай «травить», я устала. Совсем запуталась, пробираясь сквозь хитросплетения твоих «поэтических» картин, – взмолилась Жанна. А сама тут же подумала: «Рассказывает о Кирилле, но высвечивает себя».

– Говори «заканчивай», а то со словом «кончай» у меня связаны другие ассоциации.

– Бандитские или сексуальные?

– Да ну, тебя! Ладно, закругляюсь, совсем чуть-чуть осталось поведать. Не вдаваясь в подробности, коротко доложу.

Перекинувшись с Кириллом парой ничего не значащих фраз, чтобы хоть чуть-чуть сгладить впечатление от ссоры, я ушла от греха подальше. Можно сказать, с неприличной поспешностью, стараясь не выдавать паники, покинула поле боя с досадливым чувством неудовлетворенного, но не одураченного! человека. Да... не сказать, что я была рада той встрече. Думаю, – отвергая все свои сомнения, – такое мое решение в тот момент нельзя было не признать разумным. Чуть ли не бегом припустила прочь, рада была распрощаться. Расставшись с Кириллом, я почувствовала непомерное облегчение. Он орал мне вслед какую-то невразумительную, невнятную глупость, заливаясь своим жутким хриплым хо-

хотом. Взбудоражил всех соседей. Псих потомственный...

Я ощущала смутную тревогу и совершенно непонятную взвинченность и, чтобы унять беспокойство, пошла еще быстрее. Люди бросали на меня сочувственные взгляды, вслед мне неслись громкие шепотки его соседей, а я злилась: тут драма разыгрывается, а они уставились, любопытно им! И все же, признаться, меня поразила острота мимолетной искренности Кирилла. В этот момент опять, где-то на доньшке моей души, шевельнулось к нему смутное незванное чувство и имя ему – жалость. Наверное, я, наконец, почувствовала и осознала глубину его горя, и уже не могла топтаться рядом с ним, нагло и жестоко критиковать его загубленную жизнь, пытаюсь пресечь поток его «красноречия». Может, именно поэтому и сбежала. Конечно, он сам подтолкнул меня к тому, чтобы я разнервничалась.

Хоть и редко, но бывают у меня подобные вспышки раздражения. Тогда я, чтобы отвлечься и успокоиться, даже позволяю себе пару сигарет и рюмку коньяка. Я таким способом душевные раны зализываю. «Получается, что за сочувствием к Тине я не видела Кирилла? Нет, жалость к нему не покидала меня во время всего нашего разговора, иначе я бы не стала с ним разговаривать. Да и раньше...» – успокаивала я себя, направляясь к своему подъезду.

Да, нелепая, несколько даже идиотская история вышла, если не выразиться покрепче. У меня до сих пор ноги слабеют при упоминании о ней. А Киру, наверное, смысл всего

сказанного мной дошел уже, когда я скрылась из виду. А может, наш разговор тут же начисто выветрился из его памяти? Откуда мне знать?

«Похоже, Инна пытается оправдать себя, – презрительно фыркнула про себя Жанна. – Я могла бы сказать ей об этом, но не стану этого делать. Раскаяние – это уже много». И все же пошутила:

– Чудо, что Кирилл после твоей выволочки остался жив.

– Чудо – это по ведомству богословия. Твоя епархия, – неожиданно резко отреагировала Инна, села на постели, облокотившись о стену, и заплела ноги крученой веревочкой.

«Знак сильного раздражения», – отметила про себя Лена.

Жанна после несколько напряженной паузы предприняла осторожную попытку снова завязать разговор:

– И что было дальше?..

– Я подумала, что надо бы взять Кирку за шкуру и отконвоировать к себе домой, чтобы под ногами у людей не путался, ведь рядом живем. Но побоялась препроводить его в свою квартиру, испугалась, что снова разверещится этот злостный нарушитель спокойствия и всех моих соседей растревожит. И что тогда? Отдавать события на волю божью или заниматься устрашением и устранением пьяницы? Потом разбирайся, оправдывайся перед всеми. Весьма вероятно, что все так бы и произошло. Да и сплетни не заставили бы ждать, мол, увожу чужого мужика. А вдогонку им полетели бы другие, еще

более заковыристые.

Как в воду глядела, не дошел Кир в тот день до своей квартиры, выпил – много ли алкашу надо! – в драку ввязался, в очередную историю угодил, глупо так вляпался... Случается, что химеры воображения где-то все-таки воплощаются... Со мной не получилось полностью разрядиться, так все равно нашел на кого выплеснуться. Такие всегда находят. Выяснила, что венчала эту историю поножовщина. Печенку ему будто бы отбили и что-то порезали, в больницу загремел. Говорил потом, что грохнулся с лестницы. Черт его знает, может, и не врал. Я отвыкла ему верить. Настроение мое было явно не из лучших. И Тинка опять, наверное, с ним мудохалась...

И незадолго до этого подобная история с ним случилась. Поражала меня его убийственная беззаботность. Ну,пил бы себе дома за милую душу, так нет же, ему компанию подавай, чтобы «гром победы раздавался». Ему, видите ли, в этом деле пособничество дружков требуется, чтобы было перед кем покуражиться. Хорошенькое дело! Мало сокрушений жены. Ему для разнообразия нужны нелицеприятные разборки. Он, как известно, еще в студенческие годы не умел уходить от конфликтов, увязал во всякого рода проблемах. В дурь гнал... Что за мысли копошатся при этом в его голове? Нет числа его порокам...

Инна брезгливо поморщилась, видно вспомнив что-то очень неприятное.

«Опять заведется и, наверное, надолго», – решила Жанна.

– И почему природа сама не выбраковывает такие экземпляры? Как Тина с ним жила? У меня ум за разум заходил от нашего с ним кратковременного общения. На стенку хотелось лезть... Подонок, ухлопал свою жизнь черте на что и еще слезы льет: «Спаси, Тина! Помоги!» Помню его противно раззявленный пьяный рот... – Инна подняла глаза к небу и произвела губами до автоматизма выверенное движение. – Если тебе родители дали жизнь, руки-ноги, приличную голову, так трудись, а если выбрал себе путь гниения, то ни на кого не обижайся и ни от кого ничего не требуй, никому кровь не порть! Конечно, в последней истории я, отчасти виновата, себя не помнила от ярости, – зачатила Инна. – Я ни разу не оказывалась в таком дурацком положении. Но, думаю, Тине мое признание было слабым утешением. Что сделано, то сделано.

– Как ты разделала Кирилла! Врезала по самые... уши! Ты на все смотришь трезвыми, но слишком беспощадными глазами, будто шкура у тебя дубленая.

– С такими мужиками задубеешь, – сердито хмыкнула Инна. – К ним нельзя поворачиваться спиной. Имею опыт. Спина – слепая зона и для хищных животных, и для подлецов-хитрецов... Только они об меня зубы ломали.

– Кое с чем я, конечно, могу согласиться, но с большим скрипом и с непомерной натяжкой, – сказала Жанна. – Ведь случилось, Кирилл был хорош в компании, бывал очаро-

вательно бесцеремонен, помнишь? Само дружелюбие, само обаяние.

– Это можно за ним признать. Но только в контексте, что именно «случалось», – подтвердила Инна.

– Чтобы у тебя, Жанна, не сложилось искаженное представление о Кирилле, я специально не навожу глянец на его поведение и стараюсь не перебирать в тщательности и щепетильности. Да будет тебе известно – не заслуживает он того, чтобы ретушировать его образ. Слава богу, я научилась распознавать людей. Да, чуть не забыла: детей у них нет, Кир не хотел, – продолжила Инна, не обращая внимания на сильные толчки Лены в ее подреберье.

Лена знала, что на самом деле Кирилл относился к вопросу об отсутствии детей не так спокойно, как можно было заключить из слов Инны, он просто примирился со своей виной, избегал этой темы, чтобы лишний раз не травмировать ни себя, ни Тину.

– Кир не позволял Тине рожать, боялся, что дети будут мешать ему в осуществлении его грандиозных планов. Не понимаю Тину, как можно сознательно лишать себя детей – этого обыкновенного человеческого счастья – и посвящать себя этому выродку! Ведь ей не семнадцать лет было.

– Может, Тина сама не особенно стремилась, а обвиняла Кирилла, – осторожно предположила Жанна.

– Как бы не так! Уж мне ли не знать, – с горячностью возразила Инна. – Она очень хотела, страдала! Но ты знаешь,

ни разу ни в чем не упрекнула Кирилла, себя казнила за мягкотелость, за недалёковидность. Ну а потом муж стал ее ребенком. Тина не умеет ненавидеть, кого бы то ни было, патологически сердобольная. Ее можно только пожалеть. Наверное, никто не научил ее в детстве радоваться жизни, не приходилось ей по-настоящему столбенеть от счастья, вот и выдумала себе что-то вроде религиозного послушания. Вопиюще-несправедливая судьба, жалкий жребий!

Разве ей комфортно было в том состоянии, в котором она находилась, разве не надоедало ей барахтаться в пучине пьяного бреда непутевого мужа? Я бы давно взбунтовалась и вышла из-под подчинения. У нее, видите ли, любовь неодолимой силы! Как можно прощать этого вечно грешного и никогда не кающегося эгоиста? Может, я чего-то не понимаю, но мне видится не просто трагедия человека, а именно трагедия личности. Иногда я думаю: «Как мало Тине нужно было, чтобы почувствовать себя счастливой! Но ведь и того не получала». Жизнь от смерти, счастье от несчастья отделяет очень малое... Лошадь такая умная, преданная и красивая, а ее тоже бьют... Обнажила проблему?

Как-то случайно наткнулась на любительское фото – Тинка с Кириллом стоят в обнимку. У нее там такое счастливое лицо! Меня даже слеза прошибла. Представляешь, вопреки всему, что я о нем знаю, она любила его! Бред сивой кобылы! Я это всегда видела собственными глазами, потому-то не хотела влезать в их жизнь и распутывать узлы их странных

взаимоотношений. Я была лишь сторонним наблюдателем, вернее, в силу моего характера, азартным зрителем. Любовь – это, конечно, неплохое объяснение их странному альянсу.

Как-то Тина сказала мне: «Сколько бы Кирилл не причинил мне боли, я буду его любить, а не любить его всегда найдется кому. Никто другой не станет с ним возиться. Я ему нужна. Без меня он погибнет...» Никаких упреков ему не предъявляла. Чудачка. И, как видишь, их отношения, вернее терпение Тины выдержало испытание временем. Это не сиюминутная история. Тридцать лет – не один год. Одному богу известно, что придавало ей сил. И что самое странное, в глубине души она гордилась этим своим странным подвигом. «Терпеливое перенесение скорбей». И вроде бы не дура... и не религиозна. И когда она говорила, что у нее все нормально, хотелось верить, что это так на самом деле. Живет в какой-то трагикомичной гротесковой ситуации и считает ее вполне приемлемой. Нелюбимая, несчастливая. Дикость какая-то средневековая... Говорят, что со временем любая истина начинает противоречить сама себе... А у Тины, как в той притче, рассказанной по совершенно другому поводу: «Сколько листья ни обрывай, ветка дерева все равно живет и возвращается на прежнее место».

Может, Тина стала нечувствительной к выходкам Кирилла? Не думаю. Во всяком случае она ни о чем не жалела и никогда не опускалась в своих отношениях с ним до откровенной грубости... Ей, наверное, хотелось, чтобы и душа его

принадлежала ей. А он никогда не раскрывался перед ней на все сто. В его душе всегда оставались уголки, недоступные ее пониманию. Так он охранял свою независимость. Она никогда не могла владеть им полностью. Мне казалось, это обижало ее. Как она его терпела?.. Я себя чувствую подле него крайне неудобно. Меня рядом с таким на аркане не удержать. Нет, я понимаю – нужно прощать, но все равно надо помнить и делать выводы... Ой, не могу! Распалила я себя, прямо-таки до состояния нежного сострадания. Сейчас расплачусь.

Инна на самом деле вытерла ладонью глаза и продолжила монолог уже менее эмоционально.

Жанне хотелось закричать: «Инна, сделай одолжение – умолкни», но она только повернулась к Лене. А слова Инны продолжали ее неумолимо долбить, не давая сосредоточиться на другом.

– Не мешает заметить, что Тина никогда не жаловалась, никому не рассказывала о своей печальной участи, мужественно несла крест, который сама на себя взвалила. Она обладала редчайшим свойством не обременять окружающих своими проблемами. Влачила хилое существование, но как-то по-своему, до отказа заполняла свою жизнь. Может, даже считала ее содержательной. Такая вот патология. Как пошутил Борька: «Она всегда с открытым сердцем и «с букетом наперевес» спешит вытаскивать муженька из очередной ямы и поднимает на ноги всех, кого можно найти, чтобы спасти его. И хотя ей далеко не все и не всегда отвечают «взаимно-

стью», все равно добивается своего». Наверное, такое мужество трудно понять и принять, но оценить можно.

– А вдруг в детстве Тине жилось еще хуже и эту, взрослую она считала за благо? – предположила Жанна.

– Тина никого не посвящала в свое прошлое. И все-таки мне кажется, что жизнь Тины, как и Кирилла – марафон в другую сторону. Не на то она тратила свой неустрашимый могучий дух, упорство и беспредельную доброту. Теперь много развелось мужчин, желающих, чтобы с ними нянчились. Раньше давала знать их послевоенная безотцовщина, полная зависимость от вынужденных быть сильными матерей, излишне опекающих, жалеющих. Теперь неполные семьи возвращают шалопаев и иждивенцев.

– А почему больше забалованы мальчишки?

– Они, предоставленные сами себе, целыми днями болтаются на улице, а девчонки обязаны быть на хозяйстве. Такой у нас менталитет. Девочкам всегда забот по дому хватает, – нашлась Инна.

«У Лены разговор Инны с Кириллом влез бы в три фразы», – подумала Жанна, но прерывать изливания Инны не стала, чувствуя приближение развязки рассказа.

– ... Меня часто одолевали жуткие подозрения, что Кирка не дурак: когда надо быстро соображает что к чему, кумекает, если ему на пользу, ненадолго становится изворотливым, иногда даже может находчиво и холодно возразить. Человек

он не шуточный, хоть и под шута ладится. Если дело касается его интересов, он нападает и защищается с энергией и хитростью тигра. Силач, богатырь! Облапошил Тину, присосался к ней, эксплуататор чертов, гений раздолбанный. Давит на нее, заставляет чувствовать, будто она в ответе за него. Не тот сильный, кто одним взглядом ставит на колени, а тот кто одной улыбкой с них поднимает.

– Похоже, для нее он на самом деле первое время был ни больше, ни меньше чем фантастический, неопиcуемый гений.

– А на каждое мое ядовитое замечание огрызался просто и тупо, как последний двоечник. Сильно закладывал с первым встречным-поперечным, не гнушается общаться по этому делу с любым желающим, особенно если на дармовщину, страшно не любил, когда его обносят рюмкой, относил этот факт к неуважению, но видно, последний ум еще не пропил. Неплохо пристроился, зараза... Ничего хорошего Тине за всю жизнь не сделал. Не понимал, что не будучи задействованной, душа потихоньку отмирает... И потом, – пойми меня правильно – я не против высокой любви, но голову-то на плечах носить еще никто не отменял. А она... Может, ты тоже считаешь, что отношение Тины к Кириллу – любовь в лучших ее проявлениях?

Нет, я бы такого турнула сразу после нескольких досадных происшествий, он у меня и пикнуть бы не посмел, да и не успел. Он у меня не смог бы своевольничать, быстро пре-

вратился бы в шелкового. – Инна подняла свой гордый резной профиль. Его увеличенная копия-тень запечатлелась на стене размытым фото-негативом. – Ой, не могу! Как вспомню Тину, так кажется, будто кто-то незримый вытаскивает из моего никчемного обмякшего тела мою парализованную бездонной жалостью бедную душу. Старею, годы берут свое. Слабой, слезливой становлюсь. Где мои семнадцать лет!

Знаешь, Жанна, я недавно опять поймала себя на мысли, которую вот уже многие годы гнала от себя прочь по причине ее абстрактности. Мне часто казалась, что я близка к разгадке поведения Кирилла, но не представляла, что она мне раскроет такое. Я даже самого Кирилла хотела спросить об этом, но судьба спасла меня от необходимости принять на себя столь трудную дерзновенную задачу. Я боялась своим вопросом окончательно сломать его. Понимаешь, я тебе первой открываюсь, не проболтайся, пожалуйста. Когда я, разглядывала Кирилла в нашу последнюю встречу, то у меня опять мелькнула странная, даже я бы сказала, парадоксальная мысль. Мне показалось, что я сделала потрясающее открытие: Кирилл не нашел себя в жизни, другой дорогой пошел – вот в чем причина его постоянных метаний, неудовлетворенности и неустроенности души.

– Да, сказать ему об этом было бы некстати, – усмехнулась Жанна. – Ему итак крепко от тебя досталось.

– Я не шучу. Понимаешь, он не тот, за кого себя выдает. Какой он физик? В нем же погиб артист и возможно, хоро-

ший. Вот где его ожидало интересное будущее. В нем, возможно, есть сильное актерское начало. Он хорошо знает цену жесту. Хотя, конечно, с его-то нервной системой... А там кто знает...

Если я права, то это же трагедия всей его жизни, и тогда понятно, почему его ничего не трогает, не мучает, не интересует в профессии. Ошибка привела к тому, что он разуверился в себе. Именно дарование артиста составляет в нем единое целое. Недаром мне часто казалось, что у него артистические переживания, но никак не подлинные. В какие-то моменты я замечала, что ему доставляет истинное удовольствие следить за изысканностью произносимых им выражений, цепляться за слова, готовые ускользнуть, и вдруг, с победоносной самоуверенностью, даже с величием древнего божества, громко и ясно выдавать шокирующие меня монологи. Удивляла и трагическая широта его жестов, и неожиданная молящая мягкость его голоса с оттенками ласковости, кротости или нарочитой уклончивости. А эта его щемящая, чисто русская печаль, обреченность. Ее не придумаешь, она так и лезет из глубины его души и выпирает отовсюду.

Иногда мне казалось, что он приходит в состояние эйфории от своей значимости, от ума и уже не продумывает до конца ситуации, о которых говорит, а просто начинает нести восторженную ахинею. Я пытаюсь доказать, что он утверждает ерунду, но он уже не в состоянии воспринимать чужие слова. О счастлив восхищением собой.

У меня часто складывалось впечатление, что когда Кириллу казалось, что его не слушают, оскорбляют или еще чем-то задевают самолюбие, он не контролирует себя, и в эти моменты не понимает, что говорит, что делает. Я боялась что в этом состоянии он мог совершить что-то неожиданное, из того что сидит в его подкорке, и что это добром не кончится, поэтому старалась по возможности не касаться его слабых мест. А в тот день разошлась... А может, он и тогда играл?

Откуда в нем эта невероятная тоска и беспомощность? Догадывался, что в его жизни ничего интересного не может произойти? Отсюда пьянки и бесчинства, спровоцированные разудалой, но ущемленной душой, яростная, идиотская непредсказуемость, тупая невоздержанность, под влиянием алкоголя высвечивающая все темное, что таится в нем давно и глубоко, и отсюда же шлейф всяческих «вывихов и вывертов».

Нет, все-таки Кирилл до мозга костей артист. Но он пропустил указующий перст судьбы. Его школьный учитель должен был сказать ему, что он гуманитарий, что он будет самой большой ошибкой... для физики. А может, то был неверный родительский посыл? Самообман перепутали с интуицией. Кирина жизнь – спектакль одного актера. Он играл, и, возможно, сам не замечал за собою, потому что это было абсолютно гармонично слито с его натурой. Он не переживал, а демонстрировал свои переживания. Кир не разглядел своего призвания, но душа его пряталась в вымышленном мире

и жила ролями. Искусство оберегало его, не позволяло умереть от горькой истины и в то же время убивало своей не востребованностью.

Его дарование ускользало и от меня, потому что я желала уловить в нем другое, главное, совсем несвойственное ему. Я искала в нем физика-теоретика. И только теперь, по прошествии многих лет, в час полного пренебрежения, а если быть точной, то в минуту жалости к нему, мне кое что прояснилось, и, наконец, открылось во всей несомненности, высветив совершенно иные причины его поведения. Он и в нашем последнем разговоре пытался поставить последнюю, красивую театральную точку. Все в нем есть: и откровенная раскованность, и восхитительная театральность, и скандальность – три кита, три составляющие современного артиста, в моем понимании, конечно.

В разные времена я относила эти «выступления» и выходки то к позе, то к заскокам. Но иногда его игра становилась переполненной передаваемыми чувствами. Это когда самого артиста уже не видишь, только чувствуешь впечатление, произведенное им и поразительное правдоподобие. И тогда, честно говоря, у меня... прямо мороз по коже... Так со мной иногда случалось в театре на хороших спектаклях. Глядя на Кирилла, я терялась и не верила ни себе, ни своим глазам. Понимаешь, Жанна, забываясь, он неожиданно становился удивительно обаятельным, приобретал остроту прекрасной естественности, натуральности. Не могу я тебе этого объяс-

нить, слов не хватает. Он начинал то дивно пластично двигаться как пантера, то шел летящей походкой талантливого человека, разметав полы пиджака и волосы. Не то что бы красавец, но сногшибательный, ошеломительный. И в эти моменты, казалось, олицетворял все лучшее... Но это был не Кирилл, а человек из мнимого, фантастически нереального мира... Особенно с этой неповторимой пружинящей походкой...

– Артист мионовского таланта, – усмехнулась Жанна.

– А потом вдруг иезуитски посмотрит или заорет как иерихонская труба... И всё исчезало. Терзал контрастами.

– От артистов надо быть на расстоянии, чтобы не разочаровываться, – заметила Аня.

– Понял ли, наконец, Кирилл себя, открыл ли в себе артиста? Думаю, если бы он сумел найти себя, то в его душе воцарился бы мир. И тело восстановило бы здоровье. И не было бы в его глазах тоски по счастью. Единственное, в чем я могу сейчас упрекнуть себя, так это в том, что часто была с ним неуместно резка и категорична. Не стоило так, особенно в последний раз... Я никогда не вела себя с ним так бестактно и агрессивно. Я тогда еще не знала... Помню, лицо его стало унылым, рот запал, он сразу как-то постарел на много лет. Совсем сдулся.

– Изобразил лицо римского патриция эпохи застоя, на котором написана вся его жизнь, будто он на самом деле ее прожил? И тут «спионерил» (украл) чью-то роль? Насколь-

ко я помню, Кирилл и раньше не выглядел ни статусным, ни аристократичным. Брюки на два размера больше, майка на два меньше или куртка на голое тело. По типу привычных атрибутов доминошников в старых дворах довоенных кварталов, – тихо заметила Жанна.

– Я не успокоила его, а только презрительно скривила губы. Не могу обойти эту тему, не могу не покаяться. Не разглядела, не распознала. Со мной такого не должно было произойти. Ведь не события, а эмоции человека – это то, что меня в наибольшей степени всегда занимало и трогало в людях. А вот не случилось... Не поняла, не прониклась. – Инна покачала головой, как бы не соглашаясь со своими мыслями, будто они противоречили ее собственной версии. – Многие люди не распознают свою судьбу, но ведь живут достойно, стараются. Разве это может быть оправданием полностью загубленной жизни? Ну не повезло, не на то место метил, так что же теперь – всю жизнь на помойку?

«Закончила Инна свою речь, к моему облегчению, более менее справедливым замечанием... Сколько раз я в письмах заводила с подругами разговор о Кирилле, а правда о нем настигла меня годы и годы спустя... «Красиво» выстроила Инна линию жизни Кирилла. Интересные линии обычно образуются от пересечений с особенными, талантливыми людьми. С людьми другого круга, фасона, склада, иных установок. С такими, чтобы почувствовать спазм в горле... Эти встречи надо нанизывать на свою нить судьбы, как жемчужины. Что-

бы потом не только соткать свою жизнь иначе, но и суметь наполнить ее богатством души и любовью... Но Кирилл таких не встретил... А вдруг это Иннина очередная выдумка? Мне самой надо приглядеться к нему. Может, она просто попыталась хоть как-то оправдаться передо мной? Неужели в ней проснулось что-то истинно человеческое или опять эксперименты на людях ставит? – подумала про себя Жанна и добавила вслух иронично и снисходительно-уклончиво, наверное, по поводу характеристики Кирилла:

– Каждый крутится, как может. И ведь казалось бы, чего проще – найди сердцевину конфликта, ее источник, сделай упрощенную модель, как в теоретической физике, и спокойно реши эту бытовую проблему. Так нет же, не упростишь, не разрешишь. Не подходят научные методы физики к живым людям. Слишком много неизвестных... И что самое главное, слишком много эмоций, затрагивающих отношения мужчины и женщины... Что лясы попусту точить?

И психологи на конкретные вопросы дают только обтекаемые советы, потому и не идем мы к этим специалистам, не устраиваем у их дверей столпотворения... Не одобряю я Тину, но объясняю ее поведение очень даже просто и доходчиво: есть такой тип жен и называют его «жена-мамочка». Жаль, конечно, что судьба не предложила Тине лучший вариант. С ее добротой она могла бы стать очень счастливой, но этого теперь невозможно ни проверить, ни доказать, ни опровергнуть. Что плакать над разбитым сосудом, если

его уже не склеить? Каждой женщине хотелось бы сказать: «Моя семья – праздник, который всегда со мной, она – реабилитационный центр моей души; она – мое счастье». Но мы не идеалисты, философию изучали, знаем, на чем зиждется призрачное счастье. Разумного компромисса между тем, что есть и тем, чего желаешь, достичь удается далеко не всем. И мириться с этим не у всех получается, особенно трудно тем, которые витают где-то в... другом измерении. В семьях часто нет ни правых, ни виноватых. Не разобраться в их перипетиях. Да... со счастьем в них обычно туговато.

– А я боялась, что ты еще, чего доброго, возненавидишь меня. Ведь я сообщила тебе столько неприятных подробностей, которых, ты, наверное, предпочла бы вовсе не знать, чтобы сохранить в своей памяти положительный образ однокурсника. Прости, если задела тебя своей откровенностью. В каждом человеке есть и хорошее и плохое. Помнишь «Даму с собачкой» Чехова? Ведь если разобраться, и он, и она – отрицательные герои. А Раскольников? Да, он страдал. Но и преступление совершил!

– Да ладно, Инна, все это мелочи жизни, ты мне оказала огромную услугу тем, что сообщила о Кирилле. И, наверное, в рассказе много правдивого, даже если твоя версия возникла из заблуждения насчет Тины, – натянуто улыбнулась Жанна. – Память все равно постепенно снашивается, всякая ерунда стирается и остается от человека для людей только то, что он сделал, чем был полезен и приятен. Допустим, его

дело, если оно стоило того... А тайны личной жизни пусть остаются при нем.

После минутной паузы Инна продолжила:

– Я не окончила свой рассказ. Кирилл весь тот вечер не шел у меня из головы, что-то не давало мне покоя, я никак не могла настроиться на нужную волну, все переживала из-за своей несдержанности, оправдывала себя сочувствием к Тине, жалела, что не посоветовала Кириллу отпустить недовольство собой, прежде чем начинать жить по-новому. Поскольку я наговорила Кириллу много не совсем справедливого и обидного, я решила поскорее с ним повидаться и принести свои извинения за слишком эмоциональные «выступления». Это нужно было мне самой для сохранения гармоничного баланса в душе.

Но после больницы он сам явился пред очи мои. Ждал у подъезда. Почему-то со страхом и надеждой впился в меня глазами. Я думала, пришел с повинной. Решила поддержать, помочь раскрыться. Сказала ему: «Я вся внимание...» А он стал, запинаясь бормотать что-то несусветное: «Как ни прискорбно, расколола ты мою жизнь надвое и кинула. Увидел тебя и завис. Я допустил роковую ошибку и словно Великая китайская стена выросла между нами, лишив всякой возможности... «А счастье было так возможно», но оно даже не забрезжило... Сам не подозревал, что способен так любить. Совершенно исключал такую возможность».

«Привиделось ему, приснилось это счастье, нафантазиро-

вал его себе? Могу поспорить на что угодно, что не давала ему повода для подобных мечтаний», – молча удивилась я речам Кирилла.

«...Я, может, сам себя клеймил и казнил без тени жалости. (Водкой? – мелькнуло у меня в голове.) Потом принял решение и успокоился, раз не мог тебе соответствовать. Любим мы одних, женимся на других, спим с третьими. И в постели-то мы с ними только для того, чтобы лишний раз убедиться в собственном одиночестве. Это по типу: думаем об одном, говорим другое, делаем третье. Одна и та же схема. Это и есть закон жизни, а счастье – лишь исключение из него... Не обстоятельства меня выбирали, я сам подчинялся их жестокой воле». (Кто бы мог подумать!)

Еще сказал, что «устал греться у чужого огня», мол, быстро приедается даже самая самоотверженная забота нелюбимого человека, что среди развалин его жизни сияющим памятником надежды всегда стояла только я. И он пошел бы за мной, куда мне вздумалось бы, доверяя мне слепо и безгранично. Я всегда притягивала его, влекла неудержимо, и он предпочел меня всем женщинам мира. Готов был в лепешку для меня разбиться, потому что во мне была вся его жизнь. И это не обсуждается.

Он даже застонал при этих словах и сморщился, как от резкой боли, весь как-то осел, скукожился. Я еще подумала тогда: «Не нужна мне твоя любовь. Она гроша ломанного не стоит». Но испугалась за него: «Не прихватывает ли

сердце?» Потом мысленно отметила для себя без всякой насмешки: «Привирает насчет готовности». От его объяснений в любви в тот момент у меня, наверное, был такой вид, точно я нос к носу столкнулась с живым динозавром.

Еще Кирилл говорил, что каждый сам творец собственных несчастий. Представляешь, мои слова повторил! И знаешь, что под занавес выдал? Конечно, не прямо в лоб, а с загогулинами. Мол, хочу прояснить некоторые обстоятельства... «Я не сразу понял, что меня в тебе поразило, гнал от себя всякую мысль о тебе. Понимал, что недостижимая, окруженная «ледяной стеной своих совершенств». Сколько раз пытался объяснить, но каждый раз что-то останавливало. Наверное, страх быть осмеянным. Все мерещились твои насмешливые глаза. Поэтому все носил в себе, испытывал жгучую зависть к твоим мужьям. Я был недостоин тебя, недостижимая моя, но и они все как на подбор не стоили тебя. Прости, что взялся чесать языком на их счет».

Я хотела пошутить, мол, говори скорее, а то успею состариться, но язык не повернулся. Кирилл утверждал, что без меня ничего в этой жизни не приобрел, а только терял. Все у него разладилось. Говорил, что я его просто околдовала, и за всю жизнь он так и не сумел избавиться от наваждения. Рассказал, будто бывал на седьмом небе, когда я достаивала его своим присутствием в их доме, терпел от меня любую критику, покорно замолкал, потому что она для него была музыкой. Он видел и слышал только меня. Фоном всей его

жизни звучал мой голос... И до сих пор он передо мной коленапоклоненный... И теперь, когда каждый день приходится сталкиваться с возможностью и... неизбежностью смерти, он наконец нашел в себе силы исповедоваться.

Я молча слушала. «Эта исповедь – последний грех стареющего «гения?» Прошлые чувства не могут быть предметом обсуждения и осуждения. Давай, продолжай, раз уж начал, – думала я с неопределенным, смешанным чувством. – Только твоя любовь ко мне – это твоя идея-фикс. Отмазка неудачника. Надо было жить мудростью и опытом, а не фальшью и фантазиями. Надо жить, даже если ты на краю...

Выдаешь желаемое за действительное. Оправдание своим неудачам придумал. Не умеешь ты любить. Да и не в те двери стучался». А он понес чушь о том, что постоянно натыкался и ненавидел эту беспомощную, виноватую, сочувствующую улыбку жены и ее патологическую честность. Что она, живя в выдуманном ею иллюзорном мире, упрямо верила, что если быть хорошей, то все ее будут любить. Она словно из девятнадцатого века...

Меня покорежили слова Кирилла о Тине. Кому выдвигает обвинения! Человеку с небесной душой! Мои мысли о нем балансировали на грани дерзости. Но на тот момент я решила, что не всегда стоит подлецу говорить в глаза, что он подлец, а дураку, что он дурак. Все-таки человек только из больницы. А может, я просто не смогла после его признания гнать обычную пургу. Язык не поворачивался обругать его.

Это было бы совсем уж бессердечно. Хотя в моей ситуации он бы, наверное, ни перед чем не остановился. Я слушала его и тем пыталась выиграть время на то, чтобы привести свои мысли в порядок.

«Идеалистические воззрения не помешали Тине в реальном мире остаться порядочным человеком... А Кирилл... Какая Инна все-таки разная. В этом я тоже вижу ее некую особую талантливость», – неожиданно подумалось Жанне.

– А Кир все свое талдычил: «Мол, теперь не имеет значения кто кому врал, какие были страсти. Что было – давно быльем поросло, и все же... Вот ты такая резкая, жесткая, а я все равно, как нетрудно догадаться, люблю тебя. Парадокс? Если, условно говоря, каким-то немислимым путем ты полюбила бы меня... если бы дала хоть малейший повод, хоть ничтожнейший намек, я не упустил бы возможность... Не за что мне было зацепиться.

А ты любила определенность. Да и глаз у тебя наметанный. Хотя взгляды наши отчасти совпадали... Ты никогда не полагалась на чьи-то бескорыстные, добрые чувства в силу их зыбкости, ненадежности... Слишком часто нас обманывали, пусть даже не назло, а по беспечности... Да и я выглядел не лучшим образом. Попал в яблочко? К тому же еще эти мои глубокие внутренние комплексы, идущие из детства. А я голову от тебя потерял... По большому счету ты презирала меня. Ты даже не соблаговолила выслушать меня. Я отчетливо помню тот вечер. Ты ему не продала особого значения,

а я надеялся. Все могло сложиться иначе, и я не пустился бы во все тяжкие... Я был подавлен твоим брезгливым безразличием».

«Когда это было? Не помню никаких объяснений! Был разговор. Но, мне тогда и в голову не пришло, что за непонятными, высокопарными нескладными, нервными словами может стоять изломанная судьба. Ужас в том, что я на самом деле дразнила его, не зная, что режу по живому, – переживала я молча. – Теперь-то мне понятно его поведение, все сходится... Он тогда явился ко мне в общежитие при полном параде. В галстук! Предлагал вместе рвануть «на юга». «Что за наезд? – думала я тогда. – Это при его-то нищете? Где взял деньги? Украл? Чистейшей воды авантюра, бред».

Боже, как же все перемешано в котле жизни!.. Ну так вот, Кирилл продолжал:

«В прошлом теперь ничего не подправишь, не подчистишь, не изменишь. Если по-хорошему, надо было давно объясниться. Ладно, проехали! Все надоело, обрыдло. Постарел. Замучило болезненное ощущение быстро ускользающего времени, стал чувствовать с острой волчьей тоской, как мало осталось мне ярких мгновений даже таких, что бывают под градусами».

И был у него при этих словах слегка безумный отсутствующий взгляд несчастного непризнанного гения.

Потом превозносил и славил меня. Говорил с мелодраматичным надрывом. Позволю себе заметить: я не любительни-

да подобных сцен. Честно говоря, мне даже не хотелось его как-то утешить. Меня даже познабливало от его признаний. Поперек горла мне были его прошлые вздыхания. Хотелось заорать в истерике: «Я уже не могу спокойно слышать твое имя! Пойми, слово «любить» не бывает в повелительном наклонении! Опять блефуешь? Что ты ко мне привязался? Это твои проблемы, прекрати ерничать».

В общем, ахинею Кир нес. Заговорил меня до потери пульса. Вот приспичило! Буквально смаковал свои чувства ко мне. Виноватить меня решил? Думал, паду ниц пред ним? Его пылкие излияния ничего не говорили моему сердцу. Я слушала и пыталась уверить себя, что все это только слова, пустые фантазии неудачника. Едва ли не окрысилась на него. Мол, ноги моей теперь больше не будет в вашей квартире. А во рту наждачная сухость и язык словно прилип к небу. Нестерпимо ныл затылок, и казалось, что голова вот-вот взорвется. Я будто зависла в каком-то болезненном промежуточном состоянии.

«Устроил Кирилл Инке балаган. Если счастье замаячило у горизонта, надо было гнать дурные мысли и бежать за ним, задаваться целью и добиваться ее, а не распускать слюни и с горя бухать. Его любовь к Инне, тоже своего рода проявление эгоизма, – беспощадно подумала Жанна, почувствовав неприятный холодок в груди. – Надеялся стать дополнением к сильным качествам этой женщины? Губа не дура... Меня не проведешь. Гнать от себя таких кавалеров надо, чтобы и

другим неповадно было. Правильно Инна поступила, нечего приваживать альфонсов. Такой, и добившись любви, не будет в услужении», – поздравила она себя с собственной проницательностью и тут же подумала: «Ну и словечки из меня полетели! Откуда они? Я же не возвращаюсь в примитивном пространстве незрелой молодежи и не общаюсь с подонками».

– Кирилл говорил мне о своей любви, но так словно меня не было рядом. Он будто напрочь забыл обо мне, даже ни разу не посмотрел в мою сторону, и только слезы текли по его бледным исхудавшим щекам. Он утверждал, что «только раз в жизни был счастлив, когда влюбился в меня и даже готов был покончить с собой, воображая, будто держит меня в своих объятьях. Хотел навечно остаться в этой сладкой мечте, чтобы умереть счастливым и больше ничего не испытывать. Лучшего для себя не мог придумать. Но судьба, видно, давно наметила и определила ему другую дорогу».

«Здравый смысл перевесил или струсил?» – вклинилась я в его исповедь с ехидным замечанием.

Еще говорил, что даже присягал на верность вечно состоять при мне, но разочаровался в рыцарстве. Вот, мол, до чего дошел. Всю жизнь пребывал в любви, но она не окрыляла, а убивала его. Меня передернуло от его последних слов: «Опять жалобит, опять оправдывает себя?» Я рассердилась, но подумала: «Пусть говорит, а то, неровен час, у него окончательно шарики за ролики зайдут».

Мне казалось, что слова Кира были заимствованы из какой-то пьесы, из незнакомой мне роли, заготовлены им впрок и только ждали повода излиться, обрушиться на благодарного слушателя. Он говорил яростно, наступательно, как если бы стоял на сцене, а эти мысли не давали ему покоя, мучили, жгли изнутри, занозой вонзались в мозги. И вот, наконец, он сумел их изрыгнуть из себя, избавиться! Будто покоя не было ему на этом свете... Что-то невыносимо-грустное тлело в его, когда-то красивых, черных, а теперь задернутых туманом глазах. И что-то бесконечно-беспомощное – в безжизненно болтающихся вдоль тощего тела руках. Видно грядущая трагедия уже тогда, набирая силу, настигала его. Дрожь пробирала меня от его слов. Я пережила целый фейерверк противоречивых чувств. – Инна передернула плечами, будто отгоняя наваждение. – Ха! Жанна, ты знаешь анекдот о смешанных чувствах? Ну, тот, где теща летит в пропасть на новеньком мерседесе, подаренном зятем... Так, к слову пришлось.

«Ох, Инка, опять из тебя лезет чисто мужская грубоватая пошлость», – покривила губы Жанна.

– Ну, так вот, я тогда вспомнила выражение: «Настоящие мужчины не нуждаются в жалости. Рано или поздно они все равно отомстят за нее». И тут же мысленно взялась рассуждать, анализировать его: «А зачем они ее принимают, если она их унижает? Получается, женщины выручают, спасают мужчин, жалеют, а они из самолюбия еще и мстят им за это?»

Такова их благодарность?.. И Кирилл такой? Мужчины вообще народ парадоксальный, нелогичный, как-то не по-людски у них все. Не у всех конечно... Напрасно мы пытаемся проникнуть в их души – там потемки».

Говорят, все люди делятся на тех, что существуют «вопреки» и на тех, которые живут «благодаря». У Кирилла все в жизни – вопреки. И любят его вопреки здравому смыслу, и ничего он в жизни не достиг вопреки неплохим умственным данным, и сам он любил вопреки элементарной логики. Хотя какая может быть в любви логика?..

– Не казись, не переживай. Все равно надолго любви Кириллу не хватило бы. Даже если бы ты многим поступилась ради него, он долго не продержался бы, запил. Услышать, почувствовать, понять и принять на себя – не для него. Все его обещания – пустой звук, – серьезно сказала Жанна. И, вздохнув, подумала, что Кирилл, скорее всего, главной причиной своей несостоявшейся жизни считает безответную любовь. На нее возложил ответственность за все беды. Не признавал себя никчемным. Видно, крепко ему эта мысль в голову засела. Всю жизнь ждал чуда. А Господь чудесами не разбрасывается, достойных облагодетельствует.

И Зоин муж, я слышала, непутевый. Забалованный, капризный, с юношеской болезненной самовлюбленностью. Со страшной силой себя нахваливает. Речист. Кто бы снял с Зои горечь ее постоянных обид? Обычно это делают близкие люди... Почему, вместо того, чтобы жить в радости, люди ссо-

рятся, делают друг другу пакости? По глупости? От недостатка культуры? Не задумываются о том, как живут? Их всё устраивает или наоборот, ничего не устраивает, потому что не нашли своей пары? Зоя была умной, стильной девушкой, невыразимо обаятельной, но несколько неуверенной в себе по причине неудачного детства. Она из нашей когорты... О таких говорят, что они не бросаются в глаза, а врезаются в память. Почему ей не повезло? Мне кажется, что когда Дмитрий бывал кем-то захвачен, он не отдавал себе отчета в своих действиях, а когда остывал, то сам не умел отторгнуть от себя объект прошлого вожделения. Череда поступков любого человека – определенная последовательность, типа числового ряда. Только ряд этот у каждого свой. Кто-то мог выйти за рельсы судьбы, у кого-то не получалось. Уместны ли теперь мои мысли?

Я считаю, что подмена таких понятий как мужская честь и достоинство ведет к появлению таких вот, с позволения сказать, мужчин. Или их полное отсутствие. Эти особи хуже животных. Те хоть не пьют и у них крепки инстинкты сохранения семьи и заботы о ней. «Легко быть Богом, легко быть животным, но трудно быть человеком?»

– И все же в нас, в женщинах, больше естественного, непреложного, мы терпеливее, трудолюбивее, умеем учиться, у нас мощный цепкий ум, в нас заложено творческое начало. Мужчины циничнее. Мы не мыслим перспективно? Но не так уж и много я встретила мужчин способных к этому

– один, два и обчелся. Мы не такие жесткие. Или доброта и мягкость уже причислены к порокам?

«Опять Инку повелю философствовать. Надолго?» – сердито подумала Жанна и будто отключилась.

– ...Оказывается, Кирилл любил меня бог знает сколько, – донеслось до Жанны. Она среагировала на имя Кирилл. – В этот момент я ненавидела его за эту незваную, непрошенную любовь, наверное, потому что косвенно посчитала себя виновной в его беде и в несчастье Тины.

...Кирилл еще не совсем пришел в себя, стоял, опустив голову и я, воспользовавшись этим, отступила в тень дома. Он, кажется, не заметил моего ухода и продолжал стоять, задумавшись, возможно потрясенный своей откровенностью. И тогда я кинулась в переулок, сопровождаемая пытливыми подозрительными взглядами соседей. Дорога забирала чуть вправо, потом резко вверх. Я оглянулась. Кирилл... взорвавшись рыданиями, грудью бросился на чугунную ограду того скверика, что был напротив моего дома...

Когда жизнь не оправдывает наших ожиданий, в конце концов... мы уверяемся, что не имеем к ней никакого отношения, и что она не нужна нам такая. А ведь это глупо. Жить – уже счастье... даже если приходится преодолевать и побеждать отчаяние и депрессию. Конечно, не в моих правилах отвечать за чужие страдания, но тут... получалось, чем больше мук, тем крепче чувства? Тогда я как бы внезапно

для себя открыла Кирилла заново. Раньше я считала, что для женщин самое главное в жизни – любовь, а для мужчин работа.

– Я думаю мужчины – не исключение из общего правила, – грустно пошутила Жанна, чтобы разрядить обстановку. Она, похоже, было довольна простотой своего объяснения.

– Кто бы мог подумать такое о Кирилле? Видишь, как все обернулось. Я ведь тоже не железная. Вот так насмотришься на чужие жизни... и впрямь может прийти в голову, что тайна ее не в радости, а в страдании. Счастливое пролетает мгновенно, а страдания продолжают вечно... Не говори никому о признании Кирилла.

– Я слышала, что мужчины умеют хранить чужие тайны, а женщины – свои, – рассмеялась Жанна.

– Ты умеешь молчать, иначе бы я с тобой не поделилась. Думаешь, Тина догадывалась, а может, даже наверняка знала о влюбленности мужа?.. Демон ревности, странный и страшный, а она мне ни сном ни духом... Бедная, – со скорбной интонацией сказала Инна.

«В старинных книгах писали: «Боль проникла до самой амальгамы ее души?»» – печально вспомнила Жанна. Ее ошарашила и утомила неожиданная тайна. И она, желая пресечь дальнейший поток излияний Инны, вяло спросила:

– А с работой у Тины как было?

– Ходить по трупам не умела, расталкивать всех локтями – тоже. Не про нее все это. Сама знаешь, не было в ней стер-

возности, коробило ее от грубости и несправедливости. Затирали ее поначалу. Но профессия ее выдрессировала, в работе она была въедлива, старательна, никогда никого не подводила, и это было замечено. Хотя годы и ей наступают на пятки, и уже чувствует она иногда недалекое эхо старческих недугов, но пока работает.

– А Кирилл? – неожиданно для себя вслух произнесла Жанна, хотя была бы рада больше не возвращаться к разговору о нем.

– Так нет его вот уже как десять лет. Через неделю после того странного объяснения ушел из жизни. Так сказать, покинул ненавистную пристань... нашу прекрасную родную землю. Наверное, предчувствовал. Может, потому так упорно возвращался к теме смерти в моей последней с ним беседе. Она прямо-таки просилась в наш разговор... Кирилл, будто ощущал уплотняющиеся над ним облака безысходности, чувствовал движение времени, утекающего прочь от пережитого... в молчание, в пустоту... Он боялся больше не встретиться, торопился исповедаться... Я обычно внимательна к деталям, а тут разнервничалась, распсиховалась... В чем причина его раннего ухода из жизни? Напряженность в нем росла, искала выход и нашла? Жалость к себе? В жизни много нелогичного, непонятного. Может, судьба, забирая Кирилла, ограждала его от чего-то более страшного? Когда покинул нас... он будто стал мне необходим... Никак не привыкну к этой мысли.

Чувство утраты – огромной, невозвратной – обрушилось на Жанну. Она буквально остолбенела от нахлынувших чувств. Инна продолжала говорить, но Жанна ее не слышала.

«О каком долголетии вообще может идти речь при таком уровне взаимоотношений в семьях? То беспорядочно пьют, то ежедневно ругаются, оскорбляют друг друга. Никакого терпения добрейших Тин и мудрейших Александров, рано понявших, что лучшего счастья, чем хорошая семья не бывает, на всех не хватит, – подумала Аня, внимательно прослушавшая историю жизни сокурсника. – Поздно на пороге небытия задавать себе вопрос: «Так ли я жил?» Надо на протяжении всей жизни спрашивать себя: «Правильно ли я живу?»

– ...Я тоже провожала Кирилла в последний путь. Шел дождь. В лицо дул сильный северный ветер. Природа оплакивала его уход злыми ледяными слезами. Как ни странно, в уголках губ Кирилла пряталась улыбка, словно он был доволен, что наконец-то все закончилось. Может, и правда жалелся над ним Всевышний, вот и распорядился... Что тут поделаешь... Говорят, не только браки, но и вообще все наши судьбы там, на небесах заранее расписываются, а мы их только глупо ломаем и укорачиваем... Возможно, это очередная выдумка церкви...

– Так он что, умер? И все твои претензии к нему – ерунда, потому что его уже нет? – тихо переспросила Жанна и как-то странно охнула.

Ей, наконец-то дошел смысл всего сказанного Инной.

Неожиданно тяжелым камнем на ее сердце навалилась печаль и придавила, не давая свободно дышать. Инна удивленно замолчала. Жанна тихонько встала и засеменила на кухню за нитроглицерином. Наглотавшись лекарств, она заторможено подумала: «Надо же было такому случиться, не ожидала я от себя бурной реакции. Никогда не знаешь, как на тебя подействует смерть того или иного человека. Сердце притворяться не умеет. Может, я не должна была его отпускать... прогонять? Со мной он был бы жив...»

– ...Когда я узнала о последней выходке Кирилла, мороз по коже долго пробирал, ступор не отпускал. Не могла вырваться из чувства вины. Будто невольно добила его... Каждый человек живет и уходит под свою музыку. Только любовь и долг способны укрепить нас в трудную минуту. И они же удерживают нас на этой грешной земле. А Кирилла уже ничто не держало.

И вдруг в какой-то момент я со стыдом почувствовала, что Тину мне все равно жальче Кирилла... Такая вот странная арифметика... Его уже нет, а я никак не могу простить ему Тины. Живых надо щадить... И все равно его, непутевого, жалко... Я не наблюдала в нем деменции, спутанного сознания, но по сути дела он тогда уже был немолодым, слабым, потерянным беззащитным... И проблемы у него были не глобальные, но общечеловеческие, всем понятные. А вот их причины... Если бы я их знала, скорее прощала... А я на него кричала. Да что уж теперь... В лунном свете и пыль

прекрасна.

– Не вини себя. Ты не смогла бы спасти Кирилла, даже если бы поженились. Вы же абсолютно несовместимы. Так бы и лаялись, пока ты не выставила бы его за порог. Любовь, может быть, на короткое время изменила Кирилла в лучшую сторону, но жизнь беспощадно возвратила бы его в свою колею. И еще не известно, что было бы хуже. Он был слишком слаб, чтобы быть способным на что-то серьезное. А за последнюю встречу тем более не кори себя. Сам нарывался. Все к этому шло. Такое, к сожалению, случается чаще, чем мы предполагаем, – твердо сказала Жанна. Потом подумала и, заметно колеблясь, добавила: «Он был обречен».

– Я-то думала, что, ругая, руководствуюсь, благородными мотивами. Маловато времени нам отпущено Богом... Может, и другая какая-то причина его смерти отыскалась? – с надеждой в голосе спросила Инна. – В тот год Кирилл был совсем неуправляемым. Соседи жаловались. Но я сама болела и только Тина могла знать истинное положение дел и чем-то помочь.

В последние часы в нем гнездилась причудливая смесь задетой гордости и простосердечного страха смерти, самого главного страха любого человека. Без жены шагу не мог ступить. Тина позвала меня помочь. Я приняла во всем деятельное участие. В предсмертный час Тина была поражена спокойной, обдуманной уверенности на до неузнаваемости исхудавшем лице мужа. Я тактично ушла на кухню. Между

ними могли быть разговоры, не предназначенные для посторонних ушей. Потом он начал метаться, точно искал что-то. Меня потребовал для исповеди.

Ушел, оставив всем нам ужасное осознание непоправимости происшедшего, а Тине, помимо всего прочего, покой и прохладную умиротворенность вдовьей доли. Странно, но всё будто встало на свои места... Я, наверное, жестко выражаюсь, но то был уже не первый момент моей надорванной веры в человеческие силы и возможности. Я сама то Всевышнего приплетать стала, несмотря на атеистическое воспитание, то мистику... Слишком сложен человек, чтобы раскладывать его характер по полочкам. Я про Кирилла. Под завесой тайны прожил он свою странную, непутевую жизнь.

Последние слова Кирилла принадлежали мне. Я была вне себя от его жестокости. Одно дает мне малое успокоение – надежда, что он был в состоянии прострации и не ведал, что бормотал, кого выкликал, прощаясь с жизнью. Конечно, я понимала, что то, что он мне шептал, его уже ни к чему не обязывало... Я не могу поверить, что он говорил это намеренно. Сотворить такое... А говорят, мы себя глубже проявляем, когда нам плохо.

В его последние минуты мы разговаривали только глазами. Жанна, никому не говори про это. Тина не слышала, ее в те минуты не было рядом, она священника вздумала по телефону вызывать, чтобы облегчил уход мужа. Чудачка...

– Это ее право. Может, ей от этого самой стало бы легче

и спокойнее, – осторожно заметила Жанна.

– Знаешь, я тогда сразу вспомнила отчима Лены, который, желая напоследок поиздеваться, – она стояла за ширмой, в изголовье его дивана и все слышала – будучи в трезвой памяти не говорил ее матери добрых прощальных слов, а, поглядывая на нее с кривой ехидной усмешечкой, то сладострастно, то умильно вздыхая, вспоминал свою последнюю любовницу. А ведь они прожили вместе пятьдесят семь лет! И Лене не позабыл нагадить, пытаюсь заразить раком. Ее трясло, выкручивало, каждая клеточка протестовала, перед глазами все плыло и колыхалось, а тонкие бледные губы отчима растягивала саркастическая, демоническая, счастливая улыбка. До последнего был прямо как... вурдалак, кровопийца. О, черт!..

– Нашла о ком вспомнить... Кирилл не такой! – рассержено зашептала Жанна.

– Прости, прости. Мозги поплыли, – оправдалась Инна.

И словно для пущей убедительности или для того, чтобы отвлечься от мыслей о Лене, она добавила:

– Жизнь, любовь, смерть – это лишь формы случая... Но теперь мне кажется, будто что-то в таком роде и должно было произойти с Кириллом. Судьба одной рукой дает, другой забирает. И никаких поблажек... В этом мое осознание ее всеисилия?..

– Перестань! В тебе говорит отчаяние, а в нем нет ничего хорошего.

– Кирилл ушел в другую реальность и свою неуловимую тайну унес с собой.

– В нереальность ушел. Думаю, там ему хорошо.

Но Инна вздохнула:

– Я представить в ту нашу последнюю встречу не могла, что пройдет всего ничего... и мы будем лишены возможности вот так же стоять рядом, пусть даже ссориться... Мне теперь его почему-то не хватает, и это как-то совсем глупо. Он открывался, открывался, я находила в нем что-то новое... Мне никогда уже не узнать, каким он был на самом деле, что роилось в его, возможно, неповторимо талантливой голове. Он мог бы крупно существовать? Но не случилось?

– У Кирилла была душа голубя, жившего в клетке своих слабостей, из которых он не мыслил, как вырваться, – подвела итог разговору Жанна.

– А я Валю вспомнила, ее солнечный характер. В утро ее ухода сначала пунцовым светом взорвались окна микрорайона, потом алым и ярко-оранжевым пожарищем запылали стекла высоток. Весь город ослепительно сиял! Поразительное было зрелище! Разгорался морозный январский день, праздник рождества Христова, – задумчиво произнесла Аня.

*

Лена, пытаясь прийти в себя от печального известия, горестно подумала: «Из многочисленных деталей, наконец, сложилась более или менее понятная картина жизни Кирилла. Рассказ Инны добавил последние недостающие фраг-

менты и краски. У каждого из нас единственная неповторимая жизнь: счастливая – несчастливая, удачная – неудачная, со всеми вытекающими отсюда последствиями... Еще один преждевременно покинул нас, не справившись со своей судьбой или с собой... Не прислушивался к своему сердцу, не пытался понять, что ему было назначено там, наверху... Неожиданно отлетел его последний листок календаря. И ведь тоже хотел жить правильно... Кто знает, почему так больно отдается в моем сердце судьба каждого ушедшего однокурсника? Будто хоронишь часть своей души. Потому что я невольно примеряю ее на себя? По причине возраста, нездоровья или сочувствия?

Тину жаль. А может и правда есть такое понятие как «неспособность к счастью»? Ведь есть же люди неспособные к любви, вернее, они любят только себя. Таких я много встречала. А вдруг именно таким Тина и видела свое счастье? Тогда это ужасно. Не дорасти до понимания высокого... Только служение, да еще и недостойному... По ее получается, что жизнь – это боль. И только тот, кто ее испытал, может ценить жизнь? Ерунда какая-то... Любить, значит жалеть. В этом есть что-то религиозное или истинно русское? Это генетическое свойство только женщин? Мужчины тоже подвержены?..

Лена вздохнула. Что-то далекое, но очень дорогое коснулось ее сердца. В глазах появились слезы. Она с грустью подумала:

«Помнится, изначально психологическая установка каждой из нас была очень даже оптимистичной. Навязчивые пессимистические мысли о невозможности найти взаимную любовь и о труднопреодолимом одиночестве человеческой души появились много позже. Всякий человек, в той или иной степени, проходит через самопознание и мучительное изучение своего объекта любви, но этот опыт не всегда бывает удачным. Вот анализирую жизнь Кирилла, Дмитрия, Михаила, Бориса – со слов подруг, конечно, – и сразу приходят на память слова Чехова: «Жизнь проста. Надо приложить много сил, чтобы ее испортить».

Очаровываться можно в любом возрасте, но что это дает? Поддержку?.. Где она, эта любовь, способная одновременно глубоко затронуть сердца обоих? Ау-у...»

2005 г.

Продолжение следует.

Контакты

Уважаемый читатель! Буду Вам благодарна, если Вы поделитесь мыслями о моих книгах на сайте, где скачали эту книгу. Если проблемы, поднятые в моих книгах, созвучны с Вашими переживаниями и взглядами на жизнь, или Вы хотите поделиться эмоциями или историями лично – вот мои контакты:

Вконтакте:

<https://vk.com/shevchenko.larisa>

Сотовый:

+7-919-162-6620

Skype:

e.shevchenko25021945

email:

larisa.shevchenko.lipetsk@yandex.ru

Сайт:

<http://larisashevchenko.ru/>

Пишите, звоните. Буду рада общению!

Дизайн обложки – Дмитрий Милованов

ISBN 978-5-91556-664-3

© Л.Я. Шевченко, 2020

Об авторе

Родилась Лариса Яковлевна Шевченко 14 марта 1945 года. Она взяла всё лучшее от своих воспитателей, школьных учителей, а затем ученых и педагогов МГУ, ВГУ и НИФХИ. Взяла, чтобы на протяжении десятилетий отдавать знания, житейский инравственно-духовный опыт будущим учителям – студентам ЛГПУ. В 2004г. Л.Я. Шевченко была награждена медалью-знаком за заслуги перед Липецким государственным педагогическим университетом и Почетной грамотой Липецкого областного Совета депутатов. Грустное детство, голодное, но веселое студенчество, трудная, но

счастливая молодость, – такой емкой триадой определила Лариса Яковлевна сущность формирования своей личности, глубинные ее родники.

В 1999 году увидела свет ее первая книга для школьников «В барбарисовых джунглях», а затем одна за другой пришли к читателям ее «Уроки на скамейках», «Проталины», «Пробуждение», «Лестница надежд» и двухтомник «Надежда».

В 2014 году Лариса Яковлевна представила на суд читателей заслуживающее серьезного внимания произведение для взрослых – двухтомник «Вкус жизни». За ним последовали «Реквием», «Любовь моя», «Ее величество», «Дневник замужней женщины», «Тина».

В произведениях Л. Шевченко мы ощущаем прежде всего любовь к людям. Ее книги утверждают добро как одну из главных ценностей жизни – и детской, и взрослой. Лариса Яковлевна – член Союза писателей России, чье взыскующее слово востребовано не только юными читателями. Она лауреат первой премии областного конкурса «Достижения в области культуры и искусства» (2006г.); литературных премий имени И.А. Бунина (2011г.) и премии имени Е.И. Замятина (2013г.); лауреат премии «Золотое перо Московии» (Москва, 2015г.), лауреат премии имени Алексея Липецкого (2019г.). Награждена медалью Ивана Бунина за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы (Москва, 2015г.).

Л.Я. Шевченко – действительный член Петровской акаде-

мии наук и искусств (Санкт-Петербург, 2015г.).

*Борис Шальнев,
член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры Р.Ф.,
лауреат литературных премий имени И.А. Бунина*